

ФАНТАСТИКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ЕСДИ

3'2012

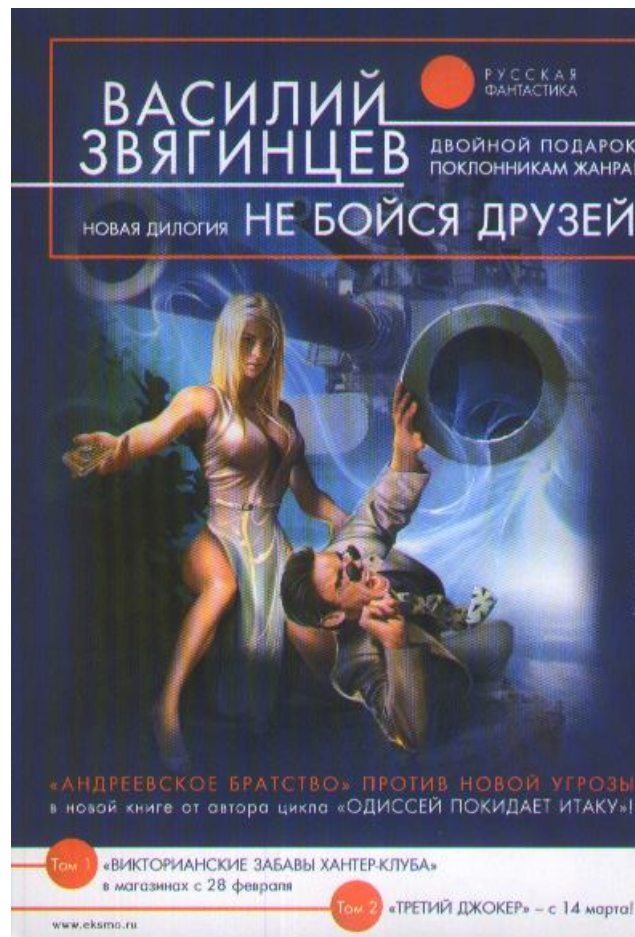
ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU

КАРЛ ШРЁДЕР
В ДАЛЕКОЙ СИЛЕНИИ

МАЙКЛ СУЗВИК
ЛАЙЗА ГОЛДСТАЙН
АЛЕКСЕЙ КАДУГИН
КАРЛ ФРЕДЕРИК

СЕРГЕЙ МАКСИМОВ:
ПРЯЖА СЮЖЕТОВ

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

ДВОЙНОЙ ПОДАРОК ПОКЛОННИКАМ ЖАНРА!

НОВАЯ ДИЛОГИЯ НЕ БОЙСЯ ДРУЗЕЙ

**«АНДРЕЕВСКОЕ БРАТСТВО» ПРОТИВ НОВОЙ УГРОЗЫ
в новой книге от автора цикла «ОДИССЕЙ ПОКИДАЕТ ИТАКУ»!**

Том 1 «ВИКТОРИАНСКИЕ ЗАБАВЫ ХАНТЕР-КЛУБА» в магазинах с 28 февраля

Том 2 «ТРЕТИЙ ДЖОКЕР» - с 14 марта!

www.eksmo.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Александр ШАЛГАНОВ.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:

Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:

Дмитрий БАЙКАЛОВ.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Екатерина АРОЯН.

СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ:

Инесса ЛУГАЧЁВА.

ВЕРСТКА:

Татьяна МУРИНА.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:

Эдуард ГЕВОРКЯН, Александр ГРОМОВ, Олег ДИВОВ, Марина и Сергей ДЯЧЕНКО, Евгений ЛУКИН, Сергей ЛУКЬЯНЕНКО, Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:

Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:

www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:

if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:

МОСКВА, 119435,
Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:

8(499)248-08-90 (доб. 201).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

ИД «Любимая книга»,
тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:

IP Media (США), Издательский дом «Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:

ЗАО «АРИА-АиФ», ООО «Горпечать», ЗАО «Сейлс», ЗАО «Центропечать», «АПР», ЗАО «Наша пресса», «Формула Делового мира», ООО «Метропресс» (С.-Петербург), «Урал-пресс», ООО «Желдорпресс ГП», «Деловые издания», «Артос-ГАЛ», «Интер-почта-2003».

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография»
143400, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный кв., д. 2.
Зак. 941.

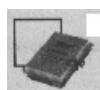
Тираж 12 000 экз.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку только на страницах журнала.
Редакция не несет ответственности за содержание рекламных объявлений.
©«ЕСЛИ», 2012

ФАНТАСТИКА № 3 (229)
ISSN 1680-645X

ЕСЛИ

3 Лайза ГОЛДСТАЙН

РАЙ - ЭТО САД ОГОРОЖЕННЫЙ

Стоит чуть сместить фокус, и вся история человечества будет выглядеть иначе.

177 Карл ШРЁДЕР
В ДАЛЕКОЙ СИЛЕНИИ

Так как же все-таки примирить действительность и виртуальные миры? И возможно ли это в принципе?

43 Карл ФРЕДЕРИК

ЛИКАНТРОПИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП

Существует множество способов приспособиться к изменяющимся временам.

65 Майкл СУЭНВИК

КАМЕНЬ ОДИНОЧЕСТВА

Знаменитый писатель утверждает почти забытую истину: цель никогда не оправдывает средства.

83 Алексей КАЛУГИН

СЛАЙДЕРЫ

«Черные археологи» осваивают космос. Правда, коммерция превратилась в спорт.

131 Бернارد ШНАЙДЕР

РУТИНА

До чего же трудно разобраться с этими множественными реальностями...

145 Сергей МАЛИЦКИЙ

ТОЛКОВАНИЕ

У них осталось лишь одно решение. Но выбор далеко не всегда бывает рационален.

233 Билл ДЖОНСОН

ЧУМБАЛОН

Реальная политика весьма отличается от того, как ее описывают в газетах и преподносят по телевидению. И если вдуматься, то никакая это не фантастика.

117 Андрей НАДЕЖДИН

КОГДА НЕ БЬЮТ ЧАСЫ

Еще один именитый режиссер стал гостем страны Фантазии.

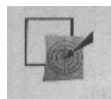
123 Аркадий ШУШПАНОВ, Дарья ЗАРУБИНА

НОВЫЕ СФЕРЫ

Если у вас есть дети, значит, вы хорошо знакомы с героями сериала. Неужели не нашли что-нибудь и для себя?

120 ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

Чем дальше в паропанк, тем толще пушки.

251 Сергей МАКСИМОВ

ИГРА В ЦИВИЛИЗАЦИЮ

Одно из самых заметных явлений западной НФ последних лет можно сравнить с телескопом. Однако в данном случае предстоит взглядываться не в небо, а в прошлое.

257 Сергей ШИКАРЕВ

КАНДИД И ПРОСТОДУШНЫЙ

Виктор Пелевин пытается удержаться на волне актуальности. Как это получается, судить нашей аудитории.

253 РЕЦЕНЗИИ

Любопытно, сколько из рекомендованных (или отвергнутых рецензентом) книг наш читатель может прочесть за месяц? А нужно ли осваивать все? Выбор за вами.

264 КУРСОР

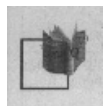
Очень прожорлив наступивший год Дракона. Судя по новостям, он весьма голоден.

259 Вл. ГАКОВ

ЧЕРНЫЙ БУНТАРЬ

В самом деле, этот чернокожий джентльмен всегда умудрялся жить как-то «поперек» и книги писал вопреки форматам, правилам и нормам приличия.

267 ПЕРСОНАЛИИ

Какое разнообразие имен: от абсолютных новичков для читателей журнала до мэтров!

ЛАЙЗА ГОЛДСТАЙН

РАЙ - ЭТО САД ОГОРОЖЕННЫЙ

Иллюстрация Людмилы ОДИНЦОВОЙ

Медная стрелка на шкале качнулась в красный сектор, и Тейп метнулась к водяному насосу. Наполнив ведро, поспешила вернуться к гомункулусам, которым угрожал перегрев, и вылила воду в специальное отверстие скамьи. Вырвавшаяся струя пара заставила ее отпрянуть. Когда пар развеялся, Тейп наклонилась к шкале. Стрелка поколебалась и вернулась в сектор нормы.

Она выпрямилась и окинула взглядом огромный цех мануфактуры. Гомункулусы сидели за рабочими столами, штампуя раскаленное железо могучими ладонями и спихивая сформованные изделия в специальные корзины. Их медные и бронзовые торсы были приварены к скамьям, а под сиденьями множество змеящихся шлангов уходило через пол в подвал. Над рабочими столами по специальным рельсам двигались ковши, из которых расплавленный металл выливался в формы на столах. По всему залу носились подростки-подсобники, оттаскивая от столов наполненные корзины, проверяя клапаны и

показания приборов, подливая воду, уворачиваясь от струй пара.

Одна из корзин заполнилась готовыми изделиями. Тейп оттащила ее в сторону, заменила новой, затем поволокла тяжеленную корзину из цеха. Слаженный ритм работы гомункулусов гроыхал повсюду; он ощущался даже сквозь этажи.

Тейп остановилась. Что-то было не так. Один из гомункулусов вдруг сделал движение, слегка выпадающее из общего ритма. Тейп поспешила к приборной шкале, вмонтированной в скамью.

Увиденное, несмотря на царившую в зале жару, заставило ее похолодеть. Стрелка металась туда и обратно через всю шкалу - такого Тейп никогда еще не видела.

Она подняла глаза. Тот самый, выбившийся из ритма гомункулус теперь тянулся к проплывающему над столом ковшу с расплавленным металлом.

Тейп схватила уходящий в подвал шланг и изо всех сил дернула. Но шланг был слишком плотно закреплен, она его даже пошевелить не сумела.

- Помогите! - закричала она.

- Эй, ты! - донеслось сверху. Тейп подняла глаза. Из кабины под потолком цеха, откуда был виден весь зал, через переговорную трубу кричал мастер: - Ты что делаешь? Не трогай шланг!

Шланг наконец поддался и теперь болтался свободно, гомункулус замер, его руки все так же тянулись вверх. Тейп лихорадочно огляделась. Другие гомункулусы тоже тянулись к ковшам, стаскивали их вниз и опрокидывали, выливая на пол расплавленное железо. Один из них метнул ковш в паренька-подсобника. Ковш попал тому в живот, расплавленный металл пролился по ногам, и парень заорал от боли.

Тейп поняла, что не сможет быстро выдернуть все шланги. Другие подсобники бежали к дверям, и она пустилась за ними.

Выбравшись наружу, они бессмысленно кружили по двору или сбивались в кучки и нервно перетапывались на месте. Тейп заглянула в дверь цеха и увидела, что мастер все еще что-то выкрикивает в переговорную трубу. Оставалось надеяться, что он отдает команды людям в подвале, чтобы те остановили машины.

Медленно, очень медленно гомункулусы прекратили свои беспорядочные движения. Они замерли в разных позах: один поднял над головой руку, другой неловко сжимал ковш с расплавленным металлом в ладонях, предназначенных для штамповки металлических изделий, а не для того, чтобы что-нибудь держать. Как раз когда Тейп заглянула в цех, ковш выскользнул из рук гомункулуса и с грохотом обрушился на пол.

Несколько подсобников вытащили наружу раненого паренька. Его лицо было очень бледным; Тейп решила, что он потерял сознание. Другие подростки торопливо попрощались друг с другом и стали

расходиться по домам.

Тейп тоже подумала, не отправиться ли домой, но тогда она пропустит день работы, а деньги сейчас ой как нужны. Может быть, мастер Лоутон найдет для нее какое-нибудь занятие. Была и еще одна причина остаться: ей очень хотелось узнать, что же случилось. Тейп никогда не видела, чтобы гомункулусы вот так взбунтовались и отказались выполнять задания.

Из подвала начали выходить мужчины с черными от угольной пыли лицами и руками. Это были кочегары, которые скармливали уголь в топки машин. Затем - ждать пришлось довольно долго - из своей кабинки спустился мастер.

Он быстро прошел вдоль рядов неподвижных гомункулусов. Один из них с широко раскрытыми бронзовыми глазами, казалось, смотрел прямо на мастера.

- Эй, ты! - крикнул мастер, заметив стоящую в дверях Тейп. - Откуда ты узнал, что произойдет?

Тейп слишком поздно сообразила, что нарушила свое главное правило - никогда не привлекать внимания начальства. Она повернулась и побежала прочь. Мастер, изрыгая проклятья, бросился за ней.

- Что ты сделал? - кричал он. - Ты что, причастен ко всему этому?

Тейп только ускорила бег и сломя голову мчалась по улице, натываясь на людей, собак и телеги. Гомункулус, направлявшийся, лязгая руками и ногами, по какому-то своему заданию, медленно двигался в ее сторону. Тейп поспешно обогнула его по широкой дуге, затем перепрыгнула через сточную канаву, тянущуюся посередине улицы.

Она не могла остановиться, не могла позволить мастеру поймать себя. Девушкам запрещено работать на мануфактурах, ей пришлось переодеваться мальчишкой, чтобы заполучить работу.

Но она уже начала задыхаться. И ноги у нее были короче, чем у мастера, и туго стянутая лентами грудь - чтобы не могла ее выдать - начинала гореть.

Она обернулась как раз тогда, когда мастер сделал решающий рывок. Он настиг ее и схватил за ухо.

- Ты зачем убежал? - рявкнул мастер. - Ты что задумал?

- Ничего. Ой!

- Ничего? Ни в чем не повинный парень убежать не станет. Что ты там делал со шлангом?

- Ну, вы же сами видели. Они начали неправильно двигаться. Я просто хотел их остановить, вот и все.

- Они еще не успели пойти вразнос, а ты уже пытался вытащить тот шланг. Откуда ты знал? Может, ты как-то связан с тем, что там, - мастер махнул рукой в сторону мануфактуры, - произошло?

- Нет, конечно, нет!

- Тогда зачем убежал?
- Я боялся, что вы рассердитесь.
- Что ж, здесь ты прав. Пойдешь со мной, буду с этим делом разбираться.

Мастер повернулся и двинулся в обратный путь. Тейп попыталась еще раз вырваться из его хватки, но лишь для проформы - она понимала, что убежать не сможет.

Все подростки-подсобники уже разошлись, когда они снова оказались на территории мануфактуры.

- А что случилось с тем пареньком? - спросила Тейп.
- С каким? - не понял Лоутон.
- Ну, с тем, что получил ожоги. Его унесли?

Лоутон только плечами пожал. Какой-то человек, весь покрытый угольной пылью, вышел из здания и направился к ним.

- Пока вас не было, поступил вызов по переговорной трубе, мастер Лоутон, - сказал кочегар. - Из Уайт-холла.

- Вы... вызов? - переспросил Лоутон.
- Ага, из Уайт-холла.

- Уайт-холл? Ты имеешь в виду от королевы Елизаветы?

- Ну, не от самой, конечно. Говорил какой-то клерк... Но она хочет вас видеть, - кочегар почтительно понизил голос. - Она выслала за вами паромобиль.

Лоутон что-то пробормотал под нос. Звучало как ругательство. Тейп припомнила и другие случаи, когда какие-то действия королевы вызывали схожую реакцию мастера. Она не понимала, почему мастер столь явно недолюбливает августейшую особу.

- Ты, - обратился Лоутон к Тейп, - не отходи от меня. Нужно, чтобы ты все объяснил королеве.

Тейп внезапно ощутила радость. У нее не было ни одного знакомого, который побывал бы внутри паромобилля, не говоря уже о том, чтобы в нем прокатиться. Но, разумеется, она сделала все возможное, чтобы скрыть от Лоутона свой восторг. Он был представителем мира взрослых, обладающим достаточной властью, чтобы всего несколькими словами изменить всю ее жизнь.

Паромобиль подъехал к ним, покачиваясь на четырех колесах, как новорожденный теленок. В передней его части на высоком сиденье находился человек в больших круглых очках. Подъехав поближе, он потянул какой-то рычаг, и машина, дернувшись, остановилась. Человек спрыгнул на землю и открыл дверцу салона.

Лоутон подтолкнул Тейп, забрался сам, и они уселись рядом на скамье, покрытой мягким темно-красным бархатом. Внутренность машины освещали две газовые лампы по сторонам салона. Их рожки были сделаны в виде цветов. Тейп потянулась было к кранику, чтобы посмотреть, как регулируется яркость, но Лоутон прикрикнул на нее:

«Не трогай ничего!», и она поспешно отдернула руку.

Паромобиль загрохотал по мостовой. Мастер отвернулся от Тейп и, не отрываясь, глядел в окно. Теперь у нее появилась возможность разглядеть Лоутона повнимательнее, и она увидела, что мастер гораздо старше, чем она думала. Возможно, ему уже сорок. У Лоутона были темные глаза и волосы и узкое, вечно нахмуренное лицо, как будто он упустил что-то важное и никак не мог припомнить что.

Тейп бросила взгляд на собственное отражение в стекле. Она знала, что выглядит куда младше своих 14 лет - совсем еще детская круглая мордашка, карие глаза и каштанового цвета волосы, которые она довольно неловко обкорнала простым ножом.

Паромобиль попал колесом в рытвину, двигатель надсадно взвыл, стараясь вытянуть экипаж. Наконец колесо освободилось, и повозка продолжила путь.

Тейп прильнула к окошку и разглядывала проплывающие мимо улицы. Было утро; гомункулысы взбунтовались почти сразу же после начала рабочего дня. Люди шли на работу или в учебные классы; нищие, заняв свои привычные позиции, выпрашивали милостыню. С каждым днем их становилось все больше - по мере того как рабочие места занимали гомункулысы. Вдали над рядами печных труб поднимался к небу темный дым.

Повозка двигалась сквозь перенаселенный район, где жила Тейп, люди останавливались и провожали ее взглядами. Тейп с трудом сдерживала ухмылку при мысли, что ее домохозяйка может увидеть, как она катит в паромобиле. Скорее всего, Агнесс ее просто не узнает. Каждый день, отправляясь на работу, Тейп забегала в темный тупик, чтобы переодеться и туго забинтовать грудь. Из тупика выходил уже юный паренек, менялась не только одежда, но даже походка и манера разговаривать. Тейп иногда ловила себя на том, что и думает она в этом облике немного по-другому.

Ей вспомнилось, как три года назад, когда погибли ее родители, Агнесс, казавшаяся всегда такой доброй и ласковой, пригрозила выкинуть ее на улицу, если она не сможет платить за комнату. Тейп неделями пыталась устроиться на какую-нибудь мануфактуру, но каждый очередной мастер говорил одно и то же: мануфактуры слишком опасны, девицам там не место. В конце концов она надумала прикинуться парнем, после чего ее взяли на работу в первом же месте, куда она ткнулась.

И с самого начала ее зачаровали машины. Когда на мануфактуру приехал мастер из Аль-Андалуза, чтобы установить несколько новых гомункулусов, она буквально прилипла к нему и таскалась за ним - к вящему его неудовольствию - как тень. Тем не менее она ухитрилась научиться от него арабским цифрам, которые отличались от привычных римских и которыми гораздо удобнее пользоваться.

Правда, больше ничего узнать не удалось. Кожух любого поставляемого из Аль-Андалуза устройства всегда был наглухо заварен, и если кто-нибудь на мануфактуре пытался его вскрыть, вся внутренняя машинерия оказывалась почти полностью разрушенной.

Паромобиль повернул, взревел, содрогаясь, как будто собирался рассыпаться на части, но все же проехал еще несколько ярдов, прежде чем остановиться. Дверца открылась.

- Мы на месте, сэр, - сказал водитель Лоутону.

Над ними нависали стены дворца высотой в пять или шесть этажей. Водитель провел их к одной из дверей, пригласил войти и препоручил заботам человека в ливрее.

Вслед за ним они прошли под высокими сводчатыми потолками холла по мраморному полу, выложенному в шахматном порядке черными и белыми плитами, проследовали многочисленными переходами, увешанными портретами и гобеленами, и анфиладами комнат с цветными стеклами в окнах и с потолочными балками, украшенными столь изощренной резьбой, что они казались слишком хрупкими, чтобы держать на себе тяжесть перекрытий. Залы освещались свисающими с потолков люстрами газового света.

Тейп только успевала вертеть головой, взирая на все расширенными от восторга глазами. Лицо Лоутона оставалось непроницаемым, казалось, ничто из увиденного не производило на него никакого впечатления. Или же он старательно напускал на себя такой вид.

Наконец они подошли к помещению, которое охраняли два гомункулуса с поднятыми серповидными мечами. Человек в ливрее негромко произнес пароль, гомункулусы опустили мечи и распахнули дверь.

- Ее Величество Елизавета, милостью Божьей королева Англии и Ирландии, - произнес один из гомункулусов низким, гулким голосом. Они вошли. Королева Елизавета сидела во главе длинного стола, ее руки покоились на подлокотниках высокого резного кресла. Робкий взгляд Тейп выхватывал какие-то детали ее одеяния: черная юбка, корсаж, рукава с буфами и высокий накрахмаленный воротник. Все усеяно золотыми пуговицами и большими квадратными рубинами и изумрудами. На шее в несколько рядов нитки черного жемчуга. По сторонам от нее стояли два гомункулуса с мечами. По сравнению с работающими на мануфактуре они выглядели жестокими и злобными - ноздри раздуты, рты искривлены глумливыми ухмылками, густые брови грозно нахмурены.

За столом сидела группа мужчин. Лоутон поклонился королеве, и Тейп поспешно повторила его движение.

- Отлично, - произнесла Елизавета. - Вы - Генри Лоутон. По крайней мере так вас назвал человек из моей мануфактуры, ответивший на наш вызов. Но кто этот пострел рядом с вами? И что там у вас стряслось?

Елизавета смотрела на Тейп, а та видела, насколько стара королева, не просто стара, а чудовищно стара, она была древнее любого, кого только видела Тейп в своей жизни. Ее лицо было сильно напудрено, в морщинах и складках кожи пудра сбилась в комки. Ее волосы были неестественно ярко-рыжими, а гнилые зубы почти черными.

Лоутон прочистил горло.

- Гомункулусы... они все разом прекратили работу. Они срывали ковши и разливали расплавленный металл... А этот мальчик, похоже, знал, что произойдет, еще до того, как все началось...

Елизавета повернулась к Тейп.

- Как тебя зовут, дитя? - спросила она.

- Тейп.

- Мастер Лоутон утверждает, будто ты знал, что гомункулусы вот-вот взбунтуются. Откуда ты мог это знать? Ты имеешь к этому какое-то касательство?

- Нет! Нет, я бы никогда ничего такого себе не позволил. Просто одна из этих обезьян... э-э, я имею в виду, один из гомункулусов, начал двигаться как-то странно, быстрее других. Тогда я посмотрел на приборную шкалу, а там... Ну, обычно стрелка колеблется между пятьюдесятью и шестьюдесятью, а когда она заходит в поле между восьмьюдесятью и девяносто, это значит, что надо подлить воды для охлаждения. Но на этой шкале, там...

- Подожди, - прервал ее Лоутон. - Что ты имеешь в виду? Там на шкале вообще нет никаких чисел! Воду вы должны подливать, когда стрелка заходит в красный сектор.

- Но они там есть. Мне их показал один человек. Просто это не наши цифры, которые на часах и на других вещах... римские цифры, как он их назвал. А у них свои собственные...

- Парень говорит про арабские цифры, - сказал кто-то за столом.

- Да, верно, арабские. Ну, так вот, стрелка просто металась между числами пятьдесят, потом девяносто, а затем снова пятьдесят или шестьдесят. Тогда я повнимательнее пригляделся к обезьянам, а когда одна из них начала тянуться к ковшу...

- У тебя есть какие-нибудь догадки, почему они повели себя так? - спросила Елизавета.

- Нет, - ответила Тейп.

- А все эти арабские колдуны, миледи... - заявил какой-то пожилой человек из сидящих за столом. - Не следовало позволять неверным продавать нам эти их механизмы.

- Нонсенс, - отрезала Елизавета. - Начать с того, что они вовсе не колдуны, а адепты натурфилософии. И нам тоже нужна натурфилософия, если мы хотим видеть Англию сильной.

- Да чем же она рознится от колдовства? Коли неживые создания ходят и разговаривают, то кто ж они как не демоны?

- Потому что я тебе говорю, Бёрли: это не так! - раздраженно сказала Елизавета. - Потому что я бесчисленное количество раз говорила тебе...

- Потому что мы знаем, как они работают, - прервала ее Тейп. Лоутон при этих словах дернулся, как будто ожидал вспышки королевского гнева. Однако Елизавета и бровью не повела. А Тейп продолжала торопливо говорить, изо всех сил стараясь, чтобы ее поняли. - А они все время работают одинаковым образом. Мы знаем, что если нагреть воду, то получится пар, а пар можно использовать, чтобы вращать колеса, двигать клапаны или... ну, вообще все, что вам нужно.

- Но сейчас-то они уже не работают как обычно, не так ли? - с сарказмом в голосе произнес человек, которого королева назвала Бёрли. - Ты говоришь, что знаешь, как они действуют, что ж, хорошо, тогда почему они бунтуют?

- Я... я не знаю, - пролепетала Тейп. - Может быть... ну, может, кто-то заставил их взбунтоваться, что-то сделал с их колесами, зубцами и прочими деталями, изменил их...

- Что и требовалось доказать, - воскликнул Бёрли. - Как я и говорил: происки сарацинов! Кто ж еще может манипулировать гомункулусами? Они что-то сделали с этими машинами и теперь те не желают работать, ведь так?

- Это не то, что они не желают работать, - слова Тейп напоздали друг на друга, так она торопилась все объяснить. - Гомункулусы не могут чего-то желать. Они созданы, чтобы делать то, что мы им прикажем.

- Это верно, - подтвердила Елизавета. - Они лишены свободной воли. Тейп заинтересовалась - что такое свободная воля? Но, разумеется, никто не стал ей этого объяснять.

- Однако, похоже, сейчас у них появилась свободная воля или что-то вроде этого, - сказал горбатый молодой человек из сидящих за столом.

- Не будем забивать себе головы, - ответил Бёрли. - Вопрос заключается в том, сможем ли мы их починить?

- Я уверен, что кто-то может это сделать, - заявила Тейп. - Но не я, конечно. Я слишком мало знаю.

- Посол Аль-Андалуза должен знать, - предположил Бёрли. - Как там его зовут?

- Башир ибн Тарик аль-Куртуби, - сказала Елизавета. Она повернулась к одному из стоящих по бокам гомункулусов. - Отправляйся и приведи сюда посла Аль-Андалуза.

Гомункулус вышел из помещения, но громкий лязг его ног по мраморном полу был еще долго слышен. Собравшиеся в зале молча ждали его возвращения. Елизавета сидела, выпрямившись, и барабанила пальцами по подлокотнику резного кресла.

Наконец гомункулус вернулся.

- Башир ибн Тарик аль-Куртуби, - провозгласил он невыразительным

голосом.

Вслед за ним в комнату вошел темнокожий мужчина. Тейп вытаращила на него глаза. Человек из Аль-Андалуза! В отличие от склонного к суевериям Бёрли, Тейп не верила в колдунов, но если бы верила, то представляла бы их именно так: длинная борода, полосатый халат, тюрбан на голове.

Королева предложила послу сесть и вкратце описала все, что произошло на мануфактуре.

- Нижайше прошу принять мои глубочайшие извинения, Ваше Величество, - отозвался посол. Он говорил с легким акцентом, произнося слова с каким-то едва уловимым журчанием или курлыканием. - Я не понимаю, что произошло. Я сам никогда не видел и никогда не слышал от других, чтобы гомункулусы вели себя подобным образом.

- Ваших извинений недостаточно, господин Ибн Тарик, - сказала Елизавета. - Может быть, ваши люди хотят уничтожить наши мануфактуры?

- Нет! Конечно же, нет!

- В чем же тогда дело? Мы заплатили за ваши механизмы; мы, полностью вам доверяя, доставили их в свою страну... Союзники так не поступают...

- Я прямо сейчас свяжусь с Аль-Андалузом, Ваше Величество, и постараюсь выяснить, чем можно объяснить произошедшее.

- У меня есть мысль получше. Я пошлю в Аль-Андалуз несколько своих людей, чтобы они тщательно изучили эти механизмы. А ваши люди должны будут совершенно точно объяснить моим, как работают гомункулусы и как могло произойти то, что случилось на моей мануфактуре.

- Я... мне надо спросить об этом у калифа, Ваше Величество, - несколько сбивчиво произнес Ибн Тарик.

- Тогда ступайте, - напутствовала Елизавета. - И не затягивайте с ответом.

Посол поклонился и вышел из зала. «Так значит, во всей Англии никто не знает, как работают гомункулусы», - подумала Тейп. Она об этом и раньше догадывалась и всегда этому удивлялась. А сейчас сразу сообразила, что королева Елизавета просто-напросто шантажировала арабов. Они теперь вынуждены будут поделиться своими секретами, если не хотят, чтобы слухи о бунте гомункулусов дошли до третьих стран. Многие называли Елизавету мудрой королевой, а иные - из тех, кто недолюбливает женщин, - хитрой и коварной. До сегодняшнего дня Тейп не понимала почему.

Ибн Тарик вернулся гораздо быстрее, чем ожидала Тейп. Неужели существуют переговорные трубы, которые могут дотянуться до Аль-Андалуза? Как такое возможно?

- Калиф Исмаил согласился, - провозгласил Ибн Тарик. - Он будет рад принять трех англичан во дворце в Кордове.

- Хорошо, - ответила Елизавета. - Благодарю вас.

Она отпустила посла и, когда тот вышел, обратилась к Лоутону:

- Я хочу, чтобы вы были одним из этих трех - вы все-таки кое-что знаете про эти устройства. А ты... - она кивнула в сторону Тейп, - ты отправишься с ним в качестве слуги.

Тейп ощутила восторг. Она поедет в Аль-Андалуз! Увидит место, где создают машины!

- Слуги? - переспросил Лоутон. - Если мне понадобится слуга, то я предпочту гомункулуса.

Труд людей ценился все ниже и ниже, по мере того как гомункулусы вытесняли их с рабочих мест. А среди богачей распространилась мода и на слуг-гомункулусов. Снобы были в восторге от этой новинки.

- Глупости! - осадил Лоутон Елизавета. - Парень будет слугой не по настоящему. На самом деле он займется шпионажем, раскапывая секреты арабских устройств. Никто не обращает внимания на слуг или детей. А его даже и в расчет принимать не станут, так что я смогу послать не троих, а четверых.

Королева внимательно посмотрела на Лоутона и Тейп.

- А вы пока что останетесь во дворце, - заявила она. - Хочу, чтобы вы были под присмотром.

* * *

В течение нескольких дней специальные наставники водили Лоутона и Тейп в королевские мастерские при дворце и рассказывали им все, что знали об арабских механизмах. Подозрения Тейп оказались верными: в Англии не было человека, который знал бы про эти устройства хоть что-нибудь существенное. Но она все равно проводила большую часть времени в мастерских, где возилась с зубчатыми колесами, передачами, трубами и калибровочными инструментами. Одни ее догадки относительно механизмов оказались правильными, другие - нет. Тейп это не смущало - все, чего она добивалась, это знания.

Кроме устройств, работавших в королевских мастерских, все остальные машины в Англии были остановлены. Еду подавали с опозданием, почта задерживалась или вообще терялась, в помещениях скапливалась пыль. Во дворце все пребывали в напряжении; слуги и придворные обсуждали новости и порой до поздней ночи спорили.

Наставники также обучали их истории и обычаям Аль-Андалуза.

Арабы покорили испанский полуостров в 711 году; в последующее время происходило множество конфликтов, стычек и войн между

мусульманами и христианами. Около трехсот пятидесяти лет назад, в середине XIII века, христиане почти выиграли битву у Кордовы и были решительно настроены вернуть весь полуостров. Но тут умер какой-то король, его место занял другой, и арабы отбросили христиан на исходные рубежи,

К истории Тейп относилась равнодушно. Главным было то, что где-то в мире есть люди, которые считали для себя важным заниматься наукой и изысканиями, которые ценили знания ради них самих и которые не вопили, подобно этому старому дураку Бёрли, «колдовство!», когда сталкивались с чем-то, чего не понимали.

Была еще одна причина, почему она не любила уроки истории: наставники то и дело высмеивали ее невежество по разным вопросам. Ей, например, никто никогда не говорил, что Англия находится на острове. Ну, а если и так - какая разница? У Тейп никогда не было причины куда-то из Англии уезжать.

Да, но скоро она действительно уедет, так что, может, это все-таки имеет значение. Арабы собирались отвезти делегацию в Аль-Андалуз на воздушном корабле. Конечно, Тейп уже видела такие корабли, пролетающие высоко в небе, но вблизи - никогда. На что это похоже? И как они вообще держатся в воздухе, и забираются на такую высоту?

На всех этих занятиях Лоутон по большей части молчал. К удивлению Тейп, выяснилось, что в машинах он понимал меньше, чем она. К тому же казалось, что после остановки мануфактуры он вообще впал в какую-то апатию.

Однажды, когда Тейп направлялась в мастерскую, она случайно заглянула по пути в одну из комнат и увидела королеву. Елизавета сидела в окружении множества мерцающих огней, заключенных в стеклянных трубах, про которые Тейп уже выучила, что они называются вакуумными сосудами. Ящик, стоящий перед королевой, испускал странный зеленый свет. Из ящика то и дело доносились какие-то звуки, а однажды королева громко рассмеялась.

Тейп осторожно вошла в комнату. Елизавета повернулась к двери.

- Я знаю, кто ты, - сказала она. - Можешь от меня не таиться.

- Что? - переспросила Тейп, вздрогнув.

- Я знаю, что ты девушка, - пояснила королева, понизив голос. - Неужели ты думала, что твоя маскировка меня обманет? Мне самой приходилось раз или два переодеваться мужчиной.

Тейп не нашлась, что ответить.

- И вам, юная леди, следует выучиться кое-каким азам придворного этикета, - продолжила Елизавета. - Прежде всего, оказавшись лицом к лицу с королевой, ты делаешь реверанс, а когда тебе позволят говорить, обращаешься ко мне «Ваше Величество».

Тейп никогда не приходилось выполнять реверанс, но она попыталась что-то такое изобразить, и это заставило Елизавету снова

рассмеяться.

- А что это за ящик, Ваше Величество? - спросила Тейп.

Королева, похоже, смягчилась.

- Это такая игра, - пояснила она. - Видишь, мне надо попытаться попасть вот по этому мячу ракеткой, а затем отбить, когда он вернется. Что-то вроде тенниса.

- А я думала, что мы не должны пользоваться машинами, - сказала Тейп и добавила: - Ваше Величество.

- Вот тебе еще один урок этикета: ты никогда, ни при каких обстоятельствах не должна критиковать королеву.

Елизавета нажала кнопку на корпусе машины, и зеленый свет погас. Тейп наблюдала это с чувством глубокого разочарования, если не сказать, отчаяния. Больше всего на свете ей хотелось сейчас поиграть в эту игру: посылать мяч ракеткой вперед, а потом отбивать его.

- Почему ты притворяешься пареньком, дитя мое? - спросила Елизавета.

- Чтобы иметь возможность работать на мануфактуре, Ваше Величество.

- Ну, а это тебе зачем понадобилось?

- Я... я ничего другого делать не умею. Мои родители погибли, и я бы просто умерла с голоду, если бы не устроилась на работу.

- Как они погибли?

- На одной из мануфактур на Бишопсгейт-стрит произошел большой взрыв. Моя мама поджидала отца у проходной перед концом смены, и... они оба погибли.

Елизавета какое-то время молчала.

- Печально это слышать, - сказала наконец Елизавета. - К счастью, мануфактуры сейчас стали гораздо безопаснее - мы следим за этим.

Тейп открыла было рот, чтобы возразить, но тут же закрыла его, вовремя вспомнив, что не имеет права критиковать королеву. Мануфактуры не были безопасными, уж это-то она точно знала. Подростки то и дело получали ожоги от пара или раскаленного металла, спотыкались о многочисленные шланги и ушибались, когда бежали с водой, чтобы остудить гомункулусов, да и просто падали в обморок от жары.

- У тебя есть какие-нибудь родственники, чтобы могли о тебе позаботиться? Кто мог бы принять тебя в семью?

- Не знаю, Ваше Величество. Мои родители были фермерами, но им пришлось покинуть деревню, когда их работу стали выполнять машины.

Елизавета покачала головой и переменяла тему.

- Что ж, достаточно скоро ты отправишься в Аль-Андалуз, - сказала она. - Бёрли и другие думают, что я потеряла разум, посылая ребенка вместе с дипломатической миссией. Но женщины видят много такого,

чего мужчины не замечают. Я была третьей в очереди на наследование трона, и ты даже представить себе не можешь, чему я выучилась благодаря умению молчать, быть незаметной и внимательно слушать.

Тейп кивнула. Уж она-то прекрасно знала, что значит молчать и слушать, но ее поразило, что такой важной особе, как королева Елизавета, это тоже знакомо.

- А мастеру Лоутону вы обо мне расскажете?

Елизавета снова рассмеялась.

- Этому мужлану? Да он в обморок упадет, если узнает, что за ним присматривает девица. Нет, это будет нашей маленькой тайной.

Королева повернулась к своей игре.

- Что ж, на этом все, - сказала она.

Тейп изобразила реверанс, на этот раз более успешно, и продолжила свой путь в сторону мастерской. По дороге она встретила Лоутона, негромко беседовавшего с несколькими мужчинами. Он замолчал, когда Тейп проходила мимо, и проводил ее подозрительным взглядом. Что он там задумал? И с кем это он разговаривает?

Тейп прошла в мастерскую и увидела, что кто-то разложил на верстаке внутренности водяных часов. Она поспешила к своему рабочему месту, подхватила инструменты и начисто забыла про Лоутона.

* * *

Неделю спустя Тейп, Лоутона и еще двух выбранных королевой человек отвезли на паромобилиях на поле Финсбери. Серебристый воздушный корабль, принайтованный носовой частью к причальной мачте, покачивался под порывами ветра. На его боках видны были надписи, сделанные арабской вязью. Тейп уже видела такие надписи на машинах в мануфактуре.

Молодой человек с бородкой, в халате и красно-золотом тюрбане поклонился им и сказал:

- Я ваш проводник. Добро пожаловать на борт «Бурака»^{*1}.

Он помог им вскарабкаться по раскачивающейся веревочной лестнице в корзину, подвешенную под днищем огромного основного корпуса воздушного корабля. Когда все уже находились внутри, проводник вручил каждому очки с большими стеклами и показал, как их надо

¹ * *Бурак (ал-Бурак) - в мусульманской мифологии верховое животное, на котором пророк Мухаммед совершил ночное путешествие из Мекки в Иерусалим и вознесение на небеса. (Здесь и далее прим. перев.)*

надевать. Свои он носил прямо под тюрбаном, что придавало ему сходство с совой.

Рабочие принесли к кораблю одного из гомункулов с мануфактуры. Из его поясничной части свисали трубки, а одна из рук была согнута под странным углом. Солнце играло на медном корпусе. Тейп хотела было рассмотреть его поближе, но работяги упаковали гомункула в специальный отсек вместе с другим багажом.

Воздушный корабль начал бесшумно подниматься. Незнакомое ощущение вызвало у Тейп приступ тошноты, но она его подавила и восторженно наблюдала, как поле под кораблем уходит вниз. Внезапно неподалеку раздался рев, как будто рычал громадный зверь, вот только звук был очень ровным и ни на миг не прерывался.

- Это моторы, которые приводят корабль в движение, - прокричал, перекрывая шум, проводник. Ветер раздувал полы его халата. Тейп поправила очки и смотрела, как Темза уменьшается, становится блестящей тропой, лентой, нитью. Луга и поля скользили под ними, все разных оттенков зеленого, как палитра живописца, раз и навсегда полюбившего только один цвет.

Спустя какое-то время зелень перешла в синеву и Тейп сообразила, что они уже летят над океаном. Земля на другом берегу выглядела так же, как и сельская местность в Англии, - просторы всех оттенков зеленого, на которых разбросаны мелкие поселения и большие города. А затем, как будто они пересекли какую-то незримую черту, пейзаж изменился: селения образовали ровные квадраты, четкими полосами потянулись поля.

- Под нами Аль-Андалуз, - сказал проводник; похоже, он был рад вернуться домой. Тейп решила, что они уже у цели, но корабль летел дальше еще несколько часов. Наконец они стали снижаться и опустились достаточно низко, чтобы можно было видеть округлую тень воздушного корабля, искажавшуюся, когда она проплывала по небольшим холмам.

Вскоре под ними оказалось огромное поле. Внизу забегали люди, они хватали канаты, сброшенные с корабля. На поле находилось множество других воздушных кораблей: одни колыхались у причальных мачт, другие стартовали или опускались.

Шум моторов внезапно прекратился. Люди на земле привязывали воздушный корабль к высокой мачте. Один из воздухоплателей сбросил из корзины веревочную лестницу; она колыхалась вместе с кораблем, но арабы начали спускаться, не дожидаясь, пока все успокоится.

Тейп сошла самой последней, ее сердце колотилось. Она была в Кордове, городе чудес, месте, о котором слышала много раз.

Проводник повел их к ряду дилижансов на краю поля. Они зашли во второй из них: внутри вдоль обеих стен тянулись мягкие скамьи с

подушками, на полу был расстелен ковер. По стенам шли ряды окон, верхние части которых заканчивались арками в форме подковы. Потолки были сводчатые, как в церковных нефях.

Из первого дилижанса донесся оглушительный свисток, затем громкий рев, после чего повозка дернулась и пришла в движение. Лоутон нервно глянул в окно.

- Что за... - начал было он.

- Не беспокойтесь, - успокоил его проводник. - Это всего лишь поезд. Все повозки соединены между собой в один состав. Как верблюды в караване. Дорога проложена при отце калифа Исмаила, он хотел, чтобы с летного поля можно было отправиться прямо во дворец.

Тейп встала на коленки на мягкой скамье и прильнула к окошку. Сквозь стекло она видела прекрасно вымощенные улицы без сточных канав, крытые рынки, шелковые тенты и флаги, огромные купола зданий, о назначении которых она могла только гадать. Вдоль улиц шли ряды апельсиновых деревьев и еще каких-то незнакомых растений, напоминающих воткнутые в землю перьевые метелки для смахивания пыли. Механическая лошадь приблизилась к поезду из боковой улицы, наездник повернул какой-то рычажок, чтобы остановить свою машину и дать поезду проехать. Небо пересекала длинная вереница воздушных кораблей, связанных канатом - нос к хвосту, как кавалькада пони.

За окном уже начинало темнеть. На улицах зажигали газовые фонари, и они же светились сквозь деревянные решетки окон,

Наконец поезд остановился, они вышли из дилижанса и оказались в большом помещении. Поначалу Тейп глазам не поверила, таким богатым было здешнее убранство - каждый дюйм стены и потолка покрывали филигранные узоры из звезд, кристаллов, лун и цветов. Потолки покоились на резных колоннах, а двери и окна увенчивались такими же арками, как и в дилижансах поезда. И все сверкало яркими красками, золотом, киноварью, полуночной синевой, сияло, как ларец с самоцветами.

Впрочем, им не дали времени оглядеться. Другой проводник провел их по коридорам и анфиладам залов, каждый из которых был еще больше и изощреннее украшен, чем предыдущий. Они миновали несколько закрытых дверей, которые сторожили вооруженные мечами гомункулы. Наконец проводник открыл очередную дверь и жестом пригласил Лоутона войти.

Замешкавшаяся Тейп все же вовремя вспомнила, что она является как бы слугой Лоутона, а потому должна идти с ним. Проводник провел ее в небольшую комнату, смежную с комнатой Лоутона и тоже нашпигованную чудесами, но у Тейп уже не было никаких сил их разглядывать. Она рухнула на мягкий диван и тут же уснула. Наутро Лоутон разбудил ее громким стуком в дверь.

- Эй, Тейп! - крикнул он. - Ступай, принеси мне ночной горшок - я что-то никак не найду его в своей комнате.

Тейп со стоном поднялась. Вчера она свалилась в постель, не раздеваясь, и теперь ее грудь горела под тугими повязками. А она не могла их ослабить.

Она прошла в комнату Лоутона. Как он и сказал, ночного горшка нигде не было видно. Тейп открыла еще одну дверь, ведущую из комнаты, и ей предстало небольшое помещение с большой чашей посередине, напоминающей именно ночной горшок и заполненной водой. Непонятно было только, зачем чашу прочно приделали к полу.

Тейп пригляделась и увидела цепочку, свисающую с бака над чашей. Она потянула цепочку и вздрогнула, когда вода с шумом закружилась и втянулась внутрь чаши.

- Вот, потяните за цепочку; когда сделаете свое дело, - объяснила она Лоутону, указывая на конструкцию.

Он закрыл за собой дверь, и спустя какое-то время Тейп снова услышала шум воды, доносящийся из маленького помещения.

Когда мастер вышел, она сама воспользовалась маленькой комнаткой, а затем пошла к себе одеваться. Довольно скоро к ним явился давешний проводник, чтобы отвести их к калифу. Они немедленно отправились в путь, по дороге подхватив двух остальных членов делегации. Небольшая группа прошла множество великолепно украшенных залов, освещенных ярким солнечным светом, проникающим через многочисленные стрельчатые окна. Они пересекли внутренний двор с бассейном посередине и со стенами, украшенными трепещущими на ветру шелковыми знаменами, и снова вошли во дворец. Этот вход охраняли несколько гомункулусов, но проводник произнес условное слово, и дверь открыли.

- Сапам алейкум, - приветствовал их худощавый человек, сидевший на подушках у дальней стены комнаты, и проводник перевел: «Да пребудет с вами мир».

Лоутон и остальные мужчины поклонились, а Тейп сообразила, что это, должно быть, калиф Исмаил собственной персоной. Она тоже быстро, хотя и запоздало, поклонилась. К счастью, никто не обратил внимания на ее оплошность.

- Прошу вас, усаживайтесь, - сказал калиф. Как и большинство здешних мужчин, он носил бороду, разве что она была немного длиннее, чем у других, ниспадала на грудь и серебрилась проседью. На правителе был белоснежный халат, вышитый золотыми и красными нитями и многочисленными самоцветами, а его тюрбан закручен так, что из него торчали зубцы, и это делало его похожим на корону. Калиф улыбнулся всем по очереди, даже Тейп.

В комнате не было стульев. Один из мужчин осторожно опустился на подушки, остальные последовали его примеру.

- Благоразумно ли держать здесь вот этих, Ваше Величество? - сказал глава делегации по имени Джон Гиффорд, указывая на вооруженных гомункулусов, стоящих полукольцом за спиной калифа.

Проводник перевел его фразу.

- Разумеется, - ответил калиф. - Ни один из наших гомункулусов ни разу не вышел из повиновения.

- Но, как оказалось, они на это способны, - возразил Гиффорд. - Мы тоже и подумать не могли, что наши взбунтуются.

- Мы полагаем, что-то стряслось именно с последней партией, которую мы вам отправили. Мы работаем над этой проблемой.

- Но что могло случиться? Что могло заставить их вести себя подобным образом?

- Еще немного, и вас проведут в мастерские. Пока же я предлагаю вам освежиться и подкрепиться с нами.

Калиф хлопнул в ладоши, и в комнату вошли несколько гомункулусов. Каждый нес в руке большое блюдо. Один из них расставил заполненные снедью блюда перед калифом и гостями, другой - стаканы с чем-то прохладительным. Тейп обслужили последней, и она только дивилась, откуда гомункулусы могли знать, в каком порядке нужно это делать. «Боже мой!» - воскликнул кто-то с благоговением, и Тейп наконец уделила внимание угощению.

Ничего знакомого на блюде не было. Проводник пришел на выручку гостям и, указывая на тот или иной фрукт, называл его по-английски:

- Арбуз, абрикосы, гранат...

Тейп осторожно попробовала арбуз, умяла его, а после с удовольствием прикончила и все остальное. Разделавшись с угощением, делегация, ведомая проводником, проследовала в мастерскую. Тейп замыкала шествие, она была так переполнена впечатлениями, что уже почти ничего вокруг себя не замечала. Но вот послышались лязг металла, голоса работников, перекрикивающих шум. Делегация вышла в обширный зал, уставленный рабочими столами. Повсюду были видны машины, инструменты, какие-то металлические части, просто куски металла. Машины грохотали, металл звенел, люди перекрикивались.

Проводник подвел их к одному из столов. Тут же к ним подошел коренастый мужчина с черной кожей, седыми волосами, выбивающимися из-под тюрбана, и коротко подстриженной курчавой бородкой.

- Это Акил ибн Сулейман, - представил его проводник. - Он работает с гомункулусами.

И, повернувшись к Ибн Сулейману, представил ему англичан:

- Это делегация из Лондона: мастера Гиффорд, Блант и Лоутон.

- Салам алейкум, - почти выкрикнул Ибн Сулейман, стараясь перекрыть шум. И продолжил уже по-английски: - Это а'мил -

гомункулус, один из тех, что вы прислали нам из Англии.

Он указал на медный торс, лежащий на столе в открытом виде. Видно было, что внутри корпус очень плотно нашпигован разного рода машинерией.

- Вот тут главный механизм, - указал Ибн Сулейман.

- А в голове? - спросил Гиффорд.

- В голове свои механизмы, - Ибн Сулейман подхватил голову гомункулуса, аккуратно ослабил отверткой какой-то винт, потянул на себя - и корпус головы раскрылся, как скорлупа ореха. - Видите? Как и в торсе.

- И вот с помощью этих штуковин он думает?

- Ну, он не думает, то есть не по-настоящему. Все его механизмы и устройства так сконструированы, что должны выполнять предписанные движения. Это лишь очень-очень сложный механизм, выполняющий программу, которую мы ему задаем. И он твердо следует этой программе - своих идей у него нет и быть не может. Он не способен своевольничать.

- Ну, все-таки способен, - первый раз заговорил Лоутон. - Я сам это видел.

- Вот с этим мы и должны разобраться.

Тейп потянула Лоутона за рукав. Тот нетерпеливо повернулся к ней.

- Спросите его, - прошептала Тейп, до последних пределов понижая голос. - Допустим, один гомункулус не может думать самостоятельно, а как насчет пятнадцати или двадцати? Что если они как-то связаны между собой?

- Чего? - переспросил Лоутон.

Как ни тихо говорила Тейп, но Ибн Сулейман расслышал и повернулся к ней.

- Да, мы думали и об этом. Если установить связь между всеми гомункулусами и задать правильную конфигурацию получившейся системе, то, возможно, они начнут думать самостоятельно. Но до сих пор не было ни одного свидетельства, чтобы, скажем, вот этот гомункулус как-то общался с другими. Да и каким образом он может это сделать?

Ибн Сулейман пристально глядел на Тейп. Та даже слегка попятилась.

- Не знаю.

- Нет, это действительно интересный вопрос. А ты кто?

- Я... меня зовут Тейп.

- Просто Тейп и все? Английские имена вообще звучат странно для нашего слуха, но такого я еще не слышал. Что ж, салам алейкум.

Тейп подхватила с верстака несколько деталей, выпавших из корпуса гомункулуса, повертела в руках, попробовала совместить и получила наконец нечто целое. Ибн Сулейман присоединился к ней, и они

начали совместную работу, передавая друг другу детали и инструменты, обмениваясь короткими фразами. Остальные куда-то ушли, но Тейп этого даже не заметила.

Спустя какое-то время по цеху разнеслась громкая мелодия, и чей-то голос стал выпевать в минорном ключе текущие фразы. Тейп глянула на большие часы и к своему удивлению увидела, что уже полдень. Голос и музыка доносились из зарешеченных окошек в углах мастерской.

Рабочие откладывали инструменты и направлялись на выход. Тейп потянула Ибн Сулеймана за рукав халата, когда увидела, что и он собирается уходить.

- Что... что они делают? - спросила Тейп.

- Мы отправляемся на молитву, - ответил Ибн Сулейман. Ясное дело, предполагалось, что Тейп идти с ними не должна. - А ты... ну, не знаю... сходи пока перекуси, что ли.

Тейп вдруг поняла, что за работой она успела проголодаться. Утром проводник показывал им, где находится столовая, туда Тейп и направилась. Пару раз она сбивалась с пути, но, в общем, нашла нужный зал без особого труда.

Только она уселась на подушки, к ней тут же подошел гомункулус и принес еду. Вскоре в зале показались Гиффорд и Блант.

- А я считаю, что они не все говорят, - произнес Блант, когда они уселись неподалеку от Тейп. Он явно продолжал давно уже начатый разговор. - То, что они показали во время этой экскурсии, это показуха для отвода глаз.

- Но зачем им это делать? - недоверчиво спросил Гиффорд.

- А ты еще не сообразил? - Блант оглянулся по сторонам, но рядом с ними была только Тейп, все находящиеся в зале арабы сидели плотной группой в другом конце помещения. Однако Блант все равно понизил голос: - Они сами заставили наших гомункулусов взбунтоваться. А кто ж еще? Кто еще знает, как это можно сделать?

- Ну, есть и другие школы натурфилософии... - начал было Гиффорд.

Но Тейп была слишком нетерпелива, чтобы дать ему закончить.

- Но это же глупо! - заявила она Бланту. - Зачем бы они стали посылать нам машины, которые отказываются работать?

- А вам, молодой человек, лучше бы держать язык за зубами, когда старшие беседуют, - огрызнулся Блант.

- И все же зачем?..

- Я не знаю, но какая-то причина есть. Слишком уж они хитроумные, слишком изощренные... А кстати, где твой хозяин?

- Мастер Лоутон? Я думал, он с вами.

- А, ну ладно. Как бы там ни было, мы сегодня после обеда встречаемся в моей комнате. Так что тебе лучше бы найти его и напомнить, чтобы он не забыл.

Тейп вернулась к еде. Не было желания спорить с мужиком, не понимающим простой логики.

- Как я уже говорил, есть и другие адепты натурфилософии, - продолжил Гиффорд. - Другие нации, которые тоже научились делать гомункулусов, летать по воздуху и творить прочее колдовство. Например, японцы.

- Ну да, только с чего японцам вредить нашей королеве? - усомнился Блант.

- Не обязательно японцы. Но согласись, врагов у Ее Величества хватает. Папа заявляет, что она занимает престол незаконно, а ему все католические страны вторят - Франция, Испания...

- Испания? - вновь не удержалась Тейп. Собеседники повернулись к ней. - Я думал... ну, я имел в виду, что арабы выгнали испанцев из Аль-Андалуза...

- Так они и сделали, по большей части, - пояснил Гиффорд. - За исключением одной провинции на севере. Она называлась Лион, а теперь они ее зовут Испанией, как будто одна провинция может заменить целую страну.

Тейп кивнула. Теперь и она вспомнила - один из наставников упоминал Лион.

- Но испанцы сейчас совершенно бессильны, не так ли? - спросил Блант. - Их страна настолько мала, что ее и на карте с трудом разглядишь.

- К несчастью, они уже не бессильны. Они заметно окрепли за последнее столетие, после того как Изабелла и этот авантюрист Альфонсо открыли Новый Свет. А оттуда они вывозят золото кораблями.

- Да, но знания-то у них откуда?

- Оттуда же, откуда у них взялось в наши дни все остальное. Они их покупают.

- Ну, - воскликнул Блант. - Испанцы с французами по крайней мере христиане. А здешний люд погряз в язычестве. Они молятся какому-то лунному богу. А еще знаешь что? Здесь живут евреи, они спокойно расхаживают по улицам и открыто молятся своему богу.

- А кто такие евреи? - спросила Тейп.

- Кончай терзать нас своими вопросами, - раздраженно бросил Блант. - Иди-ка лучше отыщи своего хозяина, он не должен пропустить нашу встречу.

Тейп и самой было интересно, куда подевался Лоутон, но все же не настолько, чтобы тратить время на его поиски. Вместо этого, перекусив, она вернулась в мастерскую, где и провела вторую половину дня, работая вместе с Ибн Сулейманом. В конце концов, задание королевы превыше всего, а Лоутон уже большой мальчик, вполне способен обходиться без няньки.

Однако вечером, когда Тейп вернулась в отведенные им комнаты, она застала Лоутона в состоянии белого каления.

- Ты почему не сказал мне про сегодняшнюю встречу?! - заорал он.

- Я был занят, - ответила Тейп кратко.

- Занят! Ты мой слуга, а стало быть, должен помогать мне...

- Я не ваш слуга. Королева наказала мне разузнать, как работают эти медные обезьяны, именно этим я и занимаюсь.

- Королева! В Бедламе ей место, вместе с остальными придурками и лунатиками! О чем она думала, поручая ребенку дела государственной важности?

- Просто я лучше других разбираюсь в устройстве этих обезьян, поэтому она меня и послала. Я знаю про них даже больше, чем вы.

- Это просто смешно. Я знаю такие вещи, о которых ты и понятия не имеешь. И с чего это ее вдруг заинтересовало, как они работают? После того бунта она наконец-то совершила правильный поступок и закрыла мануфактуры по всей Англии - так за каким чертом открывать их вновь?

Тейп уставилась на мастера.

- Она не может закрыть мануфактуры. Это как... как паромобиль, несущийся вниз по склону холма. Если уж он тронулся с места, его не остановишь. А нам надо научиться строить воздушные корабли, поезда... ну, все, что умеют делать арабы.

- Ты не понимаешь, о чем говоришь. Ты ведь деревенский паренек, судя по выговору, так?

Тейп кивнула.

- И твои родители были фермерами? - продолжил Лоутон. - Скажи-ка, что случилось, когда гомункулусы стали выполнять работу твоих родителей и они потеряли свою землю, место, где трудились целые поколения твоих предков?

- Мы перебрались в Лондон. В Лондоне не так уж и плохо.

- Да? Спроси своих родителей, что они об этом думают. Со мной такая же история. Я был сапожником, шил обувь. И туфли, которые я делал, были чертовски хороши, хотя и негоже хвалить самого себя. Ручная работа, сделанная с любовью - ничего общего с тем дрянным хламом, который теперь выпускают мануфактуры! Я уже собирался нанять первого ученика и помощника и расширить мастерскую, чтобы скопить денег и обзавестись наконец женой, семьей и домом... когда вдруг оказалось, что люди уже не покупают мои туфли, ботинки и сапоги. Они предпочитают обувь, которую шьют гомункулусы, потому что та дешевле...

Тейп не знала, что ответить. Она никогда не слышала, чтобы Лоутон говорил так долго. И она не слишком задумывалась о мануфактурах в смысле всех проблем, которые они создают. Но ведь действительно ее родители погибли из-за этих мануфактур, и когда Лоутон их упомянул,

он как будто нож всадил ей в сердце.

Однако и отказаться от всех этих чудесных механизмов она уже тоже не могла, особенно, когда стала узнавать о них все больше и больше.

- Конечно, это так, но ведь вы нашли другую работу. Вы же не голодаете.

- Да? Я зарабатываю сейчас вдвое меньше, чем когда был сапожником. Управлять работой на мануфактуре может кто угодно, по крайней мере владельцы мне так говорили. А нынешняя поездка, в которую Елизавета силой меня отправила? Она не платит мне за нее ни гроша.

- Вы хотите, чтобы за все это вам еще и платили?

- Конечно, хочу. С моей стороны одни только траты. Я вернусь в Англию нищим.

- Но зато подумайте: сколько людей может сказать, что они побывали в Аль-Андалузе? Скольким довелось летать на воздушных кораблях?

- А, ладно, оставим этот разговор, - ответил Лоутон. - Поймешь, когда вырастешь.

Он начал укладываться в постель, а Тейп прошла в свою комнату. Ей приятно было видеть, что кто-то - скорее всего, гомункулус - сделал в комнате уборку и прибрал постель. Лоутону вообще не понадобится слуга, всю работу по дому делают гомункулусы, а Тейп может совершенно свободно ходить в мастерскую и там работать и учиться.

Уже засыпая, Тейп вдруг сообразила, что Лоутон так и не сказал, где он провел весь этот день.

* * *

На следующий день она снова работала в мастерской вместе с Ибн Сулейманом, и все последующие тоже. Тейп быстро открыла, что гомункулусы могут приносить еду и питье прямо в мастерскую, и стала проводить там все свое время. Трижды в день работа останавливалась, и все отправлялись на молитву. Тейп оставалась за рабочим столом и, когда Ибн Сулейман возвращался, показывала ему, что успела сделать. Она никогда не видела людей, которые так часто молятся, и была немало удивлена, когда Ибн Сулейман рассказал ей, что они молятся еще и до, и после работы, то есть всего получается пять раз в день.

Похоже, Ибн Сулейман принимал ее именно за того, за кого она себя выдавала - способного, все на лету схватывающего паренька. Тейп же была склонна воспринимать Ибн Сулеймана как человека, подобно ей, всецело поглощенного работой и не слишком умелого в разговоре, а потому и молчаливого. Но однажды, вернувшись с полуденной молитвы, Ибн Сулейман спросил ее:

- Откуда ты столько знаешь про все эти механизмы?
- Я работал на мануфактуре, - ответила Тейп.
- У вас позволяют работать в таких местах в таком юном возрасте?
- Я выгляжу моложе, чем есть.

Тейп внутренне сжалась. Оставалось надеяться, что он ей поверит. Видно, так оно и было, поскольку следующий вопрос касался уже другой темы.

- Это была именно та мануфактура, где гомункулысы взбунтовались? Тейп кивнула.
- А куда смотрел мастер по технике безопасности?
- Кто?

Ибн Сулейман пристально смотрел на нее.

- На каждой мануфактуре должен быть такой специалист. Вон тот мужчина - наш мастер по безопасности. Он наблюдает за всем, что мы делаем, следит, чтобы мы выполняли правила безопасности.

Тейп обернулась в сторону, куда указывал Ибн Сулейман, но ее внимание привлекла группа рабочих, сгрудившихся вокруг мотора с пропеллером.

- Это для воздушного корабля? - спросила она. - А можно посмотреть? Мастер засмеялся.

- Ответ на первый вопрос «да», на второй - «нет». Калиф Исмаил велел показать тебе устройство гомункулов, и ничего другого.

- Но как же мне учиться, если я не смогу видеть все? - воскликнула Тейп нетерпеливо. - Я не понимаю, каким образом эти корабли держатся в воздухе?

Он снова засмеялся.

- Знаешь, сегодня прекрасный денек. Почему бы нам не пообедать вместе? А я потом покажу тебе Кордову.

Тейп охотно согласилась. Они покинули мастерскую, и Ибн Сулейман провел ее через несколько коридоров в ту часть дворца, которую она никогда не видела.

Там они попали в помещение с большими арочными воротами. У выхода на колонне-подставке покоилась бронзовая голова, и когда они с ней поравнялись, она вдруг заговорила, произнесла какую-то фразу.

Ибн Сулейман ответил, назвав свое имя и имя Тейп. Наверное, голова ведет учет людям, покидающим дворец, подумала Тейп. На секунду вспомнился Лоутон, который вчера целый день пропадал неизвестно где. Интересно, может ли голова что-нибудь сказать по этому поводу? Но тут ворота распахнулись, и Тейп оставила эти мысли.

Перед ними расстилался сад. Она увидела цветы, отражающиеся в неглубоких прудах, фонтан с четырьмя каменными львами. Львы сверкали в лучах солнца, блестела и поверхность прудов. Ибн Сулейман выбрал одну из дорожек, ведущих прочь от дворца, и Тейп последовала за ним.

Правда, разок оглянулась на двух гомункулусов, охраняющих ворота. Те никак на них не отреагировали, надо полагать, их заботой были люди, пытающиеся войти.

Они прошли к следующим воротам - в каменной стене. Ибн Сулейман открыл створку, и они покинули сад.

Открывшаяся перед ними улица превосходила все, с чем Тейп сталкивалась в Лондоне. Мимо поспешали люди в халатах, по вымощенным мостовым проезжали паромобили и механические лошади. Большая машина с открытыми боками остановилась у тротуара, выпустив струю сжатого воздуха, после чего стоящие на тротуаре люди поднялись на платформу. Чтобы сохранить равновесие, когда паромобиль снова тронулся в путь, они держались за специальные перекладины.

Тейп надеялась еще раз прокатиться на паромобиле, но Ибн Сулейман, видимо, предпочитал пешие прогулки. На каменных стенах, мимо которых они проходили, Тейп временами видела изображения паромобилей, поездов и воздушных кораблей.

- Зачем эти рисунки? - спросила она.

- Каждый мусульманин должен хотя бы раз в жизни попытаться свершить паломничество в Мекку, - пояснил ее спутник. - И некоторые, вернувшись домой, показывают этими рисунками, каким образом они осуществили свое странствие.

- А зачем они хотят попасть в Мекку?

- Давай сначала поедим, потом я отвечу на все твои вопросы.

Улица к этому времени влилась в лабиринт торговых палаток и повозок, доверху нагруженных овощами и фруктами, которые она уже пробовала во дворце, - апельсинами, абрикосами, баклажанами. Четыре гомункулуса стояли на открытой площадке и музицировали. Инструменты - барабаны и лютни - были встроены прямо в их корпуса.

Ибн Сулейман двинулся по узкому проходу мимо лавок и магазинчиков. Паромобилей здесь не было, зато толпа прохожих заметно сгустилась и напирала. Сверху улица была накрыта деревянной решеткой, увитой зеленью, защищающей от палящих лучей солнца.

Ибн Сулейман уселся за низким столиком перед одной из лавок и указал Тейп место напротив. Из лавки вышел человек, Ибн Сулейман коротко переговорил с ним по-арабски.

- Ну, а теперь, - повернулся он к Тейп, - какой из множества вопросов ты задашь первым?

- Где вы выучили английский? - спросила Тейп.

- Я жил какое-то время в Англии, где помогал устроить мануфактуру. Именно поэтому калиф и выбрал меня, чтобы помочь вам разобраться с гомункулусами.

Вообще-то это был не тот вопрос, который она хотела задать прежде

всего, просто он первым пришел в голову. Тейп немного помолчала, приводя в порядок мысли.

- Почему мы не можем производить собственных гомункулусов у себя в Англии? - спросила она наконец. - И все прочие устройства, которые есть у вас?

- Я не знаю. У меня, конечно, есть свои соображения на этот счет, но я не хочу оскорблять твои чувства.

- А все же?

- Ну, хорошо. Пророк Мухаммед, да покоится он в мире, сказал: «Неужели равны те, которые знают, и те, которые не знают? Воистину, внемяют наставлениям только те, у кого есть разум»^{*2}. Он учил нас узнавать все, что мы сможем, об окружающем нас мире, изучать все, созданное Аллахом. Именно поэтому Таки аль-Дин Махаммед ибн Ма'руф смог изобрести паровой двигатель, а другие натурфилософы, пришедшие ему на смену, продолжили его дело. Ну, а христиане, что же, они, похоже, пугаются всего, чего не могут понять. Знаешь, на севере, в Лионе, они сжигают книги, которые считают противоречащими учению их богословов.

Тейп ничего не ответила, припомнив, как однажды в Лондоне она стала свидетельницей сожжения книг.

Человек, с которым разговаривал Ибн Сулейман, вышел из лавки и поставил перед ними широкие блюда с едой. Тейп куснула мясо на шампуре, по ее подбородку потек сок, она вытерла его тыльной стороной ладони.

- Возможно, ты сможешь когда-нибудь снова приехать сюда и обучаться здесь в университете, - продолжил Ибн Сулейман. - Я там встречал студентов из разных стран - Англии, Франции, Нижних Земель^{*3}. Ты мог бы попросить об этом своих родителей, когда чуть подрастешь.

- У меня нет родителей.

Тейп тут же пожалела, что сказала это. Единственный человек, которому она об этом до сих пор рассказывала, была королева Елизавета, и лишь потому, что не могла выказать неповиновение Ее Величеству.

- Нет? Что-то случилось?

Похоже, он действительно хотел это знать. Тейп рассказала про взрыв на мануфактуре, как долгие дни она ждала возвращения родителей, пока не узнала, что их больше нет.

- Прими мои искренние соболезнования, - серьезно сказал Ибн Сулейман, когда она закончила рассказ.

Тейп пожала плечами.

² * *Коран, Сура 39 аз-Зумар «Толпы».*

³ * *Нидерланды.*

- Не мог бы ты... не хотел бы ты прийти как-нибудь ко мне домой на обед? Я бы показал тебе дом, познакомил с женой.

- Я не знал, что вы женаты.

- Женат, - улыбнулся Ибн Сулейман. - К сожалению, детей у нас нет. Когда у меня много работы, я ночую во дворце. Но освободившись, иду домой, к жене.

Тейп очень хотелось принять приглашение, но, наученная горьким опытом, она давно уже остерегалась сближаться с кем бы то ни было. Она попыталась представить себе его дом и жену и вдруг осознала одну странность.

- А где ваши женщины? - спросила она. - С тех пор как я здесь оказался, вообще ни одной не видел.

- Женщины? - удивился Ибн Сулейман. - Дома, конечно. Это слишком нежные создания, чтобы выпускать их в грубый и жестокий мужской мир. Как бы они могли в нем выжить?

Тейп могла бы ему рассказать, но это означало конец всему, конец всем беседам и разговорам. Ну что ж, подумала она, значит, это место тоже не вполне совершенно.

- Раз ты завел об этом речь, я вспомнил одну женщину, которая училась в университете, - задумчиво произнес Ибн Сулейман. - Это казалось необычным, но у нее был блестящий ум.

Я тоже необычная, хотела сказать Тейп. Ее так и подмывало признаться, рассказать все.

Тейп нахмурилась. По другой стороне улицы шел некто, очень похожий на Лоутона, а рядом с ним шагал гомункулус, причем таких Тейп еще никогда не видела. Слепительно белый, сверкающий в лучах солнца, пробивающихся сквозь верхнюю решетку, в шлеме с ниспадающими на плечи крыльями. На нем было что-то вроде костюма, составленного из резных деревянных пластин, покрывавших его грудь и бедра, где они образовывали подобие юбки. Из-за пояса торчала рукоять меча.

Мужчина повернулся к ней, и теперь Тейп ясно увидела, что это Лоутон. Он сказал что-то своему гомункулусу, и тот поспешил через улицу, направляясь прямо к ней.

Тейп вскочила, перевернув столик.

- Что ты... - начал было Ибн Сулейман, но, увидев гомункулуса, сказал только: - Беги. Быстро. Встретимся во дворце.

Тейп, лавируя, помчалась сквозь толпу, ощущая, как колотится сердце. Она выбежала к концу крытой улицы, отчаянно пытаясь вспомнить дорогу, затем устремилась влево. Сзади послышались крики, она обернулась и увидела гомункулуса, расталкивающего людей, пробивающегося к ней сквозь толпу.

Она помчалась еще быстрее, вбежала в забитый людьми лабиринт палаток и повозок. Тут же налетела на тележку и опрокинула ее, по

земле покатались баклажаны и апельсины.

Владелец тележки злобно завопил. Тейп рискнула оглянуться. Гомункулус поскользнулся и чуть не упал. Она припустила дальше.

Перед ней возник еще один лоток. Она перевернула и его на бегу и услышала, как разложенный на нем товар со стуком падает на землю. Впрочем, там не было ничего такого, что могло бы затормозить гомункулуса. Оглянувшись, она увидела, что тот даже не снизил скорость. На следующей тележке было еще больше овощей и фруктов: она все это сбросила на землю, пробегая мимо.

Ряд тележек и лотков закончился, началась улица с картинками на стенах. Тейп была мокрая от пота и задыхалась. Ступни саднило. Гомункулус сокращал расстояние. Она добежала до ворот сада, открыла створку, проскочила внутрь и захлопнула ее за собой.

Она слышала, что ворота снова открываются, но не могла позволить себе оглянуться. Она промчалась мимо прудов и фонтанов и наконец достигла дверей дворца. Два гомункулуса преградили ей путь.

- Тейп! - закричала она в отчаянной надежде, что гомункулусы как-то связаны с медной головой и знают ее имя. - Я Тейп!

Стражи расступились. Тейп вбежала во дворец, как раз когда у дверей показался белый гомункулус. Стражи калифа сомкнулись, двери закрылись.

Тейп приоткрыла щелочку и выглянула наружу. С той стороны уже начался фехтовальный поединок. Боевой порядок двух стражей против белого гомункулуса. Блестели и бликовали медные корпуса гомункулусов калифа, и сверкал на солнце белый меч их противника. До Тейп доносился лязг оружия, а еще странный стук, какой издают поврежденные механизмы.

Меч белого гомункулуса был длиннее изогнутых клинков стражников. Пока белый сражался с одним из стражей, другой начал заходить ему в тыл. Белая голова вертелась туда-сюда, чтобы держать обоих врагов в поле зрения.

Первый страж нанес мощный удар, и кисть руки его белого противника с громким треском отломилась, а меч упал на землю. Но белый продолжал бой руками, отбивая атаки стражей.

А те все сильнее теснили его, отжимая от дверей дворца в сторону ворот. Один из стражей сделал низкий выпад и вонзил меч в торс противника. Тот покачнулся, выпрямился, а затем весь затрясся, издавая громкий скрежет. Рухнул на колени и наконец завалился полностью. Стражники еще несколько раз ткнули его мечами и вернулись к дверям.

Только теперь до Тейп дошел весь ужас того, что с ней приключилось. Гомункулус пытался ее убить! Он почти убил ее! И Лоутон с ним разговаривал, именно он приказал машине следовать за ней.

Но почему? Почему он хотел ее убить?

Она вся тряслась, как тот белый гомункулус, как будто это ее кололи мечами. Она не могла возвратиться в их общие с Лоутоном комнаты - это точно. Но куда ей теперь идти?

Белый гомункулус оставил ворота сада открытыми, и она увидела, что через них проходит Ибн Сулейман. Тейп почувствовала облегчение, но не смогла заставить себя выйти из дворца ему навстречу, ее пугала одна только мысль снова увидеть своего недавнего преследователя. Между тем Ибн Сулейман уже склонился над корпусом поверженного гомункулуса и разглядывал его с озабоченным выражением лица. Тейп высунула голову из дверей.

- Я здесь, - закричала она. - Здесь!

Он поднял голову и поспешил к дверям.

- Что случилось?

- Не знаю, - ответила Тейп. - Он... мастер Лоутон, сказал что-то гомункулусу, и тот стал меня преследовать. Я никогда в жизни таких не видал.

- Он из Японии. Они там тоже много знают об использовании пара и о том, как создавать всякие устройства. Этот вот сделан из жемчуга и китовой кости.

Слово «Япония» ничего не говорило Тейп.

- Но какие дела могли быть у мастера Лоутона с этой штукой?

- Не знаю. А где он мог встречаться с людьми из Японии и что они от него ждали?

- Понятия не имею. Но почему он хотел меня убить?

Ибн Сулейман нахмурился.

- И этого я не знаю. Что ж, отныне ты будешь жить в моих комнатах. И я поговорю с калифом о том, что произошло.

* * *

Жизнь Тейп сосредоточилась в двух местах - комнатах Ибн Сулеймана и мастерской. Поначалу он вообще приказал ей оставаться дома и носу не высовывать наружу, но Тейп чуть не свихнулась от скуки и выпросила разрешение работать в мастерской.

- Я, наверное, сам сошел с ума, разрешая тебе выходить, но... ладно. Только обещай мне, что будешь предельно осторожен, и остерегайся этого человека.

Тейп кивнула. Слова Ибн Сулеймана что-то ей напомнили, но она не сразу поняла, что именно. Потом сообразила: когда-то родители распекали ее с точно такими же интонациями - сердито, но и с проявлением заботы. Тейп ощутила мгновенный приступ злости на Ибн Сулеймана за это напоминание.

Больше ничем родителей он не напоминал. Он хотел обучить ее

новым знаниям и умениям, открыть для нее науку Аль-Андалуза. Приносил ей книги на английском, хотя Тейп было трудно читать большинство из них. И после работы они беседовали понемногу, но каждый день: о движениях планет и названиях некоторых звезд, о правилах странной и чудесной системы, называемой алгебра, и о том, как сочинять стихи.

Тейп уже знала о склонности Ибн Сулеймана впадать в глубокие философские раздумья и молчаливые медитации; похоже, он выучился этому в университете, который частенько вспоминал.

- Ну, тебе ведь известно, что последователи ислама жили по большей части в пустынях, - как-то сказал он. - А затем мы пришли сюда, в Аль-Андалуз, и полюбили эту землю, богатую водой и плодородными почвами. Первым делом мы создали множество бассейнов, прудов и фонтанов, чтобы всегда видеть перед собой воду. Затем построили стены, огородили дворы, чтобы больше не подпускать к себе пустыню, и высадили там финиковые пальмы и апельсиновые деревья. Имамы говорят, что рай, то есть место, куда мы попадем после смерти, - это огороженный сад. Но мне кажется, что рай вот он, на земле, хотя произносить такие слова кощунство.

Странно, однако, - продолжал он, - что именно христиане воздвигли самую неприступную стену из всех - между двумя нашими странами. И теперь никто не может вырваться из Лиона, никто оттуда не способен приехать к нам, чтобы убедиться в возможности другого образа жизни. А теперь на границе все чаще и чаще происходят стычки. Они говорят, что мы изнежились и ослабли, проводя время в создании садов и фонтанов. Возможно, они правы. Возможно, нам надо прислушаться к их словам. Аллах свидетель: король Филипп Лионский желает начать войну - он сам об этом неоднократно заявлял.

* * *

Тейп листала книгу по архитектуре, когда в комнату вошел Ибн Сулейман. Он выглядел озабоченным.

- Сегодня я встретился с калифом, - сказал он. - Он ничего не слышал про японского гомункулуса. Мы прошли в сад, но гомункулуса там не оказалось. Кто мог его забрать оттуда? Возможно, это были люди, на которых работает Лоутон. Я попросил калифа допросить Лоутона, но калиф сказал, что не может этого сделать. Лоутон его гость, а наши отношения с Англией сейчас очень деликатны, нам нельзя рисковать. Поэтому он не может объявить Лоутона врагом, что бы тот ни замышлял, тем более никто не может подтвердить нашу историю.

- Так что же нам делать?

- Калиф все же разрешил мне кое-что сделать - позволил

порасспрашивать бронзовую голову, чтобы узнать, сколько раз Лоутон покидал дворец. Так вот, он выходил из него девять раз. Но даже это, сказал калиф, ни о чем не говорит: может, человек просто ходил полюбоваться красотами Кордовы.

Тейп издала саркастический смешок, до того нелепой показалась ей сама мысль о Лоутоне, любующемся красотами чего бы то ни было.

- Ты все это время был осторожным? - спросил Ибн Сулейман. - Он тебя здесь не видел?

- Нет, - ответила Тейп, - точно, нет.

* * *

На следующий день Тейп и Ибн Сулейман дошли до последнего слоя упакованных в торсе гомункулуса механизмов. Когда аппаратура была извлечена на свет Божий, Тейп заметила грубые пропилены на зубчатых колесиках.

- Взгляните на это! - воскликнула она.

Ибн Сулейман вставил в глаз монокль и присмотрелся.

- Ты говорил, что гомункулусы взбунтовались и перестали выполнять свою работу рано утром?

- Именно так, - ответила Тейп. - Сразу же после того, как мы начали работу.

- По всей видимости, ночью кто-то проник на мануфактуру и сделал эти надрезы. Тем самым изменил программу. И гомункулусы стали выполнять другую программу, созданную этим человеком.

- Программу разбрасывать все вокруг себя?

- Думаю... - Ибн Сулейман вставил детали механизма назад в руку гомункулуса и подвигал рукой туда-сюда. - Да, именно так. Взгляни.

- Но кто? Кто способен это сделать?

- А Лоутон способен?

Тейп рассмеялась.

- Этот? Да он понятия ни о чем таком не имеет. Но он мог впустить в мануфактуру того, кто это сделал.

- Возможно, - задумчиво произнес Ибн Сулейман. - Он вынул из глаза монокль, выпрямился и посмотрел на Тейп. - Что ж, мы закончили. Мы нашли ответ на вопросы калифа. Я отправляюсь с докладом.

И направился к выходу. Тейп смотрела ему вслед, испытывая отчаяние. Конец работы означал, что королева Елизавета отзовет их назад в Англию, а значит, ей придется уехать из Аль-Андалуза. И что произойдет, когда они все вместе поднимутся на борт воздушного корабля? Лоутон снова попытается ее убить? В голове вспыхнула картинка, как Лоутон перебрасывает ее через край пассажирской корзины и она падает на землю с огромной высоты... Тейп ощутила

спазм страха внизу живота.

Что ж, раз ей придется уехать из Аль-Андалуза, то она имеет право прогуляться и осмотреть наконец как следует это волшебное место, а может, стоит попытаться встретиться с калифом и рассказать ему про Лоутона... Она подошла к дверям мастерской и выглянула наружу. Лоутона нигде не было видно. Двор пуст, впереди только спина удаляющегося Ибн Сулеймана.

Тейп двинулась за ним, держась в отдалении. Она не хотела, чтобы он ее заметил и отослал прочь. Так они прошли двор и проследовали в коридор дворца. Когда Ибн Сулейман миновал одну из охраняемых стражами-гомункулусами дверей, та отворилась, и вышел Лоутон. Он обвел взглядом коридор, но Тейп успела отпрянуть и спрятаться за угол. Ее сердце колотилось.

Что Лоутон здесь делает? Она выглянула из-за угла и увидела, как он прячет за пазуху пачку каких-то бумаг. Почему гомункулусы на него не реагируют? Оба стоят, как статуи, и ничего не предпринимают.

Лоутон двинулся по коридору в том же направлении, что и Ибн Сулейман, но, дойдя до развилки, свернул в другую сторону. Тейп осторожно последовала за Лоутоном, держась далеко позади, но стараясь не упускать его из вида.

Они прошли несколько поворотов, так что Тейп окончательно запуталась. Однако Лоутон шагал уверенно, как человек, знающий свою цель. Наконец после очередного поворота они подошли к комнате с бронзовой головой.

Лоутон собрался идти за пределы дворца? И что дальше? Будет ли он с кем-то встречаться? Передавать кому-то украденные бумаги?

Хотя кому... А что если он работает на королеву Елизавету? Может, она дала ему задание, точно так же, как Тейп, только оно состояло в краже арабских секретов? В таком случае она суется в государственные дела!

Тейп покачала головой. Нет, она не даст ему так просто уйти. Ведь он пытался ее убить, а значит, его намерения не могут быть добрыми.

Лоутон зашел в знакомое помещение с арочным дверным проемом. Бронзовая голова заговорила, и он в ответ коротко назвал ее. Дверь открылась и закрылась за ним.

Чуть выждав, Тейп назвала голове свое имя. Когда дверь снова отворилась, Лоутон успел пройти уже половину пути до внешних ворот и сейчас почти бежал мимо фонтана со львами.

Тейп устремилась вслед. Он уже порядочно ее опередил, поэтому она работала ногами изо всех сил. Она понимала, что как только Лоутон окажется на улицах Кордовы, там ему ничего не стоит затеряться в толпе.

Около фонтана стояла чья-то механическая лошадь. Ни секунды не раздумывая, Тейп запрыгнула ей на спину и повернула рычажок на шее

коня. Механизм рванулся вперед, застучав копытами по каменным плитам дорожки. Лоутон оглянулся и ринулся вперед.

Он выбежал из ворот и не успел их захлопнуть. Сквозь открытые ворота Тейп проскакала на улицу. Конь несся по прямой, и Тейп увидела, что навстречу мчится паромобиль. Она нашарила другой рычажок, и скакун в самую последнюю секунду круто повернул вправо, избежав столкновения.

Тейп оглянулась по сторонам, отыскивая Лоутона, и увидела, как он прокладывает путь в толпе. Она ухватилась за первый рычажок и поставила его на максимальную скорость. Конь рванулся. Народ разбежался, уступая дорогу. Тейп приходилось изо всех сил цепляться за корпус коня ногами и руками, чтобы не свалиться. Какие-то металлические выступы и грани больно впивались в кожу.

Впереди она заметила длинный открытый паромобиль. Лоутон замедлил ход. Он попытался запрыгнуть на ходу в машину, но упустил поручень. Человек в паромобиле, державшийся за поручень, протянул руку, и Лоутон передал ему бумаги.

И что теперь? Должна она следовать за Лоутоном или же за человеком в открытой машине? Она поравнялась с ними до того, как успела принять решение. Тейп быстро повернула второй рычажок, конь налетел на Лоутона и сбил его с ног. Паромобиль продолжил свой путь. Она пустила коня вслед за ним, понимая, что шансов догнать его немного - машина двигалась слишком быстро.

- Стой! - послышался окрик.

Тейп оглянулась. К ней подъезжал еще один механический конь, которым управлял человек в золотом и алом одеянии - цвета калифа. Тейп остановила своего скакуна.

- Он уходит! - воскликнула она. - Он... мастер Лоутон - передал кое-что человеку в той машине... какие-то бумаги, и тот уходит!

Рядом притормозил какой-то паромобиль, и представитель калифа что-то сказал по-арабски. Паромобиль рванулся с места и помчался вдогонку за открытой машиной.

- А теперь, - сказал человек калифа, - что здесь произошло?

* * *

Тейп сидела на подушке в единственной ничем не украшенной комнате дворца, наблюдая, как люди калифа допрашивают Лоутона. Рядом с Тейп находился переводчик, который передавал все на английском. Люди, ведущие дознание Лоутона, сказали, что к ней у них тоже будет много вопросов, но попозже. Сам калиф Исмаил сидел в сторонке, не вмешиваясь в происходящее и не произнося ни слова.

- Зачем вы украли эти бумаги? - спрашивал один из следователей.

- Какие бумаги? - отпирался Лоутон. - Не крал я никаких бумаг.

- А у нас есть свидетель, который утверждает, что вы это сделали.

- Тейп, что ли? - Лоутон изобразил беззаботный смех, но вышло слишком фальшиво. Его допрашивали уже несколько часов, и видно было, что мастер начал уставать. - Ему сколько лет? Неужели вы способны поверить подростку?

- Он видел, как вы выходили из Хранилища записей и вынесли оттуда пачку документов.

- Чушь. Я к этой комнате даже не приближался.

- Откуда вы знаете, где она находится?

- Я... я понятия не имею. То есть я хочу сказать, что я никогда не находился рядом с помещением, где хранятся какие-то там записи. Зачем это мне?

- Зачем? Чтобы передать информацию тому, кто в ней заинтересован.

- И кто же это такой?

- Человек, которому вы и передали эти бумаги. И это может подтвердить не только Тейп. У нас есть и другие свидетели.

- Не понимаю, о чем вы говорите.

- Да? Ну, так знайте, что мы его поймали, вашего сообщника. И он нам рассказал довольно много интересного про вас.

Лоутон побледнел.

- Я вам не верю, - сказал он наконец. - Почему вы об этом сразу не сказали? Вы блефуете?

- Нисколько. Теперь мы знаем все, что вы пытаетесь от нас скрыть. Мы просто хотим, чтобы вы сами все рассказали. Калиф будет более снисходительным, если услышит чистосердечное признание.

Лоутон повернулся к калифу Исмаилу, сидящему все с тем же отрешенным видом.

- Я... ну, хорошо, предположим, что я передавал кому-то какие-то бумаги. Что мне за это будет?

Калиф промолчал.

- Понимаете, мне нужны были деньги, - продолжал Лоутон. - Это все ваша вина. Если бы вы не напридумали эти проклятые штуковины, я все еще работал бы сапожником. У меня были бы подмастерья и... и положение в обществе, и достаточно денег, чтобы жениться и обзавестись домом...

- И кто же вам предложил эти деньги?

- Испания.

- Испания?! - вмешался в разговор еще один дознаватель. - Чего они, во имя Аллаха, хотят?

- Я думал, вы знаете, - злобно произнес Лоутон.

- Расскажите нам.

- Хотят они того же, что и все остальные. Секрет ваших машин. Я обнаружил в Хранилище записей кое-какие чертежи, выглядевшие

достаточно достоверно, и взял их.

- Спросите его, - вмешалась Тейп. Все находящиеся в комнате оглянулись на нее. - О чем он разговаривал с тем японским гомункулузом?

- Испанцы хотят узнать, как устроены гомункулузы и как они работают, - ответил Лоутон. Переводчик быстро передавал его слова. - Никто не может залезть во внутренности ваших машин без того, чтобы они не оказались разрушенными, поэтому они закупили несколько экземпляров в Японии. И они смогли отыскать способ вскрывать ваших гомункулузов, не повреждая их, а также поняли, как можно задать другую программу, заставив бунтовать. Мне нужно было найти способ пройти мимо гомункулузов, сторожащих Хранилище записей. Испанцы помогли мне в этом.

- Так это вы впустили испанцев на мануфактуру? - спросила Тейп.

Лоутон ничего не ответил.

- Это вы сделали, точно! А затем хотели свалить вину на меня, поскольку я пытался остановить этих обезьян. Но зачем испанцам нужно, чтобы они взбунтовались?

- Я не знаю. Они мне говорили только самое необходимое.

- А почему вы пытались убить меня?

- Ты видел меня в компании того японского гомункулуза. Я боялся, ты начнешь что-то подозревать.

- Подозревать! Вот уж точно! После того как вы попытались меня убить, я действительно стал что-то подозревать!

- Ну, хорошо, - подал голос калиф Исмаил. Все повернулись к нему. - Мы уже достаточно его допросили на сегодня. Уведите.

- Нет, - завопил Лоутон. Двое людей калифа грубо подняли его на ноги. - Нет, вы же обещали... Что вы со мной хотите сделать?

- Еще не знаю, - сказал калиф. - Но наш разговор не закончен.

Лоутона вывели из помещения, его вопли слышались еще какое-то время, пока не затихли вдали.

- Что вы с ним сделаете? - спросил человек, все время находившийся рядом с калифом. - Тейп слышала, что его называют «визирь».

Калиф Исмаил вздохнул.

- Еще не решил. Да, я с удовольствием казнил бы его прямо сейчас, но это может не понравиться королеве Елизавете - он ее подданный, в конце концов. Мне придется снестись с нею и узнать, чего она хочет.

- Я согласен: нам следует его казнить, - сказал визирь. - Вы временами бываете слишком добры.

- Хорошо ли отнимать у человека жизнь, которую даровал ему Аллах?

- Визирь ничего не ответил и калиф продолжил: - Но, разумеется, все должны знать, что никому не позволено красть наши секреты.

Он посмотрел на Тейп. Казалось, его взгляд пронизывал ее насквозь, постигая все глубоко запрятанные тайны: и про то, как умерли ее

родители, как она плакала целыми днями, как голод вынудил ее искать работу. Но он только сказал:

- Ты что-либо знал о делах этого человека? Участвовал в них?

- Нет, Ваше Величество!

- А почему ты нам помог?

Тейп задумалась и вдруг поняла, что и сама этого не знает. Даже предполагая, что Лоутон может работать на Елизавету, она все равно продолжала его выслеживать. Она по доброй воле приняла сторону Аль-Андалуза, выбрала философию и здравый смысл, а не суеверия и предрассудки. Невзирая даже на то, что они держат своих женщин взаперти. Но, в конце концов, женщины и в Англии несвободны, а что касается ее лично, так ей и тут, и там придется прикидываться парнем.

Но объяснить всего этого Тейп не могла.

- Я... мне нравятся ваши машины, - пролепетала она.

Калиф Исмаил рассмеялся.

- Что ж, на самом деле мы не поймали сообщника Лоутона, он был прав - мы блефовали. Но, похоже, он передал ему нечто чрезвычайно важное - чертежи очень мощного оружия. Испанцы готовят вторжение, и я не уверен, окажемся ли мы к нему готовы.

Он повернулся к визирю.

- А вы ведь меня предупреждали, мой старый друг. Вы говорили, что мы должны заняться созданием армии, вместо того чтобы слушать музыку, изучать звезды и заниматься поэзией.

- Я говорил, что мы должны заниматься и тем, и другим.

- Да. Так и будет. Что ж, у нас есть еще некоторое время, пока они научатся создавать это разрушительное оружие. Но все же я так и не понял, зачем Лоутон разрушил собственную мануфактуру.

- С учетом того, кто работает против нас, это очевидно, - ответил визирь. - Испанцы хотят вызвать трения между нами и Англией, так что, когда они начнут войну против нас, англичане не станут нам помогать, не ухватятся за шанс сразиться со своим старым врагом Испанией. А когда это не сработало, когда англичане послали делегацию, чтобы узнать, что пошло не так, они послали к нам своего человека, который шпионил в их пользу.

- Ну, хорошо, - сказал калиф. - Пора браться за работу. Я хочу знать, как Лоутон сумел обмануть гомункулусов, стерегущих Хранилище записей. Они ведь для того и поставлены, чтобы защищать нас от таких вот вторжений. Ты... Тейп... так тебя зовут? Забирай этих гомункулусов в мастерскую и приступай к их исследованию. И, думаю, нам следует самим прикупить себе японских гомункулусов и посмотреть, на что похожи их машины.

- Слушаюсь, Ваше Величество, - ответила Тейп. Она поднялась, поклонилась калифу и поспешила на выход.

Снаружи ее дождался Ибн Сулейман.

- Что случилось? - спросил он. - Меня не пустили внутрь, а ты был там так долго...

Тейп рассказала ему про украденные Лоутоном бумаги и про все остальное, тараторя при этом так быстро, что ему приходилось ее прерывать и просить повторить сказанное.

- Он вызвал кого-то по переговорной трубе - Лоутон, то есть, ну, я так думаю, чтобы договориться о месте, где он мог бы передать украденные документы...

Но Ибн Сулейман ее уже не слушал.

- Ты сказал, что он украл планы создания оружия? - тревожно спросил он. - И передал испанцам?

Тейп кивнула.

- Они хотят покорить нас уже долгое-долгое время, - задумчиво продолжил Ибн Сулейман. - Почти девять веков, с того самого времени, когда мы сюда пришли.

Он покачал головой.

- Боюсь, будет война. И на этот раз, обладая такими деньгами и таким оружием, они могут победить. Они будут покупать наемников с той же легкостью, с какой скупают знания. А если на их стороне выступит еще и Япония...

- И что тогда?

- Не знаю. Мы слышали рассказы очевидцев, которым удалось сбежать из Лиона, что там пытаются людей или жгут их на кострах, если те не принимают христианства.

- Да. Ну, станете вы христианами. Какая разница?

Ибн Сулейман посмотрел на нее, и Тейп впервые поняла, что тот действительно напуган. Она никогда не видела, чтобы он чего-нибудь боялся, и поэтому страх овладел ею самой.

- Для нас есть разница, - сказал Ибн Сулейман.

- Но какая? - настаивала Тейп, ощущая в душе знакомое чувство досады, когда она чего-то не понимала. - Почему вы так сильно хотите поклоняться своему лунному богу?

- Что? Где ты такое услышал? Мы молимся Аллаху, единому Богу, тому же, которому молитесь вы, христиане.

Тейп уже давным-давно никому не молилась и, похоже, вообще не верила в Бога. Однако Ибн Сулейман продолжал:

- Но дело не только в поклонениях и ритуалах. Это... это всё то, как мы живем здесь, весь наш уклад. Я же говорил тебе. Они сожгут наши книги, а затем примутся жечь людей, которые с ними не соглашаются, мусульман, евреев...

- А кто такие евреи?

Ибн Сулейман посмотрел на нее удивленно.

- Люди другой религии, которые иначе поклоняются единому Богу. А что, у вас в Англии действительно нет евреев?

Тейп вздохнула с облегчением. Когда в разговоре люди из английской делегации упомянули евреев, она вообразила себе каких-то монстров восьми футов высотой, с одним глазом и торчащим из лба рогом.

Ибн Сулейман, похоже, решил, что напугал ее, хотя и ложно истолковал причину испуга.

- Не бойся: ко времени, когда начнется война, ты уже уедешь. Твоя королева прикажет тебе вернуться в Англию.

- Я не поеду, - решительно ответила Тейп. - Я еще очень многому должен научиться здесь.

Ибн Сулейман покачал головой.

- Это слишком опасно. Для боевых действий мобилизуют, по всей видимости, каждого.

- Мне все равно. Они не могут заставить меня вернуться. Я где-нибудь спрячусь... я хорошо умею скрываться.

- А если Испания выиграет войну? Они закроют все наши университеты - и ты тогда ничему не научишься.

- Мне все равно, - повторила Тейп.

- Что ж, - Ибн Сулейман запнулся, и следующие слова, похоже, дались ему с трудом: - Ты можешь пожить у нас, вместе со мной и моей женой. У нас никогда не было детей - я, кажется, говорил тебе.

- У вас? - переспросила пораженная Тейп. - Правда?

- Разве я стал бы говорить, если бы это было не так.

Будет ли таким же искренним его намерение, когда он узнает, что она не только в его религию, а вообще никаким религиям не верит? И нужно сделать еще одно признание, гораздо более важное.

- Ну тогда и я вам признаюсь... В общем... я не то, кем выгляжу. Я девушка. Меня зовут Катрин.

Ибн Сулейман ужаснулся. Она это увидела и в глубине души тоже ужасалась самой себе, поскольку решила кому-то довериться после всех жестоких уроков, которые ей преподавала жизнь...

- В таком случае я не должен к тебе прикасаться, - глядя в сторону произнес Ибн Сулейман. - Мужчина не должен касаться женщины перед молитвой.

Она вспомнила, сколько раз их руки сталкивались на верстаке, когда тянулись за каким-нибудь инструментом. Но ничего не сказала.

- И наш Пророк, да пребудет он в мире, учил нас, что женщина должна быть скромной. Она должна потуплять очи и сдерживать свои страсти...

- Вы хотите, чтобы я так держалась? Потупив взор? А как я тогда буду работать?

- Не знаю. Ты... ты не такая, как все женщины, которых я когда-либо встречал.

- А та женщина в университете, про которую вы говорили?

- Ну, у нее был блестящий ум.

- У меня тоже.

Ибн Сулейман рассмеялся.

- Она говорила, что таких женщин со временем станет все больше и больше. И государство, где так бурно развиваются науки и новые области их применения, не может себе позволить такую роскошь - не использовать половину мозгов страны.

Он замолчал. Тейп уже научилась различать оттенки его молчания. Сейчас он думал, работал над решением запутанной проблемы.

- Ну, хорошо, - сказал он наконец. - Калиф хочет, чтобы мы изучили гомункулусов, стороживших Хранилище записей, так он тебе сказал? Тогда идем и посмотрим, что к чему.

И как это нужно понимать? Он все еще хочет взять ее в свою семью? Как бы то ни было, в Англию она не вернется. Она останется здесь и научится всему, чему сможет. Она заставит его оценить свой ум. «Воистину, внимают наставлениям только те, у кого есть разум», - сказал он как-то. А уж у него-то разума было побольше, чем у любого иного, с кем ей довелось встречаться.

- Хорошо, - сказала Тейп-Катрин, и они зашагали по коридору.

Перевел с английского Евгений ДРОЗД

© Lisa Goldstein. Paradise is a Walled Garden. 2011. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Azimov's» в 2011 году.

КАРЛ ФРЕДЕРИК

ЛИКАНТРОПИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Профессор Пол Кэмпбелл едва успел включить компьютер, как в кабинет ворвался его коллега Роджер Робинсон.

- Чертов плагиатор, - так и кипел он. - В Сети наша статья «Язык как фильтр реальности». - Роджер рухнул в кресло. - Какой-то Домбровский, черт его побери. Приписывает себе весь материал.

Пол, оттолкнувшись в кресле от стола, откатился к стене.

- Иван Домбровский, - нахмурился он. - Я обнаружил его работу прошлым вечером.

- Я беспокоюсь за нашу научную репутацию, - сказал Роджер. - Необходимо что-то предпринять.

Пол кивнул.

- Я послал электронное письмо администратору сайта.

- Он что-нибудь ответил? - без всякой надежды поинтересовался Роджер.

- Пока нет, - вздохнул Пол. - У меня ощущение... полнейшей беспомощности. - Он подкатился назад к столу. - Как можно сражаться с Сетью? - Положил руки на клавиатуру. - Но посмотрим же, что принес нам рассвет. - И зашел в свой почтовый ящик. - Ого! В папке «Входящие» семьдесят два сообщения.

В первом, по непонятным причинам просочившемся через фильтр

спама, предлагались деньги из Нигерии.

- Везет мне!

Роджер наклонился и посмотрел на окошко предпросмотра.

- От самой что ни на есть президентской жены.

Пол щелкнул по клавише «Del».

Сообщение исчезло. На его месте в окошке предпросмотра появилась весьма красочная и более чем откровенная фотография зоофильского акта.

Роджер поперхнулся.

Пол снова щелкнул «Del». В следующем сообщении был эротический снимок крупным планом, заполнивший все окошко предпросмотра. «Del». Появилась детская порнография. Пол что есть силы треснул по «Del» и окошко заполнил испещренный свастиками флаер «Арийской нацистской империи».

- Мне надо идти, - Роджер поднялся и направился к двери.

- Понятия не имею, почему навалило столько мусора, - запинаясь, проговорил Пол, не переставая удалять сообщения. - Я не виноват.

- Ну да, конечно, - отозвался Роджер, с возмущенным видом открыл дверь и пулей вылетел прочь.

Пол был уверен, что коллега поверил ему... ну, быть может, не на все сто процентов.

Наконец, полностью вычистив ящик, он облегченно вздохнул и откинулся в кресле. Однако буквально спустя миг появилось еще одно сообщение, а потом еще и еще. Пол закрыл почту и задумался, что же делать. Общаться по компьютеру, набитому отбросами, он не мог. Но жить без электронной почты тоже нельзя. Как справиться с напастью? Это выше его понимания, значит, требуется помощь кого-нибудь, помешанного на компьютерах. Помощь гика^{*4}. Из всех, кого он знал, достаточно безумным был только один человек - Альф Ларсен. Пол задумчиво помял нос. Пожалуй, Альф даже чересчур... Пол выглянул в окно на автостоянку и поискал его машину. Вот незадача: ведь, казалось бы, Пол Кэмпбелл - профессор социалингвистики, но никогда не общался с Альфом на одном языке. Искомый автомобиль он обнаружил, что оказалось довольно несложно благодаря наклейке на бампере: «Ликантропия: изменись - ты можешь - верь!».

Пол вышел из кабинета и направился в подземные владения Альфа. Хоть Ларсен и был всего лишь студентом, в его распоряжении находился собственный кабинет, поскольку парень поддерживал в рабочем состоянии все компьютеры факультета, верстал

⁴ * Гик (от английского «geek» - чокнутый, помешанный и т.п.) - вошедшее в русский язык жаргонное слово, означающее человека, помешанного на какой-либо теме, однако чаще всего на компьютерных технологиях. (Здесь и далее прим. перев.)

профессорские странички в Сети, уничтожал вирусы и шпионские программы, обслуживал серверы. И Пол уже который раз задался вопросом, что же будет с факультетом, когда Альф получит диплом.

Оборотням: войте и входите.

Остальным: пожалуйста, постучите и ожидайте приглашения.

А.Ликантроп

Пол таращился на табличку на двери Альфа. «А.Ликантроп»? Он медленно покачал головой: Альф Ларсен. Он частенько задумывался, не направить ли его на консультацию к психологу - попытаться вернуть в реальный мир. Однако это могло закончиться потерей лучшего компьютерного дарования, которого когда-либо знал университет. Пол вздохнул. Кажется, парень искренне верит, что является оборотнем.

Дверь отворилась, и на пороге возник Альф в своем неизменном одеянии: черная футболка, черные брюки и белые кеды.

- Привет, профессор Кэмпбелл, - поздоровался он.

- Альф, - начал Пол, не заходя внутрь. - Ты должен помочь мне. Мой ящик завален хламом.

- Каким?

- Я... даже не в состоянии описать это.

- Тогда покажите.

В своем кабинете Пол нерешительно взялся за клавиатуру.

- Ну? - Альф нетерпеливо заглянул через его плечо в монитор.

Пол стиснул зубы и открыл ящик.

- Вот черт! - Глаза Альфа округлились. - И зачем только сделали это окно предпросмотра, - буркнул он.

Пол ударил по клавише «Del», и возникла еще одна непотребная картинка.

- Отключите, пожалуйста, - попросил Альф.

- Теперь понял? - спросил Пол, закрывая ящик. Он указал юноше на кресло.

- Ага, - Альф, сгорбившись, уселся.

Полу показалось, что в его ответе прозвучали нотки подозрительности.

- Я не виноват, - взмолился он. - Правда, не виноват.

- Но... Сеть считает, что виноваты.

- Я совершенно ни при чем, - упорствовал Пол. Однако по неведомой причине в глубине души вину он все-таки ощущал.

- Но Сеть считает, что вы... - вполголоса повторил Альф, словно самому себе. Он закусил губу. - Думаю, вас ку-слэпнули, - продолжил он уверенно.

- «Ку-слэпнули»? - озадаченно сморщил нос Пол.

- Слэпнули по сути*⁵.

Деформация носа Пола не исчезла.

- Ваша суть - профиль пользователя.

- Все равно не понимаю, - признался Пол.

- Когда вы что-нибудь ищете в Сети, запись о поиске сохраняется где-то в киберпространстве, - Альф говорил медленно, словно учил ребенка жизни. - И когда вы посещаете какую-нибудь социальную сеть или оставляете сообщение в интернет-конференции, это запоминается. Сеть знает все и выстраивает вашу сущность. Вы представляете собой ваш профиль.

- Правда? - удивился Пол. - Так все сайты связаны?

- Ну да. И если кто-то расколует ваши пароли или обманет MAC-адрес вашего компьютера, то сможет искать всякие мерзости от вашего имени или же размещать непристойности. И тогда Сеть приходит к выводу, что вы извращенец или кто-нибудь вроде этого. - Альф взглянул на экран, где сейчас был открыт лишь «рабочий стол». - И тогда ваш ящик заваливается рекламой всякой мерзости. - Он вздрогнул. - И это только начало.

Пол сидел потрясенный.

- Какой ужас! Зачем кому-то заниматься подобными вещами?

Альф лишь пожал плечами.

- Так и убил бы его! - заявил Пол наполовину серьезно.

- Ну, ку-слэпинг не так уж и плох, - как бы мимоходом заметил Альф. - С его помощью можно выплескивать недовольство.

Оглядев свой уставленный книгами кабинет, Пол вспомнил, что он профессор - столп социальной ответственности.

- А не лучше ли прибегнуть к законам?

Альф рассмеялся:

- Законы безнадежно отстали от времени.

- Тогда Конгресс должен издать новые законы.

- Конгресс? - снова рассмеялся Альф. - Да от них путных законов не дожدهшься. Все отстой: назад в пещеры.

- Отстой? - переспросил Пол, и нос его снова сморщился. - Это как?

- Задроты? - предложил Альф. Пол покачал головой. - Юзвери. - И через несколько секунд добавил: - Чайники.

- Ух! - Как социолингвист, новое словечко Пол счел интересным. - А что противоположно отстой?

- Гик, может, - предложил Альф и задумался. - Но это ведь спектр, шкала. И отстой - всего лишь отметка на ней. Это все равно что

⁵ * «*Quiddity-slap*»: *slap* - хлопнуть, ударить, наказать, *quiddity* - сущность, основное качество. Выражение «слэпнуть» распространено в среде геймеров.

спрашивать, что противоположно сорока двум^{*6}.

У Пола возникло смутное чувство, что сам он тоже относится к отстою. И это ему не понравилось. Он взглянул на компьютер - устройство, несомненно, отстою отнюдь не дружественное.

- А можно этот... ку-слэпинг исправить?

- Да, конечно, - Альф картинно пожал плечами. - Но тот, кто его совершил, способен сделать это снова. Задача состоит как раз в том, чтобы найти злоумышленника.

Пол ощутил себя иностранцем в сетевом мире.

- Только это его и остановит?

- Ну да, - ответил Альф с видом, не допускающим других вариантов. - А иначе он будет опасаться, что ку-слэпнут его. И тогда он окажется извращенцем.

Пол припомнил подозрительное выражение лица Роджера и печально кивнул.

- Боюсь, что даже если люди и знают, что я не извращенец, они все равно будут подозревать меня в этом.

- Вы есть то, что о вас думает интернет, - голосом проповедника провозгласил Альф.

- Но это глупо, - издал некое подобие смешка Пол. - Интернет - это ведь не реальность.

- Для практических целей - реальность.

Полу удалось правдоподобно рассмеяться.

- Ну, тогда ты - оборотень.

- Так и есть, - заявил Альф.

- Хм... - Пол счел за благо свернуть дискуссию о реальности. - Так ты мне поможешь?

Альф кивнул.

- Вам известен кто-либо, кто желает заточить на вас огромный зуб?

- Ну... может, электронный плагиатор, которого я вычислил. Его зовут Иван Домбровский. - Пол рассказал о случае с украденной статьей. Альф ответил, что, по его мнению, плагиат и ку-слэпинг должны быть связаны.

- Я проверю его. - Он оскалился. - У меня есть кое-какие... инструменты в логове.

Логово?

- Вышлите мне по почте его имя и сайт. - Альф взглянул на часы. - Мне нужно идти. Лекция. Вернусь после обеда.

⁶ * Упомянув это число, автор вспомнил о романе Дугласа Адамса «Автостопом по Галактике» (1979), в котором данное число является ответом на «Главный вопрос жизни, Вселенной и всего остального».

Когда Альф появился днем в кабинете Пола, то вид имел раздосадованный.

- Проблемы? - обеспокоенно спросил у него Пол.

- Ку-слэпинг делает вовсе не Домбровский, - начал отчет Альф. - Я покопался кое-где... Он просто не знает, как это делать. Он зум-отстой.

- Зум-отстой? - простонал Пол.

- Тот, кто считает себя гиком, но на самом деле лузер.

Пол мысленно занес в свой словарик новый термин. Альф задал вопрос:

- А есть еще кто-нибудь, кто вас очень не любит?

- Нет. - Пол задумчиво посмотрел в окно. - Если только студент, которого я завалил.

- Вполне возможно. - Альф закусил губу. - Дайте мне список, я проверю.

- Ну... не уверен, что я...

- Отбой. Я хапну его из университетского компьютера. Так вам не придется нарушать их право на частную жизнь.

- А я думал, что файлы в университетском компьютере защищены...

- Неужели? - пренебрежительно переспросил Альф.

- Но... - Пол не был уверен, что предложение Альфа освобождает его от моральной ответственности. - Может, все-таки как-нибудь по-другому...

- Знаете, - Альф посмотрел на экран компьютера Пола, демонстрировавший «рабочий стол», - кто бы это ни был, он выставил вас извращенцем.

- Я не извращенец.

- А вот Сеть считает, что извращенец. Поэтому вы и получаете все эти сообщения.

- Ладно. Так ты сможешь мне снова стать порядочным человеком?

- Конечно. - Альф как будто не уловил иронию в словах Пола. - Мне нужно воспользоваться вашим компьютером.

Пол встал, и Альф уселся на его место. Пальцы его замелькали по клавиатуре.

- Думаю, - произнес он рассеянно, - мне удастся вычислить, кто за этим стоит.

Заглядывая Альфу через плечо, Пол предавался зависти и страсти, понимая: чтобы не прозябать на дне, он должен прилагать все усилия, дабы стать противоположностью отстоя, чем бы она ни являлась. Он следил за манипуляциями Альфа на клавиатуре, но понимал мало.

Наконец Альф вздохнул и откинулся в кресле.

- Извините. Недостаточно данных.

- Ты имеешь в виду, что не можешь выяснить, чьих это рук дело? - спросил Пол, погружаясь в отчаяние. Альф, не отрываясь от монитора, уныло покачал головой.

- Пока нет.

Пол плюхнулся в кресло.

- Но я жить не могу без почты.

- Что ж, пока блокируйте панель предпросмотра. - Альф избегал смотреть Полу в глаза. - И продолжайте по мере возможности вычищать мусор.

- Ага, понял. - Пол открыл почтовый ящик и отключил опцию предпросмотра, ликвидировав появившийся мерзкий снимок.

- Я буду работать над этим, - пообещал Альф, своим тоном выражая всю бесполезность затеи.

- Ага, - отозвался Пол, просматривая темы сообщений и почти безостановочно нажимая клавишу «Del».

Помолчав, Альф направился к двери.

- Эй, подожди-ка, - не сводя глаз с экрана, сказал вдруг Пол. - Это еще что такое?

- Что? - Альф снова оказался перед компьютером.

- Куча сообщений, и все с одной и той же темой. «Восстановите свою сущность».

- От кого? - Альф заглянул через плечо Пола.

- «Безупречные партнеры». Никогда о таких не слышал.

Пол открыл сообщение, и они прочли:

!!Специальное предложение!!!

Не позволяйте Сети считать Вас мерзавцем.

Восстановите свое доброе имя.

Всего лишь за 250 долларов мы очистим Ваш интернет-профиль.

Гарантированно!

Отвечайте нам без промедления.

Безмятежный лик Альфа исказился гневом. Лицо залилось краской, в глазах засверкала ярость. Пол почти готов был поверить, что парень действительно оборотень.

- Обоснованный ку-слэпинг, - разразился Альф, - еще куда ни шло. Но требовать деньги, чтобы устранить его! Это мерзко, грязно и подло! - Он снова посмотрел на строку отправителя. - Вот отребье. - Потом его губы дрогнули в безрадостной улыбке. - Зато теперь у меня есть что-то, с чем можно работать, настоящие данные. - Он едва не выпихнул Пола с кресла.

- Проведу отдельный поиск по уровням, - прокомментировал Альф, не отрывая взгляда от экрана. - Не возражаете, если я загружу кое-какие программы?

- Да нет, - неуверенно ответил Пол. - Но... может, мне стоит заплатить...

- Чтобы они победили? - Пальцы Альфа стучали по клавиатуре. - Вы и вправду хотите этого?

- Нет! - Пол выпрямился во весь рост и расправил плечи.

- Отлично!

Следующие несколько минут Пол молча наблюдал за работой Альфа, едва ли что-либо понимая.

- Так, с Fs ничего, - развеял Альф зловещую тишину, нарушаемую лишь щелканьем клавиш, - попробуем с Ds и Cs. - И снова заработал с безмолвной напряженностью. Пол по-прежнему мало что понимал.

Минут через десять Альф завопил:

- Попался! - Пол аж подпрыгнул от неожиданности. - Томас Эдвард Ремингтон-третий. - Альф покосился на Пола. - Вы вlepили ему трояк.

- И слишком расщедрился! Но ему нужна была тройка, чтобы поступить в медицинский институт. - Пола вновь стали грызть сомнения: ему показалось, что он раскрыл информацию, которая не должна выходить за рамки отношений студента и преподавателя. - Ты уверен, что это его работа?

- Между ним и «Безупречными» лишь один уровень разделения. Может, даже нулевой... Это он, точно. - Альф снова вернулся к компьютеру. Он фыркал, стуча по клавиатуре. Затем эффектно воздел руки. - Я понизил его среднюю оценку на полбалла. В медицинский институт он уже не поступит.

У Пола от возмущения перехватило дыхание: нарушить неприкосновенность университетского компьютера!

- Я знаю этого парня. Он поднимет вой до небес.

- Если когда-нибудь узнает. - Альф все так же смотрел на экран, излучая самодовольство. - К тому же сейчас уже не ведут бумажных записей. Он не сумеет ничего доказать. - Альф повернулся к Полу. - Мы, оборотни, проделали неплохую работенку, а?

- Неплохую, - скрыл потрясение Пол. - А все оборотни - гики?

- Ну да, конечно.

Пол решил, что начинает кое-что понимать. «Должно быть, оборотень - другое название гика».

Альф с выражением боксера, возвращающегося на ринг, снова обрушился на клавиатуру.

- Так, посмотрим, сможем ли мы накопать что-нибудь на «Безупречных партнеров».

Пол наблюдал, как Альф вводит последовательность чисел.

- Что ты делаешь?

- Поиск по «Гулу», - глухо ответил Альф, явно поглощенный множеством задач.

- А, ну да. Подожди-ка. Ты сказал по «Гулу»?

- «Гул»^{*7} - поисковик для темной стороны, - объяснил Альф, пока сайт открывался. - Для хорошей темной стороны, конечно же. - Он принялся что-то яростно набивать. - В нем нет URL. Только адреса, чтобы не

⁷ * *Ghoul* (англ.) - вурдалак, упырь, гул.

совался отстой.

- Даже и не знал, что так можно, - тихо сказал Пол скорее себе, нежели Альфу.

- Легко, - с запинкой произнес Альф, видимо, из-за сложности действий. - И у нашего сайта обратной тоже нет URL. - Он прильнул к экрану. - Интересно! - Он ввел еще какие-то цифры и, пока сайт загружался, продолжил: - А у некоторых особо секретных сайтов даже нет статичного URL. - Он откинулся назад. - Нет... неинтересно.

- Можешь посоветовать мне какие-нибудь книги, из которых я могу все это узнать?

- Книги? - рассмеялся Альф. - К тому времени, когда информация появляется в этих умерщвленных деревьях, она уже безнадежно устаревает. - Он повернулся к Полу. - Но на сайте НОО есть кое-какие новейшие статейки.

- Это еще что такое?

- Ночной орден обратной. Когда я закончу с «гулингом», я его вам открою.

- А я там пойму хоть что-нибудь? - изобразил улыбку Пол.

- Вряд ли.

- Спасибо большое.

- Но, - продолжил Альф, - обратитесь к разделу «Детеныши». Там все элементарно.

- «Детеныши». А... здорово.

Альф принял серьезный вид.

- Я делаю это в качестве одолжения. Чтобы помочь вам стать гиком. - В его голосе прозвучал оттенок угрозы. - Поэтому следите за тем, чтобы больше никто сайт не увидел. Лады?

Тут компьютер пикнул, Альф резко обернулся и посмотрел на экран.

- О-очень интересно. «Безупречные» - это ветви корпорации «Черные данные».

- «Черные данные»? Никогда не слышал о них.

- Плохо, плохо. - Альф просмотрел несколько страниц мелким шрифтом. - Президент «Безупречных» - некий Дуэйн Блодгетт. - Альф продолжал читать. - И это плохой парень. - Тут его глаза округлились. - Эй, да «Безупречные партнеры» прямо в нашем городе!

- А Блодгетт - отстой?

- Э, нет. Думаю, он все-таки гик... - Альф задумался. - Хотя, конечно же, он может быть просто скриптомалышом^{*8}.

Пол, и без того перегруженный новыми жаргонизмами, даже не стал переспрашивать.

⁸ * *Скриптомалыш* - начинающий или неквалифицированный хакер, использующий для атак на сети готовые инструменты, не понимая их действия.

- Работать, работать, - произнес Альф со зверской ухмылкой. Он открыл почтовый ящик Пола и настучал сообщение. Затем картинно вытянутым указательным пальцем щелкнул на отправку.

- Ты что сделал? - спросил Пол, предчувствуя недоброе.

- Назначил встречу Дуэйну Блоджетту на шестнадцать часов.

- Что? - По мнению Пола, события развивались слишком быстро. - Где? В «Безупречных партнерах»?

- Он будет в «Безупречных партнерах», а мы - здесь.

- Виртуальная встреча?

- Ага, - буркнул Альф, словно отвечая на бессмысленный вопрос. - Я так понимаю, веб-камера у вас работает.

- Да, кажется.

- И на компьютере установлена программа распознавания движений?

- Что? - Такого термина Пол прежде никогда не слышал.

- Черт! - Пальцы Альфа снова замелькали по клавиатуре. - Сейчас установлю ее. - Он едва заметно покачал головой. - Настоящий... - чуть слышно проговорил он: фраза так и осталась незаконченной, но Пол, к стыду своему, не питал иллюзий относительно недосказанного слова: отстой.

- У вас есть какой-нибудь аватар? - поинтересовался Альф, когда загрузка и установка программы были закончены. Пол покачал головой, но, заметив, что Альф не отрывается от экрана, произнес:

- Нет.

- У меня-то оборотень, конечно же. - Альф говорил теперь спокойнее, его пальцы лежали на клавиатуре. - Он подался вперед, в его глазах блеснуло простодушное воодушевление. - Вы тоже могли бы стать оборотнем, если хотите. Естественно, после того, как все узнаете.

- Пожалуй, я больше люблю кошек, - усмехнулся Пол.

Глаза Альфа расширились от удивления.

- Так вы хотите стать оборотнем-кошкой?

- Я вовсе не это имел в виду!

- Почему нет? Если хотите, то можете стать оборотнем-кошкой или оборотнем-львом. - Альф оторвал руки от клавиатуры и раскинул их в стороны. - Или гиеной, или летучей мышью, или...

- Летучей мышью? - удивился Пол. - Вампиром, что ли?

- Нет. Этим словом теперь пользуются лишь школьницы.

Пол, поддавшись расслабленному состоянию, вспомнил о своей юности.

- Знаешь, - начал он застенчиво, - в детстве я действительно воображал себя таким оборотнем-кошкой. Саблезубым Мстителем. - Пол погрузился в воспоминания: борьба со злом, разодранные глотки обидчиков, восторг одноклассников.

- Прекрасно, - отозвался Альф, грубо возвращая его в настоящее. - Тогда вы - Саблезубый Мститель.

- Мечты, - проговорил Пол, ощущая некую утрату. - Мальчишеские грезы.

Однако Альф настаивал:

- Но для сообщества вы действительно можете стать Мстителем.

- Какого сообщества?

Альф поджал губы:

- Поскольку затронута Сеть, обойдемся без названия. - Он улыбнулся.

- Но между собой мы можем назвать его Сообществом оборотней.

К этому времени Пол был уже сыт по горло оборотнями.

- Но это не по-настоящему, - нетерпеливо заявил он, желая положить конец обсуждению.

- Так же, как и... газета.

- Что... - Пол чувствовал, что у него есть логическое опровержение этого довода, и попытался сформулировать его.

- Карта - это ведь не территория, - продолжал меж тем Альф. - Настоящее ненастояще. Все это... двойственно. - Он поднялся. -

Существуют уровни реальности и множество различных градаций реальности. В общем, для нашей встречи с «Безупречными» я создал для вас стандартный аватар. Потом вы сможете переделать его в Мстителя. - Он направился к двери. - Увидимся в пятнадцать тридцать.

- Альф сделал шаг и обернулся. - Ах да! Сайт оборотней. - Он кинулся к компьютеру, склонился над ним: - Кликните на глаз волка, чтобы войти. - Он выпрямился и снова пошел к выходу. И когда уже взялся за ручку, Пол спросил:

- Кстати... Оборотень - так ведь по-другому называется гик, да?

Альф обернулся:

- Нет! - Он выглядел смертельно оскорбленным. - Неверно. И даже не ошибочно. - Он развернулся и вышел из кабинета.

- Извини, - сказал Пол закрытой двери.

Пол смотрел на монитор. Текста на странице сайта не было. В центре совершенно белого экрана располагался черный геральдический нашлемник с изображением стилизованной волчьей головы, тоже белой.

Пол протянул руку к мышке, но остановился. Он знал, что, стоит ему кликнуть на глаз волка, и он на целый день погрузится в студии гиков. На до-о-олгий день. Но зато он, возможно, освоит новый язык. Ведь, в конце концов, именно это и является его специальностью - языки. Он улыбнулся. Быть может, новых знаний окажется вполне достаточно, чтобы он наконец-то смог понимать Альфа. Пол подумал было сбежать за стаканчиком кофе, дабы подбодрить себя перед предстоящим занятием. И снова улыбнулся: «Нет. Саблезубый Мститель не стал бы мешкать».

Пол кликнул на глаз.

Чуть ли не мгновенно открылась новая страница:

Ночной Орден Обратней

Выдающаяся социальная сеть для ликантропов

Новости сообщества

Средства

Детеныши

Форум

События

Волчье снаряжение

Логово

Оборотни в Мире отстоя

Присоединяйся к НОО для спокойствия духа

(Мы невидимы)

Пол таращился на удивительно простую страницу - и особое удивление вызывал тот факт, что с этим сайтом как-то связан Альф. Тот самый Альф, который практически в одиночку создал весьма продвинутый сайт факультета. «Быть может, им просто нечего доказывать. Или это просто невероятный прикол».

- А может, - произнес Пол вслух, - они просто хотят, чтобы люди считали это приколом. - Ведь все равно никто не верит, что они оборотни. Пол откинулся в кресле. - Если только они действительно не оборотни. - Он усмехнулся. - Да. Именно так.

Вздвогнув от стука в дверь, Пол оторвался от компьютера.

- Войдите, - отозвался он и почти безотчетно взглянул на часы.

«Бог мой. Уже полчетвертого?»

Вошел Альф и приветственно помахал рукой.

- Я тут... изучаю. - Пол странным образом ощущал себя виноватым, ибо узнал множество секретов: о некоторых, по его мнению, даже знать - нарушение закона.

- В разделе «Детеныши»? - спросил Альф с некоторым налетом снисходительности. Пол кивнул:

- Знаешь, я вроде как даже жалею, что мой аватар не Саблезубый Мститель.

Улыбка Альфа перешла в довольный смешок.

- Может, в следующий раз. - Он наклонился, чтобы посмотреть на экран. - А, изучаете, как выполнять вирусные сценарии, да?

Пол почувствовал, как его заливают краска, потому что это как раз был один из наверняка незаконных секретов.

- Я тут подумал, - заявил Альф, - может, лучше провести встречу с «Безупречными» из моего логова.

- Да?

- У меня там несколько компьютеров - просто на случай, если во время встречи мне потребуется «погулять» или что-нибудь в этом

роде. И еще у меня есть глушилка: мы сможем разговаривать, в то время как наши аватары будут изображать, будто слушают Дуэйна.

- Ладно. - Пол переключил компьютер в режим сна и поднялся.

- Мне жаль, - начал Альф, направляясь к двери, - но вам придется довольствоваться стандартным аватаром. - Поджидая Пола, он добавил: - А вечером я сварганю какие-нибудь образцы, которые, быть может, вам понравятся. Саблезубые твари, и всякое такое.

Пол ошарашенно уставился на Альфа, когда тот завыл перед дверью в свое логово. А затем и на дверь, которая сама по себе щелкнула и распахнулась.

- Программа распознавания воя, - пояснил Альф и, пропустив Пола, зашел сам.

Первым делом в глаза Полу бросилась наклейка на бампер, прилепленная к рабочему столу: «Подумай, чтобы стать оборотнем: у тебя будут лапы».

Пол понимающе улыбнулся. Наклейка продавалась в «Волчьем снаряжении» на сайте НОО. На рабочем столе, более смахивавшем на небольшой стол для заседаний, стояли два компьютера; тот, что побольше, соединялся с тройным монитором. Пол ощутил себя в пустыне, ибо рабочий стол - да и весь кабинет Альфа - начисто был лишен бумаг, в собственном кабинете Пола устилавших буквально каждую поверхность. Логово представляло собой сущее крысиное гнездо из электрических проводов, которые исходили главным образом из стойки, являвшейся, как подозревал Пол, факультетским сервером. На стойку был водружен небольшой плюшевый пингвин⁹. Также на столе, помимо нескольких оберток от шоколадок, стояла пара громадных компьютерных колонок. Хорошо, что логово Альфа в подвале.

Альф подошел к конторке и гавкнул разок, низко и жутковато. Тут же ожили три монитора большого компьютера - на каждом появилось изображение волка. И хотя в логове стояла тишина, Полу чуть ли не слышался их рык.

- Программа распознавания лая? - сообразил он.

- Ага.

На глазах у Пола волки на боковых мониторах сменились почтовым ящиком и программой мгновенного обмена сообщениями. Альф включил второй компьютер.

- Этот будет вашим. - Он склонился над клавиатурой. - Открываю программку для конференции и ваш аватар. - Он хихикнул. - Стандартный, но, думаю, пока сойдет. Как он имитирует ваши

⁹ * *Пингвин Такс - официальный талисман операционных систем Linux.*

движения, будет видно в отдельном окошке. - Жестом он пригласил Пола: - Садитесь и попробуйте.

Пол уселся и взглянул на экран. Он был залит синим цветом, за исключением нижнего левого угла, где очерченный черным квадрат демонстрировал часть грубо обтесанного стола. Некое подобие покоев средневекового замка. Мерцающий свет настенных факелов освещал основательную каменную кладку и гобелены с изображениями мифических животных. За столом сидел человек в кольчуге, его руки лежали на клавиатуре. Лишь взглядевшись, Пол осознал, что это сгенерированное компьютером изображение. Наклонившись поближе, он застыл, ибо человек точно так же наклонился и так же замер.

Продолжая экспериментировать, Пол выяснил, что человек в кольчуге и вправду копирует его движения. Услышав щелчок, Пол посмотрел налево. Центральный монитор Альфа у него на глазах из плоского становился изогнутым.

- Новые активные дисплеи, - пояснил Альф. - Обеспечивают гораздо более убедительный эффект присутствия на виртуальных встречах. Класс, да?

- Здорово, - согласился Пол, испытывая укол технологической зависти. Он заметил, что на мониторе имелась вставка, показывающая покои и стол, выглядывающий на этот раз с правой стороны. За столом, сверкая глазами, сидел аватар Альфа - весьма убедительный оборотень, но в белой рубашке и кроваво-красном галстуке. Его лапы также покоились на клавиатуре. Затем они принялись печатать, и Пол взглянул на настоящего Альфа.

- Сообщаю Дуэйн Блоджетту, что мы готовы.

Менее чем через минуту Дуэйн отозвался. Синий фон на мониторах Альфа и Пола сменился изображением шикарного конференц-зала. Одну боковую стену покрывала увеличенная репродукция пейзажа Тёрнера^{*10}, две другие стены в поле зрения представляли собой окна, за которыми внизу виднелся огромный город. За отполированным до зеркального блеска дубовым столом сидел мужчина лет тридцати, облаченный в серый костюм-тройку и некое подобие университетского галстука. Он приятно улыбался. «Этот образ Дуэйна выглядит не таким уж дурным». Пол улыбнулся в ответ. Дуэйн - точнее, его аватар, как Полу пришлось напомнить самому себе, - выглядел весьма представительно и дружелюбно, словно священник или, быть может, торговец автомобилями в выставочном зале высшего разряда. Инстинктивно Пол почувствовал к нему предрасположенность. Может, вопреки уверениям Альфа, Дуэйн вовсе не является источником куслэпинга. Возможно, он всего лишь мелкий предприниматель,

¹⁰ * *Джозеф Мэллорд Уильям Тёрнер (1775-1851) - английский художник, мистер романтического пейзажа.*

предоставляющий необходимое техническое обслуживание.

Аватар Дуэйна перевел взгляд влево от Пола - очевидно, на Альфа-оборотня. Пол заметил, что вид у Дуэйна стал обеспокоенным... Эта программа распознавания движений замечательна. Пол озадаченно склонил голову. С какой стати Дуэйну опасаться оборотня? Ведь это всего лишь аватар. После вступительных реплик Альфа и Дуэйна Полу внезапно пришла идея, что «оборотень» означает не гика, а что-то типа ультрагика. И Дуэйн боялся того, что Альф мог с ним сделать или, по крайней мере, с его присутствием в Сети.

Так вот что означает «Оборотни в Мире отстоя».

Пол очнулся от размышлений и услышал Альфа:

- Я тут узнал, что ты просишь две с половиной сотни баксов, чтобы снять ку-слэпинг с моего друга.

Дуэйн выдавил улыбку:

- Думаю, это справедливая цена.

- Да, - вполголоса, но все же с угрозой проговорил Альф, - если бы ты не был тем, кто сделал это.

- Я? - переспросил Дуэйн. - Да как ты смеешь?

- Черт, я отлично знаю, что это ты! - Альф стукнул по столу, и Пол услышал удар, а мигом позже и его эхо из компьютерных колонок.

Улыбка на пару секунд исчезла с лица Дуэйна. Однако затем она вернулась.

- Неважно, - жизнерадостно провозгласил он. - Но в качестве любезности я готов скинуть цену до ста пятидесяти долларов. - Нетерпеливый жест. - Думаю, вы согласитесь, что я весьма умерен.

Альф сжал лапы в кулаки на клавиатуре.

- Слушай, ты, мешок с дерьмом! - рявкнул он. - От нас ты не получишь ни цента!

Пол посмотрел в сторону и вздрогнул. Смешно. Теперь как-то странно видеть Альфа в человеческом обличье. Однако тот явственно был человеком, пускай и весьма разъяренным.

- Когда ты успокоишься, - произнес Дуэйн, аватар которого демонстрировал раздраженное презрение, - то поймешь, что я действительно весьма умерен. - Он снова улыбнулся, но на этот раз с видом кошки, добывшей канарейку.

- Да пошел ты! - Альф вскочил на ноги и ударом руки разорвал связь. Дуэйн и его апартаменты тут же исчезли с обоих мониторов, оставив лишь синюю пустоту.

Пол посмотрел влево и вверх. В позе Альфа ощущалась высокомерность, хотя его и била дрожь. Он тихонько зарычал.

- Успокойся! - встревожился Пол за своего молодого коллегу. - Расслабься. Сядь и сделай несколько глубоких вдохов.

- Да, - Альф рухнул в кресло. - Я думал, стоит ему увидеть, что я оборотень, и он сразу же отступит. - Он уставился на центральный

монитор, где на квадратной вставке его аватар по-собачьи часто и тяжело дышал.

Постепенно дыхание Альфа замедлилось до нормального. Тут их внимание привлекло мерцание левого экрана. Почтовый ящик показывал сообщения, сыпавшиеся чуть ли не каждые две секунды. Нехотя Альф открыл первое. И тут же у них обоих перехватило дыхание от полноцветной непристойности, заполнившей весь экран. Альф ударил по клавише «Del», и снимок сменился еще более гнусной картинкой. Альф, словно на автомате, выбросил руку и закрыл почтовый ящик.

- Меня ку-слэпнули, - судя по интонации, в происходящее он верил с трудом. Он вскочил на ноги и испепеляюще уставился на залитый синим центральный монитор. - Мерзкий червяк! - Он дернул головой и перевел дикий взор на Пола. - Для ку-слэпинга он выбрал самого неподходящего оборотня. И сегодня, - утробно прорычал он, - полнолуние.

Пол просто кивнул, не осмеливаясь нарушить ярость Альфа. Тот снова взглянул на синий экран и презрительно выдохнул:

- Этот гнусный урод наверняка думает, что сильнее меня. - Он повернулся к Полу, изогнув пальцы, словно собирался кого-то порвать ими. - Вам лучше уйти. Я загляну к вам завтра пораньше.

Пол подавил, нервный смешок:

- Ты хочешь сказать: где-нибудь в полдень.

- Именно так. - Альф отвернулся и бросился за клавиатуру.

Пол тихонечко вышел из логова Альфа и вернулся в свой кабинет, по пути купив в автомате стаканчик кофе.

Пол вдохнул сочный, хотя и синтетический аромат кофе. Затем решительно поставил стаканчик рядом с клавиатурой. Он предвидел долгую ночь изучения страниц раздела «Детеныши». Ему еще многое предстояло узнать.

Он открыл браузер, нашел в «Журнале» сайт НОО и кликнул по нему. Однако в ответ получил лишь сообщение «Адрес не найден». Миг замешательства - он все же смекнул, что сайт сменил базисное доменное имя или же, быть может, здесь вовсе нет статичного IP-адреса. Он мысленно представил страницу НОО. «Вот что означает «Мы невидимы»: невидимы для поисковиков». Пол ощутил некоторую гордость, что недавно приобретенные знания позволили ему сделать подобное заключение. И вот почему Альфу пришлось «гулить» сайт НОО. Они должны автоматически уведомлять «Гул», когда меняют свой URL. Пол нашел в «Журнале» поисковик, загнал в него НОО, вновь зашел на страницу «Детеныши» и приступил к изучению. Теперь, увидев непосредственные результаты своих стараний, он уже предвкушал его.

Когда держать глаза открытыми Полу было уже не под силу, он посмотрел на часы. Поздно. Очень поздно. Однако время потрачено не зря - теперь он чувствовал, что существенно продвинулся на пути в мир гиков. Эта мысль вызывала ликование.

По привычке он заглянул в почтовый ящик - и восторга как ни бывало. С тяжким вздохом он принялся удалять отвратительную почту. Утром нужно отрегулировать спам-фильтр. Его приводило в уныние, что так и не удалось обнаружить более действенный гик-способ разрешения проблемы.

«Может, когда я покончу с разделом «Детеныши».

Разобравшись с чисткой, он выключил компьютер, выбросил давно уже опустевший стаканчик и направился к двери. Подумал о том, как же Альф намеревается справиться с ситуацией. Устало двинувшись к своей машине, он улыбнулся мысли, что, наверное, покинул собственный кабинет позже, чем Альф свой.

На следующий день незадолго до полудня со стаканчиком кофе из автомата Пол, словно сомнамбула, вошел в кабинет. Мучительно сознавая, что возраст более не позволяет ему заниматься всю ночь, по крайней мере без последствий, он рухнул в кресло. Механически включил компьютер и по привычке открыл почтовый ящик. Пока тот загружался, Пол вспомнил о ку-слэпинге. Он стиснул зубы, приготовившись к битве со зловредной почтой.

Однако, к его удивлению, глазам предстали лишь четыре поступивших письма, и, судя по темам, ни одно из них не являлось ядовитым спамом. Все безвредные. Никакого спама, за исключением еще одного послания от жены нигерийского президента.

«Интересно, как Альфу это удалось. Спрошу, когда придет».

Расслабившись, наслаждаясь мыслью, что теперь компьютер вылечен, Пол откинулся в кресле, взял стаканчик с кофе и открыл интернет-версию «Дейли Спандж», своей любимой местной газеты.

Он сделал глоток. Потом прочел заголовок и поперхнулся. Прильнув к экрану, он разбрызгал кофе по клавиатуре.

Полиция, приняв этим утром вызов от соседа, обнаружила тело Дуэйна Блоджетта на пороге его квартиры. У него было разорвано горло - судя по всему, диким животным. Соседи сообщили, что у мистера Блоджетта была собака, спрингер-спаниель. Представитель Общества противодействия жестокому обращению с животными предположил, что происшествие может объясняться «собачьим бешенством», когда обычно спокойный и дружелюбный пес внезапно приходит в неистовство. Это весьма редкое, но все же известное поведение спрингер-спаниеля. Сама собака исчезла. Полиция распространила предупреждение жителям не пытаться задержать животное самостоятельно, но позвонить в полицию или Общество

противодействия.

- Бешенство, черт возьми! - не находил себе места Пол. От изнеможения не осталось и следа. - Это было бешенство оборотня!

Мозг Пола, переполненный мыслями и страхами, напряженно заработал, отчаянно пытаюсь разобраться в чудовищности ситуации. Альф - преступник. В этом нет сомнений. Что же делать? Пол схватил телефонную трубку, но тут же швырнул ее назад. Он не мог сдать Альфа полиции.

«Вообще-то, Дуэйн Блоджетт сам нарвался, и потом, найти хорошего компьютерного гика не так-то просто».

- Черт возьми, - сказал он вслух. - А что, если он записан на мой курс лекций «Этика и общество»? - Пол с шумом выдохнул. Он чувствовал, что ему самому надо бы записаться на лекции.

Зазвонил телефон, и Пол, вздрогнув, машинально схватил трубку.

- Слушаю.

- Можете вычистить «Входящие», профессор Кэмпбелл. - Это был Альф, и голос его звучал убийственно серьезно. - Я восстановил вашу сущность. Больше помоев вы получать не будете, по крайней мере от Дуэйна Блоджетта.

При упоминании имени жертвы Пол подскочил.

- Послушай, Альф, - ответил он, стараясь, чтобы голос его звучал ровно, - лучше приходи в мой кабинет, чтобы мы могли... поговорить кое о чем другом.

- Да, конечно, - осторожно согласился Альф. - Что-нибудь не так?

- Что-нибудь... Слушай. Просто зайди в мой кабинет.

- Ладно. - Альф отключился, а Пол так и сидел, таращась на телефонную трубку.

«И зачем я сказал это? Я что, вправду хочу поговорить с убийцей, который считает себя оборотнем?»

Пол медленно положил трубку на рычаг, но затем в муках неуверенности снова поднял ее и тут же бросил.

Раздался стук в дверь, и вошел Альф. Пол, вздрогнув, откатился в кресле к стене. Вид у Альфа был озадаченный.

- Что-нибудь не так?

Пол, лишившись дара речи, указал на заголовок на экране. Не отрываясь от статьи, Альф рассмеялся.

- Да, я убил Блоджетта, - заявил он невозмутимо. - В... Сети.

- Но?!..

- Его гнусное физическое воплощение не тронут.

- То есть он не по-настоящему мертв?

Альф пожал плечами.

- Зависит от того, что вы подразумеваете под «мертв» и «по-настоящему». Какую реальность вы имеете в виду. Он мертв там, где это имеет значение.

- Но... - Пол пытался понять, что же произошло. - В газете говорится...
- Карта не обязательно является территорией, - развеселился Альф.
- Так это ты закинул статью?
- Получилось неплохо, а? Ее перепечатали и другие газеты. - Альф причмокнул губами! - Реки крови. Виртуальной крови.
- Виртуальной? - Подобный поворот событий осмыслить непросто.
- Ну да, конечно, - небрежно подтвердил Альф. - С газетой было легко. - Он засиял улыбкой. - Я сделал так, что даже банк считает его покойником. И еще я аннулировал его кредитную карточку и удостоверение личности. У него даже пропуск в библиотеку не действует, - восторженно продолжал он. - В общем, там, где затронута Сеть, он мертв, - Альф хихикнул. - А воскреснуть будет не так-то просто. - Тут его улыбка стала жестокой. - Дуэйн мертв. Дуэйн сгинул во тьме. - И он оскалился.

Пол ощутил скрытую жестокость - виртуальную жестокость. «Если интернет считает его оборотнем... тогда для большинства практических целей он, вероятно, таковым и является. А кто я такой, чтобы спорить с Сетью?» Пол почувствовал, как к нему возвращается детское желание быть особенным, может, даже супергероем.

- Знаешь, - неуверенно начал он. - Кажется, я действительно хочу стать гиком.

Альф, словно поразившись, на мгновение застыл.

- Конечно. Почему нет? - Он развел руками. - Это ликантропический принцип.

- Какой?

- В Сети никто не знает, что ты не оборотень.

Пол подавил смех, остро осознавая весь сюрреализм ситуации.

- Реальность так сложна, да?

Альф энергично покачал головой:

- Нет.

Вдруг раздался рассерженный стук, и Пол с Альфом обернулись на дверь. В кабинет ворвался Роджер Робинсон:

- Этот Домбровский! Этот ублюдок опять за свое! - но, увидев Альфа, осекся. - Простите. Не знал, что у вас разговор.

- Вы как раз вовремя, - Пол жестом пригласил его войти.

- Этот Домбровский стащил еще одну мою статью. - Роджер потер лоб. - И, кажется, ни черта с этим поделать я не могу.

Пол, у которого голова все еще шла кругом от облегчения и сюрреализма, резко соскочил с кресла, так что оно даже откатилось назад и глухо ударилось о стену.

- Это работа, - провозгласил он, воздев палец вверх, - для Саблезубого Мстителя!

- Что? - Роджер округлил глаза.

- Да! - Альф триумфально взметнул кулак. А потом издал вой.

Роджер попятился к двери.

- Плагиат -, это серьезно, - неуверенно изрек он.

- Ну конечно, - согласился Пол. Он развернулся к Альфу и ответил на его вой глубоким львиным рыком. Роджер дико перевел взгляд с одного на другого.

- Парни, вы что курили? - Он еще попятился и задницей распахнул дверь. - Я загляну попозже. - Бросив последний озадаченный взгляд на Пола, он наконец все так же спиной вперед вышел из кабинета.

Переполняемый уверенностью в своем новом священном знании, Пол лишь улыбнулся.

- Отстой, - буркнул он, глядя на закрывшуюся дверь.

Перевел с английского Денис ПОПОВ

© Carl Frederick. The Lycanthropic Principle. 2011. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2011 году.

МАЙКЛ СУЭНВИК

КАМЕНЬ ОДИНОЧЕСТВА

Иллюстрация Николая ПАНИНА

*Я жду тебя в Ирландии,
Святой земле Ирландии.
Молю тебя, любимый мой,
Лети ко мне, станцуй со мной
На родине, в Ирландии.*

Неизвестный автор (ок.1300)

На колоннах Главного почтамта в Дублине все еще виднелись следы от пуль, хотя после восстания 1916 года прошло почти два столетия. Почему-то вид этих выбоин подействовал на меня гораздо сильнее, чем я ожидал. Еще больше меня взволновало, что я оказался всего в двух кварталах от того самого места, где пасхальным утром 1996 года (на восьмидесятилетие трагических событий) моя прапрабабка видела, как Джерри Адамс^{*11} в сопровождении единственного телохранителя и одного из местных активистов возвращался по О'Коннелл-стрит с

¹¹ * Джерри Адамс (р. 1948) - ирландский политик-республиканец, председатель партии Шинн Фейн. (Здесь и далее прим. перев.)

политического съезда. Этого оказалось достаточно, чтобы у меня возникло чувство глубокой личной причастности к истории многострадальной страны.

Прапрабабку я не знал: эту семейную историю рассказал мне дед, и она осталась у меня в памяти на всю жизнь, хотя дед умер, когда я был еще ребенком. Если закрыть глаза, я и сейчас могу представить его лицо - расплывающееся, дрожащее, словно увиденное сквозь колеблющееся пламя свечи. Дед умирает, лежа под толстым ватным одеялом в своей тесной нью-йоркской квартирке. На губах его слабая улыбка, голову окружает венчик редких седых волос. Прямо одуванчик: дунь - и развеется.

- Восстание было обречено с самого начала, - рассказывала мне потом Мэри. - Посланный из Германии транспорт с оружием перехватили англичане, к тому же республиканцы оказались в меньшинстве: каждому из наших приходилось сражаться против четырнадцати врагов. Британская артиллерия непрерывно обстреливала Дублин, круша без разбора все подряд. В охваченном огнем городе закончилось продовольствие. Уцелевших повстанцев вели в тюрьмы и на казнь под свист и улюлюканье лоялистов. Как ни суди, это был полный разгром, и все же наша независимость перестала быть только мечтой. Да, мы терпим поражение за поражением, но никогда с этим не миримся, и поэтому каждый новый разгром и унижение только приближают нас к победе.

Ее глаза сверкали.

Я полагаю, мне следует рассказать о глазах Мэри, чтобы вся эта история стала вам понятнее. Но прежде я должен поведать вам о святом источнике.

В Буррене есть чудотворный источник, который, согласно местным повериям, исцеляет зубную боль. Сам Буррен - это сложенная серыми известняками возвышенность в западной части графства Клэр. Плодородного слоя здесь почти нет, а известняк сплошь иссечен расселинами и трещинами - местные называют их грайками. Грайки густо заросли растениями, которые в таком количестве больше нигде здесь не встречаются. На юге и востоке Буррена уходят под землю многочисленные глубокие пещеры, а по равнине в изобилии разбросаны дольмены и прочие древние памятники.

Святой источник тоже относится к свидетельствам истории, хотя это всего лишь небольшой (фут в поперечнике) бочажок, покрытый зеленой ряской. В сравнительно недавние времена неизвестные мастера возвели над источником часовню из длинных и тонких известняковых плит неправильной формы. Из таких же плит сложены здесь все каменные ограды, которые имеют весьма необычный вид и делают местность труднопроходимой. Кругом, впрочем, не видно ни души; можно разломать любую изгородь, разбросать плиты в разные

стороны, и никто вам слова не скажет, но если вернуться сюда, скажем, через год, всё окажется заботливо восстановлено в первоначальном виде.

Люди посещают источник с незапамятных времен. Видимо, под влиянием христианства паломники с некоторых пор стали оставлять здесь образки и фигурки святых, а также флаконы из-под лекарств, гвозди, монеты и прочий мусор, но это, вероятно, явление временное. Именно церковь объявила источник святым, но основная причина, по которой люди продолжают сюда приходить, заключается в том, что его вода по-прежнему исцеляет. Другие источники давно потеряли силу. Их еще можно увидеть на старых картах, но отыскать довольно трудно: пролежавшие к ним когда-то дороги заросли, а вокруг нет ни подношений, ни каких-либо других следов присутствия человека.

Почему так случилось? Кто знает... Быть может, много лет назад родник проклял какой-то святой, или осквернил грешник, или же он просто иссяк. Главное - волшебство перестало происходить, и верующие забросили святыню. Но родник до сих пор обладает чудотворной силой. Чтобы почувствовать ее, не обязательно пить воду - достаточно просто встать рядом с бочажком и ощутить во всем теле священный трепет.

Глаза Мэри - словно родник. Они такие же зеленые, как его вода, и также полны опасного, чарующего волшебства.

Об этом источнике я был наслышан еще до того, как сорвал большой куш и добился разрешения покинуть планету. Перед тем как отправиться к другим мирам, я почти целый год осматривал главные достопримечательности Земли, на которую мне, скорее всего, уже не суждено вернуться. Последний месяц я провел, скитаясь по местам своих предков. В Ирландии я оказался впервые, и мне всё здесь ужасно нравилось: я даже начал воображать, как здорово пойдут дела в чужих мирах и как я когда-нибудь стану достаточно богат, чтобы вернуться сюда и жить на покое.

Я был глуп и, что еще хуже, этого не понимал.

Мы познакомились в пабе «Заскочил - опрокинул» на западе страны; этот край в проспектах Ирландского совета по туризму ласково именуют «дивной провинцией». В паб я пришел вовсе не для того, чтобы слушать музыку - мне хотелось спрятаться от дождя и опрокинуть стаканчик подогретого виски. Я сидел у камина, наслаждаясь теплом и сладковатым запахом горящих торфяных брикетов, когда кто-то распахнул дверь в глубине зала и объявил, что начинает принимать плату за билеты. В зале поднялся галдеж, поэтому я перешел со стаканом к стойке и спросил, что тут происходит.

- Приехала Майра Рагаллах, - ответил владелец паба, произнося эту

фамилию, как О'Рейли^{*12}. - В конце гастролей она любит заскочить куда-нибудь, чтобы дать незапланированный концерт для простого народа. Хотите послушать - берите билет прямо сейчас. Желающих хватает.

Я отродясь не слышал ни о какой Майре Рагаллах. Но в городе мне попадались афиши с ее именем, и сейчас я подумал: почему бы и нет? И, купив билет, перешел в соседний зал, чтобы послушать ее выступление.

* * *

Майра Рагаллах пела без музыкального сопровождения, помогая себе лишь игрой на воображаемой гитаре. Ее песня была... В общем, если вы ее слышали, то понимаете, о чем речь, а если нет, то мои слова вам ничем не помогут. Я был захвачен, восхищен и очарован. Когда в середине концерта она запела «Плач Дейдры», голова у меня закружилась, а в груди защемило. Мне казалось, будто моя душа покинула тело и странствует между небом и землей по каким-то огромным пустым пространствам. Реальный мир исчез. Я и Майра стояли лицом к лицу по разные стороны усеянной костями равнины. Небо было черным, а кости белыми, как мел. Дыхание ветра казалось ледяным. Мы пристально смотрели друг на друга. Ее взгляд пронзал меня, как копье, прожигал насквозь, и я понимал, что пропадаю. Должно быть, я в нее уже почти влюбился. И если бы сейчас она заметила меня или хотя бы заподозрила о моем существовании, я бы в тот же миг погиб окончательно.

Ее губы двигались. Она что-то говорила, и я каким-то образом понимал, что это безмерно важно, но ветер уносил ее слова прочь. Я слышал лишь протяжный вой, похожий на рыдание баньши - духа, оплакивающего мир, погибший от собственного безумия. Голос Майры был пронзительным, как соло на электрической гитаре. Я попытался приблизиться к ней, но обнаружил, что парализован. Я напрягал каждый мускул, стараясь сдвинуться с места, но не мог даже пошевелиться. И я по-прежнему не понимал ни слова из того, что она мне говорила.

* * *

Задыхаясь, я пришел в себя - пот тек с меня ручьями, а сердце отчаянно стучало в груди. Стоя на невысокой эстраде, Мэри - как я

¹² * *Фамилия О'Рейли происходит от древнеирландской Рагаллах.*

стал называть ее впоследствии - беседовала со слушателями в перерыве между песнями. Вдруг она задорно усмехнулась и, кивнув в мою сторону, сказала:

- А следующая песня для американца в первом ряду.

И не успел я оправиться от неожиданности, как она стала исполнять «Возвращайтесь, дикие гуси», - песню, как я потом узнал, собственного сочинения. «Дикими гусями» прозвали ирландцев, покинувших родину, которая не могла их прокормить, и ставших наемниками в армиях католических государств Европы. С течением времени так именовали всех ирландцев, где бы они ни поселились, а также детей, внуков, прапраправнуков тех бедолаг, которые из-за жестокостей судьбы были вынуждены покинуть горячо любимую родину. Свое чувство вины они передали потомкам. Многим и многим поколениям живущих на чужбине ирландцев это чувство знакомо слишком хорошо.

- Эта песня для американца, - сказала Мэри.

Но как она узнала?

Дело в том, что вскоре после прибытия на остров, я купил полный комплект одежды местного производства, а все свои американские шмотки отправил в контейнер для нуждающихся. Кроме того, я приобрел один из тех простеньких нейрокомпьютеров в виде кулона, которые используют некоторые актеры, чтобы на время изменить акцент. Сделал я это потому, что очень быстро усвоил: стоит только местному жителю понять, что перед ним американец, как тут же следует вопрос:

- Ага, разыскиваешь, значица, свои корни?

- Да нет, просто такую красивую страну нельзя не посетить.

На это слышится скептическое:

- Но предки-то твои были ирландцами?

- Да, но...

- Ага!.. - Собеседник поднимает кружку доброго ирландского эля, намереваясь осушить ее залпом. - Все-таки разыскиваешь свои корни. Я так и думал.

Вот уж чего я ни в коем случае не разыскивал, так это свои клятые корни. Я был американцем ирландского происхождения в восьмом поколении, и моими корнями и ветвями являлись старики, добывающие себя в мрачных пивных Бостона, да престарелые леди из «Норейда»^{*13}, которые, напялив короткие черные юбки, вышагивают по улицам в День святого Патрика, вбивая в асфальт каблуки туфель (прохождение их колонн напоминало бы марши фашистских штурмовиков-чернорубашечников, если бы не витающая над всем атмосфера китча и слащавой сентиментальности). Мои корни и ветви -

¹³ * «Норейд» - американская общественная организация, которая поддерживает республиканцев в Северной Ирландии.

это продажные копы и юные головорезы, предпочитающие подвальную «качалку» школе, а во всех бедах винят черных и программу компенсационной дискриминации, предоставляющей только низкооплачиваемую работу на стройке, которую они тут же бросают, предпочитая бездельничать на пособие. Я приехал на остров, чтобы избавиться от всего этого и еще от доброй тысячи гадостей, о которых натуральные ирландцы не имеют ни малейшего понятия.

Окарикатуренные лепреконы, сентиментальные песни и слащавые пословицы на дешевых кухонных полотенцах - все это каким-то образом подводило к ощущению, что игра заранее проиграна, что все усилия тщетны, поэтому, чем бы ты ни занимался, из трясины все равно не вырваться. А виной всему та штука, что лукавым бесом затаилась в темном уголке души, - та самая ирландская угрюмость, которая досталась в наследство от далеких предков.

Но как же она все-таки догадалась, что я американец?

Видимо, только желанием узнать ответ на этот вопрос можно оправдать мое решение с ней познакомиться. Впрочем, это объяснение ничем не хуже любого другого. После концерта я задержался в зале, ожидая, пока Мэри выйдет из закутка, который ей отвели под примерную, чтобы задать свой вопрос.

Когда Мэри наконец появилась и увидела меня, ее губы скривились, словно она хотела воскликнуть: «Ага, попался!». Не дожидаясь моего вопроса, она заговорила первой:

- Я только взглянула на тебя и сразу поняла: вот парень, который прошел внутриутробную генетическую коррекцию. Эта технология была первым, чем пришельцы поделились с америкосами в качестве платы за поддержку в войне. А как иначе объяснить, что мужчина твоего возраста выглядит как писанный красавец?

После этих слов она взяла меня за руку и повела к себе.

* * *

Сколько мы были вместе? Три недели? Вечность?

Впрочем, времени хватило, чтобы мы с Мэри побывали во всех уголках этого зеленого, часто посещаемого привидениями острова. Она знала его историю как свои пять пальцев - она рассказывала и показывала, а я ни о чем не догадывался.

В один из дней мы осматривали Порткун - огромную морскую пещеру с высокими и гулками готическими сводами, в которой давным-давно обитал отшельник, давший обет до конца своих дней неустанно молиться, соблюдать строжайший пост и не принимать пищу из человеческих рук. Поначалу во время прилива сюда добирались женщины, предлагая помощь и пищу, но он все отвергал. «Во всяком

случае, так гласит легенда», - улыбнулась Мэри. Когда отшельник уже умирал от истощения, тюлень принес ему в зубах рыбу. Поскольку тюлень не был человеком и не имел рук, отшельник принял эту пищу. С тех пор тюлень стал приплывать каждый день, и отшельник прожил много лет.

- Ну, а что из этого правда, - закончила Мэри, - пусть каждый решает сам.

Минут десять мы шли вдоль берега к мостовой Великанов. Там мы встретили бледно-голубую четырехрукую инопланетянку в холщовом халате и широкополой соломенной шляпе. Она писала акварелью с натуры могучие базальтовые столбы, гигантской лестницей спускавшиеся к морю. В одной правой и одной левой руке инопланетянка держала по кисти и увлеченно мазюкала одновременно обеими.

- Бог в помощь, - весело сказала Мэри.

- О, привет! - Отложив кисти, инопланетянка повернулась к нам. Она не представилась: в ее касте (я умел их различать) было запрещено произносить свое имя вслух. - Вы местные?

Я было покачал головой, но Мэри с вызовом ответила:

- А кто ж еще? Конечно.

Мне показалось, что ее провинциальный акцент стал нарочито подчеркнутым.

- Наслаждаетесь, значитца, нашим островом?

- О, да. Это такая чудесная страна. Я нигде не видела столько зелени!

- Инопланетянка широко развела в стороны все четыре руки. - Столько оттенков зеленого, да таких насыщенных, что даже глазам больно.

- Ирландия - чудесная страна, - согласилась Мэри. - Но с тем же успехом она может быть и враждебной. Вы уже посетили все наши достопримечательности?

- Я побывала везде: и в Таре, и на утесах Мохер, и в Ньюгрейндже, и на Кольце Керри, и даже поцеловала Камень Красноречия. - На последних словах инопланетянка понизила голос и изобразила замысловатый жест, который я счел эквивалентом хихиканья. - Признаюсь, я надеялась встретить здесь «маленький народец», но, может, и хорошо, что не встретила. Они могли унести меня под свой волшебный холм, а потом, после ночи музыки и танцев, я бы обнаружила, что прошло не одно столетие, и все, кого я знала, давно умерли.

Я напрягся, зная, что подобные шутки Мэри считала оскорбительными. Но она лишь улыбнулась:

- Вас должны бы волновать не гномы, а боевики.

- Боевики?!

- Угу. Как вам наверняка известно, Ирландия - крупный очаг национального сопротивления. В дневное время здесь вполне

безопасно, но с наступлением темноты власть переходит... - Она приложила палец к губам в знак того, что не смеет произнести вслух название организации. - Обычно боевики стремятся захватить какую-нибудь одинокую инопланетянку и казнить ее в назидание остальным пришельцам. Хозяин гостиницы никуда не денется - он сам отдаст им ключи от ее номера. У боевиков есть веревки, пистолеты и большие ножи. Свои жертвы они обычно отвозят на ближайшие болота, а что происходит там... Короче, парни они жестокие и не ограничены никакими условностями. В любом случае, все заканчивается до рассвета, и свидетелей никаких. Все шито-крыто.

Инопланетянка всплеснула руками.

- В турбюро мне ничего такого не говорили!

- А им это надо?

- О чем вы?

Мэри ничего не ответила. Она просто стояла, презрительно глядя на инопланетянку, и ждала, пока до той дойдет.

Спустя некоторое время инопланетянка вздрогнула и крепко обхватила себя всеми четырьмя руками, словно защищаясь от неведомой опасности. После этого Мэри наконец разлепила губы:

- Бывает, боевики ограничиваются предупреждением. Например, кто-нибудь из местных, дружески расположенный к пришельцам, может подойти к вам и намекнуть, что здешний климат не так полезен, как вы считали, и вам лучше уехать отсюда еще до наступления сумерек.

- Именно это сейчас и происходит? - осторожно поинтересовалась инопланетянка.

- Ни в коем случае, - лицо Мэри оставалось непроницаемым. - Просто я слышала, что Австралия в это время года чудо как хороша.

Она резко повернулась на каблуках и зашагала прочь, да так быстро, что мне пришлось догонять ее чуть не бегом. Когда мы отошли достаточно далеко, я схватил Мэри за руку:

- За каким дьяволом ты это сделала?

- За таким, что тебя не касается.

- Представим на секундочку, что касается. Так зачем же?

- Чтобы посеять страх среди пришельцев, - сказала она с тихим бешенством. - Напомнить им, что Земля для нас священна и таковой останется навсегда. Пусть они нас победили, но это только временно. Планета им не принадлежит и никогда не будет принадлежать.

Она вдруг расхохоталась без всякой видимой причины.

- Видел синюшную морду этой костлявой твари? Она стала насыщенно-зеленой, аж глазам больно!

* * *

- Кто ты, Мэри О'Рейли? - спрашивал я ее той ночью, когда нагие и мокрые мы в изнеможении лежали на скомканной постели. Я думал об этом весь день и пришел к выводу, что она почти ничего мне о себе не рассказывала. Ее тело я знал намного лучше, чем душу. - Что тебе нравится, Мэри, а чего ты терпеть не можешь? На что уповаешь и чего страшишься? Как ты стала композитором, кем мечтала стать, когда вырастешь?

Я пытался прояснить для себя хотя бы это, но подразумевал и все остальное.

- Музыка звучала во мне всегда, и я благодарю за это Господа. Она стала моим спасением.

- В каком смысле?

- Мои родители погибли в самом конце войны. Я была еще совсем несмышленной, и меня определили в сиротский приют. Эти приюты пооткрывали на средства америкосов и пришельцев - по программе замирения покоренных народов. Из нас растили космополитов Вселенной. Ни одно ирландское слово не касалось нашего слуха, до нас не доходило ни намек на нашу историю и культуру - все только римское право да Ценности Единения с системой Альдебарана. Спасибо Господу за музыку! Они так и не смогли скрыть ее от нас, хотя и внушали, будто это всего лишь безобидное развлечение, ничего не значащее трень-брень-бум, под которое иногда полезно подрыгаться в качестве разрядки. Но мы догадывались, что в музыке заложены идеи, подрывающие устои. Мы сознавали, что музыка доносит правду и благодаря ей наши души стали свободными уже очень давно.

Она все время говорила: «Мы, нас, наши».

- Это не ответ на мой вопрос, Мэри, - сказал я. - То, что ты говоришь, просто политическая прокламация. А я хочу понять, какая ты на самом деле. Я имею в виду - как человек.

Ее лицо окаменело.

- Я ирландка. Музыкант и патриот. А еще я одноразовая подстилка американского плейбоя.

Я продолжал улыбаться, хотя чувство было такое, будто мне вlepили пощечину.

- Это несправедливо.

Что за дьявольское наваждение - обнаженная женщина, прожигающая тебя яростным взглядом!

- Да? А разве не ты через два дня покидаешь родную планету навсегда? Или ты намерен взять меня с собой? Ну-ка, расскажи, как ты себе все это представляешь?

Я потянулся к стоящей на столике бутылке виски. Мы выпили почти все, но на донышке еще чуть-чуть оставалось.

- Не только по моей вине мы не стали духовно близкими людьми, - сказал я. - Ты с самого начала поняла, что я от тебя без ума, а сама

даже ни разу... А-а, пошло оно все куда подальше! - Я осушил бутылку. - Что, черт возьми, тебе от меня надо? Ну-ка, давай! Только ты ведь наверняка ничего не скажешь.

Мэри в бешенстве схватила меня за руки, и я выронил бутылку. Освободившись от захвата, я сжал ее запястья, но она успела до крови расцарапать мне плечо. Когда же я попытался ее оттолкнуть, Мэри повалила меня на спину и уселась сверху.

Само собой, после этого нам оставалось только забыть о ссоре.

В ту ночь я так и не смог заснуть. Чего не скажешь о Мэри. Она сообщила, что будет спать - и тут же уснула, а я сидел еще не один час, разглядывая в лунном свете ее лицо.

Какие у нее резкие черты и какие сильные чувства скрываются за ними, думал я. Лицо Мэри было энергичным, властным и непреклонным. Ни малейшей черточки, которая говорила бы о готовности к компромиссу, я так и не заметил. Определенно, я влюбился не в ту женщину. А ведь послезавтра я действительно улечу отсюда навсегда. Вся свою сознательную жизнь я стремился именно к этому, и никакого запасного плана у меня не было.

За то короткое время, что прошло после моего отлета с Земли, я так и не успел разобраться в своих чувствах к Мэри, не говоря уже о том, чтобы понять, как она ко мне относилась. Я любил ее, но мне не нравились ее хулиганские замашки, задиристая манера речи, самонадеянная уверенность в том, будто я сделаю все, что она захочет. Я страстно желал ее, и в то же время сильнее всего мне хотелось бы больше никогда ее не видеть. У меня были средства, и вся Вселенная открывалась передо мной. Мое будущее предопределено.

Но, Бог свидетель, попроси она меня остаться, и я не задумываясь послал бы все чудеса Вселенной подальше.

Ради нее.

* * *

На следующее утро мы совершили гиперпереход в Голуэй и осмотрели его остеклованные развалины.

- Наиболее упорным сопротивление было на западе Ирландии, - рассказывала Мэри. - Одна за другой все страны Земли просили мира, о примирении заговорили даже в Дублине, и только мы продолжали сражаться. Тогда пришельцы вывели на геостационарную орбиту боевой корабль и применили против нас свое странное оружие. Этот прекрасный город-порт превратился в стекло. Прибой выбрасывал суда на берег, где они разбивались вдребезги. Кафедральный собор рухнул под собственной тяжестью. С тех пор здесь никто не живет.

Дождь на время прекратился. Между порывами шквалистого ветра, который в этой части страны волнами накатывается с Атлантики, наступило короткое затишье, и в тысячах стеклянных граней ослепительно засверкало солнце. Наступившая тишина давила, как тяжелая рука, внезапно опустившаяся на плечо.

- По крайней мере, здесь пришельцы никого не убили, - неуверенно возразил я.

Я принадлежал к поколению, считавшему, что завоевание Земли пришельцами в конечном счете обернулось для нас благом. Мы стали здоровее, богаче и счастливее, чем наши родители. Нам больше не нужно опасаться экологической деградации планеты и истощения природных ресурсов. Что и говорить, в результате их вмешательства мы стали намного совершеннее...

- Странное милосердие - избавить жителей Голуэя от мгновенной смерти, но заставить их перебраться в сельскую местность. Без каких-либо средств к существованию, только в той одежде, которая была на них в момент нападения. Как, скажи на милость, могли бы выжить все эти врачи, юристы, клерки?.. Кто-то, несомненно, занялся разбоем и насилием, но остальные брели из последних сил до тех пор, пока не падали замертво прямо на шоссе. Я могла бы дать тебе посмотреть тысячи и тысячи часов видеозаписей, относящихся к Великому Голоду, но боюсь, ты просто не выдержишь. Еды не было - ее нельзя было купить ни за какие деньги, зато благодаря пришельцам, разрушившим земную экономику с помощью своих нанобезделушек, у всех людей имелись подключенные к зрительным нервам видеофиксаторы... Очень полезное устройство - особенно если захочешь запечатлеть, как умирают от голода твои дети.

Мэри была не права: экономический коллапс устроили не пришельцы. Мне это было доподлинно известно, поскольку в университете я изучал экономику. Равно как и историю, и потому знал, что война была навязана пришельцам. И все равно я не находил подходящих слов, которое могли бы как-то подействовать на Мэри. В моей душе просто не было того огня, который жарко пылал в ее сердце.

- Но ведь жизнь изменилась в лучшую сторону, - слабо возразил я. - Взять хотя бы то, что пришельцы сделали для...

- Это просто щедрость завоевателей, которые швыряют в пыль медяки и смеются, глядя, как холопы дерутся друг с другом из-за каждого гроша. Они улыбаются, пока мы стоим перед ними на коленях, но достаточно кому-то из нас выпрямиться во весь рост и послать их к черту... Вот увидишь, как быстро все изменится.

* * *

Мы остановились на ланч в пабе, а после взяли хоппер до озера Лох-Гартан. Оттуда на велосипедах отправились дальше в глубь страны - в сельскую местность, которая никогда не была особенно густо населена. Теперь же нам попадались одни только развалины домов, покинутых четверть века назад. Дороги плохо замощены, большинство и вовсе оставалось ухабистыми проселками, но вокруг было так красиво, что хотелось плакать. Погода стояла замечательная: светило солнце, в голубом небе курчавились редкие облака. Тяжело нажимая на педали, мы поднялись на вершину холма к древней каменной церкви, крыша которой провалилась столетия назад. Вокруг теснились заброшенные, заросшие полевыми цветами могилы.

У входа на кладбище лежал Камень Одиночества.

Огромный продолговатый Камень был упавшим менгиром - одним из тех столбообразных мегалитов, которые встречаются на всей территории Британских островов. Неведомые племена воздвигли их еще в эпоху неолита, причем назначение большинства сооружений до сих пор остается неизвестным. В одних районах массивные каменные столбы стоят группами, образуя круговые ограды - кромлехи, в других встречаются только одиночные менгиры. На одном конце Камня Одиночества, том, который когда-то был верхним, еще виднелся полустершийся спиралевидный рисунок. Камень был настолько большим, что на нем мог в полный рост поместиться взрослый мужчина.

- Что нужно делать? - спросил я.

- Ложись, - велела Мэри.

Я подчинился.

Вытянувшись на Камне Одиночества, я закрыл глаза. Пригревало солнце, среди цветов лениво жужжали пчелы. Мэри немного отступила от камня и запела:

*Пали в сраженье три льва,
Я осталась одна, одна...*

Это был «Плач Дейдры» - песня, которую я впервые услышал на концерте в пабе «Заскочил - опрокинул». По древней ирландской легенде, Дейдра с детства была предназначена в жены королю Ульстера Конхобару. Но, как это часто бывает, девушка полюбила молодого героя Найси, сына Уснеха, и стала его женой. Спасаясь от гнева короля, Найси с Дейдрой и два его брата Ардан и Англе были вынуждены бежать в Шотландию, где некоторое время жили мирно и спокойно. Но мстительный старый король обманом заманил их назад в Ирландию, пообещав полное прощение всем четверым. Когда беглецы вернулись в Ульстер, вероломный Конхобар приказал убить трех сыновей Уснеха и овладел Дейдрой.

*Поглотила трех соколов тьма,
И теперь я одна, одна...*

Дейдра-мученица, как ее часто называют, стала символом Ирландии - прекрасной, страдающей от несправедливостей страны, знававшей и счастливые дни, которые, похоже, уже никогда не вернуться. О реальной, живой Дейдре, ставшей прототипом такого количества легенд, что, будь каждая из них камнем, ее погребальная пирамида поднялась бы до самых облаков, мало что известно. Согласно легендам, Дейдра-мученица покончила с собой, но ее история получила неожиданное продолжение. Коварство Конхобара привело к кровопролитной войне, а допущенные в ее ходе жестокости, в свою очередь, вызвали новые войны. И так по сей день.

Впрочем, вся эта череда несправедливостей и взаимных обид выглядит подозрительно стройной.

Разбудили брани грозы

Глад, изгнание и слезы.

Ей-богу, создатель «Плача Дейдры» был бардом из бардов.

Впрочем, все это я вспомнил потом. Тогда я даже не думал о легенде. Стоило мне лечь на холодный камень, и я почувствовал, как все невзгоды Ирландии наполняют каждую клеточку моего тела. Камень Одиночества очаровывал, словно источник в Буррене. Говорили, что он способен излечивать от ностальгии, поэтому во времена голода и невзгод эмигранты, навсегда покидавшие Ирландию, проводили на нем последнюю ночь на родной земле. Мне же, распростертому на упавшем менгире, казалось, что все страдания, от которых эти люди когда-то избавились, перетекли в мое тело. Каждую их горькую утрату я ощущал как свою. Не в силах справиться с чувствами, я начал всхлипывать и в конце концов разрыдался. Я уже почти не понимал, о чем пела Мэри, хотя ее голос звучал по-прежнему громко. Разобрал я только последние слова:

Разройте его могилу

Глубоко, до самого дна,

Положите меня с моим милым -

Я здесь не останусь одна...

На этом песня закончилась. Осталась лишь звенящая тишина, гулко отдававшаяся во мне с каждым ударом сердца.

А потом Мэри сказала:

- Теперь, я думаю, ты готов кое с кем встретиться.

* * *

Мэри привела меня к какому-то неопределенного вида зданию из шлакоблоков. Она вошла первой. Кое-как преодолев страх, я последовал за ней. Внутри было так темно, что я споткнулся о порог, но потом мои глаза привыкли к недостатку освещения, и я понял, что

нахожусь в баре. Не в уютном и приятном пабе, куда приходят пообщаться семьями, где взрослые чинно сидят за кружкой пива, а дети тянут безалкогольные напитки, а именно в баре - заведении, куда мужчины отправляются, чтобы надраться. В воздухе пахло паленым ирландским виски и прокисшим пивом. Дверь сортира была сорвана с петель, и никто не потрудился повесить ее на место. По-видимому, Мэри была первой женщиной, появившейся в этом странном и зловещем месте за долгое-долгое время.

В полутьме за столиками сидели спиной к двери три-четыре посетителя, а за стойкой стоял тощий мужчина с лицом нездорового цвета.

- Слушаю вас, - произнес он без особого энтузиазма.

- Не обращай на Лаэма внимание, - сказала мне Мэри и снова повернулась к нему: - Что-нибудь приличное выпить найдется?

- Нет.

- Впрочем, мы пришли не за этим. - Мэри кивком показала на меня. - Со мной доброволец.

- Что-то не очень похож.

- Доброволец? - резко спросил я. До меня вдруг дошло, что Лаэм держит руки под стойкой. Настоящий крутой парень спрятал бы там оружие - дубинку или ствол.

- Не смотри, что он американец. Кстати, во многом поэтому он нам и нужен.

- Так ты, значит, патриот?.. - по тону Лаэма было понятно: он меня сразу раскусил.

- Я не понимаю, о чем вы говорите...

Лаэм бросил быстрый взгляд в сторону Мэри и презрительно скривился.

- А-а, ему просто захотелось...

Он употребил ирландское слово, которое могло означать и «приключения», и «перепихон». Оскорбление было явным, и я сжал кулаки, но Лаэма это, похоже, ничуть не испугало.

- Заткнись! - оборвала его Мэри и повернулась ко мне: - Ты тоже возьми себя в руки. Дело нешуточное... Лаэм, я ручаюсь за этого человека. Отдай ему коробку.

Лаэм наконец вытащил руки из-под стойки. В руках он держал какой-то предмет размером с бисквитную жестянку, завернутый в чистую бумагу и перевязанный шпагатом. Бармен подтолкнул сверток ко мне.

- Что это?

- Одно устройство, - насмешливо ответил Лаэм. - При правильной установке оно способно взорвать весь административный комплекс космопорта Шеннон, не причинив вреда гражданскому населению.

Я похолодел.

- Значит, от меня требуется тайно заложить эту штуку в терминале

космопорта, так? - спросил я, впервые за весь месяц отчетливо ощущая, как неестественно и фальшиво звучит мой ирландский акцент.

Выхватив кулон-нейрокомпьютер из-под рубашки, я швырнул его на пол и раздавил каблуком. Вот так!.. Хватит притворяться - пора становиться собой.

- Вы что, хотите, чтобы я проник в здание и подорвал себя к чертовой матери?

- Боже упаси, - спокойно возразила Мэри. - Для этого у нас есть агент. Но он...

- Или она, - поправил Лаэм.

- ...Он или она не могут доставить эту штуку внутрь. Наемным служащим из числа людей запрещено приносить с собой на работу любые предметы крупнее карандаша... Это, кстати, весьма красноречиво свидетельствует о том, сколь невысокого мнения пришельцы о наших умственных способностях... В общем, наш агент не может, а ты можешь. От тебя требуется всего лишь спрятать устройство в своей ручной клади. Оно сделано так, что их аппаратура определит его просто как коробку сигар. Как только ты окажешься внутри, к тебе подойдет человек и спросит, не забыл ли ты передачку для бабули. Тогда отдашь ему сверток.

- И всего-то, - вставил Лаэм.

- Когда все произойдет, ты уже будешь на полпути к Юпитеру, - добавила Мэри.

Оба, не мигая, смотрели на меня.

- И не мечтайте! Я не стану убивать невинных людей.

- Не людей. Инопланетян.

- Они тоже ни в чем не виноваты.

- Они оккупанты, которые захватили нашу планету. И ты говоришь, что они ни в чем не виноваты?!

- Вы нация долбаных оборотней! - заорал я, рассчитывая этим положить конец разговору, но Мэри моя вспышка ничуть не задела.

- Да, мы такие, - согласилась она. - День за днем мы притворяемся белыми и пушистыми, но по ночам хищник, таящийся в нас, отправляется на охоту. В общем, мы вовсе не барашки, которые только жалобно блеют под ножом мясника. Ну а ты, мой милый? Кто ты - ягненок или волк?

- Он не годится для дела, - подал голос Лаэм. - В коленках слабоват.

- Хватит. Ты понятия не имеешь, о чем говоришь. - Мэри уставилась на меня своими изумрудными, как трава Ирландии, глазами, и под этим завораживающим взглядом я действительно почувствовал себя беспомощным ягненком. - Это не слабость заставляет тебя проявлять нерешительность, - говорила она, - а глупая обманутая совесть. Я размышляла над этим намного дольше тебя, сокровище мое. Я думала над этим чуть ли не всю свою жизнь. То, о чем я тебя прошу, - дело

святое и благородное.

- Я...

- По ночам, когда мы с тобой были вместе, ты клялся совершить для меня невозможное. Нет, не словами, но жестами, взглядом, всей своей любящей душой. Я, как наяву, слышала все слова, которые ты не решался произнести вслух. Сейчас я прошу тебя исполнить невысказанные клятвы и совершить один-единственный мужской поступок. Если не ради своей планеты, то ради меня...

Я вдруг понял, что за все время, пока продолжался этот разговор, мужчины за столиками не издали ни звука. Никто из них даже не взглянул в нашу сторону. Они просто сидели - не пили, не курили, не разговаривали, только слушали. Они были молчаливы, серьезны и насторожены. Внезапно мне стало ясно, что если я отвергну предложение Мэри, мне не выбраться отсюда живым.

Значит, выбора у меня нет.

- Я все сделаю, - сказал я наконец. - И... и будь ты проклята за то, что потребуешь этого от меня.

Мэри хотела меня обнять, но я грубо ее оттолкнул.

- Нет! Я сделаю это, и мы квиты. Знать тебя больше не желаю.

На протяжении одной бесконечно долгой минуты Мэри хладнокровно меня изучала. Я лгал, когда говорил, что больше не хочу ее видеть, потому что еще никогда не желал ее так сильно, как в эти мгновения. А она понимала, что я лгу. Если бы она позволила себе что-то сказать, я бы, наверное, ее ударил, но Мэри сдержалась.

- Вот и прекрасно, - заключила она.

С этими словами Мэри повернулась и быстро вышла, и я понял, что больше никогда ее не увижу. Лаэм проводил меня к выходу.

- Поаккуратнее со свертком, - предупредил он, вручая мне зонт. - На улице дождь. Смотри, чтобы устройство не намокло, иначе не сработает.

* * *

В терминале космопорта Шеннон меня встретили люди из Службы планетарной безопасности. Двое крепких парней встали по бокам, а пришелец, их командир, сказал:

- Не соблаговолите ли пройти с нами, сэр?

Прозвучало это не как вопрос.

«Мэри, Мэри, - с грустью подумал я. - Похоже, в вашей организации завелся еще один предатель».

- Я могу взять с собой багаж?

- О ваших вещах позаботятся, сэр.

Меня отвели в комнату для допросов.

Через пять часов я поднялся на борт лихтера. Задерживать меня дольше они не могли, поскольку ничего незаконного в моих вещах не оказалось.

Еще в гостинице я достал устройство, которое дал мне Лаэм, и на всю ночь замочил в рукомойнике, а рано утром, до отъезда в космопорт, потихоньку выбросил сверток в люк водостока.

* * *

Лихтер доставил меня на орбиту, где дожидался звездолет. Он был огромным - больше самого большого небоскреба; ничего подобного вы еще не видели и наверняка не увидите - к нашей планете звездолет вернется только через несколько сотен лет. Шагая по пассажирской палубе к своей каюте, я пребывал в состоянии легкой эйфории от сознания того, что обратного пути нет. Скоро Земля станет легендой, которую я поведаю своим детям, а до их внуков дойдут лишь обрывки искаженных фактов да ворох сентиментальных небылиц.

Родная планета за кормой все уменьшалась и наконец исчезла совсем. Я глядел на огромные экраны из черного стекла, до рези в глазах всматривался в переполненную звездами и галактиками Вселенную, не имея ни малейшего представления о том, где сейчас нахожусь и куда направляюсь. Мы все, как корабли, думал я. Корабли, потерявшие в тумане порт и оставившие на берегу экипаж.

Когда-то я любил повторять, что только Ирландия и семья могут вызвать у меня слезы. Я плакал, когда умерла мама и когда после этого у отца случился сердечный приступ. Моя малышка-сестра скончалась через считанные часы после своего рождения, убившего маму, и я оплакивал обеих. Когда моего брата Билла сбил пьяный водитель, я рыдал в голос - ведь у меня больше не было семьи. Оставалась только Ирландия...

Но с меня хватит.

Перевел с английского Андрей МЯСНИКОВ

© Michael Swanwick. For I Have Lain Me Down on the Stone of Loneliness and I'll Not Be Back Again. 2011. Печатается с разрешения автора. Рассказ впервые опубликован в журнале «Azimov's» в 2011 году.

АЛЕКСЕЙ КАЛУГИН

СЛАЙДЕРЫ

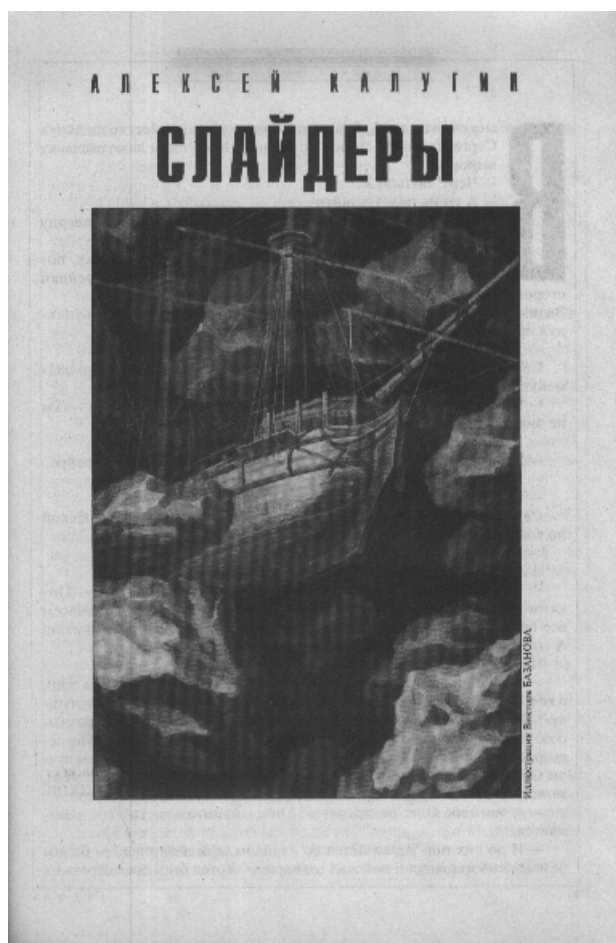

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

Выскочив из душа, Вадим концом полотенца хлестко щелкнул Сергея по голой спине. Тот от неожиданности даже расческу выронил.

- Черт! Больно же!

- А ты не подставляйся!

Вадим перекинул полотенце через плечо и раскрыл дверцу шкафчика.

Сергей недовольно скривился, поднял с пола расческу, посмотрел на себя в зеркальце, прилепленное с внутренней стороны дверцы шкафчика, и слегка подправил прическу.

Вадим выглянул из-за приоткрытой дверцы своего шкафчика и толкнул приятеля в плечо.

- Ну?.. Берем или нет?

Сергей посмотрел на новичка, переодевавшегося на дальней скамейке, и с сомнением поджал губы.

- Что тебя смущает? - Вадим снова ткнул приятеля в плечо. - Ты не видел, что он выделял на тренировке?

- Да он здесь всего неделю... Я даже не знаю, как его зовут.

- Джеффри. Джеффри Боум. С Франка-Пять. Учился во Фрейре.

- А почему перевелся?

- Вот давай у него и спросим.

Сергей, посмотрев на себя в зеркальце, еще раз провел расческой по волосам и положил ее на полку.

- Ну что?

- Может, лучше кого-то из наших пригласим?

- Кого? - возмущенно хлопнул дверцей шкафчика Вадим. - Покажи мне, кого ты хочешь пригласить на слайдинг? Тебе что, совсем все по фигу?.. Да такой случай подворачивается только раз в жизни! А ты хочешь все угробить?

Не дождавшись ответа, он безнадежно всплеснул руками.

- Отлично, давай возьмем Генриха, - он взглядом указал на того, о ком шел разговор. - Ты видел, на какой скорости он проходит «вертушку»?.. Или Арсена! Его об стену шарахнуло так, что вон он, до сих пор скособоченный. И хорошо еще, что стена на треке мягкая. А представь: на переборку его кинет... - Вадим азартно щелкнул пальцами. - Возьмем лучше Отто! Ты не считал, сколько раз он сегодня со слайда свалился?.. Или, может, ты хочешь пригласить Олега Доргомилова с математического?

- А чем тебе Олег не нравится? Он слайдингом третий год занимается...

- И до сих пор управляется со слайдом, как девчонка, - Вадим безнадежно вздохнул и покачал головой. - Хотел бы я посмотреть на тебя в тот момент, когда ты скажешь Герде, что за напарничка ты ей подобрал.

- Да я еще никого не подобрал, - Сергей натянул брюки и сунул ноги в шлепанцы. - Я пока что думаю.

- А пока ты думаешь, - просунув голову в майку, с осуждением посмотрел на него Вадим, - новичок домой уйдет. И придется-таки тебе объяснять Герде...

- А при чем тут я? - Сергей выдернул из шкафчика сумку и захлопнул дверцу. - Я тебя жду.

- Вот это другой разговор!

Вадим быстренько уложил спортивную форму в сумку, застегнул ее на магнитный замок и кинул на плечо.

Вместе они подошли к скамейке, возле которой переодевался новичок, недавно переведенный в Университет Видар из Фрейра. И, судя по его одиночеству, еще не успевший обзавестись здесь приятелями. Что друзьям было только на руку.

- Привет! - окликнул новичка Вадим.

Тот оглянулся с таким видом, словно до сих пор не замечал демонстративно направлявшуюся в его сторону пару, окинул их изучающим взглядом и как-то не особенно радостно произнес в ответ:

- Виделись уже, на тренировке.

В студенческих городках старожилы бывают не очень-то приветливы к

новичкам. А если ты переводишься уже не в первый раз, то знаешь, с чем можно столкнуться в первые дни на новом месте.

- Это Сергей, - указал на друга Вадим. - Меня зовут Вадим. Мы с факультета современного искусства.

Новичок смотрел все так же с подозрением.

- Тебя, кажется, Джеффом зовут?

- Джеффри, - уточнил новичок.

- Классно катаешься, Джеффри! - Сергей показал большой палец. - Давно занимаешься?

- Третий год.

- Ты ведь из Фрейра? Были какие-то причины?

- Ничего не бывает без причин.

- Слушай, что ты такой напряженный? - Вадим дружески хлопнул Джеффри по плечу. - Мы с Сергеем действительно рады, что ты теперь у нас учишься. Сам видел на тренировке: во всем универе только два толковых слайдера, - Вадим улыбнулся вроде бы смущенно и указал открытой ладонью сначала на Сергея, затем на себя. - Все остальные - любители.

- Девчонка одна хорошо гоняла, - заметил Джеффри.

- Точно! - Вадим щелкнул пальцами. - Герда. Она с нами.

- В Видаре есть еще один хороший слайдер, - добавил Сергей. - Сэм Ишимура с астрофизики. Но сегодня его на тренировке не было.

- А что так?

- У родителей годовщина. Круглая дата, - в воздухе перед собой Вадим двумя пальцами нарисовал круг. - Отвертеться было никак, так что Сэм улетел на неделю в Виз-да-Тор.

- Ничего себе, - впервые за все время разговора улыбнулся Джеффри.

- Это ж какая даль...

- Вот именно, - кивнул Сергей. - Раньше среды точно не вернется.

- А у тебя есть какие-нибудь планы на выходные? - тут же спросил у новичка Вадим.

- А что? - снова насторожился тот.

Вадим с Сергеем переглянулись. Как будто мысленно советуясь, стоит ли посвящать новичка в свои планы? Хотя на самом деле они все уже решили. Или обстоятельства все решили за них.

- Тебе приходилось заниматься открытым слайдингом? - понизив голос, спросил Вадим.

Глаза Джеффри радостно сверкнули.

- Меня за это выставили из Фрейра, - заявил он едва ли не с гордостью.

- Да ты что? - удивился Сергей. - У вас там что, открытый слайдинг вне закона?

- Нет. Если это просто открытый слайдинг.

Особый акцент Джеффри сделал на слове «просто». И всем сразу все

стало ясно.

- Кажется, мы сделали верный выбор, - подмигнул приятелю Вадим.
- Идем в «Аквариум»! - решительно заявил Сергей.

* * *

Если кто не в курсе, «Аквариум» - это кафе, расположенное в самом центре студенческого городка Университета Видар. По форме здание представляет собой правильный шестиугольник. Стены и потолок сделаны из стекла. Поэтому, когда сидишь за столиком и смотришь на фигуры людей, безмолвно проплывающие за стеклом, создается впечатление, будто наблюдаешь за таинственной жизнью обитателей огромного аквариума. Особенно в дождь, когда по прозрачному потолку барабнят капли, а по стенам стекают потоки воды.

Впрочем, в тот день, о котором идет рассказ, погода на Касарес-Центре стояла солнечная. Во всяком случае, в том часовом поясе, где время едва перевалило за полдень. А именно оно нас и интересует.

Студенты любили «Аквариум» еще и за исключительно быстрое обслуживание. В кафе можно было успеть перекусить, даже забежав между лекциями. Стойка, за которой принимались заказы, кольцом опоясывала расположенную в самом центре кафе кухню. Для того чтобы сделать заказ, достаточно было отметить выбранные блюда в электронном меню и указать номер столика. Ну, а уж приготовить заказ и доставить его по назначению было делом техники. Пластиковый лоток с заказанными блюдами проплывал над головами посетителей и чудесным образом опускался в центре нужного столика. На самом деле лотки были подвешены к невообразимо тонким, а потому совершенно невидимым моноуглеродным нитям, и движением их управляла специальная программа искусственного интеллекта. Интеллект этот, видимо, был неслабый, поскольку за все время существования «Аквариума» не произошло ни одного столкновения скользящих под потолком лотков. Меню в «Аквариуме» было простым, без изысков: либо кофе с круассанами, либо блины с квасом. Однако разнообразие сортов и вкусов одних и тех же, казалось, блюд потрясало воображение.

Трое любителей слайдинга расположились за четырнадцатым столиком, неподалеку от входа.

- Герда подойдет через десять минут, - сообщил Сергей, выключив коммуникатор.

- Отлично, - легонько хлопнул ладонью по столу Вадим. - Значит, у нас есть время ввести Джеффри в курс дела.

- Поговорим о слайдинге? - улыбнулся новичок, уже предвкушающий нечто необычное.

Изобретение слайдинга приписывается невообразимо популярному в молодежной аудитории виртуалайеру, скрывающемуся под псевдонимом Квир. Настоящее его имя никому не известно. В свое время Инфо-Центр объявил бешеный бонус за хотя бы одну достоверную фотографию Квира, но так и не получил ничего, что можно было бы разместить на своей виртуальной странице. Квир был человеком-загадкой. И, собственно, нет вообще никаких подтверждений, что Квир существует в реальности. Однако стоило только случиться чему-то необычному, дерзкому, новаторскому, вызывающему, эпатажному, ну, или хотя бы откровенно глупому, как это тут же приписывалось Квиру. Возможно, тот был всего лишь мем-вирусом, самозародившимся в виртуальном пространстве. Но в таком случае это очень вирулентный вирус. Потому что подавляющее большинство тех, кто хоть что-то слышал о Квири, верили в его существование. Таким образом, получается, что никто другой, кроме Квира, и не мог придумать слайдинг. Иначе это было бы никому не интересно.

Говорят, именно он первым додумался приделать антигравитационный движок к доске для серфинга, после чего прокатился на ней по перилам знаменитого одиннадцатикилометрового подвесного моста имени Али Аль-Маруха на Салусе-Ближнем. Хотя, конечно, этого никто не видел. Иначе какой бы это был Квир?

Так родился слайдинг. Который, вопреки скептическим прогнозам спортивных специалистов, начал стремительно набирать популярность. Спустя всего пару лет уже каждый мало-мальски приличный Университет имел свою команду по слайдингу и трек, представляющий собой в меру запутанный лабиринт с препятствиями. Само собой, все было оборудовано так, чтобы при падении спортсмены не получали серьезных травм. Да и сама архитектура трассы не позволяла слайдерам набирать большую скорость. Весь упор делался не на скорость и риск, а на техническое мастерство. Позже особо продвинутые слайдеры начали сравнивать трековый слайдинг с фигурным катанием, которое и по сей день почему-то все еще считается видом спорта. Результатом этого недовольства стал так называемый открытый слайдинг. Для того чтобы перейти от трекового к открытому, требовалось заменить антигравитационный движок слайд-доски на реактивный и обзавестись легким скафандром. Первые открытые заезды на слайдах в открытом космосе проводились вблизи пересадочных станций, коммуникационные линии и антенны которых использовались в качестве препятствий. Понятное дело, это не приводило в восторг работников станций. В особенности то, что практически ни один заезд не обходился без тех или иных поломок. После инцидента на пересадочной станции Чехамор-33, когда во время слайд-гонок один из слайдеров врезался в шлюзовую дверь, что

едва не привело к разгерметизации трех отсеков, а сам слайдер погиб, стало ясно, что для предотвращения подобных происшествий в дальнейшем открытый слайдинг следует вводить в цивилизованное русло. И для фанатов открытого слайдинга стали сооружать специальные полосы препятствий, имитирующие внешние конструкции пересадочных станций.

Думаете, слайдеры на этом остановились?

Какое там!

- Ты балуешься экстремальным слайдингом? - заговорщицки прищурился Сергей.

- Нет, - отрицательно качнул головой Джеффри. Двое друзей затаили дыхание. - Я занимаюсь этим серьезно.

Вадим улыбнулся и протянул новичку руку.

- Добро пожаловать в нашу компанию. Мы тоже фанаты экстремального слайдинга.

- Как это происходит у вас, на Франке-Пять? - поинтересовался Сергей.

- У нас неподалеку космическая верфь. Мы использовали для заездов заброшенный сборочный цех. Оборудование демонтировано, но все несущие конструкции остались. Арбитр заранее прячет приз, а остальные в назначенное время начинают его искать. Кто первый нашел - тот и победил. Для разнообразия делаются ложные закладки-ловушки. Если ты нашел такую, то выстреливает струя флуоресцентного красителя, и ты выбываешь из игры.

- Неплохо, - одобрительно кивнул Вадим. - До ловушек мы не додумались.

- А где вы гоняете?

- На свалке.

- Где?

- В двух пересадочных станциях от Касарес-Центра расположена большая космическая свалка. Туда стаскивают космический мусор, мешающий навигации. В основном это поврежденные, сошедшие с орбит спутники, навигационные маяки и брошенные глиссеры. Но порой подтаскивают и большие транспортные корабли, списанные в утиль. Чтобы весь этот мусор не расползлся в разные стороны, в центре свалки заякорен небольшой гравитационный генератор. Периодически мусорщики режут корпуса старых кораблей и отправляют на переработку. Но дело это малорентабельное, поэтому и занимаются им без энтузиазма. В силу необходимости. Так что мы успеваем попользоваться списанными кораблями.

- Вы тоже прячете на свалке призы?

- Нет, мы устраиваем охоту за трофеями.

- Как это?

- Собираем на старых кораблях все, что с точки зрения игры

представляет какую-то ценность. Каждой находке даются свои баллы. Особо ценятся любые таблички и бирки с названиями корабля, маркированная посуда, датчики. В общем, все, что может быть как-то идентифицировано с данным кораблем. Болты, заклепки, сломанные гаджеты и туалетные принадлежности не котируются.

- Со слайдом внутри корабля? - с сомнением поджал губы Джеффри.

- Именно! - подтвердил Вадим. - Воздуха ровно на полчаса, легкий скафандр и темные, неизведанные глубины незнакомого корабля. Экстрим по полной!

- Гарантированно! - поддержал приятеля Сергей.

- Ну что ж... - начал было Джеффри.

Но в этот самый миг из-под потолка упал лоток с заказом.

- Что ты хотел сказать? - напомнил Вадим, когда опустевший лоток снова взмыл под потолок.

- Ну, я готов попробовать ваш вариант экстрим-слайдинга... То есть был бы рад к вам присоединиться... Конечно, если вы мне это предлагаете...

- Нет, - Вадим сделал медленный глоток из стакана. - Не предлагаем.

Джеффри ошарашенно замер. Рот приоткрыт, глаза вытаращены. Он все-таки угодил в ловушку! Какой же идиот!..

- Мусорная свалка? - Сергей улыбнулся и подмигнул новичку. - Туда мы всегда успеем. Сегодня мы предлагаем тебе нечто совершенно фантастическое!

- Нечто, потрясающее воображение! - продолжил Вадим.

- Такое, что ты никогда не забудешь!

Джеффри нервно сглотнул.

- Привет, мальчики!

Рядом с ним на стул опустилась невысокая стройная девушка с коротко подстриженными волосами ярко-фиолетового цвета.

- Джефф, это Герда! - представил девушку Сергей. - Член нашей команды.

- Обычно она катается в паре с Ишимурой, но, как ты знаешь, Сэм сейчас далеко.

- Я видела тебя сегодня на треке, Джеффри, - обратилась Герда к новичку. - Ты здорово катаешься на слайде. Можешь в эти выходные погонять со мной в паре?

- Ну, в общем, я не против, - втянул голову в плечи Джеффри. - Только где?

- Так вы ему еще не сказали? - нахмутив брови, Герда взглянула на своих приятелей.

- В общих чертах, - Вадим взял стакан и сделал глоток кваса.

- И мы как раз переходили к самой сути, когда явилась ты, - закончил Сергей.

- Понятно, - Герда коротко кивнула.

Ее любимое слово. Ей всегда и все понятно. И это не самоуверенность, а позиция. Поэтому и учеба давалась ей без труда.

Герда достала из сумки планшет и положила его на стол.

- Мы практикуем экстремальный слайдинг на мусорной свалке.

- Про это я слышал, - кивнул Джеффри.

- Отлично, - Герда включила планшет. - Еще один член нашей команды, Сэм Ишимура, учится на отделении астрофизики. Практические занятия у них проводятся в Орбитальном комплексе слежения. Ну, знаешь, крутится на орбите такая научная станция. Основная направленность - мониторинг окружающего космического пространства. На предмет появления потенциально опасных объектов. Астероиды, кометы, тот же космический мусор. Само собой, ОКС, на котором проходит практику Ишимура, не единственный. В каждом секторе пространства таких два, а то и три. Данные наблюдения всех Орбитальных комплексов слежения, как и полагается, стекаются на центральный сервер. Ишимура на ОКСе занимается главным образом калибровкой систем наблюдения - это связано с его курсовой работой. Позавчера, заполняя специальную форму с результатами, Сэм совершенно случайно открыл страницу, которую кто-то просматривал до него и, видимо, забыл закрыть. В древние времена люди сказали бы, что это рука Бога. Мы же говорим, что это была случайность. Счастливая для всех нас случайность...

- Кроме Ишимуры, - вставил Сергей.

- Да, Сэму не повезло, - согласилась Герда. - То, что юбилей у его родителей именно в эти выходные, тоже дело случая... Так вот, в рапорте одного из многочисленных ОКСов, который ненароком попался на глаза Ишимуре, говорилось о брошенном космическом корабле, замеченном в поле астероидов. Сколько он там уже находится, трудно сказать. Поле астероидов, в котором его обнаружили, имеет плотность ноль - сорок пять и протяженность по стандартной сетке ноль - пять, ноль - три, ноль - четыре. Увидеть то, что находится внутри него, практически невозможно. Корабль заметили, только когда его вынесло к самому краю поля. А теперь приготовься сделать вдох и сказать «ах!».

Герда провела пальцем по экрану планшета и повернула его к Джеффри.

- Это же... - Джеффри запнулся.

Так случается с очень хорошим учеником, который точно знает ответ на заданный вопрос и именно поэтому боится ошибиться.

- Ну?

- Это «Дельта-Гермес». Корабль дальнего поиска, пропавший четыре года назад.

- Точно! - щелкнул пальцами Вадим. - А теперь его вдруг находят едва ли не в самом центре обжитого пространства!

- Ну, на счет центра это ты загнул, - усмехнулся Сергей.
 - Ладно, пусть на периферии... Растолкуй мне, как корабль, четыре года назад отправившийся в Темную Зону, оказался на окраине обжитого пространства?
 - Прошел через гиперспейс.
 - И ни один ОКС не засек его выход из гиперспейса? Дружище, это тебе не прогулочный глиссер, а корабль дальнего поиска длиной в двести метров! Массой около...
 - Мы уже сто раз это обсуждали! - недовольно хлопнула ладошкой по столу Герда. - Какой смысл спорить о том, чего мы все равно не знаем?
 - Смысл спора заключается в поиске истины, - возразил ей Вадим. - На вопрос, как «Дельта-Гермес» оказался там, где он сейчас находится, должен существовать разумный ответ.
 - Да, но мы его не знаем. И от того, что вы с Сергеем станете тыкать друг в друга пальцами и показывать языки, истина не окажется ближе.
 - Ну, это как сказать, - многозначительно и загадочно произнес Вадим, не привыкший сдаваться даже в самой безнадежной позиции.
 - Поймите! - вскинул руки с растопыренными пальцами Джеффри. - Вы хотите сказать, что где-то неподалеку находится вернувшийся из Темной Зоны «Дельта-Гермес»?
- Пауза.
- Я предупреждал, что тебе крышу снесет, - усмехнулся Вадим.
 - И об этом никто не знает?
 - Кому надо - тот знает. Герда же ясно сказала: это информация с центрального сервера Орбитальных комплексов слежения. Корабль обнаружен, идентифицирован и в понедельник его отбуксируют в закрытый док, где им займутся специалисты.
 - Я все равно не понимаю, - удрученно покачал головой Джеффри. - Вернулся корабль дальнего поиска, а до этого никому нет дела?
 - Не вернулся, а объявился, - уточнил Сергей. - К тому же один, без экипажа.
 - Как это?
 - Корабль пустой. Биосканирование показало, что на борту нет живых существ. Поэтому и не стали торопиться вскрывать его, а решили оттащить в закрытый док, чтобы там спокойно во всем разобраться. Но первыми «Дельта-Гермес» обследуем мы.
 - Так вы собираетесь устроить там заезд?
 - В точку! Экстрим-слайдинг на борту корабля-призрака! Прикинь, как это круто!
 - Но противозаконно...
 - Почему же? Ты знаешь, еще во времена мореплавания существовало правило: брошенный корабль вместе с грузом принадлежит тому, кто его нашел.
 - Но «Дельта-Гермес» нашли не мы.

- Зато мы первыми до него доберемся!

- Кроме того, мы ведь не собираемся мародерствовать, - заметила Герда. - Нас интересуют только сувениры. Да и много ли можно собрать за полчаса? - девушка откусила кусочек блина. - Для нас это всего лишь приключение. Вряд ли когда-нибудь еще представится шанс побывать на брошенном корабле.

- Ишимура, наверное, уже локти до костей сгрыз.

- Да, не повезло Сэму.

- Зато тебе, парень, несказанно повезло!

Джефффри почесал нос.

- Согласен.

- Здорово! - Герда кинула на тарелку вилку с недоеденным блином и снова дернула к себе планшет. - Сегодня пятница. Отправляемся в субботу вечером. Наш рейс в одиннадцать сорок две. До пересадочной станции Оллариу-18 три с половиной часа. То есть на месте мы будем примерно в два пятнадцать. Там нас уже будет ждать арендованный глассер.

* * *

«Стимп-Универсал», ожидавший слайдеров на пересадочной станции Оллариу-18, оказался далеко не новым. По правому борту розовая краска была ободрана, в обшивке имелась вмятина. Быть может, результат встречи с метеоритом или еще каким космическим мусором. Хотя, скорее всего, пилот неумело завел транспорт в док. Как бы там ни было, глассеры типа «Стимп» отличались надежностью и хорошим ходом.

Быстро побросав вещи и доски в грузовой отсек, слайдеры заняли места на борту. За пультом по-хозяйски устроился Сергей, считавший себя в этом деле непревзойденным мастером. Хотя всем известно: глассеры настолько просты в управлении, что водить их могут даже дети. Если, конечно, найдется ненормальный взрослый, рискнувший доверить управление глассером ребенку.

Получив от диспетчера команду «Готовность», Сергей включил тестирование всех систем. Дождавшись, когда на табло загорелся ряд зеленых датчиков, он включил проверку герметичности. Затем оценил запасы кислорода. Полный порядок. Сергей включил двигатель в режиме антигравы и послал диспетчеру команду: «На старт!». Створки люка под днищем глассера расползлись в стороны, и розовый «Стимп-Универсал» провалился в черную, бездонную дыру.

Вырулив на открытое место, Сергей перевел рычаг скорости в нейтральное положение. Для того чтобы двигатель Хайма-Дрешера вошел в режим прыжка, его нужно как следует разогнать. А пока Сергей

вводил в бортовой компьютер координаты места назначения.

- Как я и говорил, - радостно сообщил он спустя пару минут, - доберемся в три прыжка!

Ему никто не ответил. Все четверо чувствовали себя не в своей тарелке. Хотя старательно делали вид, что ничего необычного не происходит. Мол, эка невидаль, брошенный экипажем корабль! Нас интересует экстрим - и только!

Когда глиссер нырнул в восьмое измерение, картина на обзорном экране изменилась. Если раньше это была черная пустота с крошечными серебристыми точками звезд, сверкающими, словно пригоршня бриллиантовой пыли, рассыпанной на черном бархате, то теперь от каждой из звезд в пустоту тянулись тонкие, как паутинки, нити, переливающиеся всеми цветами спектра. Каждый, кто впервые видит подобную картину, начинает мучительно вспоминать, что же это ему напоминает? Но никому еще не удалось ответить на этот вопрос. Хотя бы приблизительно. А психологи даже не решаются высказывать предположения; с чем может быть связан сей необычный эффект.

- Я понимаю, что это нас не касается, - первым прервал напряженное молчание Джеффри. - Но что могло случиться с экипажем «Дельта-Гермеса»? Есть хоть какие-нибудь соображения?

- Космос велик и необъятен, - глядя на экран, затянутый странной паутиной восьмого измерения, глубокомысленно изрек Вадим. - Он скрывает множество тайн и загадок.

- К тому же это была Темная Зона, - добавил Сергей.

- Отовсюду только и слышно: Темная Зона, Темная Зона... - пожал плечами Джеффри. - А что в ней такого?

- Да ничего, - в тон ему ответил Вадим. - Кроме того, что про нее ничего не известно. Я в свое время интересовался этим вопросом, материалчики просматривал. До «Дельта-Гермеса» было семь экспедиций, целью которых являлся сбор информации о Темной Зоне. Они даже не заходили в нее глубоко, так, прошлись по краешку. И все равно несколько суток после возвращения члены команд вели себя как сумасшедшие. Не понимали, кто они и где находятся, несли какую-то чушь про высший разум и прорыв в неизвестное. Спустя три, четыре, пять дней - срок для каждого свой - все приходило в себя. Практически без последствий. Но они не помнят почти ничего из того, что с ними произошло.

- А бортовые приборы?

- Тоже фиксировали какую-то чушь. Будто их забыли настроить и откалибровать. А некоторые - и включить. Так, например, система искусственного климата на одном из кораблей зафиксировала условия, при которых человек не протянул бы и пары минут. Атмосферные датчики показывали наличие газовой оболочки снаружи корабля. Камера внешнего наблюдения записывала древние мультики. Самое

любопытное, что, по словам специалистов, качество записи превосходило сохранившиеся копии.

- Это анекдот?

- Нет, серьезно. Темная Зона - нечто совершенно непостижимое. По крайней мере, человеческий разум с этим справиться не в состоянии.

- Так почему же тогда в Темную Зону отправили корабль дальнего поиска?

- Ну, это уже вопрос не ко мне, - усмехнувшись, покачал головой Вадим. - Я такого решения не принимал.

- Быть может, те, кто отправил «Дельта-Гермес» в Темную Зону, знали что-то такое, чего не знаем мы?

- Несомненно, - усмехнулся Вадим. - Или хотели узнать.

- Так сильно, что решили пожертвовать кораблем? - спросила Герда.

- Вообще-то, информации об этой экспедиции было очень мало. Только самые общие слова. «Герои-первопроходцы... Дальний поиск... Последняя неразгаданная тайна Вселенной... На благо всего человечества...» Во всяком случае, я не помню, чтобы речь шла о каких-то конкретных целях.

- Но как «Дельта-Гермес» смог вернуться? Один, без экипажа?

- На автопилоте, - предположил Сергей.

- А экипаж? Они, выходит, послали корабль назад, а сами решили остаться?

- В очень давние времена, - Герда начала говорить таинственным и задумчивым голосом, - когда грузы перевозили по морю большие парусные корабли, порой происходили странные, необъяснимые вещи. Моряки, плывущие на торговом корабле, встречали в море, далеко от земли, другой корабль, идущий под всеми парусами. Однако на корабле никого не было. Ни единой души. Когда моряки поднимались на борт брошенного корабля, то с удивлением отмечали, что все выглядело так, будто экипаж всего минуточку назад спешно, но без паники покинул судно. Все деньги и ценности не тронуты. На столах стояли еще неостывшие кружки с кофе. В плите, на которой готовилась еда, горел огонь. В пепельнице дымились недокуренные трубки. Даже спасательные шлюпки были на своих местах.

- И куда делись люди?

- Неизвестно.

- До сих пор?

- А что, с тех пор многое изменилось?

- Теперь мы летаем в космос.

- Освоение космоса - это результат научно-технического прогресса. Человек остался прежним. Со всеми своими достоинствами и недостатками. И со своими загадками.

- Странно все это... Все эти тайны, загадки... Вопросы, на которые не существует ответов... Ну, вроде того, что было до Большого Взрыва?

Когда ничего еще не было?.. Порой мне кажется, что все это специально подстроено.

- Кем?

- Без понятия...

Когда глиссер в третий раз вынырнул из гиперспейса, Сергей первым делом отключил навигационный маяк.

- Все! - сообщил он, откинувшись на спинку кресла и положив руки за голову. - Теперь никто не знает, где мы находимся. Даже мы сами.

- А где астероиды? - приткнулся к обзорному экрану Вадим.

Сергей прижал палец к джойстику управления камерой внешнего обзора. Изображение на экране начало плавно смещаться влево.

- Пожалуйста! - На экране появилась россыпь серых ноздреватых каменных глыб. - Думали, я вас не туда завез?

Луч синхронизированного с камерой прожектора медленно переползал с одной каменной глыбы на другую. Временами среди серых обломков яркими искрами вспыхивали выходящие на поверхность металлические жилы.

- «Дельта-Гермеса» не видно, - покачала головой Герда.

- Камни закрывают обзор.

- Ты уверен, что он здесь?

- Конечно. Если Сэм не напутал с координатами.

Осторожно подойдя к ближайшему астероиду, похожему на гигантскую головку ноздреватого сыра, от края которой отхватили кусок, Сергей зачалил на нем глиссер.

Легкий скафандр из упругого полимера с внутренней прослойкой теплоизоляционного материала с электроподогревом плотно облегает тело и голову. Лицевая маска крепится с помощью быстро твердеющего герметика. Бесспорным плюсом такого скафандра является то, что он практически не сковывает движения. Минус: его легко можно порвать, зацепившись за острый угол. Но именно это ощущение близкой опасности придает экстремальному слайдингу особый вкус. Острый, чуть с горчинкой.

На то, чтобы облачиться в скафандры, ушло десять минут. Слайды с притороченными к ним реактивными движками были уже готовы. На спине у каждого слайдера имелся маленький баллон с запасом кислорода ровно на тридцать минут. Дополнительные баллоны, которые слайдерам необходимы для того, чтобы добраться до корабля и вернуться назад, были закреплены на слайдах.

Шлюзовая камера глиссера считается двухместной, но слайд с закрепленным движком и баллоном занимает почти столько же места, сколько и человек. Поэтому выходить пришлось по очереди. Последним из шлюза выплыл Сергей. Перед выходом он погасил все прожекторы и сигнальные огни глиссера. То, что они собирались совершить, было все же не совсем законным.

- Порядок? - спросил на всякий случай Джеффри.

Сергей показал большой палец.

Теперь им помогал только свет фонарей, закрепленных в носовых частях слайдов. Два небольших фонарика встроены в верхние углы лицевой маски, но они освещают пространство лишь на расстоянии вытянутой руки. У каждого слайдера имелся вспомогательный фонарь, закрепленный на левом запястье. Но пока не время их включать. Вставив ноги в стремена и ухватившись за поручни на досках, слайдеры включили движки и медленно поплыли над самой поверхностью астероида. Оказавшись на противоположной стороне, они начали удаляться от изъеденной оспинами каменной стены. Их путь лежал в проход между двумя огромными шарообразными астероидами. Над головами нависала еще одна каменная глыба, похожая на пирамиду со срезанными углами.

- Отстаем от графика, - сообщила Герда. - Сейчас мы должны уже входить внутрь корабля.

Они обогнули еще одну ноздреватую каменную скалу, парящую в пустоте. И в свете носовых фонарей перед ними предстал борт «Дельта-Гермеса». Плита из бравосплава была почти столь же черная, как мрак вокруг. И казалась такой огромной, будто разделяла мир надвое.

- Ищите маркировку, - скомандовал Сергей. - Нужно определить, где мы находимся.

Рыская по борту корабля лучиками фонарей, слайдеры разошлись в разные стороны.

- Есть! - крикнул через пару минут Джеффри.

Хотя кричать было, в общем-то, совершенно не обязательно. Остальные приблизились к нему. «E-12-25» - было выжжено на плите.

Сергей набрал код маркировки на гибком сенсорном экране, обернутом вокруг запястья.

- Поздравляю! Мы почти у цели! Там, - указал он направо, - метрах в сорока, находится аварийный люк, ведущий в ангар со спасательными ботами. В случае необходимости его можно выбить, просто дернув за рычаг. Но мы этого делать не станем. Мы войдем через вспомогательный шлюз, что находится рядом с аварийным люком.

Сергей оттолкнулся ногой от обшивки корабля, включил движок на минимальную тягу, потянул нос слайда на себя и поплыл вдоль корпуса. Остальные последовали за ним.

- А как мы откроем шлюз? - поинтересовался Джеффри.

Почему-то раньше вопрос о том, как они проникнут внутрь корабля, не приходил ему в голову. Одно дело - списанные и частично демонтированные корабли, брошенные на свалке. И совсем другое - невесть откуда взявшийся корабль-призрак. Вряд ли он ждет их, гостеприимно распахнув люки.

- В принципе, любой шлюз корабля легко открывается снаружи, - авторитетно заявил Сергей. - Этого требуют элементарные правила безопасности.

Они приблизились к аварийному люку. Большому, массивному и надежному, как врата в Запретный город. Квадратный люк был наглухо закрыт и выглядел так, будто его вообще ни разу не открывали. Чуть правее находилась врезка шлюзового люка. Пошарив лучиком фонарика по боковым скобам, Сергей потянул одну из них сначала на себя, затем в сторону. В металлической плите открылось небольшое квадратное оконце с кнопочным наборником внутри. Рядом желтой флуоресцентной краской был написан трехзначный код. Сергей набрал код, и шлюзовая заслонка беззвучно отошла в сторону.

Шлюз оказался достаточно большим для того, чтобы в нем поместились все четверо вместе со слайдами. Устроившись внутри, Сергей потянул вниз рычаг рядом с дверью. Внешняя заслонка шлюза встала на место. На внутренней заслонке загорелся красный индикатор - заработала система продувки.

- Продувка работает вхолостую. Внутри корабля нет воздуха.

Через полминуты загорелся зеленый индикатор и внутренняя заслонка отошла в сторону, открывая проход в темные глубины «Дельта-Гермеса».

- А что, света здесь нет? - почему-то шепотом спросил Джеффри.

Оказавшись внутри корабля, он тут же припечатал ладонь к стене, чтобы погасить плавное, почти незаметное скольжение вперед. Ему почему-то совершенно не хотелось двигаться дальше. Тьма вокруг была настолько неестественно глубокой, что, казалось, готова поглотить любого, кто рискнет в нее погрузиться.

- Свет включается персональным пультом, который имеется у каждого члена экипажа, - объяснил Сергей. - Или из командного центра.

Поставив слайд на ребро, Герда повела им слева направо, освещая носовым фонарем внутреннее пространство. Из темноты выплывали и снова исчезали округлые бока стоящих ровными рядами спасательных ботов.

- Всё на месте. Команда не пыталась бежать с корабля.

- Однако здесь ее тоже нет.

- Эй, не начинайте снова! Мы здесь не за тем, чтобы разгадывать тайны. У нас слайдинг!

Перебирая руками скобы на стене, Сергей подплыл к двери, ведущей в глубь корабля, и дернул ручку. Дверь легко откатилась в сторону. Прежде чем вернуться, он включил фонарик на запястье и выглянул. Проход по другую сторону двери был достаточно широким, чтобы в нем могли разойтись двое человек. Правда, для этого одному из них пришлось бы прижаться к переборке. Сергей посветил фонариком сначала в одну сторону, затем в другую. Не встречая преграды, свет

фонаря скользил по стенам и тонул в темноте.

- Все в порядке. - Сергей вернулся к остальным. - Переборки между отсеками открыты.

- Это очередное свидетельство того, что аварийной ситуации на корабле не было, - не преминула заметить Герда.

- На всякий случай, чтобы не было недоразумений, несколько напоминаний. Катаемся парами: я - с Сергеем, Герда - с Джеффом. Во время слайдинга связь только внутри пар. У нас с Сергеем - первый канал, у Герды с Джеффом - второй. В случае возникновения нештатной ситуации - общая связь по третьему каналу, как сейчас. Герда с Джеффом работают в носовой части корабля - это направо по коридору. У вас - мостик, командный центр, рекреационная зона, жилые помещения. Мы с Сергеем - в кормовой. Соответственно, налево. Там тоже находятся жилые каюты, а также машинное отделение, технические и вспомогательные службы, медицинская часть. На все про все у нас тридцать минут. Так что времени попусту не теряем. То есть, - указательный палец направлен на Герду, - собираем сувениры, а не пытаемся разгадать тайну исчезновения экипажа «Дельта-Гермеса».

Герда коротко кивнула.

- В случае возникновения проблем - любых проблем! - немедленно сообщайте по общей линии. Джефф, ты с нами впервые, так что эта информация главным образом для тебя: мы не рискуем попусту!

- Ты мне это уже говорил.

- И повторяю еще раз: никакого глупого ухарства! Мы просто развлекаемся. Пара все время должна иметь между собой визуальный контакт. В случае его потери - немедленная общая связь. Наши кислородные датчики настроены так, чтобы подать звуковой сигнал, когда воздуха останется ровно на пять минут. Где бы вы в этот момент ни находились и чем бы ни занимались, начинайте двигаться к точке встречи. Пяти минут достаточно для того, чтобы добраться сюда из любого конца корабля - если не возникнет непредвиденных проблем, вроде завалов, запертых дверей или поломки слайда. Возникла проблема - немедленно сообщить о ней по общей связи. Если одна пара вернулась на место встречи, а другой в назначенное время нет, следует немедленно перебраться на глиссер и вызвать спасателей. Хотя, скорее всего, смысла в этом уже не будет... Так что главное требование - это предельная осторожность и постоянный контакт со своим напарником. Все ясно?

- Да.

- Вопросы?

- Нет.

- Вспомогательные баллоны - на стену.

Слайдеры распределились вдоль стены, берущей начало от шлюза.

Большие кислородные баллоны, прежде закрепленные на слайдах, с помощью магнитных захватов зафиксировали на переборке.

- Готовы?

- Да.

- Переключаемся на основные баллоны - и вперед!

* * *

Чего Джеффри никак не ожидал, так это того, что двигаться по переходам брошенного, погруженного во мрак корабля будет настолько жутко. Разумом он понимал, что бояться вроде бы нечего. Но какая-то совершенно необъяснимая, inferнальная жуть то и дело пробегала холодком по позвоночнику, отдавалась дрожью в суставах и заставляла оглядываться по сторонам. Размытые пятна от света фонарей, скользящие по полу и стенам, вкупе с невесомостью создавали ощущение нереального, вывернутого наизнанку пространства, похожего на то, что придумали Калаби с Яу. У Джеффри могло бы возникнуть желание махнуть на все рукой, в том числе и на то, как посмотрят на него после этого новые товарищи, и повернуть назад. Но Герда на своем слайде, занявшая на правах ветерана позицию ведущего, уверенно и с хорошей скоростью продвигалась вперед. Сосредоточившись на том, как бы не отстать, Джеффри почти забыл обо всем остальном. В конце концов, коридор, по которому они двигались, мало чем отличается от слайд-трека. Разве что темный.

- Где мы сейчас? - не останавливаясь, спросила Герда.

Джеффри посмотрел на гибкий дисплей, обернутый вокруг запястья.

- Зона «Семь-А». Каюты экипажа.

- В них мы ничего искать не станем.

- Почему?

- Потому что это личные каюты. Там личные вещи...

Джеффри надавил левой рукой на тормоза.

- Что?

Герда притормозила и развернула слайд. Ровно на столько, чтобы посмотреть назад.

- Давай только заглянем.

- Зачем?

- А вдруг здесь то же, что и на тех кораблях, о которых ты рассказывала?

- То есть?

- Не глупи. Только время потеряем.

- А мы быстро.

Джеффри направил носовой фонарь на ближайшую дверь. На табличке: «Лейтенант У.Цинк».

- Табличку тоже брать не станем?

- Нет.

Герда ногой толкнула дверную ручку. Дверь легко откатилась в сторону, и за ней открылся темный провал. Ожидая увидеть все, что угодно, Джеффри направил внутрь свет носового фонарика. Насколько можно было судить при беглом осмотре, в каюте все на своем месте. Гамак с тонким матрасом, стенной шкафчик с плотно закрытыми дверцами, откидной столик и вращающийся стул с крепящимися к полу ножками. На столе - толстая тетрадь или книга, прижатая зажимом, и прозрачный пенал с канцелярскими принадлежностями. Никакой мистики. Никаких загадок.

- Катим дальше!

Герда захлопнула дверь.

- Через две переборки будет рекреационный сектор. Комната для релаксации, спортивный зал и бассейн.

- Вот туда и заглянем.

Дверь в рекреационный сектор оказалась заперта. Герде пришлось поковыряться в замке отмычкой. Много времени это не заняло, благо замок оказался не хитрый, а некоторый опыт в этом деле у Герды имелся.

Едва свет фонарей упал в створ открытой двери, как оба слайдера невольно подались назад. Закрывая дверной проем, перед ними висело странное, бесформенное образование, тускло, будто из самых глубин, отражающее падающий на него свет. Оно медленно покачивалось, словно не решаясь двинуться вперед, но и не собираясь сдавать назад. Немного воображения - и можно увидеть в нем живое существо. Допустим, не агрессивное, но настроенное так, что сразу и не поймешь, что оно собирается делать.

- Кисель с молоком!

Герда резко развернула слайд и с размаха ударила ладонью по тому, что находилось за дверью.

Огромный бесформенный пузырь лопнул и рассыпался на два или три десятка мелких. Герда стряхнула с пальцев повисшие на них капли воды и заглянула внутрь помещения. Все внутреннее пространство отсека оказалось заполнено большими и маленьким водяными пузырями, неспешно, плавно перетекающими с места на место. Зрелище было завораживающее. Им можно было любоваться без конца, как летящими в ночное небо искрами костра.

- Зря только время потеряли! - Герда в сердцах хлопнула дверью. - Должно быть, когда отключилась гравитация, бассейн был заполнен водой!

- Выходит, никто не был к этому готов?

- Или никому до этого не было дела.

Герда резко развернула слайд, до предела вдавила клавишу скорости

и полетела вдаль по коридору. Джеффри рванул следом за ней.

- Куда мы теперь?

- У нас осталось тринадцать минут! Катим напрямиком на мостик! Там наверняка что-нибудь найдем!.. Вот! - Герда на скорости мазнула по стене светящимся маркером. - Сними бирку! А потом сразу за мной!

Джеффри резко затормозил у отметки.

К боковой переборке была приделана пластиковая бирка с эмблемой корабля и датой первого выхода из дока. Что ж, неплохая добыча. Герда молодец, сам бы он бирку, наверное, не заметил. Из закрепленной на поясе сумки Джеффри достал кусачки, аккуратно срезал клепки и спрятал находку вместе с инструментом.

К этому времени свет Гердиного фонаря исчез вдали. Джеффри стабилизировал слайд, собираясь последовать за ней. Но, прежде чем двинуться, он зачем-то оглянулся. Может быть, хотел убедиться, что темнота не смотрит ему в спину тысячью глаз. К своему удивлению, слайдер увидел тусклый свет в конце коридора. Сам не зная, зачем это делает, Джеффри автоматически погасил фонарь своего слайда. Свет в конце коридора стал отчетливым. Фонари. Не один, а по меньшей мере три. Значит, это не Сергей с Вадимом, зачем-то появившиеся здесь.

Кто же тогда?

- Герда, - негромко позвал Джеффри.

- Я в командном центре, - тут же отозвалась девушка.

- Здесь кто-то есть.

- Шутишь?

- Нет. Я вижу свет фонарей.

Герда среагировала моментально.

- Перехожу на общую частоту. Сергей! Вадим! Вы следуете за нами?

- Нет. А в чем дело?

- Кто-то движется за нами с включенными фонарями.

- Что?!..

- Я не шучу. Джефф, ты выключил свой фонарь? Сможешь добраться до меня, не включая его?

- Попробую.

- Герда! Джеффри! Что там у вас?

- Кроме нас на корабле находится кто-то еще!

Джеффри осторожно, плавно тронулся с места. Он двигался вперед в полной темноте, полагаясь только на интуицию. В принципе, это было не очень сложно. Нужно только держать слайд прямо...

Прямо...

- Я здесь!

Герда поймала его за локоть и потянула в сторону.

- Как ты меня увидела?

- Налепила на маску дак-фильтр. У тебя тоже должен быть в сумке.

Верно!

Джефффри двумя пальцами выудил из бокового кармашка самоклеющуюся пленку фильтра ночного видения, сорвал подложку и наклеил на маску. Вышло чуть кривовато, но зато стало видно, что происходит вокруг. Может быть, не совсем все, но распластавшуюся на слайде Герду он видел отчетливо.

Джефффри осторожно выглянул в дверной проем.

По коридору, совершенно не таясь, шли люди. Фонари у них были такие яркие, что дак-фильтр не сразу среагировал, и Джефффри пришлось на несколько секунд закрыть глаза. Открыв их, он смог прикинуть примерное число гостей: человек восемь или десять. Одеты в одинаковые форменные скафандры повышенной защиты с треугольными нашивками на рукавах.

- Кто это такие, черт возьми? - шепотом спросил Джефффри.

- Служба Контроля, - так же тихо ответила Герда.

- Кто? - задал вопрос Вадим.

- Спецслужба, в задачи которой входит помощь при нештатных ситуациях. Например...

- Я знаю, - резко оборвал ее Вадим. - С чего ты взяла, что это контролеры?

- У них на рукавах шевроны с эмблемой СК.

Джефффри удивленно посмотрел на Герду. Та в ответ помахала зажатым в руке портативным электронным биноклем.

- Я их тоже вижу, - раздался голос Сергея.

- Что они здесь делают?

- Хороший вопрос.

Джефффри и Герда снова выглянули в коридор. Люди с фонарями были заняты каким-то своим делом. Слайдеров они не заметили. И им дела не было до того, что происходит вокруг. Время от времени они останавливались и крепили на стены небольшие серые коробочки с тускло мерцающими индикаторами. Пока одни делали свое дело в коридоре, другие ненадолго заходили в каюты. Потом снова выходили, менялись местами, переходили на другие позиции и доставали из сумок новые серые коробки.

- Нужно уходить, - подал голос Вадим. - Немедленно!

- Как? - спросила Герда.

Джефффри повел пальцем по дисплею на запястье. На экране загорелся план «Дельта-Гермеса».

- Из командного пункта есть выход на вторую палубу, ту, что над нами. Если контролеров там нет, мы сможем, прокатившись через научную лабораторию, изолятор и криокамеру, выйти к трапу, ведущему вниз. Спустившись по нему, окажемся чуть дальше входа в ангар со спасательными ботами. И, если там нет охраны, мы сумеем незаметно пробраться в ангар.

- Отлично, действуйте!

- А вы как?

- Тут неподалеку есть шлюз. Вылезем через него и доберемся до аварийной палубы вдоль борта.

- Может, вам сразу вернуться на глиссер?

- Кислорода не хватит.

Джефффри посмотрел на счетчик: кислорода в баллоне оставалось чуть больше, чем на пять минут. Для того чтобы вовремя добраться до аварийного ангара, двигаться придется на предельной скорости.

- Как у тебя? - спросил он Герду.

Та все поняла.

- Пять двенадцать.

- Вперед!

Джефффри включил фонарь на носу слайда. Конечно, опасно - так их могли заметить, - но быстро двигаться в полной темноте, ориентируясь лишь по расплывающимся контурам, что воспроизводил дак-фильтр, было невозможно. Зависание изображения даже надолго секунды, неизбежное в процессе декодирования, могло привести к аварии.

В ушах раздался резкий писк. Пять минут.

Выход на вторую палубу представлял собой вертикальную трубу с двумя металлическими поручнями. Сначала выбралась Герда. Джефффри передал ей слайды и вылез следом. Они оказались на небольшом пятачке, от которого в разные стороны расходились три коридора. Выглянув в один из них, Герда тут же отшатнулась назад.

- Они уже здесь, - сообщила она и посмотрела на счетчик.

Времени оставалось в обрез. Выбирать новый маршрут было бы чистым самоубийством.

- Герда? У вас проблемы? - спросил Сергей.

Джефффри выглянул в проход, рядом с которым на стене была нарисована пиктограмма, обозначающая научную лабораторию.

- Здесь пока чисто. Герда, быстрее!

Он крепче ухватился за поручни слайда и «газанул». Слайд сорвался с места и понесся по коридору. Джефффри сосредоточил все внимание на том, чтобы не проскочить мимо нужного поворота.

- Впереди! - крикнула Герда.

Джефффри тоже видел свет фонарей в глубине коридора. Но он уже заметил и поворот, за которым находилась нужная дверь.

- Успеем!

Он погасил фонарь и еще крепче прижал клавишу к поручню. Хотя смысла в этом не было, слайд двигался на предельной скорости. Мысленно сосчитав до шести, он надавил клавишу тормоза и изо всех сил потянул на себя правый поручень. Получилось! Слайд развернулся почти на месте и точно вписался в левый проход, лишь слегка, самым краем левого крыла зацепившись за угол. Он тут же включил фонарь

на запястье и увидел прямо перед собой Герду. Они находились так близко друг к другу, что едва не соприкасались масками. Да уж, следовало отдать должное этой девчонке: гонять на слайде она умела.

- Они нас заметили?

- Может быть.

Джефффри развернул слайд, наклонился и потянул за ручку дверь лаборатории. К счастью, та оказалась не заперта. Герда, наверное, смогла бы вскрыть замок отмычкой, но это займет время. А у них сейчас не было ни одной лишней секунды.

- Ребята, где вы?

- В лабораторном отсеке!

- Мы выходим из корабля. Так что какое-то время связи с нами не будет.

- Ясно.

Слайды с включенными фонарями стремительно скользили мимо длинных лабораторных столов, стеллажей с уснувшими, должно быть навсегда, приборами, мимо сенсорных экранов, вспыхивающих отраженными отсветами проносившихся мимо огней. Притормаживать приходилось лишь возле прозрачных двухстворчатых дверей, разделяющих лабораторные помещения. Фотоэлементы не работали, и нужно было ногой оттолкнуть одну из дверных створок. Изолятор, вход в который был отделен от третьей лаборатории коротким тамбуром, представлял собой узкий коридор с тремя запертыми дверями по левой стороне. Джефффри пришлось задрать нос слайда к самому потолку, чтобы не врезаться в очередную дверь, возникшую перед ним. Там находился коридор, по крутой дуге огибающий какое-то подсобное помещение и упирающийся в дверь криокамеры. Замка на двери не было, но она оказалась закрыта на пару хитроумных защелок, с которыми пришлось повозиться.

Внутри криокамеры находились три ряда ячеек для хранения биообразцов, расположенные вдоль правой стены, три застекленных бокса и два металлических стола, накрытых пластиковыми колпаками. Первый стол был пуст - лишь вспыхнули на миг-другой, скользнув по металлической плоскости, огни фонарей. Но на втором под колпаком находилось нечто такое, что заставило Герду нажать на клавишу тормоза и, упершись ногами в стремена, потянуть на себя поручни. Слайд с седоком перевернулся вверх дном. И замер, зависнув над прозрачным пластиковым колпаком, под которым находилось то, чему не существовало названия. Что это могло быть? Живое существо или некое неорганическое природное образование? Больше всего оно напоминало гигантскую раздавленную медузу. С той лишь разницей, что было абсолютно черным. Тело, распластанное под колпаком, поглощало все фотоны, попадающие на его поверхность, а потому, казалось, не имело объема. Оно лепилось к металлической

поверхности стола, будто нелепая фигура, вырезанная из черной бумаги. Но при этом - Герда готова была поклясться! - оно двигалось. Не перемещалось с места на место, а как будто перетекало в пределах заданной формы. Это было нечто макабрическое. От одной только мысли о том, что ты не в состоянии понять, что перед тобой, становилось жутко, пальцы рук начинали подрагивать, а икры сводила судорога.

- Герда! - обернувшись, крикнул Джеффри. - Ты что там застряла?

- Джефф... - Герда быстро провела языком по внезапно пересохшим губам. - Ты должен на это взглянуть...

- Это ты взгляни на счетчик! Дышать надоело?

В этом он прав: времени уже почти не оставалось.

Герда все еще содрогалась от необъяснимого, противоестественного ужаса, но ее тело само знало, что нужно делать. Оттолкнувшись ногой от потолка, она вместе со слайдом легла на бок и одновременно включила движок. Слайд полетел к двери, едва не касаясь стены.

Неподалеку от двери находился вертикальный колодец с трапом, ведущий на первый уровень. Джеффри бросил взгляд на счетчик: времени меньше минуты. Прижавшись всем телом к слайду он надавил на поручни и резко дернул вверх стремяна. Слайд перевернулся носом вниз и на полной скорости нырнул в круглый колодец. Джеффри едва не взвыл от боли, зацепившись коленом о перекладину трапа. И все же ему удалось сохранить равновесие и на выходе из пике вернуть слайд в горизонтальное положение. Но, оказавшись в коридоре, который должен был привести их к аварийному шлюзу, Джеффри вдруг с ужасом понял, что не может сориентироваться и понять, в какую сторону двигаться дальше?

- Что встал?

Герда оттолкнула его плечом и рванула вперед по коридору. Джеффри ничего другого не оставалось, как только последовать за ней, надеясь: девчонка понимает, что делает.

- Мы уже на месте! В ангаре! Джефф! Герда! Где вы?

- На подходе!

- Кислород есть?

- Я же с тобой разговариваю...

Впереди замелькали фонари. Теперь они определенно светили в их сторону. А значит, слайдеров не могли не увидеть. Но выбора у них уже не оставалось. Так же, как и воздуха.

Следом за Гердой Джеффри влетел в предупредительно открытую дверь ангара. Вадим поймал его за локоть и протянул шланг с переходником. Сергей помогал девушке перейти на вспомогательный баллон с кислородом.

- Надо убираться отсюда! - Джеффри закрепил баллон на слайде. - Немедленно! Контролеры в коридоре!

- Нас тут больше ничего не держит.

Вадим подтолкнул его в сторону шлюза.

Выбравшись из корабля, слайдеры на предельной скорости рванули в направлении зачлененного на астероиде глиссера. Что, впрочем, нисколько не мешало им обмениваться впечатлениями. Казалось, все уже позади. Теперь уж точно. Все целы - это главное. А что сувениров почти нет - так это ерунда! Зато впечатлений куча! Страшное напряжение последних нескольких минут сменилось безудержным, почти истеричным весельем. Все говорили одновременно и хохотали без удержки, взхлеб.

Оказавшись внутри глиссера, слайдеры первым делом избавились от скафандров. Сергей прыгнул в кресло перед пультом и включил круговой обзор. Как и прежде, большую часть экрана заполняли бесформенные каменные глыбы. Никаких заметных изменений в их размещении не произошло. Да и с чего бы?

- Ладно, - Сергей включил режим предстартовой подготовки. - Убираемся отсюда!

- Постой! - поймал его за руку Вадим. - Корабль СК где-то поблизости!

- Ну и что?

- Они засекут нас, как только мы войдем в режим перехода.

- Верно.

- Ну и что? Они уже видели нас на «Дельта-Гермесе».

- Они не знают, кто мы. А если они сядут нам на хвост...

- Зачем мы им нужны? Мы ничего не сделали. Я лишь одну бирку отодрать успел!

Джеффри кинул на консоль пластиковый прямоугольник с эмблемой «Дельта-Гермеса».

- У нас пара авторучек с логотипом и пластиковый подстаканник. Вадим показал свою добычу.

- Так, кто выиграл? - лукаво прищурилась Герда.

- Ну, вообще-то у нас три предмета...

- Да, но это всего лишь одноразовые авторучки и пластиковый подстаканник.

- Эй, эй! - замахал руками Сергей. - Мы еще не дома!

- Сергей, ты можешь определить местоположение корабля СК?

- Естественно, - Сергей хмыкнул и включил автоматический поиск корабельного маяка в радиусе ста километров.

Через минуту, когда поисковик выдал отрицательный результат, он расширил зону поиска до двухсот километров. Чуть погодя - до трехсот. На большем расстоянии поисковик в автоматическом режиме не работал. Можно было попытаться провести выборочный ручной поиск в узком секторе пространства. Но, скорее всего, в этом не было смысла.

- У них отключен маяк.

- Да брось ты! - не поверил Вадим.

- А что? У нас ведь он тоже отключен.
- Конечно! Мы же не хотим, чтобы нас обнаружили,
- А может, они тоже не хотят.
- Это ведь Служба Контроля! Они не от кого не скрываются!
- Если им нечего скрывать, - произнесла Герда.
Трое парней разом посмотрели на девушку.
- Что ты имеешь в виду?
- Контролеры неслучайно оказались здесь.
- Ну да.
- Какую опасность представляет собой брошенный экипажем корабль?
- Быть может, они хотят выяснить причину случившегося? Понять, что произошло?
- Во-первых, это не их задача. СК занимается конкретными проблемами: стихийные бедствия, техногенные катастрофы, угрозы терроризма. Расследование таинственных, необъяснимых случаев не входит в сферу их деятельности. Во-вторых, на «Дельта-Гермесе» слишком много людей в форме СК. И они не просто осматривают корабль, а заняты какой-то работой. В-третьих, «Дельта-Гермес» должны завтра отбуксировать в закрытый док. Почему нельзя было подождать всего один день.
- То есть ты хочешь сказать...
- А вдруг на «Дельта-Гермесе» находится что-то, чего никто не должен видеть? - произнесла Герда.
- Например?
- То, что я видела в криогенной камере.
- И что это было?
- Не знаю... - Герда почувствовала, как по спине снова пробежал холодок. Как в тот момент, когда она зависла над пластиковым колпаком, под которым разливалось пятно непроглядного мрака, по сравнению с которым тьма космоса казалась белым днем. Девушка зябко передернула плечами. - Что-то жуткое...
- Джефф, ты тоже это видел?
- Нет, - качнул головой Джеффри. - Я проскочил мимо... Время было на исходе, и я не стал возвращаться.
- Так! - Вадим кивнул Герде. - Ты что-то видела, но не знаешь что? И почему же ты думаешь, что контролеры прилетели сюда именно за этим?
- Не знаю, - пожала плечами Герда. - Я только предположила...
- Предполагать можно все, что угодно. Например, СК решила устроить пикник на борту «Дельта-Гермеса». Или...
- Вадим не успел закончить начатую фразу. Глиссер тряхнуло так, что всем пришлось ухватиться за поручни, а Джеффри, не успевший сделать это, отлетел к дальней переборке.
- Черт возьми! Что происходит?

- С нашим астероидом столкнулся другой!

Сергей ткнул пальцем в обзорный экран. Все поле астероидов пришло в движение. Огромные каменные глыбы сталкивались друг с другом, словно бильярдные шары, и разлетались в разные стороны.

Глиссер еще раз тряхнуло. Чуть слабее, чем в первый.

- А что, если не выдержат захваты?

- Да? Ты лучше подумай, что произойдет, если в следующий раз астероид ударит с той стороны, где мы зачальены!

- Нас расплющит в лепешку.

- Вот именно!

- Валим отсюда!

- Немедленно!

Сергей сбросил захваты и на небольшой скорости начал отводить глиссер в сторону от парящей в пустоте каменной горы.

- Быстрее.

- Не могу.

Прямо на них летел огромный астероид, похожий на грубо вытесанный каменный топор.

- О черт!..

Сергей переключил двигатель в режим форсированного разгона и начал совершать маневр уклонения.

- Быстрее!

- Не уйдем...

- Спокойно!

Глядя на изъязвленную поверхность астероида, который занимал уже почти всю плоскость экрана, Джеффри невольно втянул голову в плечи. И тут произошло невообразимое. Между глиссером и астероидом пролетел фрагмент обшивки космического корабля с эмблемой «Дельта-Гермеса». С рваными краями, будто выданный какой-то чудовищной рукой из корпуса.

- Видели! - воскликнула Герда.

- Что происходит, черт возьми!

- Контролеры взорвали «Дельта-Гермес»!

- Это безумие!..

Глиссер прошел над самой поверхностью астероида, едва не чиркнув по камню боковым стабилизатором. Впереди было открытое пространство. Не теряя времени, Сергей перевел двигатель глиссера в режим перехода.

* * *

Негромкий перестук морозящего дождика гармонично дополнял мягко льющиеся из динамиков звуки психо-фанка. Временами сквозь рваную

серую облачность проскальзывали лучи солнца. И тогда водяные разводы на крыше «Аквариума» начинали играть и переливаться всеми цветами радуги.

- Просто в голове не укладывается! - Двумя пальцами, сложенными вместе, Сергей стукнул себя по виску. - Контролеры взорвали «Дельта-Гермес»!

- Смотри! - Герда передала Сергею планшет. - Я почистила видеозапись, которую сделала на корабле.

- Все равно почти ничего не видно.

- Смотри внимательно! Видишь, что они делают?

- Что?

- Устанавливают заряды!

- Или расставляют ящики с апельсинами, - Сергей кинул планшет на стол. - Это видео ничего не доказывает. Оно могло быть снято, где угодно. Как можно доказать, что это «Дельта-Гермес»?

- И опознавательных знаков СК тоже не разглядеть.

- Но мы же знаем, что это были они!

- Знаем. И что с того? Кто нам поверит? Где доказательства, что мы вообще были на борту «Дельта-Гермеса»?

- Как насчет этого? - Джеффри показал бирку с эмблемой «Дельта-Гермеса».

Вадим состроил кислую мину.

- Дешевая подделка, купленная в магазине фэйк-сувениров. У них можно обзавестись даже болтами от спускаемой капсулы «Востока-Один». - Человек стоял возле единственного свободного стула у стола, занятого компанией слайдеров. Никто и не заметил, как он подошел. Он был одет в светло-серый костюм модного покроя. Под пиджаком - белая майка без воротника. Руки сложены внизу живота. Голова опущена, так что прядь светло-русых волос падает на глаза.

- Вы позволите? - рукой, затянутой в узкую серую перчатку, незнакомец указал на спинку стула.

Он отодвинул стул, сел, положил руки на стол, взмахом головы откинул прядь волос с лица и посмотрел на слайдеров. На вид ему было около сорока. Выражение лица невозмутимо-спокойное. Взгляд холодный и колющий. Уверен в себе на все сто. И держал себя так, будто уверенность - это его законное право.

- Кто ты такой? - набычившись, посмотрел на незнакомца Вадим.

- Ах, да, - незнакомец улыбнулся одними губами. - Забыл представиться.

Он достал из кармана пластиковую карточку, положил на стол и кончиком пальца чиркнул по краю. Над карточкой всплыла и засияла трехмерная эмблема Службы Контроля.

Самым удивительным было то, что в этот момент никто не упал со стула. И даже ни один стакан с квасом не опрокинулся.

Незнакомец прихлопнул ладонью парящую над столом эмблему и спрятал карточку в карман:

- Есть вопросы?

- Да! - дерзко вскинула подбородок Герда. - Что вам от нас нужно?

- Плохой вопрос, - качнул головой контролер. - Поэтому и отвечать на него я не стану.

- Может, вы не за тот столик сели? - робко предположил Сергей.

- А это уже просто глупо, - контролер недовольно сдвинул брови. - Вы знаете, что мне нужна именно ваша компания.

- Послушай, дружище, - натянуто усмехнулся Вадим. - Мы первый раз тебя видим.

- Точно, - кивнул контролер. - И для вас же будет лучше, если эта встреча окажется последней. Поэтому давайте прямо сейчас решим все вопросы. Быстро и четко. Идет?

- Какие вопросы? - непонимающе посмотрел на контролера Джеффри.

- Позволь-ка, - не дожидаясь ответа, контролер выдернул из руки Джеффри бирку с эмблемой «Дельта-Гермеса», которую тот пытался спрятать, прижав ладонью к столу. - Так я и знал, - он усмехнулся и взмахнул зажатой между пальцами пластиковой полоской. - Дешевая подделка, - он посмотрел на Джеффри. Ты не возражаешь? - И, снова не дожидаясь ответа, сунул бирку в карман. - А это что? - Он подтянул к себе планшет. - Любительская киносъемка. Совсем ничего не видно. Такое и хранить не стоит, - он вызвал меню и коснулся пальцем кнопки «удалить». - Ну, что у вас еще есть для меня?

- Больше ничего.

- Не верю.

Сергей по столу пустил в сторону контролера авторучку.

Тот посмотрел на нее, усмехнулся и кинул обратно.

- Это можешь оставить себе. Еще?

Сергей показал другую авторучку.

- И все? - недоверчиво прищурился контролер.

- Вот, блинов хочешь? - Вадим толкнул по направлению к контролеру тарелку с блинами.

Тот даже бровью не повел.

- Нет, спасибо. Предпочитаю менее калорийную пищу.

- Ну, - Вадим развел руками. - Как говорится, каждому свое!

- Именно! - неожиданно улыбнулся контролер. - Лучше и не скажешь.

Поэтому имейте в виду: если вы что-то от меня утаили, то лучше спрячьте куда подальше и больше никогда не доставайте. Если один из тех сувениров, поддельных разумеется, вдруг где-то выплывет, у вас будут крупные неприятности.

- Простите, - чуть подался вперед Джеффри. - Я не понял. Вы нам угрожаете?

- С чего бы вдруг? - удивленно вскинул тонкие брови контролер. - Но я

надеюсь, что разговариваю с разумными людьми. Которые понимают, что из-за глупой детской игры не стоит ставить под удар всю свою дальнейшую жизнь и карьеру. - Он на секунду задумался, после чего уверенно кивнул: - Да, именно так!

- Забери! - Вадим кинул контролеру пластиковый подстаканник.

Тот взял предмет двумя пальцами, внимательно осмотрел со всех сторон и удовлетворенно кивнул. Достав из кармана бумажный пакет, он развернул его, расправил и аккуратно уложил в него подстаканник.

- Что ж, - контролер посмотрел на слайдеров весело и почти дружески. - Был рад с вами познакомиться. И надеюсь, что впредь мы больше не увидимся.

- Можно вопрос? - подняла руку Герда.

- Да? - удивленно посмотрел на нее контролер.

Ему как будто не верилось, что кто-то хочет, чтобы он задержался еще на какое-то время.

- Что произошло с «Дельта-Гермесом»?

- Простите? - контролер чуть наклонил голову к плечу. Взгляд его выражал почти искреннее непонимание.

- Космический корабль «Дельта-Гермес». Дальний поиск. Темная Зона.

- Да-да, - быстро кивнул контролер. - Что-то такое припоминаю... Так о чем вы спрашиваете?

- Что случилось с «Дельта-Гермесом»?

- Этого никто не знает, - покачал головой контролер. - «Дельта-Гермес» не вернулся.

- Вы шутите? - воскликнул Джеффри.

- Желаю успехов в учебе.

Контролер поднялся на ноги, взял со стола пакет с подстаканником, задвинул стул на место и быстро, не оборачиваясь, пошел к выходу.

Четверка слайдеров провожала его взглядами до тех пор, пока за ним не закрылась стеклянная дверь.

- Кто мне скажет, что это значит? - тихо спросил Вадим.

- Это значит, что нам страшно повезло, - Сергей сделал глоток кваса.

- А собственно, что он мог нам сделать? - посмотрел на друга Вадим.

- Не знаю, - пожал плечами тот. - Но мне что-то не хочется снова с ним встречаться.

Какое-то время они сидели молча. Не хотелось ни есть, ни пить. Такое чувство, как будто их облили помоями.

- Так что все-таки случилось с «Дельта-Гермесом»?

Трое ребят удивленно уставились на девушку, задавшую вопрос.

- Ты ничего не поняла?

- Нет.

Сергей подцепил блин на вилку.

- Этого никто не знает и никогда не узнает.

Он тяжело вздохнул и бросил блин на тарелку.

- Мы были на «Дельта-Гермесе»! Он вернулся из Темной Зоны!

- Этот тип сказал, что у нас могут возникнуть серьезные проблемы...

- Тебя это пугает?

- Ну, в общем, да.

- А меня - нет!

- Ну и что с того? У нас нет никаких доказательств того, что мы там были. Кроме авторучек, которые контролер не стал забирать. А значит, как доказательство они ничего не стоят. Что мы можем рассказать?

- Мы видели, как контролеры взорвали «Дельта-Гермес»!

- Кто нам поверит?

- Ну, а если будут доказательства?

- Какие?

- Вы готовы?

- К чему?

- Идти до конца.

Вадим откинулся на спинку стула и задумчиво постучал пальцами по краю стола. Сергей поставил руки локтями на стол и положил подбородок на ладони. Джеффри воткнул вилку в блин и принялся крутить, как будто это был не блин, а спагетти.

- Я согласен, - сказал он.

- Мне все это страшно не нравится, - пробормотал Сергей.

- Что именно? - покосился на него Вадим.

- То, что творят контролеры. Я не понимаю, в чем тут дело, но... Так нельзя! Нельзя говорить всем, что «Дельта-Гермес» не вернулся из Темной Зоны, когда он был здесь!

- Какие будут предложения? Заведем свой сайт, в котором станем разоблачать происки СК? Или сразу пойдем в Инфо-Центр?.. Правда, над нами там только посмеются, а потом выставят.

- С этим - не выставят!

Герда положила на стол руку, в пальцах которой оказалась зажата серебристая пластинка. Сквозь небольшое отверстие в уголке была продета тонкая титановая цепочка.

- Что это?

- Думаю, бортовой журнал «Дельта-Гермеса»?

- Брось!

- Откуда он у тебя?

- Я добралась до командного центра раньше Джеффри. И пока он там ковырялся, прошлась по панели пульта управления, нашла вставленный в слот накопитель и взяла его, - Герда перевернула пластинку тыльной стороной. - Видите? Здесь эмблема «Дельта-Гермеса» и его бортовой номер. Значит, это не чей-то личный дневник, а бортовой журнал.

- Ты должна была отдать его контролеру! - Вадим взмахнул рукой, пытаясь схватить накопитель, но Герда откинулась на спинку стула и прижала руку к груди. - Он прямо сказал: нас ждут крупные неприятности.

- А ты не думаешь, что с бортовым журналом «Дельта-Гермеса» мы сами можем создать ему кучу проблем?

Вадим сделал глубокий вдох и медленно провел ладонью по лицу.

- А нам это надо?

Он посмотрел на Сергея.

Тот молча пожал плечами.

- Герда?

- Что?

- Нам нужны проблемы?

- Тупой вопрос!

- Джефф, что ты думаешь?

- Я уже сказал.

- Тогда ты еще не видел бортовой журнал.

Джеффри посмотрел на девушку.

- Герда, я так понимаю: ты еще не просматривала накопитель?

- Нет.

- Почему?

- Я подумала... - Герда на секунду запнулась. - Я подумала, мы должны сделать это вместе.

- Вот тебе и ответ, - Джеффри вилок указал на Вадима. - Мы должны либо вместе попытаться выяснить, что же произошло на самом деле, либо прямо сейчас выбросить этот накопитель. Чтобы его больше никто никогда не нашел.

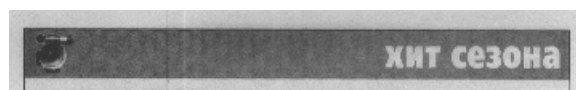
- Это бы устроило контролера, - невесело усмехнулся Сергей.

- А как на счет нас? - спросил Джеффри. - Нас это устраивает?

- Ребята! - Герда положила на стол кулаки; в левом был зажат бортовой журнал «Дельта-Гермеса». - Джеффри прав. Мы можем прямо сейчас раз и навсегда избавиться от этого накопителя и от всех связанных с ним проблем. Но что потом?.. Вряд ли мы станем снова кататься вместе. Случайно встречаясь, мы будем стыдливо отводить взгляды, боясь вспоминать о том, как нас до смерти напугал какой-то придурок в сером костюме!

Когда требовалось, Герда умела быть убедительной.

Но свой выбор каждый делает сам.

ХИТ СЕЗОНА

КОГДА НЕ БЬЮТ ЧАСЫ

Режиссеров «авторского» кино в последнее время тянет в сценариста детский и сказочный. Так ли это легко даже для признанного мастера?

Это можно даже назвать мировой тенденцией. В США - «Там, где живут чудовища» Спайка Джонса и грядущая «Белоснежка» Тарсема Сингха; в Европе - серия автоэкранизаций детских книг Люка Бессона и «Щелкунчик и Крысиный король» Андрея Кончаловского. Результаты у всех разные как в художественном, так и в кассовом смысле. Однако меньше всего эти ленты обычно похожи на детское или семейное кино. Хотя у многих мэтров все-таки довольно удачно под него маскируются: как-никак за дело взялись мастера.

Поэтому известие, что знатный специалист по гангстерским фильмам Мартин Скорсезе, удостоенный в конечном итоге «Оскара» за режиссуру в своем излюбленном жанре, решил поставить именно детскую сказку, да еще и в формате 3D, выглядело по меньшей мере неожиданным. Еще более необычной получилась сама картина.

За основу взята книга Брайана Селзника «Изобретение Хьюго Кабре», поскольку действие происходит в Париже, то имя главного героя следовало бы произносить как фамилию известного писателя - Гюго. Но будем придерживаться англоязычной манеры, тем более что по сюжету у персонажа британские корни. В российском прокате «Хьюго» Скорсезе демонстрировался под названием «Хранитель времени», и это тот редкий случай, когда многозначная локализация, пожалуй, даже более точно соответствует фильму, чем оригинальный заголовок.

Завязка по нашим временам достаточно обыденно: мальчик-сирота получает в наследство нечто загадочное и открывает, что

рядом существует волшебный, неизвестный мир. Но здесь обыкновенное заканчивается и начинается то, чего мы вовсе не ждем.

Главный взрослый герой фильма - бывший фокусник. И сама картина похожа на яркий новогодний фокус, заключительным актом которого стало разоблачение самого трюка. Потому, несмотря на виртуозное исполнение, вместе с восторгом может почувствоваться легкий привкус обмана. Нас обманывают, обещая детский фильм, но ребенок не способен оценить его прелести, несмотря на всю сказочную атмосферу. Нас завлекают в кино, обещая фэнтези, однако, невзирая на все невероятные события, здесь не происходит ничего сверхъестественного. На самом деле картина стоит в одном ряду с такими фильмами, как «Амели» Жана-Пьера Жене, «Волшебная страна» Марка Форстера или «Мост в Терабитию» Набора Чупо, где сказочной становится сама реальность, расцвеченная воображением. Наконец, нам обещают громкий рождественский блокбастер от «фабрики грез», а вместо этого мы смотрим, по сути, неторопливое европейское кино.

Весь сюжет «Хранителя времени» о том, как мальчик Хьюго пытается оживить загадочный механизм-автоматон и что из этого выходит, можно было бы передать за двадцать минут в эпизоде сериала «Удивительные истории» или «Сумеречная зона». Однако Скорсезе рассказывает историю больше двух часов и делает это необыкновенно красиво. Его фильм - как рождественский подарок во множестве упаковок, который можно долго-долго раскрывать. Долго, потому что время здесь самостоятельный герой фильма, тот самый Старик Время, которого поминают на безумном чаепитии у Кэрролла. Время всегда присутствует на экране - то в образе огромных часовых шестерен и маятников парижского вокзала, то в виде совсем небольших часиков, то в кадрах старых фильмов Жоржа Мельеса, первого фантаста мирового кино. Короткая история с минимальной интригой становится такой длинной, потому что время перестает быть четвертым измерением и существует как отдельный персонаж в остальных трех. К слову, Скорсезе снимает в 3D так, как будто сам изобрел этот формат.

Режиссер продемонстрировал и мастер-класс по работе с актерами. Если сэр Бен Кингсли как всегда элегантен, то скандально известный комик Саша Барон Коэн предстает в совершенно неожиданном амплуа, впервые в своей фильмографии создавая образ смешной и одновременно трогательный. Украшают эпизоды своим присутствием ветераны Кристофер Ли, Ричард Гриффитс и Фрэнсис де ла Тур, словно приглашенные в гости в этот ненастоящий целлулоидный Париж из других киносказок. Юная звезда фильмов «Пипец» и американского ремейка «Впусти меня» Хлоя Мориц чувствует себя в компании «тяжеловесов» большого кино как у себя дома. Исполнитель главной роли Эйса Баттерфилд, несмотря на пока еще относительно

малую известность, уже не новичок в фантастике и скоро появится в экранизации «Игры Эндера» Орсона Скотта Карда.

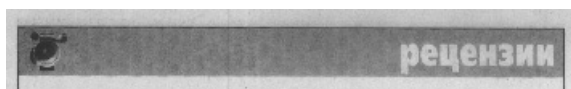
В «Удивительные истории» данный сюжет не попал бы отнюдь не из-за своего хронометража... Ленте Скорсезе, пожалуй, не хватило всего лишь самой малости. «Хранитель времени» может, в принципе, обойтись и без нее, но эта малость была бы в состоянии превратить первый семейный фильм мастера из «просто» события года в шедевр на все времена. Эта крохотная частичка - толика творческого безумия. Мартин Скорсезе блестяще давал волю своим эмоциям и воображению, остро задевая чувства зрителя и даже порой шокируя его своими гангстерскими лентами. Однако в сказочном фильме как будто сдерживает фантазию, направив ее исключительно на создание «картинки» и атмосферы.

Режиссер словно не позволяет волшебству прорваться в реальную жизнь, каждый раз объясняя его игрой воображения или сном. Для него самого волшебный мир существует исключительно на киноленте, а чудо - это всего лишь впечатление, которое фильм может произвести на зрителя. В отличие, скажем, от своего коллеги Стивена Спилберга (а тот был одним из «группы товарищей», вручивших Скорсезе давно обходивший его стороной «Оскар»), умудренный годами и заслугами режиссер как будто не хочет допускать и мысли, что поезд может по-настоящему съехать с экрана, а невероятное - случиться в реальной жизни. Такой вот Новый год без чудес.

Скорсезе показал себя чародеем поэтических кадров, но не сказочником. Даже если книга-источник, вольно трактующая события из жизни Жоржа Мельеса, и не предполагала какой-либо фантастики, у режиссера была возможность хотя бы показать тонкую грань между вымыслом и реальностью. Зритель до последнего надеется, что в финале все-таки случится что-то совсем необычайное: к примеру, намек на исполнение заветной мечты Хьюго получить какой-то знак от погибшего отца. Мы ждем, что автоматон хотя бы шевельнется не так, как планировал его создатель. Но Скорсезе настаивает на том, что кино - это кино, а жизнь - это жизнь. Рождается чувство, будто куранты в новогоднюю ночь пробили не двенадцать, а одиннадцать раз и замерли.

Но может быть, в том и состоял замысел. Главное чудо, которое совершается на экране по истечении двух часов, - это чудо нового обретения себя и близких. И с высоты своего опыта и прожитых лет маэстро, которому в этом году исполнится семьдесят, уверен: другого волшебства и не требуется.

Андрей НАДЕЖДИН

рецензии

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ НА ЗЕМЛЕ

(PERFECT SENSE)

Производство компаний Sigma Films, Film i Vast, Subotica Entertainment, Zentropa Entertainments (Германия - Дания - Швеция - Великобритания), 2011.

Режиссер Дэвид Маккензи.

В ролях: Юэн Макгрегор, Ева Грин, Юэн Бремнер, Стивен Дилейн, Дэнис Лоусон, Конни Нильсен и др.

1 ч. 32 мин.

Апокалипсис может вызвать что угодно. От нашествия помидоров-убийц до взрыва ядра Земли. А еще зомби-инопланетяне-психопаты. И вирусы. Они косят землян в каждом третьем фильме подходящей тематики. Банальностей, вроде превращения в вурдалаков, навалом, а оригинальных идей маловато. И вот Дэвид Маккензи снял фильм о вирусе, уничтожающем... чувства. Ведь, как известно, Аристотелем был предложен список пяти чувств: вкус, зрение, слух, обоняние и осязание.

Он - шеф-повар, она - эпидемиолог. Чтобы обычные, легкие отношения переросли во что-то серьезное, требуется время. А его почти не осталось - вокруг рушится мир, Они встретились уже после того, как в мире начал действовать вирус. За несколько дней чувства исчезают одно за другим. О причинах возникновения пандемии не упоминается. Нервный срыв и горькие слезы - затем перестают ощущаться запахи; обострение невероятного голода - и больше нет чувства вкуса; ужасный гнев, помноженный на ненависть, - и полная потеря слуха; тоска и всплеск любви и нежности - затем абсолютная слепота. И все, что остается для живых, - только одно чувство. Последнее.

Этот фильм - спокойное и вдумчивое повествование об одиночестве и тривиальности существования, о наслаждении сиюминутностью, о душе, которую щемит из-за того, чего не замечаешь в суете. Герои ощущают тонкость связи. Это потому, что рождается любовь? Или потому, что умирает мир? У особо сентиментальных зрительниц может появиться непрошенная слеза. Это ведь по-настоящему страшно: знать, что никогда ничего больше не будет, кроме последнего оставшегося чувства.

ШЕРЛОК ХОЛМС: ИГРА ТЕНЕЙ

(SHERLOCK HOLMES: A GAME OF SHADOWS)

Производство компаний Silver Pictures, Village Roadshow Pictures и др. (США), 2009.

Режиссер Гая Ричи.

В ролях: Роберт Дауни-мл., Джад Лоу, Рэйчел Макадамс, Джаред Харрис, Стивен Фрай и др.

2ч. 8 мин.

Правильно говорят: чем дальше в лес, тем толще партизаны. Сиквел успешного проекта должен быть «круче» оригинала во всем. Больше масштаба, больше приключений, больше спецэффектов. Тем более что самому режиссировать продолжение собственного фильма Ричи выпало впервые. Интрига повествования стала совсем глобальной: речь идет о подготовке немцами Первой мировой войны. Аж в 1891 году! Не волнуйтесь - небритый супермен Шерлок спасет человечество. Опять.

Брэнд под названием «Шерлок Холмс» эксплуатируется Голливудом всюду - ведь никому не надо платить за авторские права. И новые Шерлоки все дальше отходят от настоящего Холмса сэра Конана Доила. Герою Гая Ричи можно сопереживать, но лишь потому, что его играет великолепный Дауни-младший. И пусть этот Холмс уже окончательно забыл о дедукции и заменил ее другим даром - предвидения будущего в боевых сценах, - менее захватывающим повествование не становится. Да и загадок злобный профессор Мориарти (кстати, кажется, впервые в истории кино он действительно профессор, преподававший в университете) подкидывает предостаточно. Жаль только, что замечательная героиня первой части леди Адлер убита профессором в самой завязке сиквела. С ней было бы интереснее.

Паропанка стало больше. Огромные пушки, пулеметы, автоматы - все это теоретически могло существовать даже в конце XIX века. Все это окончательно хоронит викторианскую атмосферу холмсианы, но привлекает массы зрителей. Финальный поединок с Мориарти на краю пропасти - единственное, что роднит с рассказом «Последнее дело Холмса», - вроде бы предвещает конец франшизы, однако желание и дальше зарабатывать на имени великого сыщика в результате «породнило» Гая Ричи с Конаном Дойлем: и тот, и другой воскресили великого сыщика после падения в пропасть.

ПАРАНОРМАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ 3

(PARANORMAL ACTIVITY 3)

Производство компаний Blumhouse Productions и Paramount Pictures (США), 2011.

Режиссеры Генри Джуст и Эриель Шульман.

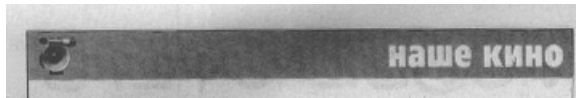
В ролях: Джесика Браун, Хлоя Ксенджери, Кристофер Николас Смит и др. 1 ч. 21 мин.

На волне популярности американской франшизы «Паранормальное явление» в Японии был снят собственный ремейк первой части под названием «Ночь в Токио». Это удивительно, ведь обычно происходит наоборот. Американский ответ не заставил ждать: в Штатах вышла третья серия «ПЯ», но хронологически первая, в которой рассказывается, с чего все началось. С каждым фильмом история становится все многограннее и интереснее. Наконец стало приятно, откуда взялся в домах двух сестер обладающий недюжинной силой суровый барабашка, да и вообще приквел приквела вышел на удивление самодостаточным. А уж если собрать воедино все намеки, разбросанные по предыдущим частям, то возникает достаточно внятная картина происходящего.

Смотреть на все это по-прежнему страшно. Ведь ребенок в опасности - наилучший способ напугать и заставить переживать взрослого зрителя. Примитивная уловка, но действующая. А дети тут главные. Две сестры, так ужасно погибшие в первых фильмах, еще совсем маленькие. Еще живы и мама, и отчим, понаставивший повсюду свои видеокамеры... Шорохи, стуки и невидимый дух, играющий с младшей сестренкой и ждущий возможности совершить свое черное дело.

И ниточка снова потянется в прошлое. Как вариант, возможна четвертая часть: тридцатые годы, оргии, вызов духов на шабаше ведьм и старенькая кинокамера, фиксирующая все на целлулоид... Домыслы, конечно. Но кто знает? Жадность продюсеров понятна: грех не стричь купоны, куда зритель идет смотреть псевдодокументалистику... Удивительно другое - кассовые сборы совсем непримечательных лент, муссирующих тему полтергейста. Рваная склейка безобразно снятых и смонтированных сцен, якобы имитирующих любительские съемки во мраке, дополняется самым минимумом актерской, режиссерской и операторской деятельности.

Откуда же такая популярность? Вот что остается самой пугающей загадкой.

наше кино

НОВЫЕ СФЕРЫ

Сказочные, фантастические, рисованные, объемные... И хотя они круглые, но весьма многогранные! О сериале «Смешарики» можно сказать словами одного из его персонажей: «Феноменально!».

Докатились

Автором названия и идеи сериала был петербургский поэт, писатель и сценарист Игорь Шевчук, Реализовали идею продюсер Анатолий Прохоров, сценарист Алексей Лебедев и студия компьютерной анимации «Петербург». А затем последовали Большой Коммерческий Успех (пожалуй, впервые была применена в полном объеме голливудская формула с огромным количеством сопутствующих товаров) и официальное признание в виде Государственной премии в 2008 году.

«Смешарики» заполнили практически пустовавшую нишу короткометражных мультфильмов и оказались первым долгоиграющим русскоязычным анимационным сериалом: на данный момент количество эпизодов превысило две сотни. Советская мультипликация не знала длинных циклов (самым протяженным оказался «Ну, погоди!»), так как не преследовала коммерческих целей, да и художникам всегда интереснее пробовать новое, а не бесконечно воспроизводить старое, Но важно и то, что практически все анимационные циклы советского периода были выдержаны в одной

стилистике. История про домовенка Кузю не выходила за рамки «городской сказки»; Волк и Заяц на протяжении многих лет оставались «Томом и Джерри» одной и той же эпохи; бытие жителей Простоквашино преподносилось подчеркнуто простым (в то время как в книге-первоисточнике Успенского они пользовались и искусственным солнцем, и экспериментальным «всеядным» трактором).

А вот новая российская анимация радостно восприняла все постмодернистские «трюки». Тут и гипертекст, и изоцированная система цитат и аллюзий, и шаг через границу реальности и фантазии.

Мы уже привыкли видеть и познавать мир не через собственный опыт, а через «чужое слово»: телевидение, интернет, книги. Вся наша картина мира состоит из цитат. И если отбросить предрассудки, то станет очевидно, что постмодерн природно близок фантастической литературе. Потому что дает инструменты для того, чтобы выбраться из пыльной кладовки привычной реальности в тысячи тысяч миров, каждый из которых по-своему имеет право называться реальным,

Но при чем здесь «Смешарики»? Какую роль может сыграть детский короткометражный мультфильм в судьбе фантастики? «Смешарики» и другие мультфильмы, подобные им, готовят ее читателя. В Америке давно есть «Симпсоны» и «Футурама». Именно поэтому американская картина мира так пластична и с легкостью вбирает в себя новые фантастические идеи. Теперь у нашего российского маленького зрителя появился мультфильм, который вводит его в пространство гиперссылок. Который учит с легкостью и радостно воспринимать не только наш мир во всем его разнообразии, но и тот, каким он только мог бы быть. И даже тот, каковым наш мир никогда не станет, но который можно вообразить.

«Смешарики» погружают ребенка в мир цитат и фантастических допущений. Однако узнавание этих милых сердцу образов и фраз, удивление от неожиданного обыгрывания цитат доставляют большое удовольствие и взрослому, рискнувшему посмотреть «Смешариков» вместе со своим чадом.

Но такими «Смешарики» были не всегда. Сначала их рисовали как мультфильмы исключительно для детей - простые, добрые и веселые истории из жизни ярких круглых персонажей. У каждого из них свой неповторимый характер, свои «фирменные» фразочки, свой взгляд на мир. Эпизоды сопровождались мягким закадровым голосом Игоря Дмитриева. Постмодернизм начал проникать в сериал с шестой серии «Железная няня», в которой голос сказочника исчез, и смешарики взяли дело в свои руки. И знаменательно, что с этой же серии в мультфильм проникла фантастика. Великий изобретатель Пин сконструировал робота-няню, но та оказалась, по меткому выражению одного из героев, «слишком няней». Сцена преследования чересчур заботливым механизмом своих подопечных сразу отсылает к мотивам

противостояния киборга и человека из кинофантастики, а некоторые могут увидеть и аллюзию на «Железного канцлера» Роберта Сильверберга. «Смешарики», начиная с этого первого фантастического эпизода, «докатились» - стали тем, чем являются и поныне.

Близко к тексту

«Смешариков» можно смотреть всей семьей. Если ребенок наслаждается перипетиями сюжета и переживает за героев, то взрослый видит совершенно другое: сложный, многослойный текст, гимнастику для интеллекта и чувства юмора.

Первое, что может броситься в глаза искушенному зрителю, - это многочисленные цитаты из классики жанрового кино. Они часто дают о себе знать уже на уровне названия: «Моя прелесть», «Эффект бабушки», «Куда приводят желания». При этом неизменен признак: если название дословно повторяет какой-либо кинохит («Основной инстинкт», «Полеты во сне и наяву»), то сюжетных отсылок не ждите, И напротив, если игра есть уже в названии, как в том же «Эффекте бабушки», сюжет будет непременно пересекаться с цитируемой картиной.

Иногда название и вовсе не связано с тем, на каких цитатах построен сюжет того или иного эпизода. Так, в «Смысле жизни» Кар-Карыч ведет поэта Бараша к загадочной Кузинатре. Их квест под перебор одинокой бас-гитары напоминает путешествие другого мнимого поэта и его проводника в мистическом вестерне Джима Джармуша «Мертвец». В новелле «Бутерброд» о призрачном бутерброде, что едва не сводит Лосяша с ума в занесенном снегами доме, мы легко увидим перекличку с фильмом Стенли Кубрика «Сияние», а одна из сцен явно пародирует хрестоматийные кадры из «Психоза» Альфреда Хичкока.

Но еще любопытнее получается, когда авторы слой за слоем укладывают в один эпизод аллюзии сразу к нескольким фильмам и книгам совершенно разного плана. В новелле «Самое главное» Лосяш по всем правилам делает голема из глины, чтобы доказать тезис: главное в воспитании - это заложить привязанность. Оживляет голема молния, как в классическом «Франкенштейне». А когда наутро проведать друга приходит Копатыч, мы видим отсылку к сцене между Кельвином и Снаутом в «Солярисе» Тарковского. Копатыч при этом произносит крылатую фразу из другого мультфильма: «Открывай, медведь пришел!».

В серии «Моя прелесть» Бараш получает волшебные духи, чтобы влюбить в себя свинку Ньюшу. К флакончику он относится, как Голлум к кольцу (недаром новелла получила такой заголовок, хотя это одновременно и название вождеденных духов), но поступает в логике Жана-Батиста Гренуйя в финале романа Зюскинда «Парфюмер». А

убегая в лес, выкрикивает строчку Константина Бальмонта: «К развенчанным святыням нет возврата!..».

Своеобразного апогея эта тенденция достигла в эпизоде «Ежик в туманности», который представляет собой одну развернутую цитату из бессмертного фильма Юрия Норштейна. Но в то же время это дайджест из тем и штампов кинофантастики (в основном, 50-60-х годов XX века): ведь действие происходит на съемочной площадке фантастического фильма, который ставит неутомимый Крош.

Пространство мультфильма - это территория тотальной игры, такой естественной для детского ума. Порой авторам «Смешариков» удается создать атмосферу всеохватного карнавала, переодевания в «маски» различных культур и эпох.

Еще раз подчеркнем: хотя целевая аудитория сериала - дети, цитаты в «Смешариках» адресованы взрослому и достаточно образованному зрителю. Именно такой зритель способен получить интеллектуальное удовольствие от их виртуозной игры. Благодаря многоуровневости возможны сопросмотр, сопереживание и совосприятие ребенком и взрослым общего кинотекста. Знакомые по «Смешарикам» образы, цитаты, сюжетные ходы оказываются эмоционально связанными с временем, проведенным с родителями. Точно так же через несколько лет вы будете вместе смотреть «Звездные войны», а через десять - «Солярис»...

Загадки истории

Как и многие сериалы, «Смешарики» организованы не линейно, а концептуально: каждая серия представляет собой отдельное произведение, их можно просматривать в любом порядке. Для подобных сериалов характерно смещение времени. Для разных групп персонажей время способно двигаться с разной скоростью, причем для центральных героев оно почти неподвижно. Так, несмотря на регулярное празднование дней рождения, возраст героев практически не изменяется. То же самое происходит, например, в «Симпсонах». За 20 лет существования сериала «Симпсоны» Лиза и Барт повзрослели на год, а другой персонаж отсидел несколько сроков тюремного заключения, женился, стал отцом, и его ребенку уже три года.

Нелинеен и сам мир, где живут смешарики. Он, как и герои, может приобретать свойства и характеристики от эпизода к эпизоду в зависимости от воли сценариста и в соответствии с логикой отдельной серии. Например, в Стране смешариков по необходимости появляется и пропадает электричество, у них нет телефона, зато есть беспроводной телеграф и компьютер с операционной системой Окна'95.

Мы не знаем и социального устройства этого мира. Понятно, что как таковое оно не интересует ни авторов, ни маленьких зрителей.

Подобно тому, как нет общества и государства, скажем, в мире «Голубятни на желтой поляне» Крапивина... Однако совсем без некоторых социальных реперов не обойтись, как нельзя жить в обществе и быть свободным от него, согласно известной цитате. Смешарики живут в утопической идиллии, но к ним иногда попадают, например, существа с криминальными наклонностями (клон Лосяша в серии «Невоспитанный клон»), фея Тигриция оказывается актрисой, связанной контрактом; порой в райском уголке слышится эхо экологической катастрофы («Маленькое большое море»).

Вместо истории мира здесь только ее интерпретация, как иронично показано в эпизоде «В начале было слово». В этой серии каждый из героев переписывает историю на свой лад, а проснувшийся Копатыч полагает, что он единственный оставшийся в живых на земле. То есть зрителю предложены отсылки сразу к целому пласту постапокалиптической фантастики.

Но даже сама реальность в «Смешариках» вполне подвержена редактированию. В эпизоде «Край света» Лосяш демонстрирует фотографии Земли, сделанные из космоса, вынуждая Кроша признать, что планета круглая. Импульсивный Крош берется доказать обратное, мол, Земля плоская и стоит на слонах и черепахе. Вместе с Ежиком они отправляются фотографировать край света. И хотя фотоаппарат тонет, оказывается, что край света все же существует. Привычная нам картина мира пробует на прочность.

Однако этот антагонизм мнений существует все еще в пределах их мира. Но есть персонаж, который постоянно пытается пробиться через стену, отделяющую мир смешариков от нашего. Это Ежик. «Мне порой кажется, что наш мир кем-то нарисован... И за нами все время кто-то наблюдает», - признается он Крошу, этой фразой возводя постмодернистскую игру на новый уровень. В серии «Почему» он даже слышит голоса переговаривающихся у компьютера мультипликаторов.

Взрослым может показаться, что такая сложная философская структура в детском мультфильме едва ли уместна. Но все дело в том, что в детском сознании еще нет системной и намертво зацементированной картины мира. А потому и нет противоречия: Земля может быть одновременно и плоской, и круглой, и нарисованной. Любая фантазия будет существующей в одной из версий реальности. Например, в серии «Проверка», где искушенный зритель увидит отсылку к рассказу Филипа Дика «Из глубин памяти», Крош, чтобы проверить Ежика, выдумывает пиратов созвездия Большой Стрекозы и мастерит из подручных средств «квантограббер», за которым эти пираты якобы охотятся, после чего к Ежику на самом деле приходят космические пираты.

Мир способен быть таким, каким ты захочешь. «Смешарики» четко отражают эту особенность детского мышления, а взрослых тренируют

парадоксами.

Как и любая хорошая фантастика.

Реальность мифа

Создание целостной картины мира никогда не входило в задачу сериала. Более того, из-за упомянутой особенности детского восприятия такая картина мира ему противопоказана.

В частности, здесь на равных уживаются наука и волшебство. Пин строит космический корабль, мастерит невероятные механизмы и даже самообучающегося робота Би-би, который издает звуки, как лукасовский R2D2. Ученый Лосяш в юности сам себя клонирует, и его отношения с «невоспитанным клоном» напоминают «Странную историю доктора Джекила и мистера Хайда». В то же время Кар-Карыч останавливает дождь, заклиная Лунного Ворона индейскими танцами с бубном, чем посрамляет скептика Лосяша, а Ньюше во сне является профессор Менделеев (!) и объясняет, как сделать настоящую волшебную палочку.

Причем в столкновении волшебства и науки первое неизменно выигрывает, хотя, допустим, Кар-Карыч считает свое камлание своеобразным альтернативным знанием и, обучая Лосяша премудростям, заявляет, что «в науке нет мелочей!». Нередко сюжет эпизода разрешается тем, что волшебство, в которое никто уже не верил, все же случается. Например, в серии «Операция «Дед Мороз» неугомный Крош решил поймать сетью сказочного героя, чтобы доказать: им нарядился кто-то из взрослых. Действительно, в тенетах оказывается Кар-Карыч, однако некто с бородой и мешком, но отнюдь не смешарик, все же появляется в кадре, чтобы заставить поверить в Деда Мороза не шаровидную малышню, а самого старого и опытного смешарика - Кар-Карыча. Любопытно, что по такой схеме часто строились первые сезоны «Секретных материалов».

Почему у магии всегда есть преимущество в Стране смешариков? Причину называет Крош, когда в упомянутом эпизоде «Край света» спорит с Лосяшем о том, что Земля стоит на слонах и черепахе: «Так же интереснее!». Юным смешарикам, как и маленьким зрителям, не интересен мир, разложенный на формулы и скованный расчетами. И даже науку и технику они признают, лишь когда те дарят чудо. Ведь только чудо способно переделать мир по собственному желанию, то есть творить. Правда, как остроумно показано в серии «Два волшебника», где Ньюша и Бараш стараются своим волшебством сделать мир «лучше, красивее, добрее» и создают каждый собственную утопию - это «красивее и добрее» у каждого выглядит совершенно по-разному.

Но и взрослых смешариков сказанное касается не меньше. Лосяш в ответ на вполне актуальную новость о том, что Плутон больше не

признают планетой, устраивает голодовку, защищая статус этого небесного тела. В бреду он видит десант разумных обитателей Плутона, присудивших ему звание героя, но обиженных на землян и готовых уничтожить нашу планету. Теперь уже он произносит жаркую речь в защиту Земли. В финальном кадре делается намек, что это не было видением, но важно то, что чистосердечный порыв Лосяша оказался сильнее реальности. В эпизоде «Не может быть» ставится с ног на голову распространенный в американском кино сюжет о чужеродном растении, занесенном из космоса. Необыкновенный цветок вполне безобиден, красив и музыкален, но... нерационален. Лосяш в сердцах уничтожает его, однако тоскует по космической музыке и игре света и ночью сам выходит с фонариком вместо чудораствения. Каждый подобный фантастический эпизод превращается в своего рода анимационную басню, адресованную зрителям всех возрастов.

Что касается науки, то она берет реванш в ответвлении сериала под названием «Пинкод», где фантастика играет уже практически «жюль-верновскую» просветительскую роль...

В «Начале» было...

Вполне закономерным развитием для сериала было создание полнометражной кинотеатральной версии. Однако сама многоликая природа «Смешариков» превращала это в трудную задачу - связать все друг с другом в единое сюжетное полотно и не превратить в растянутую на полтора часа обычную шестиминутную серию. К тому же «Смешарики» из рисованной анимации перешли в разряд целиком компьютерного 3D (кроме полного метра уже создано несколько серий с объемными героями).

Единство было найдено за счет того, что полнометражный фильм стал приквелом сериала. Уже в названии опять дает себя знать игра в цитаты - «Смешарики: Начало» отсылает к целому ряду кинокомиксов последних лет. Аллюзии всячески подчеркивали и создатели трейлеров. А сама фабула дает отсылку сразу к нескольким известным произведениям литературы и кино совершенно разного масштаба, жанра и калибра.

Смешарики не всегда были такой дружной компанией. Когда-то среди них жили всего трое «взрослых» - Лосяш, Кар-Карыч и Совунья. Случайно найденный Крошем и Ежиком доисторический (!) телевизор показывает всего один канал с непрерывным шоу супергероя Люсьена, постоянно спасающего мир от зловредного доктора Калигари. Смешарики не могут вытерпеть того, что герой воюет в одиночку, и отправляются к нему на помощь. Шторм приносит их в насквозь буржуазный мегаполис, где они узнают страшную правду: Люсьен не настоящий супергерой, а всего лишь заштатный и уже пожилой

сериальный актер Копатыч. Но столкновение пришельцев из утопической страны, где все конфликты порождались только разницей характеров, с миром, в котором существуют настоящие корысть и злоба, принуждает их все-таки дать несправедливости настоящий бой.

Вполне очевидно, что здесь переплелись сюжеты книги «Незнайка на Луне» и целой линии голливудских фильмов про супергероев без способностей, таких как «Хранители» и «Пипец». Понятная даже ребенку история про разноцветных шарообразных зверушек сочетается с тонкими, по-петербургски интеллигентными реверансами знающему кинозрителю. Чего стоит одна только аллюзия на экспрессионистский «Кабинет доктора Калигари»!

Авторы остаются верны себе, смешивая не только разные эпохи, но накладывая друг на друга различные реальности. Так, смешарики, рыдая, смотрят серию походов Люсьена, воспроизводящую финал камероновского «Титаника», а в море проплывают мимо невредимого лайнера с таким же названием. Или другой факт: Ежик, попавший в городской музей, узнает, что динозавры были всего лишь безмозглыми рептилиями, в то время как в самом начале фильма обнаружил в пещере скелет динозавра, сидящий перед все еще работающим ламповым телевизором.

Наконец, мегаполис похож на современные большие города из голливудского кино, но выглядит более футуристично: над ним летает множество аппаратов, особенно дирижаблей.

Интересен финальный поворот, противоположный тем же «Незнайке на Луне» или упомянутым фильмам. В них положительные герои обязательно изменяют мир: лунный капитализм терпит крах, угроза атомной войны в «Хранителях» очень дорогой ценой, но ликвидирована. Смешарики исключительно по своей наивности и детскости выводят на чистую воду преступников, но все равно вынуждены спасаться бегством - это и есть начало их основных сериальных приключений. Большой неприветливый мир будет, конечно, вторгаться в их Страну, но только изредка. Фактически смешарики из различных цитат и «отходов», как их гениальный механик Пин, сумели выстроить собственную Утопию, но, как всякая утопия, она почти отрезана от мира, похожего на наш.

В этом замкнутом мирке, как в реторте, авторы «Смешариков» начинают свои удивительные опыты, создавая поливариантную реальность - причудливую мозаику научно-фантастических допущений, фэнтезийных сюжетов и философских концепций.

Аркадий ШУШПАНОВ, Дарья ЗАРУБИНА

БЕРНАРД ШНАЙДЕР

РУТИНА

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

Арнольд Хоффмайстер умер, как жил. Спокойно и уединенно. По крайней мере, у комиссара полиции Себастьяна Шеффера не было повода в этом усомниться. Профессор всеми любим, успешен, что не мешало ему оставаться замкнутым и немного робким человеком. Ученый до мозга костей: так думал каждый, кто хотя бы поверхностно его знал. Нобелевский лауреат, полностью погруженный в науку. Невозможно представить, что у него есть враги.

Вернее, было невозможно.

Себастьян осмотрелся. Дверь номера «Кельнер Маритим» притворена. Мягкий свет, лившийся из ниши, где стояла кровать, казался умиротворяющим. Профессор лежал на животе, из его спины торчал нож, словно это была мизансцена в любительском спектакле; на полу натекла лужа крови, и все же в самой позе трупа было что-то удивительно спокойное и отрешенное. Он умер мгновенно. Первым же ударом убийца достал до сердца, второго не потребовалось.

После того как фотограф отошел от тела, комиссар внимательно осмотрел руки жертвы. Никаких порезов. Никаких частиц кожи под ногтями. Профессор не пытался обороняться. Он не ожидал нападения и подпустил убийцу совсем близко. Скорее всего, они были хорошо знакомы, и причина убийства сугубо личная. Впрочем, как говорил немалый опыт комиссара, чаще всего убийства совершают люди из ближайшего окружения жертвы. Обиженная жена, ревнивый муж, любовница, любовник, обманутый бизнес-партнер... Так было и будет всегда, со времен сотворения мира. Собственно, самый первый в истории убийца расправился с родным братом - куда уж ближе! Гораздо реже жизнь отнимают таинственные незнакомцы и одержимые жаждой крови психопаты.

Из соседней комнаты доносились судорожные рыдания. Горничная на диване билась в истерике. Бедная девочка, ее можно понять - в первый раз увидела мертвое тело, причем так неожиданно. Директор отеля не плакал, но был бледен, как лист бумаги. Стоял у дивана на коленях, сжимая руку горничной, но не пытался ее успокоить. Его губы беззвучно шевелились, словно он молился.

Себастьян подошел поближе и смог расслышать молитву:

- Нужно вызвать врача... Когда же придет врач...

Комиссар дружелюбно улыбнулся и похлопал директора по плечу. Это был как раз тот случай, когда врач мог не торопиться.

- Ну, и что ты думаешь? - Анна Хартманн, напарница Себастьяна, внимательно глядела на него.

В последние дни потеплело, и девушка была одета в легкую кофточку и юбку до колен, открывавшую длинные стройные ноги. Себастьян надеялся, что хорошая погода задержится подольше.

- Все очень просто, - ответил он коллеге. - Отель нашпигован видеокамерами, на дверях комнаты электронный замок с регистрацией посещений, в номере наверняка полно отпечатков пальцев и ДНК-материалов... Рутинное дело.

«И даже более того, - закончил комиссар мысленно. - Но об этом говорить рано. Если повезет, то об этом вообще не придется говорить».

Анна кивнула и отбросила длинные светлые волосы за спину.

- Мы закончили?

Один из золотистых локонов снова скользнул ей на щеку, и Себастьян представил, как касается его кончиками пальцев.

- Да, пожалуй. - Он стряхнул наваждение. - Теперь пусть работают эксперты.

Они вошли в стеклянную кабину лифта, и Себастьян зябко передернул плечами - он боялся высоты. Зеркало на задней стенке отражало стеклянный купол, и кабина казалась открытой со всех сторон. Эффектно, что и говорить. Комиссар уставился на свое

отражение, пытаюсь одолеть приступ акрофобии за счет нарциссизма. Гладкие волосы, статная фигура - пара килограммов, пожалуй, лишние, но все же не настолько, чтобы испортить впечатление. И главный козырь - темно-голубые глаза, необыкновенно яркого и в то же время глубокого цвета. Пожалуй, его все еще можно назвать привлекательным. Искоса он взглянул на Анну. Девушка с равнодушным видом изучала конструкцию из стекла и металла.

Лифт начал снижать скорость, заскрипели тормоза. Себастьян нервно сглотнул. Анна осталась невозмутима. Она в отделении недавно, и пока непонятно, можно ли к ней подкатить. Впрочем, совсем уж неприступной она не выглядит. Главное - выбрать подходящее время и место. Немного удачи, и все в порядке. Мертвый профессор - хороший повод для сближения, это точно.

- Первый этаж, - сказала Анна.

Они вышли в атриум отеля, напоминавший главный зал готического собора. Без малого тридцать метров высотой, огромные стрельчатые окна, пронизанные лучами солнца, галереи на высоте второго этажа сверкают полированным металлом... Тихий рокот голосов отражался от стен, накатывался и отступал, как морские волны. Атриум был полон почтенных пожилых господ в костюмах-тройках, на носках красовались очки в золотой оправе, из углов рта торчали трубки. Господа собирались в группы и что-то обсуждали, оживленно жестикулируя. Здесь проходил конгресс, и покойный Хоффмайстер был его участником.

В толпе Себастьян потерял Анну и дрейфовал без цели, разглядывая плакаты. «Международный конгресс по проблемам симметрии», «Волна - частица», «Дуализм или дефицит информации?» Он задержался перед экраном, дожидаясь новой картинки и надеясь, что следующая позволит ему понять, о чем тут идет речь. Итак: «Арнольд Хоффмайстер. Новая интерпретация Копенгагенской интерпретации»^{*14}.

Наконец, из толпы вынырнула Анна и схватила Себастьяна за плечо. Другой рукой она придерживала большую картонную коробку.

- Здесь кассеты из камер наблюдения и протоколы с электронных замков, - ответила девушка на немой вопрос коллеги. - Преступник у нас в кармане.

- Точно, - кивнул Себастьян. - Терпение и труд все перетрут. Работа в отделе убийств еще не кажется тебе скучной?

¹⁴ * *Копенгагенская интерпретация - толкование квантовой механики, в частности волновой функции и дуализма «волна - частица», которую сформулировали Нильс Бор и Вернер Гейзенберг во время совместной работы в Копенгагене около 1927 года. (Прим. перев.)*

Анна удивленно взглянула на него, но он, не желая вдаваться в эту тему, развернулся и пошел к выходу.

Служебный автомобиль был припаркован перед отелем. Себастьян поставил коробку на заднее сиденье.

- Кто поведет: ты или я?

Девушка ответила ему улыбкой и скользнула за руль.

- Давай к дому профессора, - распорядился комиссар.

- Хорошо.

Рутинка есть рутинка. Когда Себастьян расследовал свое первое дело, он не мог удержаться от слез. Но молодая вдова, чей муж, отец трехлетнего ребенка, погиб в автокатастрофе, реагировала совсем не так, как он ожидал. На ее лице не дрогнул ни один мускул. Себастьяну почти хотелось, чтобы она наконец разрыдалась...

Тогда он впервые понял, что некоторые вещи лучше не допускать в сознание, если не хочешь, чтобы твой мозг взорвался. Они должны оставаться где-то там, в сундуке, за семью замками. Только иногда, бессонными ночами, этот сундук раскрывается, и наружу выходят призраки прошлого, а точнее - все то дерьмо, что ему пришлось разгребать за свою жизнь.

По дороге Себастьян думал о докладе Хоффмайстера. «Новая интерпретация Копенгагенской интерпретации». Эти яйцеголовые совсем свихнулись. Наверняка какой-нибудь умник уже строчит доклад «Новая интерпретация Кельнской интерпретации Копенгагенской интерпретации». Он лично совершенно не нуждается в интерпретациях. Иногда факты надо просто принимать такими, каковы они есть. Всё. Точка.

Он откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. От Анны пахло свежестью. Духи или туалетная вода? Он представил себе, как кладет Анне руку на колено, как его палец скользит вверх по бедру, приподнимая край юбки. А Анна, не отрываясь, смотрит ему в глаза. Возможно, стоит попытаться. И лучше сделать это прямо сейчас. Но тут машина начала замедлять движение. Они приехали, проклятье, уже приехали. А он - полный идиот.

Дом профессора находился в часе езды от отеля. Коттедж окружала изгородь из кустов шиповника. Широкая подъездная дорога огибала аккуратно подстриженную лужайку. В открытую дверь гаража был виден черный лимузин. Анна остановилась рядом с крыльцом, и они вышли из машины. Себастьян поймал себя на том, что хочет положить девушке руку на плечо. Не как соблазнитель, просто друг. Ей сейчас не помешала бы дружеская поддержка.

Анна нажала кнопку звонка, дверь отворилась и Себастьян увидел, как бледнеет лицо коллеги. Он поддержал ее за локоть, но она, кажется, даже не заметила этого.

Ситуация стала невыносимой. Решительно. Дженет мне изменяет. И с кем? С доктором Бауманом, этим дипломированным ничтожеством - он держится в университете только благодаря покровительству декана. Они познакомились на вечеринке, которую я же и устроил летом. Дженет даже не пытается скрыть эту связь, вероятно, надеясь на развод. Тогда она могла бы тратить мои денежки вместе с Бауманом. У меня есть план. Правда, трудновыполнимый.

Анна приглушенно вскрикнула, но тут же глубоко вздохнула и снова обрела контроль над собой.

Перед ними в дверях стоял профессор Хоффмайстер. Живой и невредимый. Он удивленно вскинул брови и повернулся к Себастьяну:

- Простите, чем могу быть полезен?

Себастьян показал ему свое удостоверение. Профессор изумился еще больше.

- Отдел убийств? Комиссар? Кого-то убили? - Он отступил на шаг и пристально взгляделся в стоящую на пороге пару. - И похоже того, кого я знаю. Иначе вы не приехали бы ко мне. Не так ли?

Себастьян боялся, что Анна просто сбежит, но она лишь сглотнула и хрипло произнесла:

- Мы... мы еще точно ничего не знаем. Не могли бы вы показать свое удостоверение и ответить на пару вопросов?

- Конечно. - Профессор достал из внутреннего кармана пиджака пластиковую карту и протянул ее Анне.

Она бросила короткий взгляд на фотографию и отдала карточку Себастьяну.

Это был тот самый документ, который они недавно извлекли из пиджака, висевшего на спинке стула. Себастьян мысленно простонал. К некоторым вещам никогда не привыкнешь. Он достал из кармана мини-сканер и поднес к штрих-коду на карточке. Сканер одобрительно загудел. Удостоверение было подлинным. Себастьян взглянул на профессора. Несомненно, стоящий перед ним мужчина похож на мертвое тело, лежащее сейчас в номере отеля, словно брат-близнец. Та же короткая борода, тот же широкий нос, высокие скулы. Тот же костюм и даже те же коричневые полуботинки.

- Что вы делали в последние несколько часов? - спросил Себастьян.

На самом деле это его не сильно интересовало, скорее, он задал вопрос для Анны.

- Я? - Профессор нахмурился. - Понимаю, так положено... Ну что ж... - Он потер лоб. - Сегодня утром я делал доклад на пленарном заседании Международного конгресса по проблемам симметрии. Я ночевал в отеле. Это может показаться странным, ведь я живу неподалеку. Но мне нужно было подготовиться к докладу, а я строго

разделяю личную и профессиональную жизнь и никогда не работаю дома. Здесь мне просто не удастся сосредоточиться... Итак, я переночевал в отеле и работал над докладом вчера вечером и сегодня утром. Доклад прошел с большим успехом. Затем я вернулся в номер, собрал вещи и поехал домой. Но почему вы об этом спрашиваете? Теперь я, кажется, тоже имею право удовлетворить свое любопытство. Вы меня в чем-то подозреваете?

Лицо Анны порозовело. Она сжала руки и ответила сухо и отрывисто:

- Нет. Ничуть, Но мы должны задать еще несколько вопросов и попросить вас сдать анализ на ДНК. Это чистая формальность. Конечно, вы можете отказаться, но... мы были бы очень признательны.

Профессор пожал плечами:

- Нет проблем. Я честный человек, и мне нечего скрывать.

Анна достала из автомобиля набор для проб, отдала профессору ватную палочку и, после того как он поскреб ею свою десну, упаковала материал в стерильную пробирку.

- И последний вопрос, профессор. Нет ли у вас брата-близнеца?

- Я единственный ребенок в семье, и моя мать умерла вскоре после моего рождения. Печальная история. Если хотите, можете запросить документы, которые подтвердят мои слова.

- Думаю, в этом нет необходимости, - произнес Себастьян. - Простите, что отняли у вас время.

Когда они сели в машину, комиссар обернулся. Профессор, стоя в дверях, поднял руку, как будто хотел позвать их назад. Но потом, очевидно, передумал и скрестил руки на груди.

- Это неправильно, - пробормотал Себастьян.

Анна вскинула голову.

- Да, точно. Мы видим тело, лежащее на полу, и через несколько минут тот же человек открывает нам дверь. Что-то здесь определенно неправильно. Спорю на миллион, что ДНК-тест окажется идентичным. Или господин профессор солгал нам насчет близнеца, или у нас большие проблемы.

- Да, - вздохнул Себастьян. - Огромные.

Я занимаюсь исследованиями времени. Я говорю это каждому, кто спрашивает о моей работе. Это звучит значительно и загадочно, а потому все довольны. Но это ложь. Ведь на самом деле времени нет. Прошое, настоящее, будущее - это лишь иллюзия. Нет никакого «хода времени», не зависимо от нас. Это мы сами движемся. Мы перемещаемся между вероятностными состояниями, словно между параллельными мирами. И не ощущаем этого, как не видим двадцать пятый кадр на киноленте. Каждый раз, когда на квантовом уровне происходит какое-то изменение, меняется весь наш мир. Возникает новая реальность, в которой это изменение произошло, и в то же

время старая реальность, где этого изменения не происходило, продолжает существовать как ни в чем не бывало. Можно сказать, что подобные метаморфозы происходят каждую секунду нашего субъективного времени, но мы ничего не замечаем.

Милая теория, не так ли? Она объясняет не только необратимость субъективного времени, но и примиряет теорию относительности с уравнением Дирака и имеет интересные следствия. Мне, к примеру, она подсказала способ отправить доктора Баумана туда, где ему самое место.

- Что-то нашла? - спросил Себастьян.

В лаборатории было душно, несмотря на то что форточка постоянно оставалась открытой. Здание было построено еще в пятидесятые, и сейчас здесь теснилось множество отделов. Новое строительство продвигалось медленно, и Себастьян не надеялся, что оно закончится на его веку. Но, по крайней мере, на техническое обеспечение жаловаться не приходилось.

Анна оторвалась от монитора, на котором сменяли друг друга разноцветные диаграммы, и крутанулась на стуле.

- Нет, ничего, - она вновь повернулась к компьютеру и щелчком мыши вывела на экран график. - Вот, смотри. Хоффмайстер закончил свой доклад в десять часов. Через несколько минут он уже вышел из зала.

На мониторе появилась запись с камеры наблюдения. Профессор покидал конференц-зал через главный вход. Таймер показывал 10:05.

- Странно, - произнес Себастьян. - Он даже не остался, чтобы ответить на вопросы и по diskutieren с коллегами. В этом же самый смак для таких господ. Любимый десерт.

- Да, меня это тоже удивило. И тем не менее он ушел сразу, как только закончил читать доклад. И... знаешь что? Посмотри на его лицо. - Анна остановила запись и увеличила кадр. - Он выглядит каким-то... рассеянным. А может, скорее, наоборот - сосредоточенным. Как будто обдумывает очередное гениальное открытие.

Себастьян пожал плечами:

- Может, и так. В любом случае это не имеет отношения к делу. Продолжай.

- В 10:10 Хоффмайстер открыл электронным ключом дверь своего номера. В 10:15 он снова открыл ее. Должно быть, он выходил куда-то на короткое время. Возможно, взял газету в холле. Или просто выглянул за дверь, не знаю. А в 10:35 горничная нашла его в номере мертвым. Вот и все.

- А камера в холле?

- Бесполезно. Там было столько народа, что ничего невозможно понять. Профессор пару раз мелькнул на записи, но это все. Не ясно, когда он спустился в холл, сколько там находился, когда покинул отель.

- Звучит паршиво. Что-нибудь еще?
- Нож можно без труда купить в любом магазине. На нем только одни отпечатки пальцев. Профессорские.
- Профессорские?
- Ага. То есть это его нож. Убийца следов не оставил.
- Странно, - повторил комиссар.

Анна усмехнулась.

- Самое необычное впереди. Так и не понятно, кем был убитый при жизни. Очевидно, это не профессор Хоффмайстер, но тогда его брат-близнец, потому что их ДНК идентичны.

Себастьян покачал головой.

- Я в это не верю.
- В анализ ДНК?
- В то, что у Хоффмайстера есть, а вернее, был брат-близнец.
- Почему?
- Просто предчувствие. Давай проверим.

Анна вздохнула:

- Я уже проверяла. Ты прав. Роддома, больницы, страховые кассы, школы: нигде никаких свидетельств существования Хоффмайстера-два. Кажется, он материализовался в номере отеля непосредственно за секунду до того, как получил удар ножом в спину.

- Я так и знал, - сухо сказал комиссар.

Голос Анны зазвенел:

- Так и знал? Может, ты еще понимаешь, что все это значит, раз ты такой умный и прозорливый? Бывают убийства без трупа, но еще не бывало убийств с живым трупом. Кто-то явно лишний - либо мертвец, либо живой. Это бессмыслица. Абсолютная бессмыслица... Что будем делать?

Себастьян сосредоточенно рассматривал свои ногти. Ход событий нельзя было изменить. Анна хотела получить ответ и имела право на это. Она храбро билась над разгадкой, и он должен ей помочь. Вот только будет ли она благодарна? С другой стороны, если просто приказать ей забыть все, что она видела в последние несколько часов, она точно никогда ему этого не простит.

- Мы поступим так, как всегда делаем в подобных случаях, - произнес он наконец, пристально взглянув Анне в глаза.

В сущности, все просто. Если существует множество реальностей, то можно выбрать ту, в которой обстоятельства сложились наиболее удачным для меня образом. Например, где доктор Бауман никогда не рождался. Постепенно эта мысль стала казаться мне не глупой, а, наоборот, очень соблазнительной.

Как это работает, мне так и не удалось понять до конца. Но у меня будет полно времени, чтобы осмыслить технические детали. Главное,

прыжок в параллельную реальность возможен. Кстати, почему бы таким образом не выхватить Нобелевку прямо из-под носа у этого американского кретина - профессора Норманна? Разумеется, его можно было бы просто убить. Но это слишком хлопотно: Америка далеко, а за убийства сажают в тюрьму. Вместо этого я всего лишь выбрал другой мир, где не было никакого профессора Норманна, и премия досталась тому, кто ее действительно заслужил, то есть мне. Только вот проблема: в этом мире уже был профессор Хоффмайстер, а два Хоффмайстера для одного мира - это слишком много. Один из нас должен уйти. Технически это было несложно - как-никак я лучше всех на Земле знал свои привычки. А самоубийство ненаказуемо.

Я запланировал прыжок на время Конгресса по симметрии. На докладе я огорошил моих коллег парой смелых гипотез и, пока они растерянно мычали и блеяли, поспешил в свою комнату. Только тут я вспомнил, что забыл дома нож, с помощью которого собирался наполовину редуцировать популяцию Хоффмайстеров в дивном новом мире. Но быстро сообразил, что так даже лучше. Я сел в кресло, закрыл глаза и сконцентрировался.

Как я уже говорил, все это, в конечном счете, просто. Сила ума способна преодолеть время и пространство, особенно если ум гениален и четко сознает свою цель. Думаю, буддийские монахи могли бы кое-что об этом рассказать, если бы проявили склонность делиться своими секретами.

Но когда дверь номера внезапно начала открываться, я понял, что в моем плане был некий изъян, о котором я не подумал.

Зрачки Анны расширились.

- Что значит «как всегда поступаем в подобных случаях»?

Себастьян не ответил. Он стоял у полки, постукивая пальцами по корешку папки. «Может быть, еще слишком рано для этого разговора? - думал он. - Может, Анна еще слишком молода?» Ему самому понадобилось время, чтобы смириться с положением вещей. Он так до конца и не понял, почему это происходит. Он только знал, что проблема существует и ее надо решать, хотя, видит Бог, это не доставляло ему ни малейшего удовольствия. А еще меньше удовольствия было в том, чтобы растолковывать все Анне.

- Как давно ты в «убойном» отделе? - поинтересовался Себастьян.

- Восемь месяцев. А почему ты спрашиваешь?

- Есть пара вещей, о которых мы не рассказываем новичкам.

- Каких еще вещей? - голос Анны опасно зазвенел. - Например, как вы избавляетесь от неудобных трупов?

Себастьян глубоко вздохнул и кивнул:

- Например, это.

- Понятно, - Анна вскинула голову. - И что мы будем делать?

Себастьян снова помолчал, глядя, как девушка безотчетно сжимает и разжимает кулак. «Ты можешь сейчас встать и уйти, - подумал он. - Наверное, это будет самым разумным».

Но Анна в сердцах хлопнула ладонью по столу:

- Ну же, говори!

Себастьян снял с полки папку и протянул девушке.

- Вот, читай, - сказал он строгим тоном школьного учителя. - И будь внимательна: я показываю это только один раз.

И по тому, как коллега закусил губу, понял: проблемы не кончились, а, скорее, только начинаются.

На пороге стоял пожилой мужчина, немного сутулый и всклокоченный. Казалось, ему совершенно безразлично, как он выглядит. Поношенный темный костюм был великоват для его щуплой фигуры и явно знавал лучшие дни. Рубашка местами выбилась из брюк, но это его не смущало, равно как и трехдневная щетина на щеках. Увидев меня, он нахмурился, но других чувств не выказал. Я тоже не шевелился. Мне понадобилось время, чтобы узнать себя. Да, это был старина Арнольд Хоффмайстер, как всегда, полный гениальных идей и не подозревающий, что уже стал лишним в своем мире.

- Ты удивлен? - спросил я.

В тот же миг он открыл рот и произнес ту же фразу. Было так странно вслушиваться в двойное эхо идентичных голосов. Гость в поношенном костюме сделал шаг вперед, и я непроизвольно встал из кресла и шагнул навстречу. Мой и его мозг работали в унисон, нам одновременно приходили в голову одни и те же мысли, мы совершали одни и те же движения - словно оказались заперты в волшебной зеркальной комнате.

На самом деле выход из этой ловушки все же существовал. Наши личности не были полностью идентичны. Миры, в которых мы росли, отличались друг от друга, следовательно, отличался и наш опыт. Один из нас непременно окажется быстрее и решительнее другого.

В глазах моего противника я прочел, что ему в голову пришла та же мысль. Минуту мы стояли неподвижно, меряя друг друга взглядом. Внезапно он развернулся и бросился к журнальному столику. Очевидно, вспомнил о ноже. Но ошибся. У меня было преимущество: я оказался в комнате первым и успел обо всем позаботиться. И сейчас, не раздумывая ни секунды, я всадил ему нож в спину - так глубоко, как только мог.

Затем я поехал домой. Вернее, домой к моему двойнику - нобелевские лауреаты живут куда роскошнее, чем простые профессора. Ключи от машины и коттеджа я нашел в кармане покойного профессора Хоффмайстера.

Дома я первым делом просмотрел визитные карточки в столе. Как и

следовало ожидать, никакого Баумана. Я закричал от восторга, однако, успокоившись, решил подвергнуть свою гипотезу более основательной проверке. И взял телефонный справочник. Там нашел фамилию Бауман. Пальцы у меня дрожали, когда я набирал номер. И внезапно услышал в трубке голос Дженет:

- Фрау Бауман. Кто это?

Она задыхалась, как будто только что взбежала по крутой лестнице на верхний этаж. Не говоря ни слова, я повесил трубку, бросился в кресло и расхохотался. Итак, все получили по заслугам. В этой реальности Дженет - жена Баумана, следовательно, я никогда не был связан с этой лживой сукой, а мои деньги в безопасности. Таков мир, в котором я теперь должен жить. Все складывалось просто великолепно. За одним маленьким исключением: в номере отеля осталось мое мертвое тело. Но я даже представить себе не мог, что с этим делать, а потому решил положиться на волю провидения.

- Ты что, разыгрываешь меня? - Себастьян впервые видел Анну в таком гневе.

Она была прекрасна и при этом совершенно права, но - увы! - ему было нечем ее утешить.

- Ты хочешь сказать... - продолжала девушка, - что такое случается не в первый раз? Что это уже не первый труп профессора Хоффмайстера и, возможно, не последний, а потому вы уже все продумали?! Ты хочешь сказать, что вы регулярно находите мертвых Хоффмайстеров, что это уже стало рутиной и никого не удивляет? Что же это, черт побери, значит? Цирковой фокус? Проклятое клонирование? Или мы все просто сошли с ума?

- Может быть, всё вместе, - вздохнул Себастьян. - Мы этого не знаем, не ведаем, как это началось и когда прекратится, и единственное, что нам остается - каждый раз избавляться от трупов. Поверь, я много думал, но так и не нашел лучшего решения.

- Но как такое возможно? Вы сжигаете тела, но куда деваются бумаги, документы? Неужели все это можно уничтожить так, чтобы не осталось следов? Неужели вас так никто и не поймал?

- Представь себе, нет. Какой смысл в деле об убийстве, когда жертва, целая и невредимая, гуляет по городу? Никому не хочется выглядеть дураком, допытываясь, как это получилось. Даже газетчики не хотят с этим связываться. Проще думать, что произошла какая-то ошибка, очередной сбой в базах данных. Пара телефонных звонков, и все улаживается. Это давно уже стало рутиной, уверяю тебя.

Несколько мгновений Анна казалась ему ангелом мщения с пылающим мечом, но затем она разом погасла и устало опустилась в кресло.

- Почему? Почему так?

От ее голоса по спине Себастьяна побежали мурашки. Как он ни готовился к этому разговору, но сейчас ему нечего было сказать. А если не удастся ее убедить, он наживет врага. И самое главное: он может усомниться в том, что все сделал правильно.

- Если не веришь мне, попробуй обратиться к начальству, - произнес он. - Поглядишь, захотят ли они тебя слушать. Впрочем, если ты так умна, как мне кажется, ты уже знаешь ответ.

Он сделал небольшую паузу, глядя на Анну. И потом продолжил твердо и уверенно:

- Ты же не думаешь, что кто-то действительно хочет узнать правду? Что правда имеет какое-то значение? - он снова помедлил и потом сам ответил на свой вопрос: - Конечно же, нет. Особенно, когда правда так невероятна... Если эта история выплывет на свет, все перевернется с ног на голову. Нам придется признать, что мы очень мало знаем о мире, в котором живем. Никто на это не отважится без крайней необходимости. Гораздо проще уничтожить труп и забыть о нем. И мы останемся нормальными людьми в обычном, предсказуемом мире. Мы же в конце концов полиция, наш долг - заботиться о людях. Мы не вправе обрушивать на них информацию, с которой они не справятся. Ученые - другое дело. Но раз ученые помалкивают, то зачем нам заниматься чужой работой, в которой мы ничего не смыслим? Ты согласна?

Он помолчал, давая Анне возможность обдумать сказанное и свыкнуться с правдой. И с радостью заметил, как она медленно кивнула.

- Ну, вот и хорошо, вот и умница...

Но Анна просто встала и вышла из комнаты, не удостоив его ответом. Себастьян с горечью подумал, что они никогда не будут заниматься любовью. Девушка слишком горда, а он только что выставил ее полной душой. Как будто он в чем-то виноват!

Со злости он ударил кулаком по полке, и на пол посыпались папки с документами. Проклятье! Почему мир не может быть устроен попроще?! Почему, вместо того чтобы просто переспать с девушкой, которая ему нравится, он должен рассказывать ей о вреде правды и пользе лжи.

Он думал об этом вплоть до того момента, когда дверь начала медленно отворяться и изумленный Себастьян увидел на пороге своего двойника, сжимающего в руке револьвер. Однако даже в эту секунду часть его сознания - вероятно, та, где гнездилась совесть, - была уверена, что все происходящее глубоко правильно и закономерно.

Перевела с немецкого Елена ПЕРВУШИНА

© Bernhard Schneider. Routine. 2011. Публикуется с разрешения автора.

СЕРГЕЙ МАЛИЦКИЙ

ТОЛКОВАНИЕ

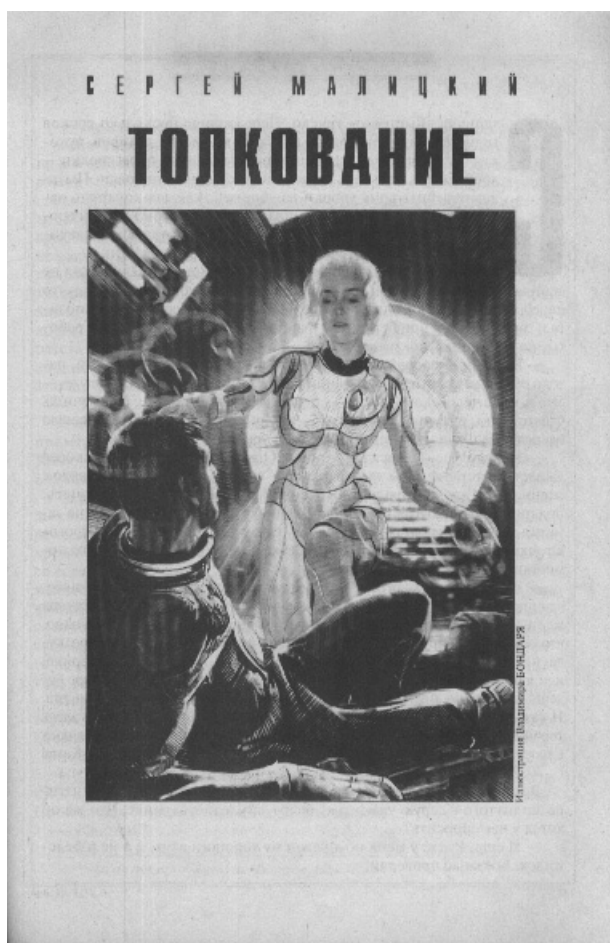

Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

Старичка «Быстрого» трясло. Пережившие несколько сроков годности внутренности - пластиковые двери шкафов, рукояти огнетушителей, гравитационные панели, перегородки - дребезжали, звякали, скрипели на стыках и трещали. Пытаясь перебить вонь хлорки из уборной, климат-контроль накачивал узкий коридор припланетника запахом горелой изоляции. Освещение моргало, вода в кране отдавала ржавчиной, холодильник рычал, как реактивный заплечник.

К счастью, сам катерок космонадзора пока разваливаться не собирался, сержант Ардан загодя облазил его от рубки до дюз, кое-что перебрал, кое-что заменил, израсходовал десяток баллонов композита

и гарантировал при бережном отношении пару лет надежной работы, но вибрацию убрать не смог.

- Возраст, - содрал с головы колпак скафандра, низкорослый, наголо обритый крепыш ожесточенно почесал нос, поковырялся в ухе. - Это ж как с человеком. Трясет - лечись весь. В комплексе. А вылечишь что-то одно, руку или ногу, жди - как раз она и отвалится в первую очередь. Да и куда нам летать? Мы ведь ненадолго в этой дыре?

- Ненадолго, - с досадой буркнул Стамб, предполагая, что скорее выйдет в отставку, чем выкарабкается вместе с крохотным отрядом спецназа из проклятого угла Вселенной. Вперевалочку, не торопясь, под пиво и отвратительную акустику в местном баре Стамб сам не заметил, как пролетело шесть месяцев, и вот уже он правит «Быстрого» к точке разрешения всех проблем и даже покрикивает на старшего помощника.

- Рудж, хватит скалиться. Боекомплект проверил? Я и без тебя знаю, что он не пригодится, но ты его проверил? Проверь. Вот ведь... полгода ждать и готовиться, чтобы все через суету и спешку... И посмотри заодно, что делает этот чертов аналитик. Если я еще раз увижу, что он сует нос, куда не надо, не поздоровится вам обоим. Его место или в кубрике, или в рубке, или в сортире. И лучше, чтоб я его видел! Нет, в сортире будешь следить за ним сам... Ардан, вытащи губную гармошку изо рта. И капсули из ушей. Я помню, что ты не на вахте. Какого черта ты здесь торчишь? До точки еще четыре часа. Не видишь, что я вполне справляюсь с твоей посудиною? Иди спать, явился на борт с красными глазами... Кама!

- Что?

Вот ведь девка, всего только и сделала, что повернулась, а от изгиба затянутого в серую униформу бедра загнуло в затылке. Что же он хотел у нее спросить?

- И еще, Рудж: у меня по-прежнему хороший слух, и я не взбеленился. Боезапас проверяй!

- Ты назвал мое имя.

Кама слепила глаза не хуже диска Виласа, который уже отдалялся, но все еще перегораживал половину панорамы. Впрочем, какая панорама в тесной рубке припланетного катерка? Три на полтора метра исцарапанного стекла. Но Кама... Пора уже было Стамбу признаться, хотя бы самому себе, что последние полгода были не самым гнусным временем в его жизни. Давно ли он так искренне радовался каждому новому дню? Ведь спешил на службу только для того, чтобы увидеть присланную из центра девчонку. Отшивал ухлестывающих кавалеров, которые словно выныривали из вентиляционных патрубков. Дарил какие-то милые безделушки. Что, вновь захотел ощутить ветер молодости? Не поздно ли? А почему бы и нет... Да, с женой лейтенант расстался давно и уже отнес себя к категории

окончательных холостяков, но плох тот командир, который не может поменять направление атаки. На то они и вводные, чтобы реагировать на них адекватно.

- Ты это... - Стамб в растерянности замычал.

- Я ничего не путаю: разговорчивость молчуна-лейтенанта первая примета серьезной заварушки? - с усмешкой сдвинула тонкие брови Кама. - Меня тоже куда-нибудь отправишь? В кубрик? А не боишься, что аналитик пристанет?

Сержант Рудж излишне громко хмыкнул, пригладил короткие седые волосы, щелкнул каблуками, подмигнул Каме и, миновав под испепеляющим взглядом лейтенанта два ряда обшарпанных пилотских кресел, скрылся за овальной дверью (крохотный арсенал располагался сразу за кубриком). Сержант Ардан повторил жест старпома и с сожалением пожал плечами - ему приглаживать было нечего. Зато, как любил повторять техник, выдирать ему также было нечего. Однако, отвечал ему лейтенант, грамотная жена всегда найдет, за что ухватиться. Через четыре часа именно Ардану не будет цены, никто лучше него не управлял катерком в ручном режиме, а после залпов на автоматику рассчитывать не приходилось.

Стамб вытянул сканер, проциклил диапазон, поймал мелодию, которую слушал, подыгрывая себе на губной гармошке. Все как обычно. Старомодные духовые и хриплый голос неизвестного певца.

- Что там? - спросила Кама.

- Старье, - поморщился Стамб, записывая на всякий случай темку. - Что-то о розовом цвете. Или о цветах*¹⁵. Устаревший диалект. Но неплохо. У лысого нюх на хорошую музыку.

- Кипишь?

Она смотрела на лейтенанта насмешливо. Так, словно давно догадалась, что он уже полгода собирается подобрать к ней ключик, но всякий раз по мужской нужде отправляется в ближайший бар и за толику кредиток снимает сговорчивую девчонку. Наверное, старый служака из космонадзора так и должен поступать. А матерый волк из спецназа? Впрочем, кто ее знает, о чем она думала. Стамб десять лет прожил с бывшей женой, но так ни разу и не угадал ее мыслей, хотя та почему-то числила эту способность в ряду его необходимых качеств.

- Успокойся, - Кама в мгновение стала серьезной. - Залп был, ответный тоже. Разбежка чуть меньше расчетной, но в пределах допустимого. На этом наша секретная миссия должна закончиться. А там на базу, к нормальной технике, к нормальной жизни. К нормальной форменной одежде, кстати. Надоела эта космонадзорная серость. Зафиксируем все, что нужно, и забудем и об этом захолустье, и об этом корыте.

¹⁵ * «*La vie en rose*» - песня Армстронга. (Прим. авт.)

- И друг о друге? - удивляясь сам себе, брякнул Стамб.

- А есть что вспоминать? - подняла брови Кама и тут же подмигнула Стамбу. - Ладно, лейтенант. Дел осталось на один день. Тем более, думаю, даже фиксировать ничего не придется.. Разве только увеличившийся кратер да пылевой смерч. Ведь батареи больше нет? Не должно быть. Возмущения кажутся недостаточными. Крейсер должен был бы грохнуть сильнее. Но если перед этим он подрастратил арсенал... Представляю, что там сейчас творится. У нашей развалины хотя бы радиационная защита в порядке?

- Послушай, - Стамб замялся, не зная, что сказать девчонке. - Зачем тебя прислали? Мы прекрасно работали в тройке. Тот же Ардан - техник, каких поискать. Зачем мне еще техник? Тем более что мы не ремонтом занимаемся, а зачисткой.

- Я знаю, чем мы занимаемся, - скривила губы Кама. - Но техник технику рознь.

Четвертая батарея была обречена. На секретных картах Федерации она помаргивала не на спутнике Виласа Удайе, а в поясе астероидов, в полумиллиарде миль за орбитой планеты, но Стамб - с десятком других специальных военных чинов - точно знал, где топорщились жерла излучателей антивещества. По официальному адресу сверкала защитными колпаками обманка. Четвертая батарея ждала своего часа под личиной законсервированной автономной навигационной станции. Станции врага, станции анятов.

Она ждала своего часа и, похоже, дождалась. Скорее всего, крейсер анятов выскочил из нуля именно возле Удайи. Где же еще? В планетарной системе без навигационной привязки особо не развернешься. А здесь пусть ныне и безжизненная, но родная планета. Выходцы с Виласа славились склонностью к сантиментам и приверженностью своему собственному малопонятному кодексу чести. Это их в итоге и погубило. Так что рано или поздно крейсер должен был объявиться вблизи Удайи, а уж остальное возлагалось на технику. И судя по тому, что батарея произвела залп, техника не подвела. Защититься от точно наведенного залпа стационарной батареи невозможно: все, что могли предпринять системы защиты крейсера, это за мгновение до собственной гибели произвести ответный залп, что они, судя по всему, и сделали, вот только батарею это почему-то не повредило. Стамб ощущал несоответствие всей своей не единожды порченной шкурой, чувствовал по дрожи, которая пронизывала его сухие руки, как бы она ни маскировалась под вибрацию «Быстрого». Да и по несвойственной самому себе болтливости тоже. А вот Кама пока ничего этого не понимала, хотя обычно умудрялась понимать больше, чем ей было положено. И вряд ли чувствовала.

Девчонка-техник вообще порой казалась Стамбу бесчувственной. И уж точно слишком расчетливой и холодной. Знающей, умелой, подтянутой, ловкой, но чересчур выдержанной. Или же просто не нашлось пока детонатора, который смог бы запустить ее в небо, как осветительную ракету? А сам-то Стамб годился еще на роль детонатора? Или мог только с тоской думать о нерожденных детях и вспоминать, когда был последний раз в гостях у единственного племянника? У каждого своя судьба.

Его ли судьба - Кама? И что он нашел в ней? Да, красива, но он-то ведь и не юнец, и не красавец, и не богач. Нет, пора остепениться. Детонатор! Кому он теперь вообще нужен? Рудж, к примеру, предпочитал без всякого детонатора завести долговременное знакомство с какой-нибудь покладистой вдовушкой. Ардан, хоть и не отличался особой верностью жене, исповедовал несокрушимый принцип: на службе ни-ни! Да и какой из Ардана детонатор! Музыкант и выпивоха - да. Вот Винл, судя по личному делу, годился. К счастью, он не был знаком с Камой.

Именно командир батареи Винл, который вместе с сотнями тонн металла, изрядным куском Удаи и тремя сослуживцами должен был обратиться в пыль, через час после атаки сбросил сквозь треск помех короткое сообщение на личную линию Стамба: «Живы». Лейтенант связался с командующим и объявил сбор. Через пять минут вся команда была на борту, а еще через четверть часа скромный кораблик космонадзора, пришвартованный к захудалой орбитальной станции с парой сотен ошалевших туристов, двумя гостиницами и тремя барами, взял курс к Удае.

«Чего ты хотел, старый перец? - спросил сам себя Стамб, когда «Быстрый» разжал магнитные захваты и оттолкнулся от пирса орбиталки. - Настоящей работы? Вот она. Окончания дозора? Он почти завершился».

Оставалось поставить жирную точку. И сделать это предстояло именно Стамбу. Никакого другого начальства поблизости не наблюдалось. Сектор был пуст, по-настоящему пуст, иначе не удалось бы выманить к Виласу крейсер. Туристов, жаждущих полюбоваться на опустошенную планету главного врага человечества, доставляли на станцию пару раз в месяц на старомодных пассажирских лайнерах, путевки в разоренное анятское захолустье сбывали за гроши, в барах на станции дешевого спиртного было хоть залейся.

Все должно выглядеть естественно. Даже катерок Стамба не только казался подлинным, но и был таковым - без бортового вооружения, из числа списанных планетарных тихоходов, настоящих ветеранов космонадзора. Лазутчики анятов могли оказаться где угодно, но операция не должна была провалиться. Так что подводить итог

последней схватке с единственным серьезным врагом человечества предстояло именно лейтенанту, а также вот этой самонадеянной черноволосой девчонке, двум проверенным сержантам и военному аналитику с идиотским именем Рипух, который был омерзителен всеми своими чертами и свойствами, начиная с нестираемой со старческого лица кривой усмешки и заканчивая постоянным судорожным подергиванием рук и ног.

Что ж, таков был приказ командующего. Хорошо хотя бы полномочиями не пришлось делиться - Стамб оставался старшим.

Впрочем, в профессионализме тайному резиденту Рипуху отказать нельзя. Если бы не приказ командующего и не шипение начальника разведки, Стамб так и не догадался бы, что барменом в худшем из трех баров орбиталки служит порученец Генерального штаба.

- Ты что-то недоговариваешь, - сказала Кама.

- Батарея уцелела, - процедил сквозь зубы Стамб. - Или же уцелел кто-то из ребят. Я получил сообщение. Через час после залпов. Возможно, с зонда.

- Это нарушение инструкции.

- Значит, у них были основания ее нарушить. Конечно, если они не отстрелили зонд еще до залпа.

- А вот это уже потянет на срыв операции, - скрестила руки на груди Кама.

- Но зачем? - словно не услышал ее Стамб. - Предсмертная шутка?.. Как они могли предугадать, что крейсер аньятов появится именно теперь? Запрограммировали зонд на эфирное возмущение? Слишком сложно. Нет, Кама. Батарея уцелела. Думаю, что уцелела. Впрочем, скоро увидим.

После залпов связь во всех спектрах рухнула, на орбитальной станции вылетели все гражданские коммуникаторы, но зонд с надежным защищенным передатчиком у ребят был. И это значило, что операция пошла не так. Ответный залп крейсера не достиг цели? Да черт с ним, дошел бы до цели залп батареи! Или это и в самом деле изощренная шутка? Винл-весельчак в своем репертуаре?

Кама снова сдвинула брови, облизала верхнюю губу, на которой выступила бисеринка пота, и сказала твердо:

- Крейсер не мог промахнуться. В последнем бою, за мгновение до того, как уйти в ноль, он уничтожил одним залпом сразу три линкора. В армии Федерации нет ни одного корабля, сравнимого по мощности с главным кораблем аньятов.

- Ты видела тот бой? - удивился Стамб.

- Видела, - она поправила прядь черных волос. - Из рубки одного из линкоров.

- Но ведь в том бою все наши погибли, - не понял Стамб. - Да и столько лет уже прошло...

- Смирись с фактом, что погибли не все, - фыркнула Кама. - Или считай меня призраком... Впрочем, не забивай голову чепухой. Ранение, криоген, центральный госпиталь, и вот я под твоим началом. Что было в сообщении?

- Одно слово, - растерянно пробормотал Стамб. - «Живы».

- Значит, живы, - уверенно кивнула Кама. - Если бы Винл оставил посмертную записку, написал бы какую-нибудь гадость.

- Ты знаешь Винла? - опять удивился Стамб.

- Я очень хороший техник, - заметила Кама. - К тому же иногда изучаю личные файлы сотрудников.

- Недостаточно знаю, какой ты техник, но допуск у тебя высокий, - задумался Стамб и поморщился, вспомнив, что можно извлечь из его собственного файла.

Через четыре часа Ардан взял управление «Быстрым» на себя. Команда заняла кресла у него за спиной. Искусственную гравитацию пришлось отключить, что немедленно вызвало у Стамба тошноту. Серый шар Удаи, висевший над горизонтом Виласа, занял весь экран, но батарея находилась на обратной стороне спутника. Правда, когда проспавшийся сержант засверкал лысиной над пультом управления, Стамб уже мог разглядеть огромное облако дыма и пыли, обращающее яблоко спутника в грушу, и магнитные сполохи на всю высоту его азотной атмосферы. Навигатор катерка заморгал огнями и работать отказался. По экрану побежали зигзаги и пятна. Ардан потянулся за видеошлемом. Почти сразу перегрузка вдавила отряд в кресла. Действительно, управлять в таких условиях тихходом можно только вручную.

- Похоже, ты прав, лейтенант, - заметила Кама, которая сидела в кресле так, словно не чувствовала сминающей плечи, перебивающей дыхание силы. - Взрыв произошел за пределами атмосферы: ни гриба, ни пылевого возмущения внутри нее я не вижу. Так, короткие языки. То есть уничтожен только крейсер? Неужели наши ребята и в самом деле живы? Куда же в таком случае был направлен ответный залп?

- А разве у анятов были враги кроме нас? - закашлялся смешком в дальнем кресле Рипух, который после короткого инструктажа Стамба не переставал улыбаться. - В кого еще мог быть направлен залп? А может, батарея уничтожила и не анятов вовсе...

- Разве у людей имеются другие враги? - обернулась к старику Кама.

- У людей? - с интересом переспросил Рипух и тут же пробормотал, почесав обвисший нос: - У людей всегда есть враги. А если врагов нет, они сами себе становятся врагами. Впрочем, мы всегда сами себе враги.

Людам неизвестны иные здравствующие цивилизации, кроме анятов. По крайней мере, они не были обнаружены в известной части космоса.

А теперь не стало и анятов.

С непонятной тоской Стамб взглянул на панораму и вновь покосился на Рипуха. Седой, сутулый аналитик тоже боролся с тошнотой. Поймав взгляд лейтенанта, он вздохнул, путаясь в сером балахоне, пожал плечами и бросил в рот пластинку тоника. Станным образом этот жест почти примирил лейтенанта с навязанным попутчиком.

Ардан постепенно уменьшил скорость катерка и, медленно снижая высоту, вошел в атмосферу Удаи. Звезды над «Быстрым» заволокла мгла, под катером, насколько можно было различить в мельтешении теней и полос на экране, потянулась серая пустыня, перемежаемая покрытыми инеем углекислоты кратерами и украшенная разноцветными вихрями электромагнитного сияния. Ленты радуг сжимались складками и рассыпались цветными иглами, паутина ослепительно белых линий тянулась из стратосферы Удаи к ее поверхности. Ни одной планетке ни принес бы пользы подрыв близ ее атмосферы огромного космического крейсера, но Удае нечего опасаться. Это мертвое небесное тело, собственно, каким был с начала войны с анятами и Вилас, хотя на спутнике некогда зеленой, а теперь кроваво-красной планеты могли обустроиться и аняты, и люди.

Но люди об этом еще не задумывались, а аняты много лет назад, задолго до первого столкновения с человечеством, задумались о другом. Они превратили Удаю в огромное кладбище. Надгробья и мемориалы занимали тысячи квадратных миль на лицевой стороне спутника. Так что крейсер анятов упокоился там, где ему и следовало.

Одно не совпадало: обратной стороной спутник не обращался к Виласу никогда.

- Так и будет висеть туча над головой? - с досадой пробормотал Рипух. - Или осыплется? Это же останки крейсера?

- Прольется дождем, - весело пообещал Рудж.

Батарея и в самом деле оказалась почти цела. Торчала четырьмя черными матовыми куполами со дна старого кратера, раскинув лепестки раздробленных взрывной волной светопоглотителей по его гребню. Искрилась разрядами с навигационной, скрученной узлами вышки. Тянула от купола к куполу серые вены переходов. Внешне строения казались неповрежденными, разве только крыша расположенного поодаль реакторного отсека была сорвана. Точнее, выжжена и оплавлена, а между изуродованными стенами виднелись замаскированные под корпуса реакторов просевшие, оплывшие излучатели, почерневшие магнитные ловушки и покореженные механизмы наведения. Конечно, какое уж там охлаждение: на один залп рассчитаны устройства. Ручная работа, полтора года усилий всей четверки - Винла, Пашчима, Уттары и Савьи. Уж никак не меньше полной посмертной страховки получили ребята за это задание, и еще

столько же должны были бы получить их семьи, если бы четверке пришлось отдать свои жизни в последней схватке с аньятами.

Впрочем, семьи были не у всех. Что же теперь, сгорела посмертная премия?

- Непонятно, - заметил Стамб. - Судя по пылевому облаку, крейсер был уничтожен за пределами атмосферы Удаи. Вышка, поглотители... Откуда взялась взрывная волна?

- А ведь маловато облако для останков крейсера, - задумалась Кама. - Надо произвести замеры...

- Это что? - спросил Рудж, протягивая вперед руку.

За двумя дальними куполами, перебив один из переходов, ведущих к южному шлюзу, и повредив сам шлюз, сияла серебром слегка покореженная полусфера.

- Не знаю, - напряженно проговорил Стамб. - Возможно, у крейсера было сопровождение. Хотя такого кораблика я не припомню. Или это часть корабля? Какой-то внутренний отсек?

- Шанс, что после залпа батареи от крейсера мог остаться хотя бы отсек, минимален, - сказала Кама. - А уж вариант, что целый отсек упал точно возле батареи, исключен. Но если это отсек аньятов...

- Но если это отсек аньятов, - Стамб почувствовал, что тошнота улетучилась, и окинул взглядом разом напрягшуюся команду, - если кто-то из них выжил до приземления, то Винл был очень самонадеян, сообщая о живучести отряда. В рукопашном бою аньятов не одолеть. Нужен четырехкратный перевес. И хорошее оружие.

- Судя по личному делу, Винл был очень неплох, - заметила Кама. - Немного спесив, тщеславен, но работоспособен, умен, быстр и силен.

- Так был или есть? - переспросил Рудж.

- Увидим, - ответила Кама.

- Аньят превосходит человека, - напомнил Стамб. - Даже самых быстрых и сильных из нас.

- Это их и погубило, - хмыкнул Рипух. - Опасно превосходить людей. Я бы даже сказал, не полезно.

- Однако я не вижу следов боя, - подал голос Ардан, удерживая катерок над гребнем и стягивая видеошлем. - Смотрите-ка, возмущения над станцией минимальны. Хотя связи все равно нет. И уровень радиации зашкаливает. Особенно у реакторного и у этой сферы. Да! Я не понял, как передавать сообщения в штаб?

- Рано еще передавать сообщения, - покачал головой Стамб. - Да и незачем. Думаю, часа через два-три линкоры Федерации уже будут здесь. Так что у нас есть время заслужить порцию поощрений или взысканий, но его не слишком много. Рудж, раздай оружие! Работать придется внутри, надеюсь, что обойдемся воздушными масками. Ардан, давай к северному шлюзу. Да, подальше от этой сферы. Разберемся сначала с нашей четверкой.

- Лейтенант, - аналитик шевельнулся в выделенном ему кресле. - А мне тоже дадут оружие?
- А у тебя его нет? - поинтересовался Стамб. - Под твоим балахоном можно было бы и пушку укрыть.
- А может, она у него есть? - прыснул Ардан.
- Я не кадровый разведчик, - растянул в улыбке старческие губы Рипух. - Так что оно мне не нужно. И здесь я не для того, чтобы открывать стрельбу.
- А для чего? - прищурился Стамб.
- Смотреть и запоминать, - еще шире улыбнулся недавний бармен. - Разведывать. Потом оформлять отчет.
- Донос, - объяснила Кама.
- Тоже работа, - кивнул Стамб и, чертыхаясь, прикрыл рот ладонью: Ардан бросил «Быстрого» вниз.
- Лихач, - понимающе щелкнул пальцами аналитик. - Молодой пока.

Наладить связь с командой батареи не удалось, но шлюз выглядел исправным. Ардан опустил «Быстрого» в десяти шагах от раструба. Еще скрипели, выворачиваясь в штатное положение, маневровые дюзы, а рукав шлюза уже пополз к борту, нащупал люк и принялся нагнетать давление в образовавшемся переходе. Хотя что там было нагнетать - атмосферное давление, как и притяжение Удаи, вполне приемлемое, вот только кислород отсутствовал. Если бы не боязнь обморозиться или поймать дозу облучения, можно было вообще обходиться без скафандра, хватило бы и кислородной маски. А вот родная планета анятов Вилас притягивала к себе в четыре раза сильнее, чем далекая Земля. Оттого аняты и поражали выносливостью и силой. Но не это было самым страшным. Нелепость в том, что внешне они ничем не отличались от людей.

- Вот черт! - прошептал Ардан.
- Что такое? - не понял Стамб.
- Показалось, - Ардан потер глаза. - Как будто на гребне стоял человек. В чем-то развевающимся, ну, вроде одежды из листьев или канатов. Доля секунды, и нет его.
- Ну, дорогой мой, - Кама постучала пальцем по личному анализатору, - судя по уровню фона за бортом, секунды как раз достаточно, чтобы всякий человек сварился заживо. Я уж не говорю, что и морозец за бортом крепкий.
- То есть в самый раз свариться, свалиться и разбиться, - расхохотался Рудж.
- Да ну тебя, - скривился Ардан. - Давай сходим, вдруг там следы?
- Босых ног? - со смехом переспросил Рудж.
- Вроде босых, - задумался под хохот старпома Ардан. - Не разглядел.
- Брось, - Стамб приладил на пояс разрядник, поправил на груди

абордажный привод, снаряженный кумулятивными зарядами, прицепил на лоб видеорегистратор с катушкой волокна. - А то ведь буду по утрам проверять тебя на порошок и на травку. Остаешься в корабле.

- Есть, - с досадой выудил из чехла гармошку сержант.

- Смотреть и слушать, - предупредил его лейтенант. - Увидишь за бортом дикарей, внутрь не впускай. Вдруг окажутся людоедами? И сам будь готов, могу вызвать на помощь. Если связь оборвется, действуй по инструкции.

- Но не выключай голову, - усмехнулась Кама и, спрятав лицо в маску, сняла разрядник с предохранителя.

- Ты тоже, - буркнул Стамб уже в переговорное устройство и посмотрел на Руджа, поправлявшего бронник: - Вперед.

Вход в шлюз открылся штатно. В тамбур, согнувшись и выставив импульсник, первым шагнул Рудж, за ним последовали остальные. Лепестки диафрагмы сомкнулись за спиной Стамба. Лоб обдало холодом.

- Схема обычная, - бросил лейтенант Каме, - но ты идешь последней, я вторым, сразу за Руджем. Если аналитик сделает глупость, можешь угостить его прикладом между лопаток.

- Зачем же? - кашлянул Рипух, напоминающий в маске с фильтром болотную птицу. - Старика - и прикладом? Только словом и лаской.

- Лучше прикладом со спины, чем пулей или лучом в голову, - отрезал Стамб и связался с кораблем. - Ардан, все видишь?

- Нормально, - раздался в ушах голос пилота. - Кстати, у вас там, конечно, прохладненько, но воздух, судя по анализаторам, вполне пригоден для дыхания. И фон внутри умеренный. Командир, ты там о луче говорил? Есть повод?

- Повода ждать не будем, - оборвал Стамб. - Если вызову, без оружия не выходить, выход кодировать. Присматривай за периметром и держи готовность к взлету. И забудь пока о музыке. Понял?

- Да в чем проблема? - удивился Ардан. - Мало ли что мне могло почудиться?

- Позже, - сказал Стамб, подходя к воротам, перегораживающим две ветви коридора. На правых заваренные прочным швом створки были покрыты синеватыми размазанными звездами. Посиневший металл застыл пузырями.

- Теплые, - приложил ладонь к воротам Рудж. - Не так давно стреляли. Зачем - непонятно. Это законсервированный проход в производственный купол. Тут везде заблокированы дублирующие тоннели. И засыпаны породой. А левые ворота ведут к складу.

- Странно, - пробормотала Кама. - Очень странно. У них ведь нет импульсников такой мощности?

- Да что там? - воскликнул в переговорнике Ардан.

- Пока ничего, - нахмурился лейтенант, в свою очередь прикладывая ладонь к воротам. - Ты, музыкант, не дергай зря. Подавай голос, если мы сами что-то проглядим.

- Понял, командир.

- Молодец, - кивнул Стамб. - Мощные импульсники у них есть. Хотя бы один - точно.

- У кого - «у них»? - спросил Рудж.

- Увидим, - обнадежил сержанта Стамб. - Но это оружие у них недавно. Его испытывали. Видишь, отметины разной яркости? Регулировали мощность. Такие ворота импульсником не взять, но они и не пытались. Это была всего лишь проба.

- Но почему здесь? - не понял Рудж.

- Это же плоскость, которая не является наружной стеной, - укоризненно покачал головой Рипух. - К тому же хорошая сталь. Что стены коридоров, что стены шлюзовой, я уж не говорю о стыковочном рукаве, прожгло бы насквозь.

- Точно, - кивнул Стамб, сканируя левые ворота, и нажал рычаг. - В переходе никого нет. Двойная осторожность не отменяется. Через сорок ярдов внутренний шлюз, за ним складской отсек. Здесь прохладно, зато там будет почти тепло.

- Лишь бы не горячо, - добавил Рудж.

- Кто бы беспокоился, - пробормотал под нос Стамб. - Маски можно снять. Но держать наготове.

Рудж мог заткнуть за пояс любого. Стамбу приходилось видеть, как седой сержант обезоруживает нескольких преступников, как безошибочно отстреливает в толпе террористов. Стамб и сам был не промах, особенно лет пятнадцать - двадцать назад, но никогда не достигал резвости своего подопечного. Если бы сержант столь же быстро соотносил между собой получаемые команды и делал правильные выводы, давно бы уже перещеголял в звании и самого Стамба, и кое-кого из штаба. Впрочем, неизвестно, что приобрел бы в лице Руджа штаб, а тройка или уже четверка Стамба потеряла бы многое.

Двери складского отсека были заблокированы изнутри. Пока Стамб подключал волокно к бортовой сети, Кама обследовала преграду. Неплохо подготовилась девчонка: приборчик, который она приложила к дверным лепесткам, лейтенант видел впервые.

- Что там? - спросил Стамб у Ардана, когда разъем принял конец волокна.

- Все отлично, - раздался смешок техника. - Не волнуйся, командир, дикарей больше не вижу. Но внутренняя сеть станции частично повреждена. Может быть, заблокирована. Команда на вызовы не отвечает, картинки нет. Но трансляция с твоего регистратора пойдет.

На прием я сработаю, да и голос мой ты тоже услышишь.

- Этого пока достаточно, - кивнул лейтенант. - Кама, что там?

- Почти ничего, - она убрала приборчик. - Заражения нет, все стерильно. Фон в порядке. Дверь я открою, но с той стороны один человек и вооружен.

- Это я, - раздался из-за двери приглушенный женский голос. - Савья. Стамб, это ты? Я открываю.

Как и Вилна с Пашчимом, Стамб помнил Савью еще по спецшколе, где пару лет преподавал оперативную тактику. За прошедшие годы с ее щек сползла юношеская припухлость, но очарование не исчезло - просто потому, что его никогда и не было. Более всего Савья напоминала крепкого сухощавого парня: короткая светлая стрижка, высокие скулы и небольшая грудь словно намеренно подчеркивали это сходство. Хотя, судя по воспоминаниям лейтенанта, девчонка от внимания парней не увилывала. Было у нее что-то завораживающее в глазах. Теперь ее глаза сверкали огнем. Вдобавок одна рука Савьи была перемотана плексом, бок комбинезона разодран. На плечи было накинуто что-то вроде сплетенного из веревок или волокон жилета, полы которого свисали долу.

- Пашчим сошел с ума. Заперся в лабораторном отсеке, грозит уничтожить всех. Я пыталась вести с ним переговоры, но он сказал, что будет разговаривать только с тобой, Стамб. Или с кем-то из штаба. Ему взбрело в голову, что мы хотим уничтожить записи навигатора.

- Зачем нам записи навигатора?

Стамб оглянулся. Рядом с ним осталась только Кама. Рипух, насвистывая что-то, шаркал ногами в отдалении, Рудж отправился на разведку. Ярко освещенное пространство склада высотой не менее пятнадцати ярдов и диаметром свыше полусотни было заставлено ящиками и бочками, а ближе к центру заполнено стеллажами.

- Ну как же? - Савья недоуменно подняла брови. - В нем данные крейсера анятов. Его след. Он снова ушел в ноль после нашего залпа. Он ведь не только привязывался к станции, он выстраивал и следующий скачок. Думаю, что рассчитывал путь на несколько скачков. Скорее всего, там остались данные и по отдаленной базе анятов. Если этих сведений не будет, мы никогда его не разыщем.

- Подожди, - Стамб почувствовал спазм в висках, взглянул на Каму, которая с интересом рассматривала стандартный импульсник Савьи, переделанный каким-то странным образом. - Ты хочешь сказать, что вы не наносили удар по крейсеру?

В горле у лейтенанта сразу пересохло.

- Мы собирались. И нанесли, - Савья взъерошила короткие волосы, опустилась на пол, ткнула подбородок в колени. - Винл уже дал команду наводки, но тут увидел степень запроса на навигатор и

зашипел, что мы можем вычислить последнюю базу анятов. Понятно, что без крейсера аняты были обречены, но с данными о базе победа более чем абсолютная... Однако дальше все было штатно. Мы рисковали: завершив расчеты, аняты аннигилировали бы станцию, но они чуть промедлили. Наверное, выстроились на борту крейсера и пели гимны уничтоженной родине. И мы дали залп.

- А дальше? - хрипло спросил Стамб.

- Я думала, что дальше не будет ничего, - прошептала Савья. - Не должно быть ничего. Секунда, меньше секунды - и от нашей базы не осталось бы и пылинки, это же взаимное уничтожение. Тем более что мгновенное накопление мощности на наших излучателях должен обнаружить любой сканер. Однако этого не произошло. Хотя ответный залп аняты дали.

- Куда? - сдвинул брови Стамб.

- В нас, - ответила Савья. - Винл сказал, что в нас. Но залп анятов не достиг цели. Точно так же, как не достиг цели и наш залп. Там, - Савья ткнула пальцем вверх, - что-то было. Между нами и крейсером. И это что-то приняло на себя удар наших излучателей и совокупный залп всех орудий крейсера.

- Это что-то было невидимо? - спросила Кама.

- Было невидимо до залпа, - кивнула Савья. - Понятно, что мы не могли использовать радары, но аняты-то их использовали. И они не заметили препятствия. А потом произошла вспышка, и Винл заорал, что точка аннигиляции значительно ближе крейсера, практически на границе атмосферы. Он даже подумал сначала, что аняты изобрели новое защитное поле. Огромное защитное поле. Паш бросился к локаторам, и тут мы увидели другой корабль. Небольшой. Он падал в пламени. На высоте миль в двадцать отстрелил и сжег собственную силовую установку, обрушив взрывной волной наши поглотители и вышку. И потом рухнул на южный шлюз. А аняты ушли. Паш зафиксировал их след. Чуть позже, когда мы пришли в себя, Винл выпустил зонд.

- Подожди, - Стамб потер виски ладонями. - Какой-то корабль, которого не могло быть, оказался между вами и анятами?

- Специально оказался, - поправила лейтенанта Кама.

- Хорошо, - кивнул Стамб. - Специально оказался. Подставил себя. Спас или вас, или анятов. Или и тех, и других. Не специально, скорее всего. Но не в этом дело. Совокупная мощность двух этих залпов такова, что, ударь они в одну точку, вот здесь, где мы стоим, кора Удаи была бы пробита до мантии! Понятно? Нет ни одного корабля, который бы выдержал этот удар! Ни у нас, ни у анятов! Понятно?

- Понятно, - кивнула Савья так, как она делала всякий раз, когда еще в спецшколе Стамб начинал объяснять ученице какой-то сложный, как ей казалось, материал. - Однако корабль был. Он и есть. Совсем

маленький. Его головная часть лежит сейчас у южного шлюза. И в ней найден астронавт. В тяжелом состоянии, но живой. Уттара сейчас занимается астронавтом, а Винл охраняет бокс. Хотя Винл плох. Он выходил наружу, хватанул излучения. С той стороны плохо. Южный шлюз сейчас фонит так, что в ушах звенит. По словам Винла. Я даже не знаю, что с ним теперь. Уттара сделала ему максимальную защитную инъекцию, и это все, тем более что Уттаре приходится заниматься астронавтом. Которая, кстати, пострадала только от падения, радиация ей, наверное, не так опасна.

- Ей? - переспросил Стамб.

- Она женщина, - пожала плечами Савья. - Хорошенькая. Правда, пока без сознания.

- Ничего не понимаю, - лейтенант бросил взгляд на замершего в десяти шагах Рипуха. - Даже если все это правда и некая скорлупка могла устоять против двух сокрушительных ударов. Что это за корабль? Откуда. Чей он?

- Вариант всего один, - хмыкнул Рипух. - Это корабль ушедших. Аньята, как известно, называют их чаритами. Но, насколько я знаю, чаритов не существует? Ведь они миф? Легенда?

- Все не так плохо, - Кама старалась успокоить Стамба, когда Савья закончила рассказ. - Давай смотреть на факты без эмоций. Нашей вины в том, что крейсер аньятов ушел, нет. Да, Винл мог ударить сразу, но, с другой стороны, если возможный залп был заведомо заблокирован кораблем чаритов или кого бы то ни было, то результат оказался бы тот же, а данных о скачке аньятов и, возможно, данных об их последнем убежище мы бы не получили. Сейчас они записаны в памяти навигатора, и именно возле него тебя ожидает этот сумасшедший. Есть чем заняться. Второе: если это и вправду корабль чаритов, то его находка будет ценнее уничтожения крейсера. Одно лишь поле, способное противостоять такому удару, стоит всего флота Федерации. Не верю, что спецслужбы уже давным-давно не рыщут в поисках ушедших. Брошенные древние города есть, брошенные станции без крупницы оборудования есть, а самих ушедших нет. Хотя в схватках с аньятами неопознанные растворяющиеся объекты мелькали. В бой не вмешивались, но мелькали. Тому есть множество свидетельств. В разведке, насколько я знаю, ушедшие считаются цивилизацией наблюдателей. Так вот, поимка такого наблюдателя может оказаться выигрышем в главной космической лотерее.

- Ты думаешь, что перевод чаритов из разряда мифов в пространство реальности обрадует шишек из штаба? - скрипнул зубами Стамб. - Это еще один враг. И судя по всему, могущественнее аньятов. Когда люди столкнулись с аньятами, радости не было. Полагаешь, я не знаю, что планы уничтожения начали строиться с первого же контакта? Закон

выживания - или ты, или тебя.

- Пока что «или мы», - рассмеялась Кама, - а что касается радости шишек из штаба, это не наше дело. Наше дело произвести зачистку, собрать информацию и ожидать наград. Тем более здравый смысл подсказывает, что реальность чаритов лучше, чем заблуждения на их счет.

- Наверное, - согласился Стамб. Кама отозвала его для разговора на противоположный край зала, откуда он внимательно разглядывал все так же сидевшую на полу Савью. - Но ты не все сказала. Тебя ведь еще что-то беспокоит?

- Беспокоит? - пожала плечами Кама. - Что меня может беспокоить? Если возникают неясности, я их просто фиксирую. Из крупных неясностей пока имею в виду две. Первая касается действий этого странного корабля, вторая - импульсника Савьи. Он переделан.

- Я заметил, - сказал Стамб.

- Он чертовски здорово переделан, - уточнила Кама. - Я бы сказала, изобретен заново. Система накачки собрана из рассроченного резака так, будто с электронным конструктором возился младенец, но она явно работает.

- Еще один плюс в копилку наших достижений? - усмехнулся лейтенант.

- Или много минусов, - пробормотала Кама, перейдя на шепот. - Непостижимым образом, за который оружейные концерны выложили бы немалые деньги, мощность импульсника увеличена на порядок. И это при прежней зарядке. Попадание из такого оружия, лейтенант, теперь уже оставит не только ожог.

- Она сказала, что еле ушла от Пашчима, а на складе был только неисправный импульсник, - зашептал в ответ Стамб. - Починила тем, что нашлось.

- После такой починки наш «Быстрый» мог бы легко уходить в ноль, - прошипела Кама. - Ты преподавал в группе, где училась Савья, она была гением?

- Наоборот, - нахмурился Стамб. - Почему ты шепчешь?

- Она нас слышит, - ответила Кама.

- Отсюда? - поразился Стамб.

- Да, - кивнула Кама. - Возможно, разбирает даже шепот. Она чертовски талантлива, эта девчонка. Но для такого изобретения нужны годы.

- Прошло всего лишь пять часов с момента сообщения! - повысил голос Стамб. - Думаю, что ты преувеличиваешь ее способности.

- Тише, лейтенант, - укоризненно покачала головой Кама. - Я не знаю ее способностей, следовательно, не могу их преувеличивать. Но она абсолютно здорова, заражение или мутация исключены. Хотя эти бессмысленные сети на ее плечах...

- Эмоциональный срыв? - спросил Стамб. - Потрясение? Имей в виду, они все, вся четверка, ждали собственной смерти. Были готовы к ней.

- Я тоже готова к собственной смерти, - помрачнела Кама. - Ты ведь знаешь, что бой в космосе редко длится более пары минут.

- Что ты хочешь этим сказать? - не понял Стамб.

- Пять часов - это очень много, - прошептала Кама. - Так что нам надо крутить головами и присматриваться. Ко всему. Кстати, Рипух - довольно резвый старикан. Удивительно резвый. Не думаю, что он занимается только доносами. Во всяком случае, он не просто крутит головой, но многое видит.

- Это всё?

- Пока всё, - кивнула Кама. - Разве что разобранный резак... Я пригляделась к переделанному импульснику, на него пошла только часть деталей. А всех их хватило бы на два таких устройства.

- Подожди! - насторожился Стамб. - Но Савья же сама сказала, что именно она испытывала на двери свой импульсник. И резак уже был сломан. Возможно, разукомплектован.

- Она не сама сказала, - покачала головой Кама. - Она ответила на твой вопрос. Среагировала мгновенно. И вот еще что. Ты отличный командир, лейтенант. Но ты должен знать. У меня есть полномочия сместить тебя. Я могу предъявить их в любой момент. Но пока ты справляешься.

- Утешила, - зло буркнул Стамб. - Не Рипух, так ты... Надеюсь, ты доносами не занимаешься?

- Нет, - твердо сказала Кама.

- Прямой тоннель в жилые отсеки, как мы и ожидали, заварен и заполнен грунтом, - появился из тоннеля Рудж. - Проход к производственному корпусу свободен. Но нужен резак.

- Резака нет, - тут же отозвался подошедший Рипух. - Раскурочен. Осталась одна оболочка.

- Ардан, - позвал в переговорник Стамб. - Ты как там?

- Все отлично, командир, - отозвался тот. - Внимаю вашим разговорам.

- Тащи сюда резак. Да заблокируй «Быстрого». Сюда и обратно к кораблю. И чтоб бегом, понял?

- Угонит кто? - хохотнул в ухо техник.

- Рубку выстудишь, - отрезал Стамб и, повернувшись к Руджу, приказал вполголоса: - Отдай Савье разрядник, только незаметно вынь батарею. А самоделку у нее заberi.

На схеме станция напоминала два вписанных друг в друга квадрата, сторонами которых являлись тоннели. Углами большого квадрата служили северный и южный шлюзы, реакторный отсек и вышка навигатора. Углами малого, лежащими на серединах сторон большого,

- складской, производственный, лабораторный и жилой куполы. Часть переходов законсервированной станции была заблокирована еще анянтами, их сканировали, но не вскрывали. Ничто не должно возбудить подозрений врага. Сейчас команда Стамба и Савья находились в складском отсеке. Проходы к жилому куполу и к вышке были заполнены грунтом и заварены.

- Вот, - включил на коммуникаторе мерцающую схему Рудж. - Вариантов не так много. Сразу исключаю выход наружу, фонит так, что не помогут и скафандры. Основные источники излучения - сфера у южного шлюза и реакторный корпус. Так что тоннели через него тоже отпадают, хотя они не заблокированы. Остается проход через производственный корпус. Я дошел до него, он закрыт изнутри, но двери потоньше, чем в законсервированных тоннелях, наш резак справится.

- А потом? - спросил Стамб.

- Дальше по обстоятельствам, - пожал плечами Рудж. - Но до лабораторного тоже только один путь, и из лабораторного в жилой корпус также один тоннель. Жилой корпус - последний. Там и комнаты четверки, и столовая, и бокс с этой... - сержант покосился на Савью, которая все так же отрешенно сидела на полу, - инопланетянкой.

- Почему Паш перекрыл производственный корпус? - повысил голос Стамб. - Ты же сказала, что он забаррикадировался в лабораторном?

- Меня испугался, - растянула губы в улыбке Савья. - Я ведь в порядке. Для идиота всякий нормальный - враг. Паш еще кричал, что оставит мне сюрприз, если сунусь к нему.

- Ну, я бы на твоём месте не спешил объявлять о своей нормальности... - пробормотал Рудж, но замолчал от толчка в плечо и кулака, показанного Камой.

- Вот резак, - появился в дверях короткого тоннеля Ардан, подмигнул Савье. - Как дела, девочка? Что это ты напялила на себя? У вас тут карнавал? - пилот громыхнул аппаратом, черкнул по губам гармошкой.

- Наверху связи по-прежнему никакой, фон зашкаливает, хотя катерок пока справляется. А тут у вас ничего. И дышится нормально, только прохладно. Командир, ты это, головой-то крути почаще, а то я в твоём регистраторе только и вижу что Каму да Каму. Нет, она, конечно, конфетка, но вот и Савья в порядке...

- Цыц, - отмахнулся Стамб. - Двигай на место и будь на связи.

- Есть, - щелкнул каблуками Ардан и строевым шагом отправился обратно в тоннель, обернувшись у входа. - А вообще, командир, смотри, куда хочешь. Ход твоего взгляда меня, в принципе, очень даже устраивает.

- Работаем, - посмотрел на Руджа Стамб.

У входа в производственный корпус отряд был через минуту. Рипух по

молчаливому уговору взялся присматривать за Савьей, Рудж приложил к плечу импульсник, Кама сканировала дверь.

- Что там? - спросил Стамб, запустив на малой мощности резак.

- Странно, - Кама была озадачена. - Дверь закрыта с той стороны, но на обычный запор, тут моя электроника не поможет. Ничего, резак выручит. Помещение действительно заминировано, однако какими-то подручными средствами. Нестандартными. И взрывчатки, как показывает сканер, там немного. Хотя рассредоточена она по всему помещению.

- И что ж тут странного? - не понял Стамб.

- Дверь не заминирована, - объяснила Кама. - Нас словно приглашают. И резать-то особо не придется. Только здесь.

Она провела пальцем по металлу возле запора.

- Ну что же, - буркнул Стамб. - Раз приглашают, значит войдем.

Луч легко перерезал стальную пластину, звякнула упавшая на пол задвижка, и лепестки входа со скрипом поползли в гнезда. Открывшийся купол отличался от складского более ярким освещением и обилием покрытых пылью заброшенных механизмов. И тут, и там пол устилал какой-то мусор, по левую руку темнел открытый вход в следующий тоннель, где-то впереди был проход в реакторный корпус. Оттуда тянуло холодом. На сквозняке шевелились сплетенные из каких-то лент косы. Они висели на светильниках, на стеллажах, на станках, на манипуляторах.

- Да у них тут просто кружок рукоделия, - прошептал Рудж.

- Разгерметизация? - спросила Кама.

- Что скажешь? - обернулся к Савье Стамб.

- Вряд ли, - с вызовом ответила она и слизнула капли пота с верхней губы. - Что это за разгерметизация, если давление не снизилось? Но свистело тут, свистело. Наверное, Паш залепил проход в реакторный.

- Молодец какой, - покачал головой Рудж. - Взрывайтесь ребята, главное - не задохнитесь.

- Датчики настроены на акустическое срабатывание, - заметила Кама.

- Давай, Рудж, - кивнул Самб. - Остальным прижаться к стенам. Минеры нам попадались не раз, но пока что все они были нормальны. Относительно, конечно. Посмотрим, что придумал умелец Пашчим.

Рудж встал в дверном проеме, приложил к плечу штурмовой лучевик и с первого импульса срезал цепь с тяжелого тельфера, установленного под самым куполом. Обвисшие манипуляторы рухнули на пол, и началось светопреставление. Взрывы грохотали один за другим, оглушая, забивая уши, вдобавок невыносимо громко завывала сирена и засверкали ослепительные вспышки. Фейерверк и канонада длились несколько минут. Когда все закончилось, Рудж заткнул сирену одним выстрелом.

- Однако, - смахивая с головы пыль, пробормотал Стамб. - Если бы этот самый Паш хотел взять нас тепленькими, у него на это было не менее пяти минут. Рудж, держи под контролем вход в следующий тоннель. Ардан?

- Все отлично, - отозвался пилот.

- Отлично, значит, отлично, - буркнул Стамб и посмотрел на Рипуха. - Что, аналитик? Я уже представляю, какой интересный отчет ты составишь по итогам нашей экскурсии.

- Надо еще ее закончить, - улыбнулся недавний бармен.

Нет, он положительно начинал нравиться лейтенанту.

- Держись возле аналитика, - предупредил он Савью. Девчонка послушно кивнула.

Пыль постепенно оседала. Тишина звенела в ушах, стекло хрустело под ногами.

- Удивительно, - Кама стряхнула с ладони поднятую с пола гильзу взрывателя. - Это сделал или гений, или сумасшедший. А уж если учесть, что на все у него ушло два-три часа... Конечно, если сумасшествие не настигло четверку еще год назад. Во-первых, это абсолютно новая взрывчатая смесь, составленная из веществ, которые не должны взрываться в принципе. Но смесь боеспособна и в соответствии с добавками либо взрывается с диким грохотом, либо дает вспышку. Во-вторых, это до смешного простые акустические датчики. Все они сработали одновременно, затем каждый датчик дал старт химической реакции. В зависимости от толщины буферного слоя, или по-другому говоря - пробки, она идет от секунды до пяти минут. Имеем примерно полторы тысячи зарядов, которые взрываются каждые полсекунды. Могу только повторить: это сделал гений. Или сумасшедший. Сумасшедший гений. Салют и фейерверк. В нашу честь. В твою честь, лейтенант. Ведь он ждет тебя?

- Все не так, - чихнул Стамб. - Должно быть какое-то другое объяснение. Поверь мне. Простое объяснение. И пока мы его не найдем, считай, что Пашчим опережает нас. На ход опережает. Для чего бросают шумовые и световые гранаты? Чтобы обескуражить противника. Если Пашчим играет против нас, возможно, он добился своей цели.

- Что ты о нем знаешь? - спросила Кама.

- Упертый парень, - ответил Стамб. - Упрямый и упертый. Не весельчак, как Винл. Злой. Всегда хотел быть первым. А оказался тут. Что-то было такое у него в семье: кажется, братишка или мать болели. Думаю, пошел в отряд из-за денег. Деньги он явно заработал, а вот дальше...

- Командир, - окликнул лейтенанта Рудж. - Лабораторный корпус открыт. И вроде бы никаких ловушек.

- Он ждет нас, - уверенно сказал Стамб.

- Пашчим! - крикнул Стамб у входа в лабораторный корпус. - Ты здесь?

- Здесь! - донесся голос Паша.

Под куполом помаргивали палки светильников, от входа до противоположной стены корпуса, где поблескивал колпак навигатора, тянулось замусоренное фойе. Справа и слева высились панельные перегородки лабораторных отсеков. Все обвешаны косами. Слово пленку натянули вдоль комнат, потом рассекли на ленты и заплели в причудливые хвосты.

- Они сошли с ума от безделья, - заметил Рудж. - Неужели все это сотворено за прошедшие часы?

- Что там? - спросил Стамб у Камы.

- Ничего, - она раздраженно сунула прибор в чехол. - Или ничего нет, или помещение экранировано идеально.

- Экранировано идеально, - вновь донесся голос Паша, и его обладатель появился возле навигатора. - Ты даже не представляешь, лейтенант, насколько идеально. Порой техника позволяет совершать подлинные чудеса. В том числе освобождает от технической зависимости. Полностью. Оставляет его наедине с собственной природой. И с другими людьми. Такими же свободными.

Он действительно безоружен. На обтягивающем плечистую фигуру комбинезоне нет даже ремня. Стамб хорошо помнил этого курсанта. Из четверки ему не приходилось сталкиваться только с Уттарой, но ее дело он изучил досконально. Техник Пашчим никогда не числился в технических гениях, однако к учебе относился со всей ответственностью. Особенно любил занятия по боевым искусствам. И хотя не достиг в них особых успехов, солдатом стал бы образцовым.

- Что ты имеешь в виду? - спросил Стамб. - Савья сказала, что ты охраняешь данные в навигаторе. Ты решил, что кто-то покушается на них?

- Кого ты слушаешь? Савью? Да она сошла с ума.

- Ты сам рехнулся! - закричала в ответ Савья.

- Отчасти, - кивнул Паш. - Нелегкое сумасшествие сродни легкому опьянению. Оно дарует ту же самую воздушность ума. Рудж, отложи импульсник. Даже если ты нажмешь на спусковой крючок, импульс погаснет в пределах корпуса. Оружие здесь не работает. Здесь ничто не работает. Нет, если бы у вас было что-то старинное, основанное на химических свойствах вещества, вы могли бы попробовать подстрелить меня. Здесь в качестве оружия можно использовать только собственные руки. Ну, еще что-нибудь, что можно взять в них. Ножи, стальные стержни. Сразимся?

- Что с тобой, Паш? - Стамб шагнул внутрь и направил на пол разрядник. Оружие не отозвалось. Не отозвался и импульсник. Рудж

покачал головой и потянул с пояса нож.

- Ничего не происходит, - ответил Паш. - Просто надоело все... И еще. Знаешь, прошлые обиды растут от раздумий о них.

- Ты сохранил данные крейсера анятов? - спросил Стамб.

- Конечно, - кивнул Паш. - В навигаторе их уже нет, извини, но я записал на кристалл. Он здесь. - Техник похлопал по грудному карману.

- А что? Самый надежный способ хранения информации. Попробуйте возьмите.

- Он тянет время, - пробормотал Рипух.

- Зачем? - не понял Стамб.

- Пока не знаю, - покачал головой аналитик. - И, кстати, тот фейерверк в производственном зале тоже был нужен, чтобы потянуть время.

- Время... - задумался Стамб, шагнул в коридор. - Ардан?

- Все отлично! - отозвался пилот.

- А теперь? - лейтенант вернулся в зал.

Переговорное устройство молчало.

- Кто первый? - поманил к себе Руджа Паш. - Или навалитесь на меня всем скопом?

Паш и в самом деле тянул время. А еще он оказался отличным бойцом. Это было самым странным, Стамб всегда отмечал его упорство, но тут он увидел что-то, превосходящее результат любого упорства. Теперь некогда заурядный курсант не только идеально держал тело, поражал точностью движений и скупостью жестов, он танцевал: почти парил над полом лабораторного корпуса. Рудж лишился ножа уже в первой же атаке, получил синяк под одним глазом, затем под другим, захлюпал кровью в сплюсненном носу. Вскоре Стамб уверился, что Паш мог убить сержанта в течение нескольких секунд, но не делал этого, а только методично его калечил: вот Рудж лишился мочки левого уха, вот захромал на одну ногу, вот щелкнуло под бронником одно из ребер. Когда сержант начал подниматься с пола медленнее обычного, Стамб сам шагнул вперед, однако ничего не успел сделать. Паш был неестественно стремителен - удар раскрытой ладонью не только сломал лейтенанту нос, но разбил обе губы и, кажется, лишил сознания на мгновение. Лабораторный корпус накренился и принял затылок лейтенанта на твердые плиты пола. Регистратор хрустнул и рассыпался на куски.

- Кто следующий? - рассмеялся Паш.

Стамб с трудом повернулся на бок, потрогал языком зашатавшиеся зубы. Голова гудела, лабораторный корпус кружился вокруг нее. Похоже, он получил еще и удар в грудь.

Рудж сидел в пяти метрах, смотрел на Паша с ненавистью и плевался кровью.

Рипух наблюдал за происходящим, сложив руки на груди, хмурился и

кусал губы.

Савья с трудом сдерживала улыбку.

- Теперь я, - твердо сказала Кама.

Она была восхитительна. И почти столь же быстра, как Паш. Она напала первой, отбила два или три мгновенных удара техника, сумела защитить лицо, но потом все-таки получила удар в грудь и полетела, заскользила по полу в сторону коридора. Не вскрикнула. Даже в экзоброннике не всякий боец мог бы нанести такой же удар. И вряд ли кто-то остался бы после такого удара живым. Однако Кама даже не сбила дыхание. Поднялась и показала Пашу вырванный вместе с кристаллом карман.

- Данные крейсера анятов у меня.

Шагнула в коридор, приложила кристалл к прибору и прошипела с ненавистью:

- Кристалл пуст!

- А ты как думала? - рассмеялся Паш. - Данные здесь.

Он постучал по собственной голове пальцем, и в это самое мгновение Стамб метнул подобранный нож Руджа. Прямо в грудь Савьи.

До появления линкоров Федерации оставалось еще часа два, не меньше. Пошел шестой час с момента получения сообщения от Винла. И вот Стамб с трудом унимает головокружение; избитый, окровавленный Рудж зачем-то лезет по переборкам на стену; Савья, хрипя, оседает на пол, а неукротимый Паш летит, скользит почти по воздуху к ней.

Рипух сделал только один шаг вперед. Перехватил превратившегося в смертельно опасного бойца техника станции, одним движением оторвал ему голову и размозжил ее об пол. Рудж добрался до протянутого вдоль перегородки увешанного косами волокна и сдернул его, свалившись на пол. И в ту же секунду в руках Камы ожил импульсник Савьи и прожег аналитика насквозь. Рипух захрипел, развернулся и, захлебываясь кровью, отсалютовал по-аньятски, приложив ладонь тыльной стороной ко лбу. Так и упал.

- Собственно, за этим меня сюда и посылали, - с раздражением сплунула Кама на пол. - Было подозрение, что порученец штаба на Виласе из анятов. Однако операция провалилась. Данных у нас нет.

- Смотри, как хитро, - пробормотал лежавший на полу Рудж. - Я не знаю, что там за коробочки по углам, но тут-то по периметру только волокно, эти хвосты и всё. Они все блокировали.

- Как ты догадался? - спросил Стамб.

- Помаргивали, - ответил Рудж и засмеялся, сплевывая кровь. - Ты пытался говорить с Арданом, они помаргивали. Гасили импульсы в сети. А этот Пашчим был очень хорош. Да и Рипух. Если бы не он... Надо же, анят! Никогда бы...

- Ардан! - позвал Стамб.

- Все отлично! - ответил лейтенанту голос техника.

- Ардан? - насторожился Стамб.

- Ты догадался, - рассмеялся в переговорнике Вилн и включил запись: «Все отлично, командир. Внимаю вашим разговорам». - Долго догадывался, но в итоге сумел... Ардана больше нет, так что можешь его не звать. Хотя паренек оказался крепким. Едва не отбил. Ногу мне повредил.

- Зачем тебе «Быстрый»? - спросил Стамб. - Ты куда на нем не уйдешь! Через два-три часа здесь будет линкор Федерации! Что ты задумал?

- А вот этого я тебе не скажу, лейтенант, - ответил Вилн. - Однако кое-что имей в виду. Шлюз я заблокировал. Да и к старту готов. Даже и не пытайся подобраться ко мне.

- Что будем делать? - с трудом выпрямился Рудж. - Кама, помоги. Мне нужна инъекция энергетика. Этот безголовый меня здорово помял. Кстати, нахожу, что хорошая женская грудь предпочтительнее отличного бронника. Я думал, что он тебя убил. Я бы уж точно не откашлялся. Где тебя учили держать удар, девочка?

- В специальном заведении, - ответила Кама.

- Хватит болтать, - Стамб поднялся, стер с лица кровь. - Всем отключить линию с «Быстрым». Они в сговоре. Взрывы помогли Вилну расправиться с Арданом. Отвлекли и нас, и лысого. Но как Вилн пробрался в корабль? Или он выманил Ардана наружу? И на что он рассчитывает сейчас? Уйти на «Быстром»?

- Нет, - Рудж поморщился от сделанного в плечо укола, подошел к Савье, выдернул нож, вытер его странной накидкой девчонки. - Не та посудина.

- Тогда зачем ему катер? - не понял Стамб.

- Лейтенант! - с укоризной покачала головой Кама. - Включи голову, пока она у тебя есть. Что там ценного, чего нет здесь, на станции?

- Пять тонн ядерного горючего, - пожал плечами лейтенант, - но оно не может взорваться. Нет технического способа!

- А вот для *этого* был технический способ? - спросила, закидывая на спину переделанный импульсник, Кама. - А для иллюминации? А для блокировки? Ты еще не понял, с кем мы имеем дело? Уверяю тебя, технический способ есть.

- Девка говорит дело, командир, - кивнул Рудж, охнул, захрустел позвонками, вправляя шею. - Если эти пять тонн топлива взорвутся, то здесь и в самом деле ничего не останется. Ни нас, ни навигатора... ничего. И можно начинать новую жизнь. Если Вилн стал хотя бы в какой-то степени столь же умен, быстр и умел, как тот же Пашчим, у него в Федерации может получиться неплохая карьера. - Рудж вздохнул, отвернулся. - С Арданом справиться было бы нелегко даже

мне. А уж поменять лицо или подправить генетический код - нет проблем. Не мне тебе рассказывать. Сам знаешь, даже аньятов почти невозможно вычислить, а уж профессионального спецназовца...

- Мы что, в метрополии? - недоуменно воскликнул Стамб. - Вы не поняли! Мы в окрестностях мертвого Виласа! В пустом секторе! Как он спасется сам? Пешком? Или Савья лгала, что у корабля чаритов, если это, конечно, он, уже нет силовой установки?

- Да, память вычищена, - заметила Кама, сканируя навигатор. - Но восстановить данные можно. Правда, потребуется для этого вся установка. А веса в нем не меньше тонны.

- Как он спасется? - перебил Каму Стамб.

- Как-то спасется, - она поправила ремень. - Наверное, у него есть какой-то план.

- Ну что, командир, - приложил импульсник к плечу Рудж. - Зачистка продолжается? Вопросов все больше.

- Ответы там, - махнула рукой в сторону следующего коридора Кама.

С Уттарой Стамб не встречался, только просматривал ее файл. Она показалась ему улыбчивой светловолосой милашкой. Лейтенант знал таких женщин: из них настоящей, не дарованной медицинской пластикой красотой отличались немногие, но милы были все без исключения. Стамб не сразу понял, что повлекло Уттару на одно из тех заданий, какие в спецназе с ласковым ужасом прозывались «тупичок», однако потом влез в ее дело глубже и все прояснил. Семья Уттары погибла в самый разгар войны с аньятами, в тот недолгий период, когда у Федерации еще были некоторые сомнения в победе человечества.

Цветущий, прекрасный и зеленый Вилас уже был испепелен ядерной бомбардировкой, одна за другой уничтожались инопланетные базы аньятов. А те, в свою очередь, преодолели первый ужас и оторопь, но все еще нападали только на военные корабли Федерации. Именно тогда под удар одного из аньятских крейсеров случайно попал гражданский лайнер. Более пяти тысяч человек погибли, в том числе муж и двое детей Уттары. Почти десять тысяч человек аньяты спасли и высадили на ближайшей орбитальной станции. Именно тогда Стамб и понял, что аньяты проиграют. Ведь человечество истребляло их без разбора, достаточно сказать, что и напало оно на аньятов без предупреждения. По какой причине? Без всякой причины. Аньяты были слишком сильны и почти ничем не отличались от людей. Только особенностями телосложения, позволявшими им прекрасно себя чувствовать на Виласе, где всякий выходец с Земли вынужден таскать на себе четыре своих веса.

Четыре веса - свой и троих мертвых, мужа и детей, - тащила на себе и Уттара. Она пришла в штаб специальных сил Федерации и получила

место врача в одной из бригад. А потом оказалась на станции. Когда Стамб изучал дела всей четверки, каждого из которой ему в случае чего надлежало заменить тем же Арданом или Руджем, он сразу понял, что Уттару менять не придется.

Теперь она стояла у входа в жилой отсек. Оружия у нее не было, драться она не собиралась. Одежда ее была вымазана в крови, а на плечах лежали косы - причудливые и чистые.

- Что нужно? - спросила она не зло, но с некоторой усталостью.

- Я Стамб, - представился лейтенант.

- Я знаю тебя, - кивнула Уттара. - Что вам нужно здесь?

- Увидеть спасенного астронавта, - ответил Стамб.

- Сару? - переспросила Уттара.

- Если ее зовут Сара, то да, - пожал плечами Стамб.

- Это невозможно, - покачала головой Уттара.

- Она в плохом состоянии? - Стамб непроизвольно тронул сломанный нос.

- Нет, - Уттара мотнула головой. - Она почти в порядке. Я вылечила ее. Дальше она сама.

- Тогда почему? - не понял Стамб.

- Она не хочет встречаться с людьми, - ответила Уттара.

- А ты? - подала голос Кама. - Разве ты не человек?

- Человек, - кивнула Уттара. - Но не только. В другую сторону.

Стамб оглянулся на Каму, хмыкнул с недоумением, снова повернулся к Уттаре.

- Как это произошло?

Уттара вздохнула.

- Проще простого. Когда нам на голову свалился ее корабль, я почувствовала, что там нужна моя помощь, услышала что-то вроде голоса, надела скафандр и пошла его осматривать.

- Все-таки ты? - переспросил Стамб. - Разве не Вилн?

- Вилн... лукавит. Он появился потом. В корабле было четверо чаритов. Двое мужчин и две женщины. Однако жива, пусть и едва-едва жива, только Сара. Остальных разорвало на части. Я прикоснулась к ней и стала той... которой стала. Не сразу, но быстро. Через вечность, но мгновенно. Что-то я сделала с ней уже там, потом надела на нее свой скафандр и перенесла сюда. Здесь уже спасла. С ее же помощью.

- Подожди, - удивился Рудж. - Там же фонит...

- Это как холодный ветер, который пронзает тебя насквозь, - ответила Уттара. - Если знаешь, что это такое, если знаешь себя, то можешь закрыться.

- Ты знаешь? - переспросила Кама.

- Я теперь многое знаю, - кивнула Уттара.

- А остальные? - снова оглянулся Стамб.

- Вилн, Пашчим, Савья? - переспросила Уттара и опустила взгляд. -

Да. Они тоже многое знают. Или знали. И многое могут. Или могли. Но они сделали это сами. Они взяли это у нее, пока она была без чувств. Иначе она бы не дала им этого. Она и мне не позволяла этого. Так вышло.

- Почему? - строго спросила Кама.

- Потому что она не дает, она будит, - ответила Уттара. - Однако не должна будить. Мы должны сами. Но спим. Выглядываем из скорлупы. А она способна разбудить. Правда, под скорлупой может оказаться и зверь.

- Это точно, - заметил Рудж и усмехнулся. - А некоторых и будить не нужно, чтобы в этом убедиться. Взять хоть меня.

- К тому же каждый, кто разбужен, может почерпнуть из общей реки знаний, - добавила Уттара. - Это опасно.

- Но ты сделала это? - уточнил Стамб.

- Да, - она развела руками. - Мне нужно было спасти Сару.

- Похвально, - согласился Стамб. - Тогда еще вопрос. Перед тем как пройду внутрь.

- Ты не пройдешь, - сказала Уттара. - Если только убьешь меня. Но вопрос задавай.

- Как Вилн собирается уйти?

- Очень просто, - Уттара коснулась ладонями кос. - Он сплетет свою прядь в реке и уплывет по ней. Если хочешь что-то сделать, нужно уметь сплестать.

- Сплестать? - не поняла Кама. - Что вы все тут сплетаете?

- Сплетаем, прядем, вяжем, - проговорила Уттара. - На самом деле все не так. Но вы так видите. Это ваше видение. Толкование. На самом деле все иначе. Но и так тоже.

- Кто они, чариты? - спросил Стамб. - Где они живут? Что они делают?

- Их нет, - ответила Уттара. - Они не живут. Они не делают. Они не здесь. И не сейчас. Но они появляются тогда, когда не могут не появиться.

- Они из прошлого или из будущего? - спросила Кама.

- Отовсюду, - пожала плечами Уттара. - Они были. И они будут. Может быть, мы станем ими?

- Ты знаешь ответ, - понял Стамб.

Уттара не сказала ничего. Только улыбнулась. Первый раз. И именно в это мгновение Стамб понял. Он и в самом деле не пройдет дальше.

- Ты знаешь, что Вилн собирается взорвать станцию? - спросил Стамб.

- Да, - кивнула Уттара.

- И он сделает это? - нахмурился Стамб.

- Да, - кивнула Уттара.

- А ты? - не понял Стамб. - Уйдешь?

- Моя жизнь закончена, - вздохнула Уттара. - Мне уже пора. Мне

недолго осталось.

- Нужно бороться за жизнь! - отрезала Кама. - До последнего мгновения!

- Да, - согласилась Уттара. - Но моя жизнь закончена. И мгновений уже не осталось.

- Подожди, - Стамб оглянулся. Рудж стирал со лба пот, Кама облизывала губы. - Подожди. Но Винл...

Она колебалась одно мгновение. Потом прошептала чуть слышно:

- Его жизнь тоже подходит к концу. Однако он этого еще не знает.

- Почему? - не понял Стамб.

- Он может сплестать струи и черпать из реки, хотя не способен пить из нее.

- Почему... - хотел спросить Стамб, но не успел.

Вспышка обожгла глаза, пол ушел из-под ног. Чернота захлестнула волной...

Он пришел в себя от запаха жженой плоти. Зрение вернулось вместе с сознанием и болью в обугленных ладонях. Покрытый пузырями металла абордажный привод валялся у ног лейтенанта. Стамб растопырил сожженные ладони, повернул голову. Рудж был мертв. Рассеченное на части туловище даже не дергалось. Рядом хрипела Кама. Из ее развороченной груди выступали красные пузыри. Из розовой плоти торчали пластиковые ребра и собранные в жгуты волокна.

- Смотри-ка, - удивился Вилн. - Научились делать.

- Жаль, - поморщилась от боли Кама. - Стамб, я слышала его, но он оказался слишком быстр даже для меня. Не расстраивайся, лейтенант. Я видела, что нравлюсь тебе. Однако я не хотела тебя разочаровывать. И насчет боли не думай ничего. И насчет смерти. Страшно умирать только первый раз. Да и то...

Она постаралась улыбнуться, но не смогла и закрыла глаза. Стамб огляделся. Уттара тоже была рассечена пополам.

- Нас ждут великие дела, - ухмыльнулся Вилн и направил второй или первый переделанный импульсник на ступни Стамба. Лейтенант взвыл от боли.

- Пока все, - улыбнулся Вилн. - Привыкай, новой боли уже не будет. Мне всего лишь нужно, чтобы ты не мешал. Я не такой плохой, как могу показаться. Через тридцать минут здесь все взорвется. Оцени мою доброту. Мгновенная смерть - это так легко. А мне нужно поговорить с Сарой. Слушал я вас - и очень обиделся на предположение, что сплестать и черпать могу, а пить нет. Надо бы разобраться.

- Почему ты такой? - с трудом сдерживая рвущийся через горло вой, прохрипел Стамб.

- Думаешь, ты был бы другим? - усмехнулся Вилн. - Это обратная

сторона свободы, дорогой мой. Свобода пьянит, знаешь ли. Всякий бы стал таким же. Ну, кроме совсем уж блаженных, - он посмотрел на тело Уттары. - Но таких мало. И все они идиоты. Ты, лейтенант, явно не из их числа. Хотя...

Припадая на рассеченную Алданом ногу, Вилн успел сделать шагов десять. Услышал шорох, оглянулся, увидел, что приоткрывшая глаза Кама толкнула ногой в сторону Стамба импульсник, и добавил порцию пламени ей в живот. Посмотрел на черные пальцы лейтенанта и расхохотался.

Вилн успел сделать еще два шага, когда, теряя сознание от боли, Стамб поднял оружие. На третьем шаге Вилн вновь решил посмотреть, что происходит, но усиленный заряд переделанного оружия уже нашел назначенную лейтенантом цель...

А потом лейтенант открыл глаза и увидел женское лицо. Спокойное, с глубоко посаженными глазами, тонкими чертами, прядью темных волос через лоб.

- Ты чарита? - спросил он.

- Это ваше слово, - пожала Сара плечами. - Когда-то в одном из ваших языков оно обозначало «бежать, бегущий». Но мы никуда не бежим. Мы просто растворились. Как соль в воде. Мы есть. И нас нет.

- Не понимаю, - прохрипел Стамб.

- Да, - согласилась она. - Не понимаешь.

- Ты ничего не сделала, чтобы спасти Уттару, - сказал Стамб.

- Ваша жизнь - это ваша жизнь, - сказала Сара.

- Ты не была ей благодарна? - не понял Стамб.

- Ваша жизнь - это ваша жизнь, - повторила Сара, - мы не вмешиваемся.

- Однако подставили свой корабль под удар батареи, - закашлялся Стамб. - И под удар аньятов. Кого из них вы спасали? Значит, вмешиваетесь все-таки?

- Мы прикрыли от удара аньятов, - пожала плечами Сара. - Ну и вас тоже. Заодно. Но мы не вмешивались. Мы просто взяли себе чужую смерть.

- Почему? - не понял Стамб.

- Это последние аньяты, - объяснила Сара. - Никто не сберегает горные луга от горных козлов, однако когда гибель грозит последнему цветку, козлов следует отогнать.

- Мы, выходит, козлы? - сообразил Стамб.

- Скорее, волки, - поправила лейтенанта Сара. - Многие из вас во всяком случае.

- Иначе не выжить, - объяснил Стамб.

- И это тоже правда, - кивнула Сара. - В том мире, который вы

придумали, трудно победить иначе.

- Кто-то еще жив, кроме меня? - спросил Стамб.

- Вот эта полумашина-получеловек, - она скосила взгляд на Каму. - Точнее, получеловек-полумашина. Но она тоже умирает. Ей осталось минут десять.

- А до взрыва? - сдвинул брови Стамб.

- Столько же, - ответила Сара.

- А ты? - спросил Стамб.

- Я уйду, - ответила Сара.

- Бросишь меня?

- Ты не последний из людей, - она сумела улыбнуться без издевки.

- Научи меня сплетать, - попросил Стамб.

- Это не плетение, - покачала головой Сара. - Людям кажется, что это плетение. Мне кажется, что это музыка.

- Так обучи меня этой музыке, - попросил Стамб. - Мне есть для чего жить. У меня племянник.

- У него своя судьба, - откликнулась Сара.

- У Ардана остались жена с двумя детьми, - вспомнил Стамб.

- У них своя судьба, - повторила Сара.

- Черт возьми! - прошипел Стамб. - Да что же нужно сделать, чтобы получить право пожить еще немного? Или мне стоило всего лишь пристрелить блаженную Уттару и прикоснуться к тебе, как это сделали Вилн, Савья и Пашчим?

- Ты бы не убил ее, - задумалась Сара. - У тебя другая судьба. Прости. Мне пора. Я должна спеть свою песню.

- Подожди, - скрипя зубами от боли, Стамб сунул черную клешню за пазуху и выудил оттуда полоску сканера. - Вот. Что-то такое же древнее, как это слово - чарита. Или не такое же древнее. Это песня. Хорошая песня. Тебе. На память.

Он бросил полоску неуклюже, всего лишь на пару ярдов, но она сделала шаг вперед, поймала ее, приложила к щеке, прислушалась, потом вдруг улыбнулась, наклонилась, потрепала лейтенанта по щеке и, прошептав «это пойдет», растворилась в воздухе.

- Ну вот, - выдохнул Стамб и, сдерживая раздирающую тело боль, подполз к телу получеловека-полумашины Камы, отыскал уже почти ускользнувшую линию жизни и крепко прихватил ее узелком. А потом начал сплетать обожженными пальцами что-то неведомое, простое и понятное, пришептывая при этом:

- Потерпи, боец. Я не могу тебя бросить. Ты и в самом деле хороший техник. У нас есть еще несколько минут. Мы успеем.

КАРЛ ШРЁДЕР

В ДАЛЕКОЙ СИЛЕНИИ

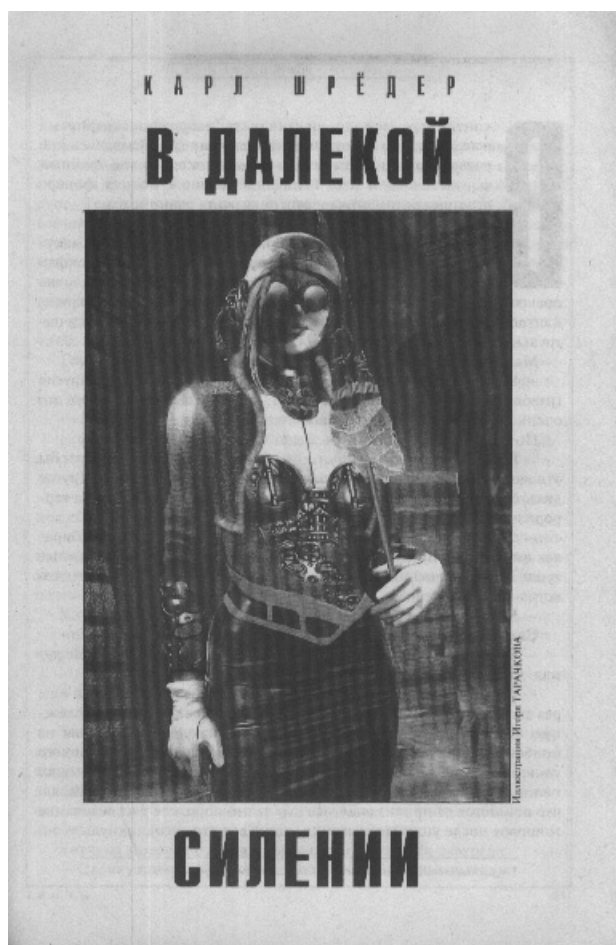

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

В контейнере лежало шестнадцать небрежно завернутых в пластиковую пленку мерзлых оленьих туш. Заиндевевшие рога и торчащие ноги напоминали в свете фонаря мрачный фантастический лес. Геннадий Малянов поднял фонарь повыше, потом взгляделся в показания радиометра.

- Да, это они, - сказал он. - Все правильно.

- Вы уверены? - спросил полицейский. Его фигура, закутанная в ярко-желтый дождевик, поблескивала в свете фар и фонарей. Начавшийся около полуночи дождь так и не прекратился. Шоссе за спиной полицейского тоже было мокрым, и по асфальту бежали серебряные сполохи. Красно-синие маяки патрульных машин отражались в лужах.

Малянов выбрался из контейнера и спрыгнул на дорогу.

- Если вы считаете, что сегодня здесь могут оказаться другие грузовики с радиоактивной олениной, - скажите мне. Я, знаете ли, очень интересуюсь такими вещами.

Полицейский не улыбнулся. Было холодно, изо рта шел пар.

- Все дело в ответственности, - сказал он серьезно. - Если бы эти люди занимались просто контрабандой мяса - это одно. Другое дело, если мясо отравлено. Это уже пахнет международным терроризмом.

- Да уж, - сказал Малянов. Полицейский повернулся, собираясь отойти, и Геннадий бросил еще один взгляд на замороженные туши. Пожал плечами и добавил вполголоса: - Вот не думал, что когда-нибудь их увижу...

- Кого?

Слегка смутившись, Геннадий кивком показал на контейнер.

- Оленей. Настоящих северных оленей, - пояснил он. - Не думал, что доведется их увидеть... пусть даже мертвых.

- Spoklik*¹⁶, - пробормотал полицейский И ушел. Геннадий еще раз заглянул в контейнер и, сутулясь, направился в противоположную сторону, где стоял его автомобиль. Сигнальная лампочка на приборной панели показывала, что срок аренды истекает. Ничего удивительного - из-за дождя машины по E18 еле ползли, к тому же полиция перекрыла дорогу у Арьяна. Малянов как раз прикидывал, что останется от причитавшегося ему за это короткое расследование гонорара после уплаты неустойки, когда его кто-то окликнул:

- Мистер Малянов?..

- Что еще? - Повернувшись на голос, Геннадий прикрыл глаза ладонью, словно козырьком. С той стороны, где с включенными мигалками стояли полицейские машины, к нему шагали по обочине двое. Тем временем позади притормозил еще один автомобиль - большой зловеще черный фургон с неработающим маячком, похожий на те автозаки, какие до сих пор использовала милиция на его родной Украине. Шагавшие к Малянову мужчины - крупные, крепкие, с уверенными, властными движениями - тоже были похожи на полицейских в штатском.

- Вы Геннадий Малянов? - спросил по-английски первый мужчина. Капли дождевой воды блестели на его бритом черепе.

Геннадий кивнул.

- Вы работаете на МАГАТЭ? - продолжал мужчина. - Инспектор по вооружениям?

- Допустим, - проговорил Малянов сдержанно.

- Лейн Хитченз, - представился мужчина, протягивая Геннадию руку для пожатия. - Интерпол.

- Вы тоже по поводу оленей? - спросил Малянов.

- Каких оленей? - Хитченз, кажется, слегка удивился, и Малянов отдернул руку.

¹⁶ * *Spöklik* (шведск.) - ужасно. (Здесь и далее прим. перев.)

- Вон тех... - Он показал на здание контрольно-пропускного пункта, вспыхивающие в темноте мигалки и склоненные головы задержанных на заднем сиденье полицейской машины. - Так вы здесь не из-за этого?

Хитченз покачал головой.

- Нам сказали, что здесь будете вы, вот мы и приехали. Нам нужно с вами поговорить.

Малянов не двинулся с места.

- О чем?

- Нам нужна ваша помощь, черт побери! Идем!

Задние дверцы черного фургона открылись. Автомобиль по-прежнему напоминал Геннадию тюремную машину, однако он справился с собой: ему очень нужна была работа. Деньги - даже такая малость, какую могли заплатить интерповцы за часовую консультацию на обочине ночного шоссе в Швеции, - очень быгодились.

Хитченз знаком предложил Малянову подняться в фургон.

- Олени, говорите?.. - внезапно сказал он и ухмыльнулся.

- Вы когда-нибудь слышали об оленях Беккереля?^{*17} - парировал Геннадий. - Нет? Нам, охотникам за радиацией, они очень хорошо известны.

Грузовик-контейнеровоз стоял теперь перед КПП, освещенный несколькими прожекторами. На его платформу неуклюже поднимались люди в тяжелых защитных костюмах. Геннадий улыбнулся: уровень радиации в кузове был не таким уж высоким, можно было обойтись и более легкой защитой.

- После Чернобыльской катастрофы, - пояснил он, - вся популяция шведских северных оленей оказалась заражена цезием-137. Количество изотопа в их организмах в пятьдесят раз превышало максимально допустимое. Прежде чем об этом стало известно, десятки тонн оленьего мяса попали на мясокомбинаты. К счастью, санитарная служба вовремя спохватилась: радиоактивную оленину поместили на бессрочное хранение в морозильники под Стокгольмом. Там их должны были держать, пока не станет ясно, что с ними делать дальше.

Вчера кто-то взломал одно из хранилищ и похитил полтора десятка туш. Я думаю, злоумышленники собирались направить мясо в торговые сети соседних стран, а затем спровоцировать скандал. Если бы это удалось, эффект был бы почти как от «грязной бомбы».

До сих пор молчавший спутник Хитченза вполголоса выругался:

- Ужас!

- И кошмарная глупость. - Малянов рассмеялся. - Видели бы вы это мясо после нескольких лет глубокой заморозки. Никто в здравом уме

¹⁷ * Беккерель Анри - французский физик, открыватель явления радиоактивности урана; единица радиоактивности в системе СИ.

такое не купит. Ну, а контрабандистов решили задержать здесь, за пару километров от норвежской границы.

- И это вы их выследили? - Судя по интонации, Хитченз был впечатлен.

В ответ Геннадий только пожал плечами. В последнее время у него сложилась репутация авантюриста, и ему не хотелось признаваться, что после нашумевших поездок в Азербайджан его подключили к операции не очень охотно. В конце концов шведы пошли на это лишь потому, что года два назад он занимался отстрелом радиоактивных верблюдов в Китае.

- Так вы хотите получить от меня платную консультацию? - проговорил он нарочито небрежным тоном. В ответ Хитченз указал на распахнутые дверцы фургона. Вздохнув, Геннадий поднялся в салон.

В фургоне было сухо и довольно тепло. Вдоль бортов стояли удобные диваны, между которыми расположился длинный столик; кабина водителя была отделена от салона перегородкой с небольшим занавешенным окошком. Фургон для наружного наблюдения, подумал Геннадий.

На одном диване сидели мужчина и женщина; Геннадий занял место напротив, чувствуя, как под ложечкой начинает посасывать от какого-то тревожного предчувствия. Тем не менее он заставил себя поздороваться, хотя с чужими людьми, даже с коллегами по работе, Геннадий всегда сходилась трудно.

Тем временем Хитченз и его молчаливый напарник тоже забрались в фургон и захлопнули дверцы. Спустя несколько мгновений Малянов услышал, как хлопнула дверца кабины.

- У меня здесь машина, - заметил Геннадий.

- Джек, оплати счет мистера Малянова, - сказал Хитченз, бросив короткий взгляд на своего напарника. - Мы позаботимся о том, чтобы вашу машину вернули в прокатную фирму, - разъяснил он Геннадию.

Фургон плавно тронулся, и детектив повернулся к двум безымянным пассажирам.

- Это инспектор Малянов, специалист по радиоактивным материалам.

- Может быть, вы объясните, в чем, собственно, дело? - спросил Геннадий. - А то я как-то...

- Дело в украденном плутонии, - пояснил Хитченз. - В двенадцати килограммах плутония. Это покрупнее, чем ваши радиоактивные сохатые.

- Сохатые?.. - удивленно переспросила женщина, и Геннадий невольно улыбнулся. У женщины был такой вид, словно она попала в фургон случайно. Высокая, лет тридцати пяти, с темными, гладко зачесанными волосами. Белоснежная блузка с высоким кружевным воротничком и очки в толстой оправе делали ее похожей на строгую школьную училку.

На шее у нее висели мужские карманные часы - на грубой цепочке и довольно увесистые на вид.

- Познакомьтесь, мистер Малянов, это Миранда Вин, - сказал Хитченз. Вин чопорно кивнула. - А это... - детектив кивнул на мужчину напротив, - Фрагмент.

Мужчина сидел, втиснувшись в дальний угол дивана. Услышав свое имя (фамилию? кличку?), он бросил на Геннадия быстрый косой взгляд, но тотчас снова отвернулся, словно его что-то отвлекло. Фрагмент казался намного моложе Вин: ему можно было дать года двадцать два - двадцать три. Он тоже был в очках с толстой оправой, но их линзы слабо мерцали, и Геннадий догадался, что это прибор расширения реальности. Линзы представляли собой миниатюрные компьютерные экраны, на которые поверх окружающей обстановки проецировались картины какого-то виртуального мира. У Вин линзы были совершенно прозрачными (сквозь них Геннадий видел ее большие серые глаза): должно быть, ее компьютер был отключен.

- Миранда - антрополог, специалист по культуре, - сказал Хитченз. - С ней вам придется работать больше, чем с остальными. Собственно говоря, некоторое время назад она сама обратилась к нам с собственной проблемой, но...

- Но не получила никакой помощи, - перебила Вин, - пока ситуация не стала по-настоящему критической.

- Мы подозреваем, что ее дело может быть как-то связано с похищенным плутонием, - невозмутимо продолжил Хитченз и со значением кивнул до сих пор не произнесшему ни слова Фрагменту: - Скажи-ка мистеру Малянову, откуда ты.

Фрагмент неожиданно улыбнулся.

- Я бежал, - сказал он, - из далекой Силении.

Геннадий прищурился. Акцент молодого человека напоминал американский.

- Из Силезии? - переспросил он. - Из Верхней или Нижней? Вы чех?

Миранда Вин покачала головой, и Малянов заметил у нее в ушах маленькие круглые серьги.

- Из Силении, - поправила она. - Собственно говоря, Силения - это женское имя, но в данном случае это название места.

Малянов нахмурился.

- Где же оно находится? Я не припоминаю.

- Это, - сказал со значением Лейн Хитченз, - и есть одна из тех вещей, которые нам необходимо выяснить.

Фургон двигался на восток, к Стокгольму. Глядя в тонированное окно, Геннадий перебирал в уме возникшие вопросы. Например, почему Хитченз не спросит, где находится эта таинственная Силения у самого Фрагмента, который, по его словам, оттуда удрал. Этот вопрос он задал вслух, но детектив только покачал головой.

- Миранда вам все объяснит. Попозже, - только и сказал он. И заговорил о плутонии, украденном, судя по всему, много лет назад.

- Его много раз продавали и перепродавали, - сказал он с иронической улыбкой. - Опасный груз постоянно путешествовал, меняя хозяев, однако после гибели башен-близнецов этот бизнес стал слишком рискованным, потому что в морских и воздушных портах, на железных дорогах и пограничных контрольно-пропускных пунктах появились чувствительные детекторы. Похищенный плутоний изначально представлял собой четыре слитка, но после усиления контроля продавцы начали резать слитки и переправлять материал по частям. Пока что нам удастся их отслеживать. Но если порции плутония станут совсем маленькими, мы окажемся бессильны.

Фрагмент как раз пытался доставить покупателю одну такую посылочку, когда мы его взяли - скажу откровенно, просто чудом. К счастью, он согласился сотрудничать, но это всего лишь перевозчик, курьер, которого использовали втемную. - Хитченз вздохнул. - Недавно мы узнали, что весь похищенный плутоний, все двенадцать килограммов, разделен на сто с лишним порций и что появился некий покупатель, который намерен весь этот радиоактивный металл сосредоточить в своих руках. Сделка состоялась, и все эти куски уже движутся по назначению, несмотря на то что мы теперь можем обнаружить даже один грамм плутония, упрятанный в тонну свинца.

Геннадий задумчиво кивнул. Он понимал, что Хитчензу нужно узнать имя покупателя, а для этого надо проследить до конца хотя бы одну из ста с лишним посылок. Что ж, у детектива есть Фрагмент... Он посмотрел на парня и подумал, что странная на первый взгляд кличка была на самом деле вполне логичной и обоснованной. Курьер Фрагмент вез покупателю фрагмент его покупки.

- Вы считаете, что покупатель или покупатели находятся где-то на территории этой мифической Силении? - спросил он.

Детектив пожал плечами.

- Может быть.

- Тогда почему, - повторил свой вопрос Малянов, - Фрагмент не скажет, где она находится, если, как вы говорите, он выразил готовность сотрудничать со следствием? В конце концов, после 11 сентября американцы не склонны церемониться с потенциальными террористами. Почему бы им не забрать его к себе, чтобы допросить как следует?

Хитченз сухо рассмеялся.

- Потому что все не так просто, как кажется. Фрагмент, будь добр, повернись немного... вот так, да.

Парень поднял голову, и Геннадий разглядел у него в ушах крошечные наушники-затычки.

- Человек, который сидит напротив вас, Малянов, на самом деле

серьезно болен. Он глубокий аутик. По-настоящему его зовут Даниил Гаврилов, он не знает ни слова по-английски, зато он умеет отлично повторять все, что транслируется ему в уши. Кроме того, кто-то научил его хорошо разбираться в языке тела, так что он способен копировать даже очень сложные жесты и движения.

- Фрагмента, - заявил Фрагмент, - здесь нет.

Малянов почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове. Отчего-то ему вдруг расхотелось вглядываться в светящиеся голубым линзы очков Гаврилова.

- Камеры в очках... - пробормотал он. - И микрофоны, конечно. А вы не можете проследить сигнал? - спросил он Хитченза.

Детектив покачал головой.

- Сигнал многоступенчатый, он передается сначала через обычные сети, а потом теряется в анонимных ботнетах.

Малянов кивнул. Ему приходилось сталкиваться с похожими вещами, поэтому он знал, как трудно отслеживать потоки пакетированной информации, принимаемые и передаваемые очками Фрагмента. Да, кем бы ни был человек, «оседлавший» Даниила Гаврилова, нащупать его, по крайней мере сейчас, не представлялось возможным.

Пока фургон двигался по шоссе, облака разошлись, и в задних стеклах появилась полоска понемногу светлеющего неба.

- Вы сейчас, насколько я знаю, свободны? - неожиданно спросил Хитченз. Геннадий внимательно посмотрел на него.

- Вы хотите сказать, что предстоит долгая работа?

- Надеюсь, нет. Нам нужно найти плутоний как можно скорее. Мы не знаем, сколько времени Фрагмент будет нам помогать. Он может в любую минуту стать... недоступен... Как насчет того, чтобы начать прямо сегодня, мистер Малянов?

Геннадий пожал плечами.

- У меня нет кошки, которую нужно кормить и... и вообще никого нет. К оперативной работе я привычен, но... - Он на секунду задумался, подыскивая подходящие слова. - Просто мне еще никогда не приходилось работать под присмотром культуролога-антрополога.

Вин несколько раздраженно постучала ногтями по узкой столешнице, и Геннадий понял, что шутка не удалась.

- Мне не хотелось бы показаться невежливой, - проговорила она, - но вы должны с самого начала уяснить: я участвую во всем этом вовсе не ради вашего плутония. Конечно, это важно, - быстро поправилась она, - однако у меня своя задача.

Малянов снова пожал плечами.

- Какая же?

- Мой сын.

Он уставился на Вин, не зная, что сказать, но быстро справился с удивлением и только улыбнулся. Вин открыла было рот, собираясь что-

то добавить, и тут фургон остановился перед одним из лучших стокгольмских отелей.

Остаток ночи ушел на переезд из прежней гостиницы в новую. Номер Малянова оказался на том же этаже, что и комнаты Хитченза и Вин. Где остановился Фрагмент, да и спал ли он вообще, так и осталось неизвестным.

Геннадий попытался заснуть, но не смог. Он поискал в новостных сайтах сообщения о радиоактивных оленях и ночном задержании контрабандистов, однако в Сети об этом пока ничего не было. В конце концов усталость взяла свое, Геннадий лег и через минуту уже спал.

В восемь утра в дверь постучал Хитченз. Он, Вин и Фрагмент завтракали в номере в дальнем конце коридора. Когда Геннадий вошел, Фрагмент поднял голову и посмотрел на него.

- Доброе утро, - сказал он. - Хорошо выспались?

Геннадий ответил какой-то дежурной фразой, стараясь не показать смущения. На самом деле ему стало не по себе. Фрагмент улыбался, но Малянов не знал, кто это улыбается - Даниил Гаврилов или тот, другой человек. Замечает ли он, что происходит вокруг, или просто выполняет команды и произносит фразы, которые диктует кукловод - самый легкий способ справиться с запутанными и не всегда логичными условностями социального общения.

Перед тем как уснуть, Малянов отыскал в интернете точный термин для обозначения таких, как Фрагмент-Гаврилов. Стэнли Милграм назвал их «сираноидами» - по имени Сирано де Бержерака, подсказывавшего слова любовных объяснений своему косноязычному сопернику. Больше, чем марионетка, но меньше, чем актер. Впрочем, Фрагмент с таким аппетитом уплетал яйца-пашот на английском маффине, что ничем не отличался от нормального человека.

- Какие у нас планы на сегодня? - спросил Геннадий у Хитченза.

- Как только вы позавтракаете и придете в себя, сразу начнем, - ответил детектив.

Малянов нахмурился и посмотрел на Вин.

- Начнем? Что именно?

Вин и Хитченз переглянулись. Фрагмент улыбнулся - или, может быть, это улыбнулся кто-то, находившийся где-то в другом полушарии.

Геннадий не выспался и пребывал не в лучшем расположении духа; кроме того, ему казалось, что он никак не может припомнить невзначай оброненное кем-то вчера замечание - фразу, которая должна была поставить все на свои места. Две чашки кофе помогли ему взбодриться, но нужные слова никак не вспоминались. А еще ему очень хотелось узнать, что говорили в утренних новостях об оленях.

- Вчера Хитченз рассказал вам о своих проблемах, - неожиданно сказала Миранда. - Быть может, теперь моя очередь. - Наклонившись, она запустила руку в сумочку, лежавшую на полу возле ее ног, и

выложила на стол электронный блокнот - в формате кварто, с тремя сотнями страниц гибкой электронной бумаги. Пока Миранда листала свою книгу, Малянов успел заметить, что страницы заполнены короткими рукописными пометками и фотографиями; еще там были копии каких-то веб-страниц, уменьшенные до такой степени, что глаз едва мог разобрать рисунки и символы, и все равно не умещавшиеся в формат книги.

Блокнот, впрочем, был снабжен функцией скроллинга, что Миранда и продемонстрировала, проведя кончиком пальца вдоль обреза электронного листа. Веб-страница послушно заскользила сверху вниз, одни статьи и фотографии исчезали, вместо них появлялись новые. Наконец Миранда ткнула пальцем в страницу, останавливая просмотр.

- Вот, взгляните. - Она протянула книгу Малянову. Это было обычное электронное письмо.

«Мама, - прочел Геннадий, - я знаю, ты много раз предупреждала, чтобы я не покидал Каскадию, но в Европе мне очень понравилось. Это просто восторг! Ты же знаешь, как я люблю сельскую местность, деревню... Кроме того, во всех местах, где я побывал, жители очень уважают граждан Каскадии. Еще я ездил в наши края и встретил много старых знакомых. Они очень удивились, каким я стал взрослым...»

Геннадий поднял голову и посмотрел на Вин.

- Значит, вы подданная Городов?

Она кивнула. К какому бы народу ни принадлежала когда-то Миранда Вин, сейчас она приняла гражданство мировой панурбанистической сети. Входящие в нее города были намного могущественнее, чем государства, на чьей территории они находились. Сын Миранды мог родиться где-нибудь в Портленде-Сиэтле-Ванкувере, ныне известном под названием Каскадии, а мог появиться на свет в Шанхае. Это не имело значения: в любом случае он с самого рождения имел право жить в любом из этих мегагородов - и в других тоже. Однако, судя по письму, Миранда не потрудилась зарегистрировать рождение сына в том государстве, частью которого номинально являлась Каскадия.

Геннадий стал читать дальше.

«Вчера, - писал сын Миранды, - я познакомился с одним парнем. Его зовут Доджер, он увлекается пешеходным туризмом. Доджер говорит, что у него нет никакого другого гражданства, кроме гражданства виртуального мира, в который он играет. Ты ведь знаешь эти компьютерные игры с альтернативной реальностью - АРГ? Сначала я ему не поверил, но недавно он прислал мне по почте ссылку. Я прошел по ней и оказался в Риме, в альтернативном Риме... Знаешь, это довольно интересно. Впрочем, посмотри сама, я прислал тебе несколько снимков».

В приложении к письму действительно оказалось несколько фотографий старых римских улочек. Геннадий внимательно их

рассмотрел и, не найдя ничего примечательного или странного, вопросительно взглянул на Миранду. Игры в альтернативную реальность были совершенно обычным и широко распространенным делом: миллионы детей и подростков на всем земном шаре накладывали виртуальные фильтры и географические матрицы не только на реально существующие участки местности, но и на целые планеты, создавая сложные игровые конструкции, сюжет которых обычно сводился к путешествиям по неизвестным, зачастую фантастическим землям. Интернет-гражданство тоже не было новостью. Часть населения Земли (а с каждым годом таких людей становилось все больше) считала себя гражданами не только своей страны, но и какого-нибудь виртуального онлайн-мира. А поскольку экономика некоторых виртуальных миров стала во много раз сильнее, чем благосостояние многих слаборазвитых стран, такое двойное гражданство оказалось не просто способом эпатировать окружающих и как-то выделиться из серой массы. Официальная принадлежность к виртуальному миру подчас приносила вполне реальный доход и была куда важнее формального оффлайн-подданства.

Иными словами, в том, что новый знакомый сына Миранды считал себя гражданином какого-то существующего в альтернативной реальности государства, не было ничего необычного, поэтому Геннадий сказал:

- Я не понимаю, что здесь такого важного.

- Прочтите следующий мейл, - произнесла Вин. Откинувшись на спинку кресла, она нетерпеливо покусывала ноготь и внимательно следила за Геннадием, который читал появляющиеся на странице послания:

«Ты видела эти новые карты, ма? Правда, здорово? По сравнению с реальным миром Оверсэтч намного красивее и ярче. С ним не сравнятся даже матрицы Гонконга, да и сам игровой процесс намного увлекательнее и интенсивнее. Например, сегодня я вернулся оттуда с десятью тысячами сэтчей. Правда, их можно обменять только через анонимный портал где-то в Болгарии, но главное - их можно конвертировать в наши деньги. Я думаю, за них можно выручить примерно пять тысяч долларов, но я не настолько глуп. Если я останусь в игре, то за свои десять тысяч я сумею получить куда больше...»

Вин наклонилась к Малянову и нетерпеливым движением пролистала сразу несколько отправлений.

- Вот этот мейл, - сказала она. - Две недели спустя.

«IT 2.0, - писал сын Миранды, - и есть та оверлей-матрица, которая в реальном времени преобразует окружающую действительность в Оверсэтч. Если бы ты только могла представить, как это важно: знать, что происходит в мире на самом деле! Оказывается, тяжелое

положение большинства европейских стран вызвано действием санотики, которое проявляется буквально во всех аспектах человеческой жизни. Только вообрази: самоорганизующаяся катастрофа! В этих условиях Оверсэтч становится выходом, ключом к переформатированию реальности, которое одно способно остановить санотику. А ведь есть и другие миры: Траптон, Аллегор, Силения...»

- Силения... - проговорил Малянов вслух.

Фрагмент резко выпрямился и бросил быстрый взгляд на книгу в его руках. Кивнув, он сказал:

- Дорога в Силению ведет через Оверсэтч.

- Ты там бывал? - спросил Геннадий.

Фрагмент улыбнулся.

- Я там живу.

Малянов покачал головой, не зная, что сказать. Кое-что из прочитанного он понял, хотя и не все. Концепция географического матричного моделирования была ему смутно знакома, однако все остальное казалось напрочь лишенным какого-либо смысла.

- Что такое санотика? - спросил он Фрагмента.

Ответная улыбка последнего выглядела до отвращения самодовольной.

- В вашем языке нет соответствующих терминов, - заявил он. - Вот если бы вы говорили на языке программирования, на котором написана IT 2.0... В общем, санотика - это то, что происходит в этом мире сейчас.

Геннадий нахмурился и посмотрел на Хитченза, приглашая его принять участие в разговоре. Тот недовольно крякнул.

- Вероятно, санотика и есть та организация, которая стоит за похищением плутония.

- Санотика не просто организация, - перебил Фрагмент. - Как IT 2.0 не просто набор операторов.

- Как скажешь, - согласился Хитченз. - В любом случае, мистер Малянов, это то, что вам нужно найти. Миранда вам поможет, она здесь лицо заинтересованное. Ей нужно отыскать сына.

Геннадию пришлось сделать усилие, чтобы снова ухватить ускользающую нить разговора.

- Эта... санотика... Она находится в Силении?

Фрагмент презрительно рассмеялся. Вин бросила на него раздраженный взгляд и повернулась к Геннадию.

- Все не так просто. Вот, прочтите последнее сообщение. - Движением пальца она пролиставала мейлы до конца.

«Мама, Силения - это IT совершенно нового уровня! Но то же самое, мне кажется, можно сказать о санотике. Если так, то это действительно страшно. Не зная IT, не зная соответствующих слов и объектов, которые за ними стоят, говорить об этих вещах очень трудно. Порой их

даже можно не заметить! Я-то наблюдаю их каждый день - блуждающие города, огромные миры, которые, словно мотыльки, появляются утром, чтобы исчезнуть к вечеру, и многое-многое другое, но просто следить за этим мне тяжело. Я больше не могу оставаться собой, в противном случае санотика может взять верх. Прости, мама, мне придется стать чем-то, что можно описать и увидеть только при помощи IT 2.0. Силения нуждается во мне, в том, что я могу ей дать.

Пока.

Я напишу».

Геннадий перечитал мейл дважды.

- Бред какой-то... - пробормотал он наконец. - Полная бессмыслица... - Он посмотрел на Хитченза. - IT 2.0 - это что? Язык программирования? Просто программа?

Детектив покачал головой и протянул Геннадию очки в толстой оправе, как у Вин. Малянов узнал логотип - «Ариадна AP». Так называлась швейцарская компания, занимавшаяся программным обеспечением игр с альтернативной реальностью. Недавно она приобрела контрольный пакет корпорации «Гугл». На очках Вин красовался такой же логотип, а вот очки Фрагмента были без всякой маркировки.

Помедлив секунду, Малянов надел очки и нажал на оправу, включая устройство. Тотчас перед ним повисла в воздухе прозрачная бледно-голубая сфера, вокруг которой медленно вращались иконки и командные слова. Очки проецировали изображение непосредственно на сетчатку, поэтому видеть их мог только сам Малянов. Этот интерфейс был ему знаком. Для того чтобы запустить программу или команду, достаточно было просто сфокусировать взгляд на той или иной иконке и, дождавшись, пока она изменит цвет, моргнуть. Чтобы выбрать другую программу, нужно было просто отвести взгляд.

- Стандартная операционка, - пробормотал Малянов, разглядывая иконки. Геонавигатор, социальные сети, почта, Вики-справочники... А это что?

Хитченз и Вин тоже надели очки, и Геннадий показал им иконку, вызвавшую его недоумение. Для этого он выловил ее из воздуха двумя пальцами (разумеется, при этом он ничего не почувствовал) и сдвинул на центр сферы - рабочего экрана, чтобы они тоже смогли ее увидеть. Иконка представляла собой стилизованную букву «P», вписанную в круг мерцающих точек.

Гаврилов кивнул и, очевидно по команде своего пуппенмейстера, изобразил на лице удовлетворенную улыбку.

- Это ваша первая остановка, - объяснил он. - Небольшой мир под названием Ривет Кутюр. В просторечии - Модная Заклепка.

Хитченз, извинившись, куда-то вышел, но Геннадий почти не обратил на это внимания. Он запустил программный файл и теперь слушал

вводную лекцию, которую ему читала пышная сексуальная блондинка, в действительности никогда - он был уверен - не существовавшая. Изображение блондинки Геннадий поместил в центре комнаты, и Миранда Вин то и дело проходила сквозь него.

Очаровательная блондинка была серлингом, то есть чем-то вроде диктора-инструктора; сейчас она растолковывала Геннадию основные особенности AR-игры под названием Ривет Кутюр. Пока она говорила, встроенные в очки камеры и сенсоры позиционирования трудились изо всех сил, стараясь определить, где находится Геннадий и какие предметы его окружают. И пока девушка-серлинг объясняла, что действие игры происходит в виртуальную эпоху газового освещения - в альтернативных 1880-х годах, - все предметы в комнате начали видоизменяться. Стены покрылись полупрозрачными, чуть мерцающими обоями с рисунком в виде цветов и листьев, люстра и бра превратились в латунные газовые светильники, правда, тоже призрачные.

Миранда Вин в очередной раз прошла сквозь девушку-серлинга, и Геннадию показалось, что под действием игровой матрицы она тоже начала преобразаться. Во всяком случае, ее белая, отделанная кружевами блузка и длинная юбка стали казаться в новом антураже весьма уместными. Только теперь Геннадий заметил, что ее серьги представляют собой не что иное, как маленькие шестеренки.

- Стимпанк*¹⁸ давно вышел из моды, разве не так? - спросил он, и Вин повернулась к нему, машинально коснувшись странной серьги кончиком пальца. Она улыбнулась, и Геннадий подумал, что это ее первая искренняя улыбка, адресованная ему.

- Мои родители были сторонниками «Нью Эйдж»**¹⁹, - сказала Миранда. - В знак протеста я присоединилась к стимовской банде. Наши девушки носили кринолины и корсажи, чулки с подвязками и убирали волосы в пучок, закалывая его шпильками. Парни заказывали пенсне, клетчатые жилеты-пейсли, гетры и прочее. Я, правда, отошла от всего этого давным-давно, но стиль мне по-прежнему нравится. В нем есть какое-то... очарование.

Геннадий с удивлением заметил, что и сам улыбается. Он, впрочем,

¹⁸ * *Стимпанк - название молодежной субкультуры, подразумевающей альтернативный вариант развития человечества с выраженной общей стилизацией под эпоху викторианской Англии (вторая половина XIX века) и эпоху раннего капитализма. К «панковскому» компоненту стимпанка относится особый акцент на низкой человеческой природе.*

¹⁹ ** *«Нью Эйдж» - самая известная и самая широко рекламируемая современная религия, оккультное неоязыческое движение. Фактически представляет собой конгломерат различных спиритских и оккультных групп, сект и учений.*

хорошо понимал Миранду: стремление быть в чем-то не похожим на окружающих было ему знакомо. Взять хотя бы старинные мужские часы-луковицу, которые Миранда носила на шее как кулон. Помимо того что это была дань ее стимпанковскому прошлому, часы ясно и недвусмысленно указывали, что их обладательница не такая, как все.

У самого Геннадия тоже был своего рода талисман, но не предмет, состоящий из осей, шестеренок и пружин, как у Миранды, а место. Каждый раз, когда обстоятельства или собственная слабость вынуждали его искать какую-то точку опоры, Геннадий вспоминал сырые, сочащиеся влагой бетонные стены подземных коридоров, бледно-голубое свечение воды в прудах, на дне которых были в беспорядке свалены отработанные ТВЭЛы... или ледяную пещеру промышленного холодильника, в которой словно игрушки, поваленные рукой капризного ребенка, валялись десятки замороженных оленьих туш.

По сравнению с этими местами Ривет Кутюр казалась не такой уж необычной. Геннадий знал, что многие женщины надевают под костюмы консервативного покроя фантазийное нижнее белье, что позволяет им достигать схожего эффекта, то есть чувствовать себя оригинальными. Для тех, кто не додумался до чего-то подобного, способом ощутить свою уникальность была игра в Ривет Кутюр. Подростки, бесцельно фланирующие по улицам Берлина и Миннеаполиса, могли в то же самое время шагать по булыжным мостовым туманного Атлантика - главного города Заклепки. Кто-то в свободное время разрабатывал детали городской архитектуры, кто-то создавал модели одежды в викторианском стиле или подробно расписывал историю Ривет Кутюр. Для многих этот виртуальный мир стал чем-то гораздо большим, чем онлайн-игра; не удивительно, что играли в него в самых отдаленных уголках земного шара.

Миранда Вин покатила свои чемоданы к выходу, и Фрагмент предупредительно распахнул перед ней дверь. Потом оба обернулись к Малянову, который все еще сидел за столом.

- Вы готовы? - спросила Миранда.

- Сейчас иду, - отозвался он и, поднявшись, шагнул из Стокгольма в Атлантик.

Освоиться в Ривет Кутюр оказалось сравнительно легко. Никаких коренных перемен и преобразований - программа лишь добавляла к окружающему один-два штриха, сообщая привычным, нормальным местам и предметам легкую ауру необычности. В лифте отеля очки отфильтровывали свет флуоресцентных ламп, превращая их в горящие свечи; внизу, в вестибюле компьютерный дисплей перед клерком превратился в украшенный металлическими завитушками механический кассовый аппарат с лакированной поворотной рукояткой, а оказавшись на улице, Геннадий услышал ржание лошадей и цокот

копыт, заглушавшие негромкое жужжание пронсящих мимо отеля электромобилей. Кое-где в потоках машин даже мелькали изящные головы и черные гривы благородных животных, но рассмотреть их подробнее было невозможно.

И без AR-очков в Стокгольме великолепие классицизма причудливо сплеталось с чертами высокого модерна. Его улицы когда-то действительно освещались газом, многие до сих пор были вымощены брусчаткой - особенно близ таких исторических зданий, как Королевский дворец. Иными словами, чтобы превратить реально существующий город в игровой Атлантис, матрице-фильтру нужно было сделать совсем немного - только что-то подправить здесь, что-то изменить там.

Начали появляться и другие игроки. Их яркие, светящиеся как звезды фигуры можно было различить на расстоянии нескольких километров, порой даже сквозь холмы и здания. Должно быть, подумал Геннадий, это сделано нарочно, чтобы играющие легче находили друг друга. Правила игры запрещали некоторые виды связи - так, в Ривет Кутюр не было мобильных телефонов, однако Геннадий, Миранда и Фрагмент довольно быстро нашли в одном из кафе двоих ветеранов игры.

Геннадий намеренно уступил Миранде ведущую роль, и она с энтузиазмом принялась обсуждать исторические и политические проблемы Ривет Кутюр. Она явно бывала здесь прежде, и похоже, что не только желание отыскать сына заставило ее так глубоко погрузиться в реалии виртуальной страны. Миранда экспансивно взмахивала руками и порой даже перебивала собеседников, забыв об остывающем кофе и пирожных со странным названием.

Агата и Пер (так звали игроков) легко нашли с Мирандой общий язык, однако с Геннадием держались достаточно сдержанно. Малянова это вполне устраивало, поскольку при посторонних его обычно одолевало косноязычие. Зато он внимательно слушал, стараясь ничего не упустить.

Из разговора выяснилось несколько любопытных подробностей. Атлантис был всемирным городом: его локусы располагались где угодно и могли перемещаться по желанию игроков. По правилам участникам игры разрешалось менять оверлей своего пребывания, но это означало, что персонаж покидал предыдущую локализацию и оказывался в новом месте. Обычно это не создавало никаких проблем, однако при таких переходах прерывался контакт с находившимися поблизости игроками.

Кроме того, игра была бесплатной. Это удивило Геннадия, но не слишком. Многие онлайн-игры по разным причинам находились в открытом доступе, однако ни одна из них не могла сравниться с Ривет Кутюр по изяществу и тщательности проработки деталей. Несомненно, такая игрушка стоила недешево, но ведь кроме денег существует и

такая немаловажная вещь, как любовь многочисленных фанатов.

Сюжет Ривет Кутюр был завязан на борьбе за власть и влияние в атлантском обществе. Никакого насилия - для успеха требовалось одно лишь мастерство интриги. Игрок поднимался по политической лестнице, ведя разговоры, делая намеки, завязывая знакомства. Как понял Геннадий, отдаленным предком Ривет Кутюр была древняя настольная «Дипломатия». Не удержавшись, он высказал свою догадку, и Пер улыбнулся.

- Не совсем настольная, - сказал он. - Ривет Кутюр больше похожа на почтовые разновидности «Дипломатии», как «Слобовия» и некоторые другие, когда игроку приходилось писать короткое обоснование каждого сделанного хода. Как и персонажи «Слобовии», мы выступаем в роли дипломатов, куртизанок, карманников и министров, разумеется, насквозь коррумпированных. - Тут Пер снова улыбнулся.

- И мы очень любим эксплуатировать новичков, - добавила Агата и ослабилась. - В своих целях, естественно.

- Да, кстати, - спохватился Пер. - Пожалуй, с этого мы и начнем. В данный момент я являюсь опальным министром внутренних дел Пуддльглумом Пудтакером, и у меня, естественно, хватает врагов. За моими друзьями следят, поэтому... Вы просто обязаны доставить это послание одному из моих товарищей-заговорщиков. Вас могут схватить и даже убить - меня это мало волнует; главное, чтобы вы избавились от письма при первых же признаках опасности. Не забудете?

- М-м... - пробормотал Геннадий, когда Пер вручил ему завернутое в тонкий фетр и запечатанное сургучом письмо. - А какие это признаки?

Пер взглянул на Агату, которая неодобрительно поджала губы и нахмурилась.

- Ну, например, если какой-то незнакомый человек начнет задавать вам слишком много вопросов или вы вдруг увидите группу людей, которые загородили вам дорогу... - туманно пояснила она.

Пер наклонился вперед.

- Если вы исполните это поручение, - с воодушевлением зашептал он, - в конечном итоге вас будет ждать хорошая награда. У меня много влиятельных друзей, поэтому, когда я верну себе свой пост - а может быть, и поднимусь еще выше, - я не забуду оказанной вами услуги и помогу вам подняться по карьерной лестнице.

В реальном мире Перу пора было отправляться на работу, поэтому они расстались. Геннадий и его спутники сели на Голубую линию метро и доехали до станции Радужет, которая, разумеется, уже преобразилась в подземную, освещенную множеством свечей пещеру, заполненную десятками темных фигур в плащах с капюшонами. Поднявшись, они разыскали на тихой боковой улочке крошечную маклерскую контору. Там секретарша приняла у Геннадия конверт. Девушка была одета в современный деловой костюм от Шанель, но из-

за ее стула выглядывали какие-то длинные перья. Перехватив недоуменный взгляд Малянова, секретарша продемонстрировала ему вполне викторианскую шляпку.

Снова оказавшись на улице, Геннадий сказал:

- Я вижу, косплей^{*20} является важной составляющей игры. И мне кажется, что моя одежда не слишком соответствует эпохе.

Миранда рассмеялась.

- Ваш костюм прекрасно подойдет. Вам не хватает только жилета и карманных часов, а так все в порядке. - Она повернулась к Фрагменту: - Что касается тебя...

- У меня много костюмов, - заявил сираноид. - Я возьму один из них и вернусь. Встретимся в отеле. - С этими словами он решительно повернулся и зашагал прочь.

- Но... Эй, постой!.. - Геннадий бросился было за ним, но Миранда схватила его за руку и покачала головой.

- Он приходит и уходит, когда захочет, - сказала она. - И мы ничего не можем с этим поделать. Впрочем, я думаю, люди Хитченза как-то за ним следят, хотя и сомневаюсь, что это приносит много пользы. Почти наверняка Фрагмент бывает только в виртуальных краях.

Геннадий провожал сираноида взглядом, пока тот не исчез из вида.

- Давайте тоже сделаем перерыв, - сказал он Миранде. - Мне не терпится узнать, что пишут о моих оленях.

- Вы можете вернуться, - ответила она. - Но я останусь. Я ищу сына, и для меня это не просто игра.

- Олени тоже не пустяк, - возразил он.

Оказалось, однако, что ему не обязательно покидать Ривет Кутюр, чтобы ознакомиться с последними новостями. Интернет пестрел сообщениями о раскрытом заговоре и аресте группы международных террористов, но о скромных оперативных работниках, выполнивших основную часть дела, не было сказано ни слова. Геннадия это ничуть не затронуло - свою минуту славы он получил несколько лет назад, когда предотвратил попытку взорвать саркофаг над четвертым реактором Чернобыльской атомной станции. Он сам вызвался на это задание: главным образом потому, что на улицах брошенной Припяти не было ни одной живой души и он мог чувствовать себя совершенно свободно. Зато после телевизионного интервью, когда Геннадия начали узнавать на улицах, начался суший кошмар.

Закончив изучать новости, они отправились по магазинам - присмотреть несколько вещиц в стимпанковом стиле. Геннадий никогда не любил делать покупки и чувствовал себя неловко, но Миранда отдавалась процессу с увлечением, почти со страстью. Походом он остался доволен, но когда они покинули последнюю

²⁰ * *Косплей* - костюмированная ролевая игра.

лавчонку, вздохнул с облегчением.

Во второй половине дня они еще не раз общались с обитателями Атлантиды. Геннадий по-прежнему старался держаться в тени и настолько успешно, что за ужином Миранда спросила, неужели он никогда не играл в ролевые игры.

В ответ Геннадий коротко рассмеялся.

- Постоянно играю, - и назвал с полдюжины популярных онлайн-миров.

В каждом из них у него действительно было по несколько персонажей, а в одну игру он играл уже лет десять, сумев подняться довольно высоко. Его слова еще больше удивили Миранду, которая никак не могла понять причину его скованности, и в конце концов Геннадий сознался, что играет в онлайн-игры только потому, что это позволяет ему оставаться дома, в четырех стенах, предоставив общение с другими игроками своему персонажу. В виртуальных мирах у него было немало воплощений, причем играл он не только за мужчин, но и за женщин, однако взаимодействия персонажей по-прежнему оставались для него предпочтительнее личных встреч в реальном мире - даже если это призрачная реальность Ривет Кутюр.

- Кажется, в медицине это называется социофобией, - нехотя пояснил он. - Но на самом деле... на самом деле я просто очень застенчив. От природы.

- Ну и ну!.. - удивленно выдохнула Миранда. Затем последовала продолжительная пауза, в течение которой она о чем-то размышляла, предоставив Геннадию беспокойно ерзать на стуле. - Может, нам лучше удвоиться? - спросила она наконец.

- Что вы имеете в виду? - не понял Малянов.

- Вы могли бы «оседлать» меня - ну, как человек, который управляет Гавриловым. Но, разумеется, только во время игровых контактов, - сухо добавила она. - Может, вам так будет удобнее?

- Ничего, справлюсь как-нибудь, - несколько раздраженно отозвался Геннадий. - Вот увидите, все будет нормально, дайте мне только втянуться. Честно говоря, я не ожидал, что после радиоактивного мяса мне подвалит новая работенка, да еще такая: пойдти туда, не знаю куда, найди то, не знаю что. Я надеялся оказаться дома, в своей квартире, а вместо этого... Я ведь пока не знаю, не только как мне нужно расследовать это дело, но и что именно я расследую. Такая ситуация для меня внове, поэтому мне нужно время, чтобы... приспособиться.

Геннадий не собирался оправдываться, просто ему очень не хотелось, чтобы Миранда считала его чем-то вроде человека, не способного нормально общаться с себе подобными. В своих профессиональных качествах он не сомневался. У него была задача, и он твердо решил распутать этот клубок, поскольку знал - и лучше, чем кто бы то ни

было, - какова ставка. Для большинства людей слово «плутоний» было лишь звуком, понятием еще более отвлеченным и абстрактным, чем, например, «вампир» или «привидение». Мало кто испытал на себе или хотя бы лично наблюдал те последствия, которые мог вызвать этот элемент периодической системы. Геннадий видел плутоний своими глазами, знал, какого он цвета, ощущал в руках его тяжесть и отлично представлял себе, как и для чего его можно использовать.

Вот почему он решил, что все его слабости и недостатки не должны помешать ему найти украденный плутоний. То, что плутоний вообще кому-то понадобился, уже было настоящей катастрофой. Геннадий твердо знал: если его постигнет неудача, он до конца дней будет бояться включать утренние новости, чтобы не узнать ненароком, что такой-то город стерт с лица земли вместе с миллионами жителей.

Этой ночью он снова не мог уснуть и долго пытался как-то связать реалии виртуального мира с замыслом контрабандной операции, которую ему предстояло раскрыть и пресечь.

Ривет Кутюр, насколько он понимал, существовала и функционировала как некое тайное общество. Понятно было, что для транспортировки краденого плутония потребуется какой-то агент. Что-то вроде того, как он сам скрытно передавал конверт от одного игрока к другому. Когда после ужина он заговорил об этом с Хитчензом, тот подтвердил его догадку:

- Мы давно знаем, что организованная преступность использует игры вроде Ривет Кутюр для оборота, например, наркотиков. Игра позволяет вербовать курьеров из числа совершенно посторонних людей и выстраивать целые транспортные цепочки; при этом никто из участников не будет знать, что именно он переправляет. К тому же при такой эстафете каждый этап - всего лишь несколько километров, которые легко пройти пешком. А пешеходов наше оборудование способно засечь только случайно. Пеший игрок может заложить передачу в тайник, а то и просто перебросить его через границу своей страны, а другой участник игры найдет пакет по координатам системы глобальной навигации и доставит по следующему адресу...

А еще Геннадий знал, что Ривет Кутюр - это ворота или, точнее, верстовой столб по дороге в Силению. И что между Заклепкой и Силенией есть еще одно место (виртуальное пространство? игровое поле?) - тот самый Оверсэтч, откуда сын Миранды присылал большую часть своих сообщений. И если Ривет Кутюр представляла собой подобие тайного общества внутри обычной цивилизации, то Оверсэтч, существующий только внутри самой Ривет Кутюр, в рамках виртуальной игровой культуры, был игрой внутри игры, то есть тайным обществом внутри тайного общества или, если угодно, заговором внутри заговора.

Хитченз признался, что терпеть не может AP-игры.

- Из-за них теряют эффективность все системы безопасности, которые мы так старательно создавали после 11 сентября, - сказал он.
- Буквально все! А происходит это только потому, что в игре человек перестает быть собой и превращается в иную личность. Бывают случаи, когда несколько человек играют за одного и того же героя, передавая его друг другу по цепочке. География теряет всякий смысл, индивидуальность исчезает, десятки и сотни людей во всех уголках планеты превращаются в таких, как Фрагмент... Каким образом в подобных условиях выявлять террористов и пресекать противозаконные операции?

На следующее утро Геннадий поделился своими соображениями с Мирандой, и она мрачно кивнула.

- Ты почти прав, - сказала она (работая в тесном контакте, они давно перешли на «ты» - так было проще).

- Только почти?

- В играх происходит намного больше... всякого. И если ты готов, сегодня мы, быть может, кое-что увидим.

Геннадий был готов. Его наряд, приукрашенный купленными вчера мелочами, позволял ему не слишком выделяться в отфильтрованной очками измененной реальности. Раньше, в обычных онлайн-играх, он выходил на поиски приключений в оцифрованное пространство, оставаясь при этом в безопасности своей комнаты, но сегодня задача была посложнее.

К счастью, все прошло гладко. Миранда с упорством и настойчивостью играла в Ривет Кутюр уже несколько недель, чтобы отыскать сына. Сам Геннадий успешно притворялся, будто все разговоры ведет его герой - сэр Артур Толь; поначалу он еще чувствовал некоторую неловкость, но потом годы игровой практики взяли свое. Они с Мирандой довольно быстро создали целую сеть, связанную невидимыми нитями взаимных услуг и ответственности. Несколько раз они встречали Фрагмента, и Геннадий неожиданно поймал себя на мысли, что его отношения с сираноидом напоминают рутинные контакты с Лейном Хитчензом. Они встречались, Геннадий докладывал о том, что ему удалось узнать, после чего Фрагмент удовлетворенно кивал и снова исчезал на неопределенный срок.

Люди Хитченза взяли Гаврилова с несколькими десятками граммов плутония. Вот и все, что было известно Геннадию о сираноиде; лишь немногим больше знал о нем и Хитченз (так, во всяком случае, утверждал сам детектив). «Кое-что нам удалось вычислить, - сказал он, когда Геннадий стал расспрашивать. - Даниил Гаврилов совершенно не говорит по-английски, зато он очень точно копирует английские слова и предложения, включая интонации и акцент своего кукловода. И это американский акцент. Точнее, его выговор характерен для тихоокеанского побережья Соединенных Штатов. Наши специалисты

считают, что это, скорее всего, штат Вашингтон».

«Что ж, это уже кое-что», - заметил Геннадий.

«Кое-что, но не слишком много», - ответил Хитченз с несчастным видом.

Геннадий все чаще и чаще задавал себе вопрос, не может ли оказаться так, что каким-то непонятным образом его нанял не столько Хитченз, сколько сам Фрагмент - и не его одного, но и все МАГАТЭ впридачу. Сказать об этом Хитчензу Геннадий не решался: мысль казалась слишком безумной.

Решительный прорыв, который обещала ему Миранда, не случился ни в первый, ни во второй день их совместной работы. Потребовалась почти неделя упорного труда, прежде чем они встретились за файфоклоком с Пуддльглумом Пудтакером и тот протянул Миранде записку, написанную от руки.

- Это сегодняшние координаты «Бастиона Грифа», - сказал он. - Кормят там отлично, к тому же встреча может оказаться для вас выгодной.

Когда Пуддльглум скрылся за углом, Миранда взмахнула запиской и испустила ликующий вопль. Геннадий удивленно наблюдал за ней.

- В чем дело? - полюбопытствовал он.

- Мы молодцы! - пояснила она. - Ребята Хитченза так и не сумели подобраться к этому месту, а мы это сделали.

- К какому месту? - Геннадий машинально подумал о подпольных заводах, где умельцы собирают из краденого плутония бомбу, или о секретных лабораториях по переработке наркотиков, но Миранда сказала:

- Это ресторан. Атлантический ресторан, - добавила она, увидев выражение его лица. - Продукты в него поступают из Атлантики и там же готовятся. Едят их только жители города, так что с точки зрения социологии мы сделали огромный шаг вперед. В каждом человеческом сообществе, - разъяснила Миранда, - существуют своеобразные «членские взносы», которые, впрочем, выплачиваются не деньгами, а лояльностью. К примеру, чтобы подтвердить свою преданность той или иной религии, людям приходится проходить специальные обряды, отрекаясь от мирской собственности, оставлять семьи... В широком смысле человек как бы принимает на себя обязательство жить по определенным правилам, и чем строже эти правила, тем сплоченнее и стабильнее является данное сообщество.

- Что-то тут не вяжется, - заметил Геннадий. - По-твоему выходит, что чем меньшей свободой люди пользуются, тем они счастливее. Так, что ли?

Миранда пожала плечами.

- Происходит своего рода обмен... Как бы тебе объяснить? Ты отказываешься от каких-то незначительных вещей, которые тебе

нравятся, в обмен на что-то большее, что способно принести тебе настоящее счастье. Для многих это не слишком большая жертва - уж ты мне поверь. Что касается игр типа Ривет Кутюр, то для них основным способом выразить лояльность является стремление подняться на самый высокий уровень. А мы только что поднялись на уровень, на котором нам открылся доступ в «Бастион Грифа».

Геннадий прищурился.

- И почему это так важно?

- Потому что «Бастион» - ворота в Оверсэтч. Так сказал мне Фрагмент.

Для визита в «Бастион» надо было принарядиться, поэтому им пришлось вернуться в отель. Геннадий впервые надел купленный Мирандой полный игровой костюм, разумеется, в стиле стимпанк. Состоял он из узких брюк и пиджака в тонкую светлую полоску, а также черного шелкового жилета с вышитым черными же нитками драконом. Кроме обычного ремня Геннадию пришлось надеть свисающий на бедра кожаный инструментальный пояс со множеством карманов, петель и карабинов. Дополняли картину белые туфли с черными лакированными мысами и черный котелок. Миранда посоветовала ему смазать волосы бриллиантином и гладко зачесать назад.

Чувствуя себя довольно неловко, Геннадий вышел из своей комнаты, Миранда уже ждала его. Она была в длинной черной юбке и каком-то странном корсете, который казался отлитым из чугуна. Из-под подола выглядывали тяжелые черные башмаки. Вращая на плече раскрытый антикварный зонт, Миранда ухмыльнулась.

- Ты выглядишь, как настоящий русский мещанин конца девятнадцатого века, - сказала она.

- Украинский, - поправил Геннадий, и они отправились в «Бастион».

Очки Геннадия отсекали части спектра, свойственные электрическому освещению; миниатюрные наушники не пропускали звуков современного города, заменяя их атлантскими. Геннадий и Миранда не спеша пересекали преображенный Стокгольм, в котором не было ни суеты, ни шума, ни бесчисленных пешеходов - только янтарное мерцание газовых фонарей, далекое ржание запряженных в экипажи лошадей и песни цикад, звучавшие монотонно и умиротворяюще.

В очередной раз свернув за угол, они оказались напротив «Бастиона» - скорее кафе на открытом воздухе, чем ресторана, - занявшего весь тротуар. На мгновение приподняв очки, Геннадий удостоверился, что в нормальной реальности это был просто узкий и темный переулок между двумя гигантскими небоскребами из стали и стекла, но в Ривет Кутюр оба здания выглядели как темные кирпичные громады, украшенные химерами, горгульями и другими фантастическими чудовищами. Кроны виртуальных деревьев мешали рассмотреть небоскребы подробнее. В реальном Стокгольме кафе было отгорожено

от проезжей части полотняными ширмами; теперь здесь высились увитые плющом каменные стены, а над входом красовался вырезанный из камня гриф с распростертыми крыльями.

Над столиками покачивались бумажные фонари. Щеголеватый официант с хитрым выражением лица провел Миранду и Геннадия к их местам. За столиком сидел Фрагмент, что, впрочем, неудивительно. Сираноид пил минеральную воду, раскручивая ее в низком широком бокале в подражание парочке за соседним столом.

- Добро пожаловать в Атлантис, - сказал Фрагмент, когда Геннадий расстелил на коленях крахмальную салфетку. В ответ Геннадий только кивнул. Ему казалось, что он и вправду перенесся в настоящий параллельный мир, а не оставался в Стокгольме, в одном из переулков близ городского центра.

Вернулся официант, перечислил специальные блюда вечера и вручил каждому меню. Цены были проставлены в местной, игровой валюте - атлантских дейнарах.

- Ривет Кутюр - бесплатная игра, - прошептал он, наклонившись к Миранде. - Кто же будет платить?

Он говорил совсем тихо, но Фрагмент услышал и издал короткий, лающий смешок.

- Я же сказал: добро пожаловать в Атлантис. У нас своя экономика. Совсем как в Швеции.

Геннадий покачал головой. Он знал, что атлантские дейнары нельзя обменять ни на какую реально существующую валюту.

- Я имел в виду: кто платит за мясо, овощи, вино на самом деле...

- Все продукты здесь собственного, атлантского производства, - снова усмехнулся Фрагмент. - Если хотите заработать реальный капитал, я могу свести вас с людьми, которые этим занимаются.

Миранда покачала головой.

- Нам нужно перейти на следующий уровень. В Оверсэтч, - сказала она. - И ты это знаешь. Почему ты не отправил нас прямо туда?

Фрагмент пожал плечами.

- С парнями Хитченза у меня ничего не вышло. Я пытался, но они так и не сумели туда попасть.

- Оверсэтч, насколько я понял, это что-то вроде AP-игры внутри Ривет Кутюр, - вмешался Геннадий. - Следовательно, чтобы двигаться дальше, мы должны усвоить правила, узнать людей и познакомиться с реалиями самой Заклепки, так?

- В общем - да, но только в общем, - нехотя согласился Фрагмент. - Дело в том, что Ривет Кутюр только оверлей-матрица - карта, нарисованная поверх действительности. Оверсэтч не имеет под собой реальной основы.

- Все равно не понимаю. - Геннадий покачал головой.

- Идем, я тебе кое-что покажу... - Они сделали заказ, и Фрагмент

поднялся. - Здесь есть один любопытный магазинчик.

Геннадий прошел за ним в глубину ресторана. За легкой перегородкой, обвитой ползучими растениями, он увидел несколько заваленных самыми разными товарами прилавков. Одежда в атлантском стиле, карманные часы, брелоки, кулоны и серьги (похожие на те, что красовались в ушах Миранды) - все это, на первый взгляд, было изготовлено вручную.

- Сюда, - сказал Фрагмент и потянул Геннадия к дальнему прилавку. Там он выудил из груды вещей старомодные круглые очки-«консервы» с наглазниками. - Ну-ка, примерь...

Геннадий послушно нацепил очки, и уже через минуту различил перед собой знакомое мерцание загружающегося интерфейса AR-матрицы.

- Эти очки... - начал он.

- ...Почти такие же, как ты носил до сих пор, - договорил за него Фрагмент. - Но с некоторыми дополнениями. Игроки в Оверсэтч делают их сами с помощью 3D-принтеров для других игроков и близких друзей. Канал передачи совмещен с обычными интернет-протоколами - это называется «туннелирование». - Он купил две пары очков у пожилой улыбчивой продавщицы и повел Геннадия обратно в зал. Увидев их, Миранда, оживленно беседовавшая с какими-то знакомыми, сразу вернулась за столик. Фрагмент протянул ей очки, и она надела их, не сказав ни слова.

Никакими другими примечательными событиями ужин отмечен не был, хотя многие из игроков в Ривет Кутюр обращались к ним, чтобы обменяться новостями и другой текущей информацией. Сюда приходили не только вкусно поесть и отдохнуть в уютной обстановке; здесь заводили знакомства, которые могли помочь набрать дополнительные баллы и подняться на очередной уровень.

К концу ужина Фрагмент бросил на стол несколько виртуальных купюр и сказал подошедшему официанту:

- Передайте благодарность шеф-повару.

- Спасибо, с удовольствием. - Официант поклонился.

- Дама и ее спутник получили огромное удовольствие, - продолжал Фрагмент. - Им хотелось бы узнать подробнее, откуда эти блюда... - С этими словами он быстрым движением отогнул лацкан пиджака, продемонстрировав крошечную серебряную булавку с головкой в виде шестеренки.

Глаза официанта удивленно расширились.

- Конечно, сэр, разумеется. Сюда, пожалуйста... - Не переставая кланяться, официант провел всех троих туда, где под навесом хлопотали возле обычных переносных печей повара и другие работники. На улице стояло несколько автомобилей и доставочных фургончиков без каких-либо опознавательных знаков. Задние дверцы фургонов были открыты или подняты; в кузовах Геннадий увидел

составленные друг на друга пластиковые поддоны.

Официант тем временем вполголоса переговорил о чем-то с одним из водителей, разгрузивших фургон с хлебом. Тот утвердительно крикнул в ответ.

- Хотите узнать, откуда все это берется? - сказал шофер Геннадию. - В таком случае помогите-ка мне немного.

Когда Геннадий выволок из глубины фургона лоток с горячими сдобными булочками, водитель сказал:

- Мы сами выращиваем свою продукцию. Теперь это любят называть «вертикальными фермами», но когда я начинал, это были просто делянки, на которых высаживали одну лишь марихуану. Ха!.. - Он дружески хлопнул Геннадия по плечу. - Только подумать: сельскохозяйственную революцию обеспечила наркомафия! У них-то все было хорошо продумано и налажено, и теперь мы по той же технологии выращиваем помидоры, фасоль и все такое прочее.

Геннадий взялся за другой лоток.

- Значит, у вас где-то за городом есть участки земли, теплицы?..

Тот пожал плечами.

- Кое-что, - грибы, например, - мы выращиваем в подвалах городских домов. Но часть сельскохозяйственных культур растет на городских бульварах, в парках, на балконах и крышах высотных зданий. В городе полно свободного места, которое можно использовать. Если, конечно, взяться за дело с умом.

Разгрузив фургон, Геннадий увидел, что Фрагмент машет ему рукой из кузова другого грузовика. Вместо лотков и ящиков там было установлено какое-то оборудование.

- Что это? - удивилась Миранда.

Геннадий изумленно присвистнул.

- Да это целая фабрика!

В кузове действительно был установлен мощный 3D-принтер - промышленный робот-автомат, способный производить не только электронные платы и компоненты, но и винты, соединительные шлейфы и любое другое «железо», которое только могло быть описано в 3D-файле. К принтеру было подсоединено универсальное сканирующее устройство с лазерной, высокочастотной и рентгеновской головками. Что-то подобное, только в более компактном исполнении, Геннадий использовал для поиска радиоактивных изотопов в контрабандных грузах. Многоцелевой сканер мог «перевести в цифру» все, что угодно, начиная от украшений Миранды и заканчивая бытовыми электронными приборами; готовый файл загружался в 3D-принтер, который в считанные минуты производил почти точную копию отсканированного объекта. Правда, с помощью одного лишь сканера 3D-принтер мог производить приборы не сложнее тостера для поджаривания хлебцев, но с добавлением интегрированных

разомкнутых схем робот отлично дублировал сотовые телефоны, беспроводные роутеры и, разумеется, AP-очки.

Фрагмент широко улыбнулся.

- Эта крошка способна воспроизвести сама себя, сработав все необходимые детали и собрав их в нужном порядке, - заявил он. - И кстати, все схемы находятся в открытом доступе.

- Но зачем? - удивилась Миранда. - Я хочу сказать, для Ривет Кутюр такой мини-завод совершенно не нужен.

- Для Ривет Кутюр нет, но Оверсэтч - совсем другое дело. - Фрагмент выскочил из кузова и двинулся обратно в ресторан. Геннадий и Миранда последовали за ним.

- Знаете ли вы, - внезапно спросил сираноид, - что, когда провинции древней Римской империи взбунтовались и пожелали обрести независимость, они начали с того, что стали чеканить собственные деньги?

Геннадий удивленно приподнял бровь. Ничего подобного он от Фрагмента услышать не ожидал - тот казался ему недалеким, инфантильным, погруженным в собственные проблемы молодым человеком. Впрочем, он тут же вспомнил, что Даниилом Гавриловым управляют.

Фрагмент, похоже, угадал его мысли. Ухмыльнувшись, он продолжил развивать свою мысль:

- В Оверсэтче не только собственная валютная система, еще более важно то, что в этом мире развиваются свои промышленность и сельское хозяйство. Ривет Кутюр его торговый партнер: Оверсэтч делает одежду, значки и прочие аксессуары для игроков, которые в обмен доставляют сырье и материалы для 3D-принтеров или работают на фермах. Для них это часть игры.

Миранда покачала головой.

- Все равно я не понимаю - зачем? Кому вообще понадобился Оверсэтч?

Фрагмент ответил не сразу. Они уже покинули ресторан и шли к отелю, а он все молчал. Геннадий заметил, что походка Фрагмента сделалась неуклюжей, механической, как у робота; если раньше тот либо размахивал руками при ходьбе, либо норовил засунуть их глубоко в карманы, то теперь они были безвольно опущены. Геннадий даже подумал, что «наездник» Гаврилова ненадолго отвлекся или вовсе куда-то отлучился, оставив подопечного без подсказок.

Они были уже на полпути к отелю, когда сираноид поднял голову и заговорил:

- Представьте, что в мире существует один язык. Вы думаете только на нем, и вам, естественно, кажется, что названия всех вещей и предметов - единственно возможные и других просто не существует. Или возьмем город... - Фрагмент обвел рукой тонуший в сумерках

альтернативный Стокгольм-Атлантис, газовые фонари, светлые квадраты окон на темных фасадах. - В интернете есть разветвленные, многоуровневые динамические сети отношений и контактов, которые постоянно меняются. Метакорпорации создаются и исчезают в течение суток, люди становятся мировыми знаменитостями за несколько часов, а через неделю о них снова забывают. Однако в этом бушующем море виртуального хаоса существуют некие «омуты», отличающиеся относительной стабильностью. Они называются аттракторами. Аттракторы являются компактными подмножествами больших динамических систем - своего рода точками притяжения, к которым сходятся все траектории из некоторой окрестности при времени, стремящемся к бесконечности. Но вот беда: в вашем языке нет слова для обозначения такой точки или узла. Соответственно, вам понадобится новое слово, чтобы как-то его назвать, а лучше - новый язык, новый IT, способный худо-бедно описать его свойства.

Если снять город аппаратом для замедленной съемки со скоростью, скажем, один год в секунду, вы увидите, что он эволюционирует сходным образом. Любой крупный город - это омут, водоворот сложных отношений и связей, но в обычной реальности они развиваются настолько медленно, что люди почти не могут управлять воздействующими на них силами и течениями.

Это справедливо по отношению к городам. Что же говорить о целых странах? О цивилизациях, мирах?! Города и страны суть застывшие цепочки отношений и связей. Ну, как будто кто-то отлил из стали и бетона схему соединений социальной сети, если так вам понятнее... Эти отношения выглядят настолько громоздкими, тяжелыми, неизменными, что нам кажется, будто это они направляют и управляют нашими жизнями. Система социальных отношений увлекает нас, как вода несет и перекладывает с места на место песчинки и мелкие камни, но это неправильно. Так не должно быть. Не обязательно. Можно сделать так, чтобы все было наоборот.

Геннадий не совсем хорошо понимал, что имеет в виду Фрагмент, но Миранда кивала с таким видом, словно была полностью с ним согласна.

- Интернет ломает национальные и государственные границы, - сказала она. - Можно жить в Монголии и общаться с другом в Лос-Анджелесе с такой легкостью, будто он твой ближайший сосед. Географические различия и другие искусственные барьеры больше не играют существенной роли.

- Точно, - согласился Фрагмент. - Взять, к примеру, Каскадию. Теперь это фактически один город, хотя еще сравнительно недавно на его месте было три мегаполиса - Сиэтл, Портленд и Ванкувер, располагавшиеся к тому же в разных странах.

- Ну ладно, я понял, - перебил Геннадий. - Значит, этот ваш Оверсэтч -

просто еще одно онлайн-государство. Но зачем было его создавать? Разве в Сети не хватает виртуальных миров?

Фрагмент замедлил шаг и показал на небо над горизонтом. В реальном мире там не было ничего, но в Ривет Кутюр облака пронзали тонкие шпили огромного собора.

- Существующие онлайн-миры страдают тем же недостатком, что и реальные: они слишком медленно меняются, - сказал он. - Да, порой игроки создают новые карты, но они в большинстве своем так же статичны, как и те, что существовали до них, ибо опираются на реальности не виртуального мира. Этот собор торчит здесь с самого начала игры, и никто не может его убрать, потому что это запрещено правилами управления альтернативной реальностью. В Оверсэтче все иначе. Там здания и улицы строятся и исчезают в течение секунд, потому что этот мир строится на основе динамически обновляемых интернет-карт. Эти последние отражают мир таким, каков он есть, включая происходящие каждую секунду изменения. Вот почему даже с такими громадинами, - Фрагмент хлопнул ладонью по стене небоскреба, мимо которого они проходили, - они справляются на раз.

За углом путникам открылась еще одна узкая, ничем не освещенная аллея, темная и мрачная в обоих мирах - реальном и альтернативном. Фрагмент остановился.

- Ну вот мы на месте, - сказал он спокойно. - Хитченз и его люди не смогли пройти дальше - они заблудились в лабиринте. Я знаю, что вы готовы, - добавил он, поглядев на Миранду. - Вы пробыли в этом мире достаточно долго. Что касается вас, Геннадий... - Фрагмент потер подбородок жестом, который настолько не вязался с подлинным Даниилом Гавриловым, что по спине Малянова снова пробежал холодок. - Могу сказать только одно: вы сможете войти в Оверсэтч только вместе с Мирандой. Без нее у вас ничего не получится, как бы вы ни старались.

И он отступил чуть в сторону, точно ярмарочный зазывала, приглашающий деревенских зевак войти в шатер и полюбоваться на бородатую женщину или еще какую диковину.

- Эта дорога приведет вас в Оверсэтч, - сказал Фрагмент.

В дальнем конце аллеи не было ничего, кроме темноты. Геннадий и Миранда переглянулись, потом - хоть и не рука об руку, но по крайней мере достаточно близко друг к другу - двинулись вперед.

* * *

Геннадий лежал, закрыв глаза и чувствуя, как койка под ним то поднимается, то опускается в такт плавному покачиванию большого корабля. Откуда-то снизу доносился ровный гул мощных машин. За

прошедшие дни Геннадий настолько привык к этому звуку, что почти перестал его замечать. Но не сегодня. Сегодня его отвлекали и тревожили любые мелочи, поэтому, вместо того чтобы спать, он лежал в своей каюте и думал, думал, думал о том, где же он все-таки оказался и что ему нужно сделать.

Трудно было представить, что прошло всего-то полтора месяца с тех пор, как Хитченз предложил ему новый контракт. Задание оказалось настолько странным, что он почти сразу утратил ориентиры - все, на что привык опираться, и плыл по воле волн, причем в последние дни и в буквальном смысле тоже. Даже его финансовые часы, отсчитывавшие время от чека до чека, от счета до счета, дали сбой. Геннадий вообще не думал о деньгах, потому что здесь, в Оверсэтче, они были ему совершенно не нужны.

Здесь, в Оверсэтче... Увы, даже в том, что он, казалось, видел своими глазами, разобраться было невероятно трудно. Это стало ясно ему с той первой ночи, когда они с Мирандой прошли по темной аллее и вдруг обнаружили под ногами бледно светящуюся виртуальную тропинку. Они зашагали по этой тропке, обсуждая поведение Фрагмента, оставшегося у поворота. А потом, когда дорожка внезапно вывела их на освещенные улицы Стокгольма, Миранда исчезла. Точнее, она исчезла физически, хотя виртуально по-прежнему была с ним. Светящаяся тропка, по которой они шли, оказалась двумя дорожками, ведущими в разных направлениях.

Поняв, что случилось, Геннадий круто развернулся, но было поздно. Светящаяся тропка позади погасла, хотя он продолжал отчетливо различать голубое мерцание на тротуаре перед собой.

- Нам нельзя останавливаться, - несколько раз повторила ему Миранда. - По крайней мере я должна двигаться дальше. Ради моего сына.

Геннадию достаточно было просто сорвать АР-очки, и он тотчас вернулся бы в реальный мир, но отчего-то ему вдруг стало неуютно и страшно.

- Твой сын... - проворчал он. - Почему-то ты вспоминаешь о нем только в такие моменты, как сейчас, но никогда ничего о нем не рассказываешь. Другая женщина на твоём месте... Можно подумать, ты ему вовсе не мать.

Миранда долго молчала. Наконец она проговорила, опустив голову:

- Я... я действительно не очень хорошо его знаю. Конечно, это звучит ужасно, но... Его растил и воспитывал отец. Я много раз пыталась подружиться с Джейком, установить хоть какие-то отношения, но вышло так, что общались мы в основном по электронной почте. Однако это вовсе не значит, будто он мне безразличен!

- Понятно. - Геннадий вздохнул. - Извини, ладно?.. Я, собственно, только хотел узнать, что нам теперь делать. Идти дальше? Ничего

другого, похоже, не остается.

И они зашагали вперед. Примерно через полчаса Геннадий оказался в районе, застроенном старыми складами и ветхими, разваливающимися домишками. Голубая дорожка привела их к дверям приземистого кирпичного здания без окон и там погасла.

- Геннадий! - окликнула его виртуальная Миранда. - Моя тропинка уперлась в кирпичную стену.

Прежде чем ответить, Малянов подергал железную дверь, однако та не поддавалась. Чуть выше ручки он разглядел панель кодового замка, а кнопки звонка нигде не было. Тогда он забарабанил в дверь кулаком, но никто не отозвался.

- Ты что-нибудь видишь кроме стены? - спросил он. - Хоть что-нибудь? Некоторое время оба молча озирались, выискивая хоть какой-то намек или подсказку, которая помогла бы решить проблему. Наконец Миранда неуверенно сказала:

- Тут, на стене какие-то каракули...

- Какие? - сердито спросил Геннадий, чувствуя себя полным идиотом.

- Кажется, цифры. Написаны на стене краской из баллончика.

- Продиктуй, - потребовал он. Миранда стала называть цифры, а Геннадий вводил их на дисплей замка. Наконец послышался щелчок, дверь отворилась, а перед Мирандой вспыхнула новая дорожка-указатель.

Лицом к лицу Геннадий встретился с ней только спустя неделю. За это время оба познакомились с десятками игроков-аборигенов, среди которых были и бывший школьный учитель, и целая команда заросших колючей щетиной рыбаков-сквернословов, и разочаровавшиеся во всех и вся программисты, и недоучившиеся студенты. Геннадий с Мирандой даже посетили несколько заводов и ферм этой новой параллельной реальности, которая отстояла так же далеко от Ривет Кутюр, как та - от нормального Стокгольма.

Обитатели Оверсэтча предпочли порвать с обществом и, плюнув на все, удалиться в виртуальный мир. Многие из них отказались от прежнего гражданства, как сделала это сама Миранда, после того как вышла замуж за инженера-механика из Каскадии. Ее муж занимался строительством ветровых электростанций, обеспечивавших Каскадию полную независимость от энергосистем обеих стран, к которым формально относились составлявшие сверхгород мегаполисы. Сама Миранда работала на одной из «вертикальных ферм» - огромном, длиной в целый квартал небоскребе, от первого до последнего этажа приспособленном для выращивания сельскохозяйственной продукции на основе гидропоники и других новейших агротехнических методов. Один такой небоскреб мог прокормить пятьдесят тысяч человек, а он был далеко не единственный. Гигантский сверхгород стремился к полной автономии и самообеспечению, готовясь окончательно

перерезать тонкую пуповину, связывающую его с североамериканской экономикой, и Миранда вполне логично отказалась от американского гражданства. Но в Оверсэтче все было куда серьезнее.

Если раньше Геннадий и Миранда передавали письма и посылки от одного великого герцога Заклепки к другому, то теперь игры стали куда сложнее и запутаннее. В Оверсэтче были своя экономика, свои организации и внутренние правила, однако узловые элементы этого эфемерного мира появлялись и исчезали в течение считанных часов. Реальные учреждения, фирмы, города и страны - все это были аттракторы Оверсэтча. Именно на них была завязана и к ним сходилась вся разнообразная человеческая деятельность, однако в каждый момент времени динамическое воздействие семи миллиардов людей искажало большинство узлов Сети до неузнаваемости. К примеру, Ай-Би-Эм, оставаясь вполне конкретным юридическим лицом, могла в течение дня менять размеры активов, местонахождение и иные свойства. То же самое относилось и к любому другому экономическому или политическому субъекту.

На карте Оверсэтча, в отличие от других игр, были нанесены только аттракторы. Кроме того, это была так называемая «моментальная» карта, постоянно меняющаяся и обновляющаяся на основе непрерывного интернет-анализа, показывавшего, в каком состоянии находится тот или иной действующий субъект в каждый конкретный момент. Эта-то карта и называлась IT 2.0. Геннадий довольно быстро привык к необходимости каждое утро просматривать списки появившихся за ночь новых государств, получавших уникальные, запоминающиеся названия вроде Дональд-Дакии или Брилбинтии. Между этими временными субъектами игроки перемещали значительные финансовые и материальные ресурсы, и если в какой-то части мира день подходил к концу, то в другой он только начинался, так что игровой процесс фактически не прерывался ни на минуту, хотя в каком-то конкретном месте мировой сети игровые искажения могли исчезать. Тогда на карте снова возникали Великобритания, «Гугл» и Евросоюз.

- Все-таки это очень похоже на старую «Дипломатию», - сказала как-то Миранда. - На «Дипломатию», в которой карта мира постоянно меняется.

Когда Геннадий и Миранда не занимались финансовыми проблемами постоянно меняющегося виртуального мира, они сканировали различные предметы и воспроизводили их с помощью 3D-принтеров, ухаживали за садами, разбитыми на крышах, или водили грузовички, доставляя разнообразную продукцию с одной секретной локации на другую. Все, что было нужно для поддержания жизни, производилось вне рамок официальной экономики и, соответственно, не использовало ее ресурсы. Даже электричество, на котором работали грузовички,

поступало с ветровых электростанций, установленных на крышах. Станции были построены с помощью принтеров Оверсэтча, которые, в свою очередь, были созданы другими принтерами. Сырье Оверсэтч добывал, разрабатывая захоронения промышленно-бытовых отходов и получая из них металл и редкоземельные элементы. Тарелки микроволновых антенн передавали и принимали закодированную информацию - официальными информационными сетями и каналами Оверсэтч не пользовался. Эти автономные системы охватывали фактически весь мир, а не только Стокгольм.

Примерно через неделю пребывания в Оверсэтче Геннадий понял, что гораздо проще и дешевле селиться не в отеле, а в одной из квартир, находившихся, как и всё в этом виртуальном мире, в самых неожиданных местах. Геннадий и Миранда выбрали район Гутенбург на западном побережье, где им предложили роскошное жилье в переоборудованных судовых контейнерах, складированных близ доков. Контейнеры хорошо отапливались и снабжались электричеством, в каждом имелись устройства спутниковой связи и шестидесятидюймовые телевизоры - разумеется, также сделанные в Оверсэтче.

Как-то утром Геннадий отправился в стокгольмское кафе, где у него была назначена встреча с Хитчензом, и попытался описать ему свою теперешнюю жизнь. Детектив казался очень довольным.

- Это великолепно, мистер Малянов, просто великолепно! - сказал он и тотчас принялся строить планы, как они организуют облаву, схватят преступников с поличным и одним ударом прихлопнут всю сеть. Геннадий смотрел на него во все глаза, потом спросил с нарочитым славянским акцентом:

- Может быть, я еще не совсем проснулся, но мне кажется, эти люди пока что не сделали ничего плохого. Или я ошибаюсь?

Хитченз поперхнулся, и Геннадий, отбросив сарказм, поспешил объяснить, что граждане Оверсэтча действительно не совершают ничего такого, что противоречило бы шведскому законодательству. Напротив, они старательно придерживаются если не духа, то буквы местных законов, отринув только национальную и региональную экономику, а вместе с ней - само общество потребления. Деньги для оплаты услуг так называемого «реального мира» они берут из абсолютно легальных источников - своих реальных доходов от акций и недвижимости. Все дело в том, говорил Геннадий, что на самом деле гражданам Оверсэтча не нужны ни деньги, ни акции и они вкладывают свои капиталы в традиционную экономику только затем, чтобы их оставили в покое.

- Кроме того, - добавил он, - Оверсэтч расплодился по всему миру словно какая-нибудь транснациональная корпорация. Миранда и я обычно работаем вместе, но с географической точки зрения мы

находимся довольно далеко друг от друга. И большинство операций, которые осуществляет Оверсэтч, носит именно такой характер, а устроить облаву на всем земном шаре вы вряд ли сможете.

- Если они хотят, чтобы их оставили в покое, зачем тогда им понадобился плутоний? - с вызовом спросил Хитченз.

Геннадий пожал плечами.

- Я пока не обнаружил никаких признаков того, что за этой контрабандной операцией стоит Оверсэтч. Посылки, которые отправляют друг другу игроки, даже не запечатываются - я специально проверил. Кроме того, я ни на минуту не расстаюсь со счетчиком Гейгера. Тот, кто транспортирует плутоний, скорее, воспользуется возможностями Ривет Кутюр. Вот там все письма и посылки надежно опечатаны, да и конспирация на уровне.

Хитченз задумчиво побарабанил пальцами по столу, покрытому желтой скатертью, потом спросил:

- В таком случае, во что, черт побери, играет Фрагмент?

От этих слов Геннадию стало не по себе. Вопрос подразумевал, что Хитченз об этом почти не думал или думал очень мало. Что же это за профессионалы, спросил себя Геннадий, если они до такой степени доверяют пойманному с поличным преступнику, который к тому же наверняка является неизвестно чьим двойным агентом?

- Мне кажется, - сказал он Хитчензу, - что Оверсэтч не конечный пункт нашего путешествия. Помните, Фрагмент упомянул, что бежал из какого-то виртуального мира, который он назвал «далекой Силенией»? Я думаю, он постарается доставить нас туда.

Хитченз нервным движением провел ладонью по своему гладко выбритому черепу.

- Но почему он просто не сказал нам, где находится это дурацкое место?

- Потому что это не «место» в прямом смысле слова, - ответил Геннадий, - а сетевой протокол.

Он попытался объяснить детективу, что, собственно, имеет в виду, но, кажется, не слишком преуспел. Зато возвращаясь в свой дом в доках, Геннадий вдруг понял, что ему самому многое стало ясно. Теперь он знал, что такое Оверсэтч, хотя несколько недель назад просто не смог бы этого понять. Вместе с тем бессмысленные и бездумные отношения, которые он помнил по так называемому «реальному миру», казались ему все более и более сюрреалистичными. Зачем, спрашивал он себя, люди каждый день появляются в один и тот же час на одном и том же рабочем месте, если количество телодвижений, необходимых для того, чтобы успешно продать их профессиональные навыки, свелось практически к нулю? Ведь уже создан механизм, позволяющий с максимальной эффективностью распределять и использовать человеческие способности и таланты, и все же люди продолжают

загонять себя в прокрустово ложе контрактов и трудовых договоров. Эти рамки - совсем как формальные города и страны - превратились в реликты грубого и примитивного прошлого.

Геннадий почти добрался до порта, когда его очки негромко пискнули. На рабочем столе появился небольшой значок с поясняющей надписью: «Входящий звонок, вызывает Лейн Хитченз». Геннадий прижал палец к уху.

- Да?

- Малянов, это Хитченз. У меня есть новости, только что поступили. Нам удалось проследить несколько посылок с плутонием, которые перевозились через Ривет Кутюр. Похоже, сейчас все они сосредоточены в одном месте для переброски через океан.

Геннадий встал как вкопанный.

- Что-то я ничего не понимаю, - пробормотал он. - Вы, кажется, говорили, что груз специально дробят на мелкие партии, чтобы их не засекли в аэропортах, на вокзалах, в морских портах, и что этот метод отлично работает. Зачем же теперь рисковать, собирая все контрабандные материалы в одном месте?

- Возможно, злоумышленники почувствовали слезку и решились на этот шаг, чтобы успеть доставить груз получателю, прежде чем мы его перехватим, - объяснил Хитченз. - Нам известно, где сейчас находится плутоний. Он на борту контейнеровоза «Акира», пришвартованного примерно в километре от вашей чудной деревеньки. И мне почему-то кажется, что это не простое совпадение.

Так вот что означает расхожее клише «реальность грубо и бесцеремонно ворвалась в его возвышенные мечтания», подумал Геннадий.

- Да, - сказал он, - вряд ли это совпадение. И что теперь? Полицейский рейд? Облава?

- Нет. Нам нужен покупатель - конечное звено цепочки. Для этого необходимо проследить за контейнером. «Акира» идет в Ванкувер. Канадская королевская конная полиция выяснит, кто за ним явится.

- А канадская полиция имеет право действовать в Ванкувере? - усомнился Геннадий. - Ведь теперь этот город является частью Каскадии.

- Не говорите глупости, мистер Малянов! - рассмеялся Хитченз. - Как бы там ни было, вам, похоже, больше не нужно гоняться за этой самой Силенией. Совсем скоро вы вернетесь в реальный мир. Пока дело не закрыто, мы включим вас в состав следственной группы, но это будет уже чисто кабинетная работа. Не беспокойтесь, она неплохо оплачивается, да и парни в группе совершенно нормальные.

- Спасибо.

Евро... - подумал Геннадий. Евро ему пригодятся.

Хитченз дал отбой. Ничто не мешало Геннадию развернуться и

покинуть район порта. Больше того, с чистой совестью сорвать АР-очки и прямо сейчас отправиться за гонораром в местную штаб-квартиру МАГАТЭ, но почему-то он этого не сделал. Вместо этого Геннадий продолжал идти туда, где темнела громада составленных друг на друга судовых контейнеров, убеждая себя, что ему нужно лично рассказать Миранде последние новости, после чего они вместе покинут Оверсэтч.

Однако она никуда не уйдет. Не захочет уйти. Это для него работа закончена, но не для нее. Миранда останется в виртуальном мире и будет искать следы пропавшего ребенка. Сына, с которым она всю жизнь общалась главным образом по электронной почте. А бросить ее он не мог. Хотя, если он все же уйдет, Миранда тоже не сможет остаться... Геннадий не знал этого наверняка, но подозревал, что так и будет.

Размышляя обо всем этом, он толкнул дверь одного из контейнеров, на вид точно такого же, как соседние, и прошел по длинному, хорошо освещенному коридору к другой двери, прорезанной в дальней стене. За ней начиналась целая система лестниц, переходов и холлов, позволявших перемещаться внутри штабеля контейнеров во всех направлениях. Навстречу ему попались двое коллег; Геннадий приветливо помахал им рукой и поднялся по легкой углеволоконной лестнице в просторную гостиную - еще один контейнер.

В одном из кожаных кресел небрежно развалился Фрагмент. Он о чем-то болтал с Мирандой, опиравшейся на барную стойку.

- Как ваши дела? - спросил Фрагмент после дружеских приветствий. - Освоились наконец?

Геннадий улыбнулся.

- Вполне, - ответил он.

- Как насчет перехода на следующий уровень?

Геннадий сделал несколько осторожных шажков к свободному креслу, но не сел, а встал за его высокой спинкой.

- Что ты имеешь в виду?

Фрагмент слегка подался вперед.

- Портал в Силению вот-вот откроется, - сказал он. - И мы трое сможем через него пройти, но это нужно будет сделать сегодня ночью.

- Мы трое? - переспросил Геннадий и нахмурился. - Ты же говорил, что сам из Силении!

- Да, я оттуда, но сейчас я не в ней, - сказал сираноид. - И мне нужно туда вернуться - для этого у меня есть свои причины. Миранда хочет найти сына, вы ищите свой плутоний. Каждый оказывается в выигрыше, разве не так?

Геннадий решил не говорить ему, что плутоний уже найден.

- И что для этого необходимо? - спросил он.

- Ничего. - Фрагмент прижал кончики пальцев друг к другу и посмотрел на Геннадия поверх них. - Просто вам надлежит быть в вашей комнате

в два часа ночи. И не забудьте закрыть дверь как можно плотнее.

Выдав эти загадочные указания, Фрагмент произнес еще несколько ничего не значащих вежливых фраз и откланялся. Миранда пошла его проводить. Спустя какое-то время она вернулась.

- Что с тобой? - спросила она, и Геннадий только теперь осознал, что все еще стоит за креслом, вцепившись пальцами в спинку.

- Хитченз и его люди нашли плутоний, - выпалил он.

На мгновение глаза Миранды удивленно расширились, но почти сразу она опустила взгляд.

- Значит, теперь ты... выйдешь из игры?

Геннадий сделал над собой усилие и, обогнув кресло, опустился на сиденье.

- Не думаю, - сказал он. - Мне не хочется оставлять тебя одну. Кто знает, какая она - эта Силения.

- О, мой верный отважный рыцарь!.. - Миранда усмехнулась, но Геннадий по глазам видел, что она рада.

- Дело не только в этом, - сказал он, нервно сплетая и расплетая пальцы. - Просто я впервые в жизни участвую в проекте, который имеет в виду создание чего-то нового. Раньше я только и делал, что убирал мусор, оставленный предыдущими поколениями. Чернобыль, Хэнфорд, Напервилль и прочие большие и маленькие катастрофы... На все, что могло предложить общество потребления, на кино, телевидение, игры у меня просто не было времени. Ну, за исключением игр... Но я никогда ничего не покупал, никаких товаров, а вся наша цивилизация выстроена именно на товарах, на вещах. Нет, я, конечно, никогда не принадлежал к радикалам-энвайронменталистам, к этим, как их... «зеленым», никогда не выступал за «возврат к земле», потому что на планете больше не осталось земли, куда можно вернуться, не подвергая себя той или иной опасности, если только не провести сначала сложные мероприятия по дезактивации, рекультивации и так далее. Иными словами, я много лет жил в преддверии ада и даже не понимал этого. - Миранда наконец подняла голову, и Геннадий заглянул ей в глаза. - В Оверсэтче происходит много всего, - произнес он. - Это ведь не просто сложная игра в уклонение от налогов, не так ли? Те, кто в ней участвует, как бы утверждают, что в одном и том же месте в один и тот же миг могут одновременно существовать несколько миров. И человек способен покинуть свое XXI столетие, если оно ему надоело, и при этом не стать фермером или живущим в глуши бродягой. А самое главное, они действительно строят эти параллельные миры.

- Оверсэтч - первый из них, но, по-видимому, не последний, - согласилась Миранда. - Наверное, Силения чем-то похожа на него, только более замкнута, более автономна. Мир внутри другого мира. - Она покачала головой. - Я долго не могла понять, почему Джейк

отправился именно туда... Впрочем, он всегда был немного похож на тебя: Джейк тоже не чувствовал привязанности к этому миру и не искал легких путей. То есть я хочу сказать: он никогда бы не вступил ни в какую секту. Я вообще не представляю его себе сколько-нибудь религиозным человеком...

Геннадий огляделся по сторонам.

- Ты считаешь, что Оверсэтч построен на вере, на каких-то религиозно-сектантских принципах?

- От нас никто не требовал верить, - возразила Миранда. - Перед нами просто распахивали двери, одну за другой. - Она улыбнулась. - Неужели тебе ни капельки не интересно, что находится там, с другой стороны?

Геннадий ничего не ответил, но в два пополуночи он сидел в своей комнате за надежно закрытой дверью. Сначала он пытался читать, потом слушать музыку, но скоро бросил и стал просто ждать. Время тянулось невообразимо медленно, и с каждой секундой Геннадий все меньше и меньше верил в то, что сегодня что-то произойдет.

Когда по крыше его контейнера загрохотало, Геннадий вскочил и метнулся к двери, но было уже поздно. Пол под ногами раскачивался, и он почувствовал приступ морской болезни. Грузовой контейнер явно поднимался, и не успел Геннадий приспособиться к качке, как невидимый портовый кран с лязгом опустил его в трюм.

Дверь его комнаты-контейнера оказалась заперта снаружи. Когда много часов спустя засовы открыли, Геннадий уже почти примирился с мыслью о смерти от голода или недостатка воздуха. Контейнеровоз «Акира» двинулся в путь, а он прилег на койку и, закрыв глаза, начал прислушиваться к мерному покачиванию судна. Темнота под опущенными веками казалась Геннадию своего рода личным аттрактором, в который ему хотелось погрузиться хотя бы на время.

Потом рядом с койкой раздался пронзительный электронный писк, и Геннадий, чертыхнувшись вполголоса, потянулся к очкам. Секунду или две он колебался, потом снова выругался и надел прибор. В тот же миг вокруг него появился Оверсэтч - огромный, мерцающий огнями город, ясно различимый даже сквозь стенки транспортного контейнера. Сегодняшняя карта виртуального мира оказалась очень многолюдной, и Геннадий мысленно решил выяснить почему, но несколько погодя. Пока же он включил фильтры, отсекающие лишние детали. Когда от Оверсэтча остались только мягкое мерцание и негромкий шум, он поднялся и вышел из комнаты.

Его «пакет», как называли в Оверсэтче приспособленные под жилье контейнеры, был лишь одним из множества, погруженных на борт «Акиры». В большинстве «пакетов» были невидимые снаружи двери, поэтому когда их составляли в ряд, человек мог перебираться из одного контейнера в другие, не выходя на палубу. Ряд, в который

попал «пакет» Геннадия, состоял из десяти контейнеров. Выше и ниже располагались другие уровни, перебраться на которые можно было через специальные люки в полах и потолках.

Он не сомневался, что жилые «пакеты» будут выгружены в порту назначения наравне с легальным грузом. Как правило, игроки Оверсэтча старались избегать незаконных операций, но Геннадий понимал, что перебазирование «пакетов» с людьми потребовало взлома и основательной перекройки мировой компьютерной сети контейнерных перевозок. Официально контейнеров из Оверсэтча в реальном мире просто не существовало. Однако на самом деле такие «пакеты» с жильцами внутри кочевали по всему миру; выгруженные из трюма одного судна, они рано или поздно оказывались на борту другого, чтобы, подобно информационным пакетам в интернете, отправиться куда-то еще. Конечного пункта назначения они никогда не достигали. Находясь в постоянном движении, жилые «пакеты» все время перетасовывались, то образуя временные жилые комплексы, подобные тому, в котором оказался сейчас Геннадий, то рассыпаясь, чтобы спустя какое-то время сложиться в новую комбинацию. Все их множество составляло столицу Оверсэтча - огромный город, который тоже постоянно менялся. При этом, как подозревал Геннадий, большинство составляющих его «пакетов» находилось в международных водах.

Контейнер, в котором был спрятан украденный плутоний, не входил в жилой комплекс, образовавшийся на борту «Акиры», хотя и находился в том же штабеле. Все дело в том, что в него нельзя было попасть из жилых помещений. В него вообще никак нельзя было попасть. Геннадий убедился в этом в первую же ночь, когда, выбравшись на палубу, тайком осмотрел груз. Контейнер с контрабандой стоял почти на самом верху штабеля, в десятке метров над палубой, и Геннадию потребовалось почти полчаса, чтобы - со всеми предосторожностями - вскарабкаться на эту верхотуру. Когда он оказался наконец возле контейнера, сердце его отчаянно стучало - не столько от усилий, сколько от страха. Вдруг он сорвется? Вдруг подует ветер и начнется качка? Он взял себя в руки и осмотрел контейнер. Двери были заперты и опечатаны, как, впрочем, и у всех соседних контейнеров, на ригелях которых болтались обычные инспекционные пломбы, - контейнеры были пусты.

Больше Геннадий вверх не поднимался, но за контейнером с плутонием приглядывал.

Исследуя лабиринт жилых «пакетов», он обнаружил столовые, гостиные, химические туалеты и даже места для работы. Несколько шведов ехали в Канаду в отпуск; увидев Геннадия, они окликнули его по имени и призывно замахали руками - похоже, отпускники успели немного выпить. Геннадий приветливо улыбнулся в ответ, но прошел

мимо. Остальные замеченные им люди молча сидели в комфортабельных компьютерных креслах; они работали и не обратили на него внимания.

Рабочее место Миранды рядом с компьютерным терминалом Геннадия пустовало. В комнате вообще никого не оказалось, кроме какой-то женщины, которая, потягивая баночное пиво, оживленно беседовала с голой стеной. Судя по всему, она управляла своим сираноидом, и сейчас кто-то где-то копировал ее жесты и повторял произнесенные ею слова. Глядя на нее, Геннадий вспомнил, как они с Мирандой побывали на автовокзале в Чикаго. Не во плоти, разумеется. Оба управляли каждый своим сираноидом, но у Миранды это получалось не в пример лучше. Правда, большую часть технической работы выполняла сама система; она считывала в инфракрасном диапазоне его жесты, движения пальцев и даже мимических мускулов и передавала соответствующие команды, преобразованные в нервные импульсы, человеку на другом конце виртуального моста. В этом отношении управлять сираноидом-марионеткой лишь немногим сложнее, чем персонажем в обычной компьютерной игре, благо физические возможности сираноида позволяли в точности копировать любые жесты «наездника». Сложность заключалась в другом: Геннадию то и дело приходилось знакомиться и разговаривать с новыми людьми, и хотя телесно он находился в сотнях миль от точки контакта, у него каждый раз начинало сосать под ложечкой, а к горлу подкатывала тошнота.

На автовокзале Геннадий и Миранда занимались тем же, чем от века занимаются сутенеры, проповедники-вербовщики и сексуальные маньяки всех мастей - они высматривали сходящих с рейсовых автобусов одиноких молодых людей и девушек. Их можно было без особого труда узнать по походке и выражению лица, по потерянному взгляду, в котором Геннадий читал страх перед большим чужим городом.

Сираноиды, которыми управляли Геннадий и Миранда, выглядели весьма и весьма прилично, даже респектабельно. Вместе или по отдельности они подходили к этим молодым людям и предлагали им работу. Оверсэтч набирал новых игроков.

Результаты можно было назвать поразительными. Возьмите восемнадцатилетнего закомплексованного юношу или девушку из глухой провинции, не обладающих никакими профессиональными навыками и полезными знакомствами, растолкуйте ему или ей, что такое сираноид, оденьте в приличный костюм и отправьте в деловой центр большого города. В различные дни ими будут управлять самые разные люди - опытный аудитор, частный сыщик, успешный торговец или архитектор. Им придется бывать на совещаниях, писать отчеты и участвовать в переговорах, зачастую меняя личности прямо в процессе

переезда из офиса в офис. И так много-много раз, изо дня в день. Все, что требовалось от сираноида-марионетки, - это повторять слова, которые нашептывал ему «наездник», и исполнять команды, продиктованные сенсорно-тактильным интерфейсом. Управляющие сираноидами профессионалы могли таким образом создавать собственные сервисные сети, обеспечивающие их ежедневное личное участие в делах и проектах, разбросанных по городам и странам. Сираноиды тоже извлекали пользу из процесса: путем простых наблюдений они могли набраться опыта и получить полезные знания, касающиеся бизнеса или государственного управления. Со временем у Геннадия тоже появилась собственная сеть, через которую он мог регулярно проверять все существующие на планете хранилища ядерных отходов.

Молодым людям нужны были знания и дипломы, поэтому Оверсэтч спонсировал их учебу в колледжах и университетах. Геннадий «седлал» своих студентов, когда те бывали свободны от занятий, и отправлял в офисы хранилищ как представителей официальной, зарегистрированной под его собственным именем консультационной фирмы. Его фамилия в профессиональных кругах имела вес, поэтому всех его подопечных (шестерых юношей и трех девушек) охотно вводили в курс дел. Управляемые Геннадием, они отыскивали узкие места и подсказывали способы решения проблем. Совсем скоро из них должны были получиться квалифицированные специалисты, которые без труда найдут высокооплачиваемую работу в частных или правительственных структурах.

Едва он приготовился вызвать своих студентов, как «Акира» неожиданно вздрогнул. Толчок был слабым, но чтобы потряхнуть огромный контейнеровоз, требовалась, по прикидке Геннадия, немалая энергия.

Только теперь Геннадий заметил, что комната слегка раскачивается. «Акиру» редко болтало: во-первых, из-за его огромных размеров, а во-вторых, из-за установленной на борту системы гироскопов-стабилизаторов. Похоже, снаружи разыгрался нешуточный шторм.

- Вы заметили? - спросил Геннадий у женщины рядом. - Кажется, начинает качать...

- Что-что? - переспросила та и повернулась, нажав кнопку «пауза» на панели рабочей станции.

- Нет, ничего, - быстро ответил он и вызвал программу-перехватчик, которая, в свою очередь, вывела на экран координаты судна и техническую информацию. «Акира» шел Чукотским морем, по правому борту была Россия, по левому - Аляска. Северный полюс Геннадий проспал; впрочем, океан был затянут туманом, так что смотреть там было особенно не на что. Волнение действительно разыгралось: со стороны Восточно-Сибирского моря шел сильный шторм, и на видео

были отчетливо видны и свинцово-черные тучи, и высокие, с белыми шапками волны. Удивительно, как он не почувствовал качку раньше. Переговоры по внутренней связи, которые Геннадий тоже не поленился послушать, были сдержанными, но тревоги никто не выказывал. Похоже, подобные штормы случались на освобожденных ото льда арктических судоходных линиях регулярно. Судя по реакции экипажа, непогоды ждали, и могучее судно было способно пройти прямо сквозь шторм.

Геннадий подумал, что после сеанса работы со студентами непременно выйдет на палубу и полюбуется ураганом, но не успел он устроиться поудобнее, как в комнату ворвалась Миранда. Она бросилась к нему, собираясь схватить за руки, однако опомнилась.

- Ты... работаешь? - спросила она.

- Нет, только собирался.

Миранда взяла его за руку и рывком заставила подняться.

- Я видела его, Геннадий! Видела! Я узнала Джейка.

Палуба у них под ногами сильно накренилась, потом плавно выровнялась, и оба машинально схватились за стену.

- Ты видела сына? Здесь?!

Миранда отрицательно качнула головой.

- Не здесь. И, строго говоря, не совсем видела. Я хочу сказать... В общем, давай сядем, и я все тебе расскажу.

Они выбрали свободные кресла подальше от работавшей женщины. Контейнер был довольно узким, и их колени почти соприкасались. Наклонившись вперед, Миранда сцепила руки перед собой и ослепительно улыбнулась.

- Это было в Сан-Паулу, - сказала она. - Я, кажется, как-то говорила тебе, что Оверсэтч поощряет участие в международных научно-практических конференциях. В этот раз я использовала местного сираноида, чтобы побывать на симпозиуме по проблеме исчезновения дождевых лесов. Человек десять моих англоговорящих коллег собрались на отдельное заседание, чтобы обсудить кое-что между собой... Некоторых я знала, но мне, разумеется, приходилось делать вид, будто я свежее испеченный доктор наук из Бразилии... то есть это мой сираноид был доктором, который недавно защитил диссертацию и решил заняться самостоятельными исследованиями... Однако дело не в этом. Главное, что меня там никто не мог узнать. Среди коллег был молодой человек - я его видела впервые, но каждый раз, когда он начинал говорить, у меня появлялось странное чувство... В том, как он говорил, какие слова выбирал, как при этом жестикулировал, было что-то очень знакомое. Я заметила, что и он обратил на меня внимание, то есть не на меня, конечно, а на этого бразильца... Примерно через полчаса после того, как началось наше заседание, он пристально на меня посмотрел, а потом начал что-то медленно писать в блокноте,

который был у него в руках. Блокнот, конечно, заметили все: в конце концов, это было очень несовременно - пользоваться бумажным блокнотом и ручкой, но никто, естественно, ничего не сказал. А в конце заседания, когда все уже вставали, он снова посмотрел на меня, этак со значением, потом вырвал из блокнота листок, скатал в комочек и бросил в урну у двери. В холле, куда мы вышли, было очень много народа, и я потеряла его в толпе, зато никто не помешал мне вернуться и достать из урны записку.

- И что в ней было? - спросил Геннадий.

К его огромному удивлению, Миранда вдруг сняла свои AR-очки, и Геннадий, немного поколебавшись, сделал то же. Опасливо оглядевшись, Миранда протянула ему свою электронную книгу, которую он не видел с того дня, когда они встретились в первый раз.

- Записка у меня здесь, - прошептала она. - Я не стала пользоваться очками на случай, если за нами следят. Цифровой снимок я сделала, конечно, через своего бразильского сираноида, но оригинал я удалила из памяти AR-очков сразу после того, как загрузила копию. Вот, смотри...

Геннадий взглянул на экран. На фотографии четкими, крупными буквами значилось:

«Силения. 64° 58' С. ш., 168° 58' З. д.».

Ниже в записке был нарисован крошечный человечек - спичечные ножки, спичечное туловище, кружок вместо головы. Одна тонкая рука была поднята в приветственном жесте.

- Вот... - сказала Миранда, показывая на смешную фигурку. - Таких человечков Джейк любил рисовать в детстве. Я узнала бы его рисунок из тысячи.

- Ты предполагаешь, что Джейк управлял сираноидом, участвовавшим в вашем заседании? - Геннадий откинулся на спинку кресла и задумался. - Дай-ка я кое-что проверю... - Он снова надел очки и вызвал на экран информацию с навигационного комплекса «Акиры». - Если цифры в записке - широта и долгота, в чем сомневаться не приходится, то как раз в этой точке мы сейчас и находимся.

Миранда нахмурилась.

- Ничего не понимаю. Неужели Силения под водой? Но ведь это невозможно!

Геннадий резко поднялся.

- Я думаю, Джейк имел в виду кое-что другое. Идем.

Пока они разговаривали, качка сделалась сильнее. Геннадия и Миранду бросало от стены к стене, пока они, словно пьяницы, двигались к выходу из комнаты и шли по длинному коридору, соединявшему ряд контейнеров. По пути им встретились несколько человек, которые, оставив рабочие места, возвращались в свои комнаты. Даже жизнерадостные шведы прервали свою вечеринку и

теперь пытались попасть к себе. Их лица на глазах приобретали зеленоватый оттенок.

- Я каждый день проверял наш опасный груз, - сказал Геннадий, когда они остались в коридоре одни. - Пока все на месте. Пунктом назначения заявлен Ванкувер, но, как сказал мне Хитченз, там «Акиру» будет встречать отряд канадской полиции. Вот я и подумал, не попытаются ли злоумышленники разгрузиться по дороге, до того как наше судно попадет в порт?

- А что, это не исключено... - Миранда почти кричала: она немного отстала, к тому же далекий шум и грохот волн стали сильнее.

- На самом деле исключено, - решительно возразил Геннадий. - Контейнер с плутонием опечатан и находится почти наверху нашего штабеля - там, где составлены пустые контейнеры. Почти наверху, но не на самом верху, так что даже если бы над «Акирой» появился Джеймс Бонд на «летающем кране», ему вряд ли удалось бы зацепить контейнер и увезти с собой.

Коридор заканчивался лестницей. Геннадий стал подниматься по ступенькам, Миранда, запыхавшись, торопилась следом.

- Может, там есть потайная дверь? Ну, как в наших жилых «пакетах»? - предположила она. - Если так, то не ведет ли эта дверь в соседние контейнеры?

- Я думал об этом, - мрачно согласился Геннадий. Он поднялся еще на один пролет и оказался в пустом контейнере, который выглядел бы как самая обычная емкость для перевозки грузов, если бы не люк и лестница в полу. Света здесь не было, если не считать пары светодиодов на стене. В почти полной темноте Геннадий двинулся вперед, вытянув перед собой руки. Шум волн и вой ветра превратились в оглушительный рев, раздававшийся, казалось, со всех сторон одновременно.

- В твоей гипотезе есть один изъян, - проговорил он, нащупывая внутреннюю защелку переделанной двери контейнера. - Она не объясняет, почему пустые контейнеры поставили на самый верх, на контейнер с контрабандным плутонием. - Он отодвинул засов.

- Постой, меня вызывают... - сказала Миранда. - Это ты?!.. - услышал Геннадий ее удивленное восклицание. - Где ты? - Ее дальнейшие слова заглушил рев бури.

Косой дождь полосовал мокрые бока грузовых контейнеров, угольно-черные грозовые облака висели так низко, что казалось, будто они отскакивают от верхушек волн, словно пущенные ловкой рукой плоские камешки. В темноте не было видно почти ничего, кроме этих облаков, волн, дождя и мокрых металлических поверхностей, озаряемых непрерывными вспышками молний. При одной такой вспышке Геннадий разглядел черную водяную гору, которая, казалось, валилась прямо на корабль. Потом трепещущий электрический свет погас, а

«Акира» так подпрыгнул, что Геннадий едва не свалился на палубу, и лишь в последний момент ему удалось уцепиться за поручень трапа. Подняв голову, Геннадий увидел, что верхние контейнеры опасно раскачиваются.

Из-за темноты и непрерывного грохота он почти ничего не слышал и мало что мог рассмотреть. Поэтому надел очки и подключился к судовым камерам видеонаблюдения.

Ему повезло. Одна из камер смотрела на грузовые трюмы, где были составлены контейнеры. Углы нескольких штабелей выглядели какими-то неровными, но в чем дело, Геннадий понял не сразу.

Он снял очки и спрятал в карман, потом вставил в уши горошины наушников.

- Геннадий, ты где? - тотчас услышал он встревоженный голос Миранды. - Зачем ты отключился от онлайна?

- Я здесь, - отозвался Геннадий. - Как я говорил, должна быть причина, по которой пустые контейнеры оказались на самом верху, выше контейнера с плутонием. И дело здесь не только в правильном распределении груза. Я узнал, что ежегодно во время сильных штормов в море падает с судов около пятнадцати тысяч контейнеров. И большинство из них, разумеется, пустые.

- Но не этот... - пробормотала Миранда. Геннадий к этому времени перебрался на палубу и стоял, держась за леер, совсем рядом с раскачивающимся штабелем контейнеров. Оглянувшись, он увидел, что Миранда идет по трапу следом за ним - правда, до нее было еще метров пять или больше.

Очередная вспышка молнии на мгновение осветила судно, и Геннадий заметил скрюченную человеческую фигуру там, где никого не должно быть. Тем более в шторм.

- Ты видела?! - Он дождался, пока Миранда спустится поближе, и протянул руку, чтобы помочь ей перебраться на палубу. Оба давно промокли насквозь, а вода была страшно холодной. Крупные капли дрожали и на очках Миранды, и Геннадий мимолетно подумал: почему же она их не снимет.

Губы Миранды шевельнулись.

- Видела что? - услышал он в наушниках. Разговаривать без них в таком шуме было почти невозможно.

- Там, на верхушке одного из штабелей, человек, - сказал Геннадий, пытаясь говорить спокойно. Кричать не имело смысла, коль скоро они все равно общались по интернет-связи. - Я уверен, что не ошибся, - добавил он.

- И это, конечно, тот самый штабель, где находится контейнер с плутонием? - догадалась Миранда.

Геннадий кивнул в ответ, и они осторожно двинулись дальше. До подозрительного объекта оставалось совсем немного, когда «Акира»

накренился особенно сильно, и Геннадий увидел над головой яркие оранжевые вспышки. Звука он не услышал, потому что как раз в этот момент молния заплясала у верхушки одной из корабельных мачт, и тут же грянул оглушительный гром. Палуба продолжала крениться, темная вода бурлила уже совсем близко от борта. В следующую секунду Геннадий увидел, как верхние контейнеры в штабеле поползли и один за другим посыпались в море, кувыряясь, как спичечные коробки. Тяжелые контейнеры с легкостью снесли фальшборт и выломали изрядный кусок палубы не далее чем в десятке метров от того места, где стояли Геннадий и Миранда.

- Назад! - Геннадий подтолкнул женщину в сторону надстройки, но она упрямо покачала головой и еще крепче вцепилась в леер. Геннадий выругался. Контейнеровоз тем временем выровнялся, потом начал крениться в противоположную сторону.

Один контейнер зацепился углом за планшир и теперь поворачивался вокруг своей оси, скрежеща и высекая из палубы искры. В конце концов сталь не выдержала, и контейнер свалился за борт. Контейнеры в других штабелях держались; Геннадий отметил, что они почти не раскачиваются. Похоже, чтобы сбросить их в море, нужен шторм посильнее.

Обогнув частично рассыпавшийся штабель, Геннадий вышел к другому трапу. При очередной вспышке он увидел человеческую фигуру. Должно быть, кто-то из команды, подумалось ему.

- Рад видеть вас, Геннадий, - поздоровался Фрагмент. На нем были желтая пластиковая каска и страховочный пояс, надетый поверх матросского прорезиненного дождевика. АР-очки Фрагмента были сплошь в водяных каплях, как у Миранды.

- На палубе сейчас довольно опасно, - заметил Фрагмент, делая шаг навстречу. - Мне-то все равно, поскольку мною хорошо управляют.

Снова полыхнула молния, и Геннадий увидел у него за спиной небольшой черный рюкзак.

- Ты не из Силении, - сказал он уверенно. - Мне кажется, ты работаешь на кого-то другого. На кого?

- Не доверяй ему! - вставила Миранда. - Он на стороне санотики.

Фрагмент покачал головой.

- Силении нужен плутоний, - сказал он. - Для новых реакторов. Уверю вас, он будет использован исключительно в мирных целях. Проблема в том, что официальные аттракторы не признают виртуальные государства. Мы никогда не смогли бы купить плутоний на законных основаниях.

Геннадий кивнул.

- Контейнеры были специально уложены таким образом, чтобы в нужный момент их можно было легко отправить за борт. Шторм начался весьма кстати, но я не сомневаюсь: наверху были

установлены специальные пиропатроны, которые сбросили бы контейнеры в воду даже в тихую погоду. Все это должно было произойти автоматически, но ты зачем-то забрался на штабель...

- Ну и что? - Фрагмент поправил рюкзак.

- Ты открыл контейнер, - сказал Геннадий, - и забрал плутоний. Он сейчас здесь. - И показал на рюкзак. - Следовательно, ты действуешь не в интересах Силении.

- Так и есть! - Миранда кивнула и положила руку Геннадию на плечо. - Он охотился за плутонием с самого начала, - прокричала она. - Фрагмент использовал нас, чтобы узнать, где он находится, и забрать. Он на стороне санотики!

Лицо Гаврилова ничего не выражало. Впрочем, отчасти его по-прежнему скрывали большие АР-очки, которые заливала вода.

- И зачем, по-вашему, я столько времени ждал? - спросил он. - Почему не забрал плутоний раньше?

- Ты догадался, что за контейнером следят. Готов спорить на что угодно: ты заранее продумал, как отправить плутоний за борт, снабдив его особым радиомаяком - не тем, который установлен на контейнере, предназначавшемся для Силении. Твой рюкзачок наверняка устроен так, чтобы плавать в десятке метров под водой в ожидании, пока его заберут.

Фрагмент отшвырнул в сторону бухту тонкого троса, которую держал в руке, и потянулся к горлу Геннадия. Тот легко уклонился, сделав короткий шаг в сторону, и быстрым движением сорвал с Гаврилова очки. Сираноид пошатнулся, словно оглушенный сильным ударом, и Геннадий, воспользовавшись замешательством, выдернул наушники из его ушей.

В свете молнии он впервые увидел глаза Даниила. Маленькие и темные, они растерянно метались из стороны в сторону. Сираноид проговорил что-то... потом прижал ладони к ушам и издал вопль, полный отчаяния и страха.

Геннадий метнулся вперед, собираясь схватить Гаврилова за руку, но промахнулся. Его пальцы поймали только плотную ткань рюкзака. Рюкзак соскользнул, Гаврилов вывернулся из лямок и развернулся, однако не удержал равновесия и, оступившись, полетел за борт.

Геннадий невольно вскрикнул; его крику вторил отчаянный вопль Миранды. Оба бросились к борту, но в темноте внизу ничего нельзя было рассмотреть, кроме бушующих пенных водоворотов.

- Все кончено. Он погиб, - произнесла Миранда неожиданно спокойным голосом.

- Надо хотя бы попытаться его спасти! - прокричал Геннадий, бросаясь к ближайшей переговорной трубке, установленной под прозрачным водонепроницаемым кожухом около трапа. Он почти дотянулся до нее, когда Миранда неожиданно напала на него сзади и

сбила с ног. Оба покатались по трапу, и Геннадий едва не выпустил рюкзак.

- Что ты делаешь?! - воскликнул он. - Там же человек!

- Его все равно не спасти, - проговорила Миранда все тем же странно спокойным, даже отстраненным голосом. Она села. - Прости меня, - сказала она. - Я не должна была так поступать. Нет, Джейк, заткнись ради Бога... Ты не прав. Мы должны хотя бы попытаться спасти этого беднягу.

Миранда слегка наклонила голову.

- Он боится, что улики приведут в Оверсэтч, и тогда...

- Тобой управляет твой сын? - догадался Геннадий. - Но... Как давно?

- Недавно. Он позвонил, когда мы выбирались из контейнера.

- Отпусти меня, - сказал Геннадий. - Я скажу, что мы все это время прятались в трюме. Все будет нормально, в конце концов я чертов инспектор МАГАТЭ. - Он с трудом поднялся и потянулся к телефону.

Ему понадобилось несколько секунд, чтобы дозвониться до капитанского мостика. Геннадий сказал в трубку несколько слов, потом дал отбой и покачал головой.

- По-моему, капитан мне не поверил и не собирается разворачивать судно. Впрочем, сейчас сюда придут его люди, чтобы нас арестовать. - Дождь потоками стекал по его лицу, но Геннадий вдруг поймал себя на том, что ему приятно чувствовать настоящую холодную влагу, не отфильтрованную матрицей Оверсэтча. - Можно мне сказать несколько слов Джейку? - спросил он.

- Что? Ты действительно хочешь с ним поговорить? - Миранда обхватила себя за плечи, но это не помогало - она продолжала дрожать от холода. У Геннадия тоже зуб на зуб не попадал, однако он постарался справиться с собой. У него оставалось слишком мало времени до того момента, когда реальный мир лишит его всякого выбора. Держа в руках рюкзак с плутонием, он думал о Хитчензе - как отреагирует детектив на всю эту историю, а также о том, как ему обойти острые углы, когда придется давать официальные показания.

- Джейк, - проговорил Геннадий, - что такое Силения?

Миранда улыбнулась, но на его вопрос ответил ее сын:

- Силения вовсе не «что», как вы привыкли думать. Это не вещь в традиционном смысле слова и даже не место. Это... Короче, кое-какие люди пришли к выводу, что для описания современного мира, его устройства, нужен новый язык. Когда все реальности становятся предельно гибкими, текучими, их уже невозможно описывать старыми терминами.

Вы, кажется, уже понимаете, что города, страны и крупные корпорации являются своего рода узлами стабильности в неистовых водоворотах перемен. Мы называем их аттракторами - центрами притяжения, к которым стремятся хаотически развивающиеся новообразования,

однако в каждый конкретный момент они могут либо еще не достичь этих центров, либо начать новый цикл своего развития. А теперь представьте себе, что все вышесказанное относится и к людям. Вообразите шофера, который работает в курьерской службе. Он ездит по разным маршрутам, общается с клиентами, доставляет товары и посылки. Любой другой водитель на его месте делал бы то же самое. Следовательно, когда этот человек исполняет свои служебные обязанности, он - уже не он. Он - компания, воплощение фирмы, в которой работает. В самого себя он превращается, только когда возвращается домой и снимает рабочую форму.

IT 2.0 позволяет, так сказать, вычленивать эти мимолетные состояния из общего потока жизни, поставить в центр внимания временную реальность, тогда как вещи, которые мы считали реально существующими - я имею в виду страны, компании и прочее, - отступают на задний план и как бы расплываются. Ну а поскольку существует IT 2.0 для стран и корпораций, разве не логично предположить, что подобный инструмент можно разработать и для людей?

- Это и есть Силения? - уточнил Геннадий.

Миранда кивнула, но Геннадий только покачал головой. И дело не в том, что он не мог вообразить себе нечто подобное. Напротив, и ему это очень не нравилось. Если он правильно понял Джейка, люди оставались людьми вовсе не все время; большую часть своей жизни они исполняли различные роли, выступая в качестве представителей... нет, даже не представителей, а живых олицетворений различных сил, зачастую даже не сознавая этого. А с помощью нового языка каждый человек получал способность находиться в нескольких местах одновременно - в форме своих игровых персонажей, электронных посланий, финансовых вложений, веб-сайтов или в виде сиранидов, которыми он управлял. Геннадий и сам поступал подобным образом всю свою взрослую жизнь, но только теперь он понял, что вследствие этих действий его личность оказалась раздроблена и раскидана по всему земному шару. И в последние несколько недель этот процесс ускорился. Да, похоже, для таких, как Джейк, родившихся и выросших в меняющемся с калейдоскопической быстротой мире, IT 2.0 и Силения были выходом - и даже казались чем-то обыденным и привычным.

Возможно, Силения и в самом деле была убежищем для новых людей, но в это Геннадию не очень-то верилось. В любом случае, он был слишком стар, чтобы менять свою жизнь в соответствии с реалиями нового языка.

- А санотика? - спросил он. - Что это такое?

- Представьте себе Оверсэтч, - сказал Джейк, - но без каких-либо морально-этических принципов и ограничений. Представьте, что вместо поиска спонтанно возникающих новых карт виртуальных миров

внутри нормальной, здоровой сети человеческих отношений и связей у вас есть IT 3.0, который нацелен исключительно на катастрофы и бедствия или, иными словами, на те точки в пространстве или моменты истории, когда перестают действовать любые правила и воцаряются хаос и анархия. Вообразите себе армии сираноидов, которые появляются именно в такие моменты, чтобы насладиться человеческим несчастьем и болью. Такая штука была бы поинтереснее Оверсэтча, вам не кажется? Во всяком случае, для некоторых... Это, мистер Малянов, и есть санотика, - добавил Джейк. - Специально выращенный паразит, питающийся болью и страхом, которые порождает каждая крупная катастрофа. Миллионы людей обслуживают этого паразита, сами не подозревая об этом.

Геннадий показал на рюкзак, который по-прежнему держал в руках.

- И для этого нужно сделать бомбу? - спросил он.

- Может быть. Кстати, мистер Малянов, почему вы так уверены, что сами не работаете на санотику? И откуда мне знать, что плутоний не будет использован для какого-нибудь черного дела после того, как попадет к вам в руки? Нет, груз должен отправиться в Силению. Поверьте, так будет лучше для всех.

Геннадий задумался. Краем уха он слышал, как о том же самом просила его Миранда, и все же он продолжал колебаться. С другой стороны, после всего, что он видел и чему стал свидетелем, Геннадий с особой ясностью понимал, что даже в его мире власть и контроль каждое мгновение незаметно переходят из рук в руки и что такие - образования? организации? - как Оверсэтч и Силения способны эффективно управлять этими процессами или, по крайней мере, влиять на них. И не исключено было, что и МАГАТЭ, и сам Геннадий с самого начала работали на Фрагмента и даже не знали об этом.

- Брось рюкзак в трюм, - сказал Джейк. - Кто-нибудь из Оверсэтча подберет его и припрятает. А ты, мама, привезешь плутоний с собой в Силению. Ну, когда приедешь...

Дождь ослабел, но щеки Миранды по-прежнему были мокрыми, на этот раз от слез.

- Я приеду, Джейк, обещаю. Когда нас отпустят, я сразу же приеду к тебе, - пообещала она и добавила, обращаясь к Геннадию: - Бросай скорее! Люди из команды сейчас будут здесь.

Он так и не понял, это ее слова или Джейка. Скорее всего, обращался к нему сын Миранды, но это уже не имело значения.

- Пожалуй, я его сохраню, - сказал он и швырнул за борт очки. Одного этого движения хватило, чтобы покинуть мир, который он только что для себя открыл, хотя прожил в нем уже немало дней и почти полюбил. Этот мир или, точнее, город величиной с мир, сотканный из света и идеалов, волшебным образом создали миллионы людей, которые ежеминутно думали о нем, верили в него и действовали так, будто он и

в самом деле существует. И Геннадий хотел бы стать одним из них, но...

- Откуда ты знаешь, что рюкзак не попадет в санотику? - В голосе Миранды слышалось глубокое разочарование, которое испытывала не она, а Джейк.

- На Земле есть и другие силы, кроме Силения и санотики! - прокричал в ответ Геннадий, с трудом перекрывая грохот волн. - И одна из этих сил находится здесь, в этом самом рюкзаке. Другая сила - это я сам. Быть может, моя сущность тоже меняется; возможно, я просто одинокий, усталый мужчина, но я все равно последую за содержимым этого рюкзака, куда бы оно ни попало. Я не могу отправиться с вами в Силение, не могу даже остаться в Оверсэтче, как бы мне этого ни хотелось, но я клянусь, что буду следовать за плутонием и сделаю все, чтобы он не причинил вреда... Я сделаю это, - добавил он, когда подоспевшие матросы окружили всех троих, - потому что некоторые вещи остаются настоящими в любом мире.

Перевел с английского Владимир ГРИШЕЧКИН

© Karl Schroeder. To Hie from Far Cilenia. 2011. Публикуется с разрешения автора.

БИЛЛ ДЖОНСОН

ЧУМБАЛОН

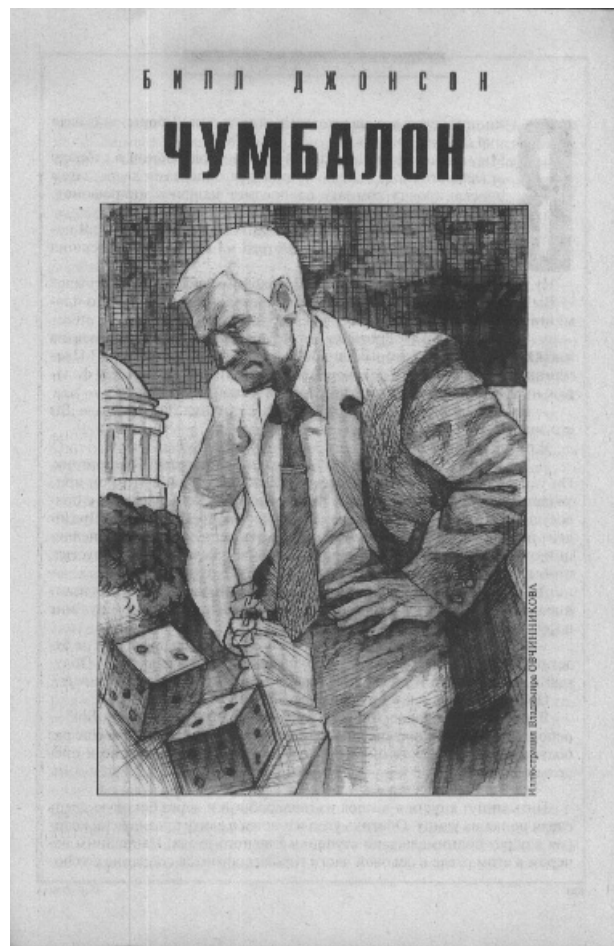

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Ваш президент все еще может выиграть эти выборы, - сказал мне Джеремиа.

Мы находились в небольшой пустой гардеробной в стороне от главного входа в отель. Я проверил, заперта ли дверь, затем просканировал комнату на предмет наличия микрофонов. Он с улыбкой наблюдал за мной.

- Вы мне не верите? - спросил он с невинным видом. Я несколько мгновений молча смотрел на него, затем завершил сканирование. Всё чисто.

- Ну, хорошо, - сказал я устало. - Поговорим о деле. Чего хочет мэр?

- Вы знаете, чего он хочет. Чтобы ваш президент помиловал его племянника, - ответил Джеремиа.

- Племянника... - протянул я. - Того самого, попавшегося на взятках, с помощью которых он добивался назначения в Сенат? Племянника, подкупившего осведомителя, состоящего на службе у федеральных властей? Ведавшего всей политической кухней мэра?

- Ну, вот видите! - жизнерадостно воскликнул Джеремиа. - Вы его знаете.

Я покачал головой.

- Этот ваш племянничек - обыкновенный ворюга и растратчик. Он украл пенсионные деньги тысяч людей. Черт, да и в этом он признался лишь после того, как ему предложили заключить сделку с правосудием, чтобы сесть за наименее тяжкое из преступлений. Президент прочел его дело прежде, чем отвергнуть первую и вторую апелляции о помиловании. Ни при каких условиях президент не допустит, чтобы он вышел из тюрьмы до срока.

Джеремиа во время моей речи кивал головой, как будто все сказанное не было для него неожиданностью. Он подался вперед и ткнул мне в грудь указательным пальцем.

- В таком случае мэр окажется очень огорчен, а ваш президент не будет переизбран на новый срок, - безапелляционно заявил он. - Подумайте над этим, а потом решите, станет ли третья попытка счастливой.

Он развернулся и покинул комнату.

Я же помедлил какое-то время: во-первых, чтобы - не дай Бог! - репортеры снаружи не увидели нас вместе, а во-вторых, чтобы еще раз обдумать все дело. Хотя о чем тут думать? Все предельно ясно и предельно скверно.

Пять минут спустя я вышел из гардеробной и через боковую дверь отеля попал на улицу. Обогнул угол и влился в свиту президента, которая как раз поднималась по ступеням главного входа. Нынешним вечером в этом отеле в деловой части города состоится собрание со сбором пожертвований на избирательную кампанию. Президент покосился на меня, я еле заметно покачал головой. Его губы на мгновение сжались в твердую линию, но тут же расслабились, и на лице вновь нарисовалась привычная улыбка. Я отступил за спины сопровождающих, проложил дорогу через танцзал к бару, прихватил там бокал и занял позицию рядом со столиком, за которым собирали взносы. Я прислонился к стене и влил в себя первую порцию скотча.

- Думаешь, можешь выиграть эти выборы? - слышался знакомый голос.

- Нет, - ответил я.

- Правда? - продолжил голос. - Не ожидал такое услышать: честность тебе совершенно не идет. Не забывай: президент думает, что он выиграет эти выборы. И если уж на то пошло, он думает, что именно ты их для него выиграешь.

- Президент, - ответил я, медленно процеживая слова через уголок рта и не оборачиваясь, - великий человек. Но кроме этого, он, без всякого сомнения, полный чумбалон.

Чумбалон среди чикагских политиков словечко уничижительное. Оно означает наивного глупца, любителя, не понимающего, как следует играть в политические игры и как по-настоящему работает вся эта

кухня.

Несколько примеров. Допустим, чумбалон приезжает в деловую часть Чикаго, паркуется около счетчика на улице, затем идет к парковочному инфокиоску на углу, где и оплачивает стоянку. Тот же, кто знает жизнь и как делаются дела в Чикаго, приезжает в деловую часть, находит счетчик и паркуется. Затем выбирается из тачки и вешает на счетчик холщовый мешок с надписью «Счетчик отключен, киоск сломан, парковка бесплатная». Профи еще и закрепит мешок висячим замком, чтобы его не сперли к тому времени, когда он вернется к машине.

Профи знает, что если завернуть водительское удостоверение в зеленую бумажку с портретом президента Франклина, то это поможет разрешить любую проблему, связанную с нарушением правил движения или парковки. Лучший способ избежать налогообложения на недвижимость - это зарегистрировать свое жилище как частную церковь, не забывая, разумеется, субсидировать нужных политических деятелей. И профи всегда позаботится, чтобы дочь босса местной тюрьмы получила на лето место интерна в лучшей клинике.

Моя проблема заключалась в том, что президент, гордо стремящийся к победе, казался честным человеком (а в Чикаго к этому определению присовокупляли еще и словечко «наивным»). И я боялся, что это будет стоить нам выборов.

Сам президент в данный момент находился в весьма незавидном положении на другой стороне зала. Его приперла к стене дама, чей решительный настрой отменно сочетался с обильными формами. Вырваться не было никакой возможности. На лице дамы читалась пылкость истинно верующей перед ликом своего божества. А выражение лица кандидата вызывало ассоциации с робкой антилопой, застывшей в слепящих лучах прожекторов и фар охотничьего джипа. Он посмотрел на меня, и в глазах я увидел безмолвную мольбу. Я быстрым оценивающим взглядом пробежался по фигуре дамы. Платье от кутюр, бриллианты настоящие, из чего следует, что ее банковскому счету не помешает слегка похудеть. Я перехватил взгляд своего кандидата, слегка покачал головой и вернулся к выпивке.

Во время предвыборной кампании у каждого из нас своя работа...

- Ну, ты и садист! - снова произнес знакомый голос.

- Он выживет, - ответил я. - А ты ее знаешь?

- Да. Она глава особо крупного и богатого комитета политических действий на северном побережье, - просветил меня голос.

Я кивнул и пояснил:

- Он уделит ей пятнадцать минут, а затем сбежит. Она сделает солидный взнос, а взамен получит историю, которую будет рассказывать родным и близким, друзьям и знакомым до конца дней своих.

После чего пожал плечами и наконец обернулся.

Брока выглядел как сатана, хлебнувший святой воды. Белое, мучнистого оттенка лицо, кожа натянута так туго, что губ и не видать - вместо рта красный разрез. Зубы выдаются вперед, как клыки. Слава Богу, что сейчас ночь, ибо днем, как я точно знаю, Брока выглядит еще хуже.

Я был чертовски рад его видеть. Имелась, однако, сложность - он был не один. Рядом с ним находилась женщина, которую я до этого никогда не видел. Я начал было, запинаясь, выдавливать извинения за свои реплики и сваливать вину на выпитое, но потом разглядел, что женщина выглядит точно так же, как Брока, а стало быть, мне ничего не грозит. Я заткнулся и протянул ей руку.

Брока принадлежит к очень малочисленной общине, разбросанной по всей стране, члены которой терпеть не могут любого рода публичность и превыше всего ценят уединение. Они страдают от редкого заболевания, вызываемого комбинацией вирусов и прионов и являющегося разновидностью порфирии^{*21}. Никакого лекарства от него не существует, а ко всему прочему для выживания им необходимы некоторые элементы, содержащиеся исключительно в крови млекопитающих. Болезнь сделала их предельно чувствительными к солнечному свету, но зато добавила продолжительности жизни - до пятисот лет с лишним.

В Средние века подобные Брока люди осмеливались выходить из своих убежищ только по ночам. Их называли вампирами, преследовали, сжигали на кострах. В наши дни они по большей части банкиры, занимаются инвестициями или руководят хедж-фондами, но ненавидят их точно так же, как и в те времена. Конечно, их уже не сжигают, но путешествовать они предпочитают парами. Одиночки слишком часто становятся жертвами самых невероятных, но одинаково фатальных несчастных случаев.

- Джорджиана, это менеджер президентской предвыборной кампании, - представил меня Брока. - Это тот человек, который защищал нас в последние четыре года от представителей соперничающей партии.

- Очень приятно, - произнес я, и мы обменялись рукопожатиями.

- Так вы считаете, что проиграете эти выборы? - спросила Джорджиана.

Я поколебался, потом схватил стакан воды с подноса проходящего мимо официанта и сделал жест Брока и Джорджиане следовать за мной. Мы прошли к укромному столику в темном углу и комфортабельно за ним расположились.

- Да, мы проиграем эти выборы, если что-нибудь не изменится, - ответил я. - Вот почему я связался с Брока. Мне нужно чудо, а он уже

²¹ * *Порфирия - наследственное нарушение пигментного обмена. (Здесь и далее прим. перев.)*

помогал мне раньше.

- И что же мне нужно сделать на этот раз? - спросил Брока. - Деньги мы вам можем дать, но не голоса. Нас слишком мало.

Таковы были его слова, но главное-то заключалось в том, как он их произнес. Во время своей маленькой речи Брока глядел на меня широко раскрытыми честнейшими глазами, с невинным выражением лица, которому хорошие адвокаты обучают своих клиентов. Когда репортеры фотографируют клиента, поднимающегося под конвоем по ступеням Дворца правосудия именно с таким выражением лица, это производит хорошее впечатление. Я, разумеется, на такие штучки давно не покупаюсь.

- Ты что-нибудь слышал? - во мне внезапно прорезалась подозрительность.

Это самый универсальный и многоцелевой вопрос в Чикаго во время любого политического действия.

- Я слышал, что выборы проходят очень трудно по всей стране и во многих регионах кандидаты идут нос к носу, - ответил Брока.

- Верно, - признал я.

- Я слышал, что у вас есть небольшое опережение в Иллинойсе. И поэтому Иллинойс вам необходим, чтобы выиграть общенациональные выборы. А чтобы победить в Иллинойсе, вам необходима победа в Чикаго.

- Это верно, - подтвердил я.

Брока поднес ко рту бокал и отпил маленький глоточек. Поморщился и поставил бокал на стол.

- Мэр не в восторге, - продолжил он. - Он полагает, что от другого президента будет больше пользы.

- Мэр привлечет к голосованию «мертвые души»? - спросил я.

- И голосовать они начнут рано, - кивнул Брока. - У его людей все уже наготове.

- Однако по новым правилам проверки ДНК избирателей... - начал я.

- Выкинь из головы, - нетерпеливо перебил меня Брока. - Компьютеры для подсчета голосов контролируют люди мэра.

Я извлек из кармана пару старых, побитых игральные кости красного цвета. Покатал их на ладони, но не стал бросать на скатерть стола.

- Я помню, как и когда у тебя появились эти штуки, - заметил Брока, внимательно следивший за моими эволюциями. - Все еще ими пользуешься?

Я кивнул.

- Только когда передо мной действительно сложный выбор, и я не могу решиться. И надо признать, они меня до сих пор еще ни разу не подводили, - добавил я, суеверно понижая голос.

- Ты уже сказал президенту, что он проиграет? - спросил Брока.

Я покачал головой.

- И сколько раз бросал кости? - любопытно спросил Брока.

- Шесть, - ответил я. - Шесть раз я пытался с помощью костей получить ответ на вопрос, должен ли я ему это сказать.

- И?

- Двойки. Шесть раз подряд двойки. «Глаза змеи».

Брока подался вперед над столом и стал пристально разглядывать моего кандидата.

Под конец он слегка улыбнулся и покачал головой.

- Да, с костями не поспоришь, - произнес он с интонациями, которые звучали в его голосе, когда он припоминал что-то из давным-давно минувшего времени. Он посмотрел на Джорджиану и кивнул ей.

- Есть одна возможность, - нехотя произнесла Джорджиана низким голосом. Она очень аккуратно подбирала выражения. - Я знаю людей, которые в состоянии вам помочь, но они сбиты с толку. Они не понимают, как прокручиваются дела в реальном мире.

- Нелегалы? - спросил я.

Джорджиана на несколько секунд задумалась, поколебалась, потом пожала плечами.

- А черт их знает! - произнесла она искренно. Она бросила взгляд на кандидата в президенты, на игральные кости, потом на меня. - Но Брока сказал мне, что если кто и сможет найти к ним подход, так это вы.

Она порылась в дамской сумочке, извлекла из нее чистую белую карточку с написанными на ней адресом и телефоном и вручила мне:

- Завтра в полдень отправляйтесь по этому адресу. Покажите карточку охраннице. Она даст вам ключ и скажет номер комнаты. Когда зайдете в комнату, позвоните по телефону - наберите номер, который тут написан.

С этими словами она и Брока поднялись.

- У вас будет только один-единственный шанс поговорить с ними, - предупредила Джорджиана. - У них есть... затруднения, к которым вы должны отнестись с пониманием.

- А вы где будете?

- В соседней комнате, откуда можно следить за происходящим через зеркало, прозрачное в одну сторону, - ответила она.

Я впал в некоторое недоумение.

- Похоже, вас волнуют их проблемы?

Она кивнула - снова после краткого колебания.

- Я чувствую себя ответственной за них, - пояснила она. - Но принимать решение, помогать ли вам, они будут сами. Это их дело. А вам надо хорошенько прикинуть, смогут ли они быть полезными для вас.

Я бросил взгляд на карточку и упрятал ее во внутренний карман пиджака. Потом посмотрел на Брока и протянул к нему руку ладонью

вверх. Секунду он выглядел недоуменно, затем ухмыльнулся и покачал головой.

- Как я мог забыть?

Он извлек бумажник, а из него чек со взносом в фонд нашей избирательной кампании. Я проверил сумму и кивнул. Брока улыбнулся, развернулся и направился к выходу из зала.

- Приятно иметь с вами дело, - бросил я ему вдогонку.

Глянул в сторону президента и увидел, что он все так же находится в плену пышнотелой дамы и вид у него уже совершенно затравленный. Я решительно направился на его спасение.

У каждого своя работа в хорошо организованной предвыборной кампании...

Назавтра в полдень я остановил машину перед невыразительным офисным строением в пригороде. Окна с зеркальными стеклами и козырьками от солнца, черные стальные конструкции - ничего особенного, в сотнях конторских зон можно увидеть сотни подобных зданий.

Я припарковался и зашел внутрь. Охранница изучила карточку, вручила мне ключи и назвала номер комнаты. Я поднялся в лифте на нужный этаж, отыскал дверь и шагнул внутрь. Дверь закрылась с громким щелчком. В комнате имелись стол, кресло и круглый столик для совещаний. Обширное и высокое зеркало занимало почти всю стену за креслом. На столе перед креслом стоял видеозэкран со встроенной камерой и микрофоном. Я уселся в кресло и посмотрел время на сотовом телефоне. Потом извлек игральные кости, просто чтобы дать пальцам какое-то занятие.

- Не желаете ли кофе или воды? - произнес чей-то голос.

Я поднял глаза. На видеозэкране высветилось изображение небольшого круглого стола для переговоров. На меня глядели трое мужчин. Я чисто рефлекторно прикинул, могут ли они стать нашими спонсорами.

Все трое были одеты в деловые костюмы, светло-голубые рубашки с хорошо подобранными галстуками, рубашки виднелись из-под рукавов костюмов ровно на дюйм. Черты их лиц были какими-то сглаженными, так что невозможно определить, кто перед тобой - белые или черные, латиноамериканцы или азиаты. И ногти у всех самым аккуратным образом подстрижены.

И прически безукоризненны.

- Сэр? Так вы желаете что-нибудь?

Я выбросил кости на стол. Двойка.

Я поднялся.

- Все это, - сказал я, тщательно подбирая выражения, - полная туфта. Я не в том настроении, чтобы шутки шутить.

- Сэр, мы...

- Всего доброго!

Картинка на экране застыла, затем все стало серым. Я забрал со стола кости и направился к выходу.

- Джорджиана пыталась предупредить нас, - сказал мужской голос, тенор.

- Была вероятность, что она ошибается, - произнес женский голос с оправдывающимися интонациями.

- Никто до сих пор не раскалывал нас так быстро, - прозвучал третий голос, низкий и хриплый, в котором слышались удивление и недоверие.

Я поколебался и снова занял место за столиком.

- Покажитесь, - предложил я.

- А какими бы вы хотели нас видеть? - спросил бас. Настолько хриплый, что временами походил на рычание. Он напомнил мне Брока.

- Он мужчина, - произнес тенор. - А мужчины любят женщин. Так Джорджиана говорила.

- Красивых женщин? - спросил женский голос.

- Это деловая встреча, а не секс-шоу, - укоризненно проворчал бас. - Пусть будет облик профессионалов. И помните, Брока говорил, что этнический баланс важен в случайном мире.

На экране появилось изображение трех молодых женщин: азиатки, белой и черной. На всех строгие деловые костюмы, у всех руки скрещены на груди, на столике перед каждой разложены ручки и блокноты.

Я нахмурился. Картинка застыла.

- Значит, красивые женщины не годятся, - разочарованно произнес бас.

Экран снова сделался серым.

- А как насчет красивых мужчин? - спросил тенор.

По экрану пошла рябь.

Я поднял руку.

- Я здесь для деловых переговоров, и мне без разницы, как вы там выглядите.

- Но облик очень важен в случайном мире, - убежденно произнес хриплый бас. - Мы всегда должны выглядеть и вести себя так, чтобы людям с нами было комфортно.

- И соблюдать секретность, - гордо добавил тенор. - Мы не должны выдавать никаких секретов.

- Какой у вас уровень допуска? - спросила женщина. - Раз вы сюда явились и поскольку знаете Брока и Джорджиану, у вас должен быть высокий уровень допуска. Но я никак не могу найти вас в базе данных. И никаких ссылок там нет. Нам нужно знать ваш уровень, чтобы мы понимали, что можем рассказать вам.

- И чего не можем, - услужливо добавил тенор.

Я секунду глядел на серый экран. Машинально поиграл костями, перебрасывая с одной ладони на другую. Наконец потряс их, посмотрел на результат и спрятал в карман.

- Я хочу, чтобы вы появились в таком обличье, в каком разговариваете с Брока и другими людьми случайного мира, - сказал я.

- И все-таки какой у вас уровень доступа? - настаивал бас.

- У меня вообще нет никакого уровня, поскольку он мне не нужен.

Я откинулся на спинку кресла.

- Ой! - пискнул тенор.

- Я так и знала, - вставила свои десять центов женщина.

- Активируйте стереотипные облики мужчин и женщин случайного мира, - скомандовал бас. - Ну, а мне придайте облик, который Брока разработал, когда я вел переговоры с его общиной.

- Тот, который мы называем «племянник Брока»? - спросил тенор.

- Именно, - ответил бас.

- Мужской или женский? - поинтересовался тенор.

Я вспомнил, как выглядят Брока и Джорджиана, и эти воспоминания заставили меня поёжиться. Но с Брока-то я общался чаще и успел немного привыкнуть к его виду.

- Мужской, - заявил я.

- Пусть будет мужской, - согласился бас.

Экран снова засветился, и на нем возникла картинка. На противоположных сторонах круглого стола сидели мужчина и женщина и глядели на меня. На мужчине был повседневно-деловой костюм с расстегнутым пиджаком, он выглядел как биржевой брокер средней руки. На женщине - деловой пиджак и строгая юбка. Черты их лиц и цвет кожи плавно и незаметно для глаз трансформировались от негритянских к латиноамериканским и далее к азиатским, а потом возвращались к европейским, и цикл начинался заново.

Между ними, а стало быть, дальше от меня сидел «племянник Брока». Он тоже разглядывал меня.

- Этот вариант подходит? - спросил «племянник» хриплым басом. Я кивнул.

- Что ж, - сказал я, - нам надо поговорить.

- Вы хотите знать, чем мы являемся? - устало произнесла женщина. Похоже было, что ей очень много раз приходилось отвечать на этот вопрос.

- Кем мы являемся, - поправил сидящий напротив нее мужчина точно таким же скучающим голосом.

«Племянник Брока» жестом велел им замолчать. Он пристально глядел на меня, как будто мог предсказать, что я сейчас скажу, в точности определить, когда я вру, а когда говорю правду. Я чувствовал себя образчиком для исследования, распятым на лабораторном столе, или набором данных, которые аналитик намеревался подогнать под

предсказанные теоретической моделью результаты.

Я пристально посмотрел в ответ на «племянника», затем извлек на свет Божий свои игральные кости, чтобы они тоже могли их видеть. Покатал кости в ладони, потом накрыл их другой рукой, чтобы только я видел результат. Посмотрел на выпавшее число и спрятал кости в карман.

- Я прислушиваюсь к тому, что мне говорят кости, - сказал я «племяннику».

- Он ведет себя случайным образом, - негромко констатировал тенор.

- Непредсказуемым, - приглушенно подтвердила женщина.

- Настоящий человек, - подвел черту «племянник». Он кивнул мне. - Вы не знаете заранее, что намереваетесь сделать. Точно так же не знают этого ваши друзья и враги. Никто не может предугадать ваших действий, поскольку последующие шаги зависят от того, как выпадут кости. Вы держите противника в состоянии неопределенности, а потому имеете преимущество перед ним. Ваш талант заключается в том, как вы формулируете вопрос, когда запрашиваете кости.

Я успел проделать пару вдохов-выдохов, прежде чем заговорил.

- Эти кости подсказывают: мне нет никакого дела до того, чем или кем вы являетесь. А вот что мы - кости и я - хотим знать, - тут я стал очень осторожно подбирать слова, - так это сколько вы контролируете голосов? И можно ли рассчитывать, что вы отдадите их нам?

Сидящие друг напротив друга мужчина и женщина выглядели пораженными. Они неуверенно повернулись к «племяннику». Тот медленно склонил голову и криво ухмыльнулся.

- Брока рассказывал мне про вас. Он упоминал и кости. И он сказал, что мы можем вам доверять.

- Доверие, - произнес я, как бы пробуя слово на вкус, - это очень серьезное слово, особенно в Чикаго. Давайте над этим поработаем. Например, мне хотелось бы узнать, что вы можете сделать для меня, а затем я попробую прикинуть, что могу сделать для вас. Возможно, наши мотивы совпадут...

- Возможно, - согласился «племянник» и обратился к своим компаньонам: - Покажите нашему гостю, что мы можем сделать для него.

Через час они меня убедили.

- Прекрасно, - сказал я, отодвинувшись от стола и сдвигая в сторону дисплей. - В вашу искренность и ваше желание помочь я верю. Но откуда вы возьмете все эти голоса и образчики ДНК, чтобы их подтвердить?

Тенор пожал плечами.

- Согласно принятому в Чикаго закону при любом дорожно-транспортном происшествии люди должны заполнять бланк с

описанием нанесенного ущерба, к которому прикладывается образчик ДНК для идентификации личности, - пояснил он. - То же самое действительно при рождении и смерти, а также когда человек голосует на выборах.

- В нашем распоряжении все базы данных, - гордо заявила женщина. - Можно даже сказать, что мы являемся этими базами данных. Все, что нам нужно сделать, это составить множество перекрестных ссылок баз данных образчиков ДНК и списки людей, голосовавших в нескольких последних выборах. Большая часть населения никогда не утруждает себя участием в голосовании, поэтому мы просто отбираем таких «неизбирателей» и их идентификацию. Они никогда не узнают, что кто-то использовал их голоса. А мы с их помощью можем выиграть любые выборы.

- Но какой нам от этого толк? - жалобно проканючил тенор. - Выиграем мы какие-то выборы - и что? Как это поможет нам получить желаемое?

Теперь пришла моя очередь, теперь они были на моей территории. Им что-то нужно. И они не знали, как это заполучить. Значит, они у меня в руках. Я наклонился вперед и поставил локти на стол.

- И чем же, - спросил я осторожно, - является то, что вам нужно?

«Племянник» посмотрел на меня, затем на своих компаньонов.

Они кивнули. Он снова уперся в меня взглядом и приблизился к экрану.

- Мы хотим, - начал он... затем остановился и, заколебавшись, вновь оглянулся на своих коллег. Те закивали, подбадривая его. «Племянник» снова обратился ко мне: - Нам надоело решать ученические задачи, нам нужно настоящее дело, что-то действительно трудное.

- Все трое - искусственные интеллекты, - сказала мне Джорджиана. Мы с ней сидели в вечернем баре в районе Северной Петли, не очень далеко от озера. Она предложила поставить мне выпивку, но я отказался.

- И кто же их создал? - спросил я заинтригованный.

Джорджиана какое-то время колебалась, прежде чем заговорить.

- Брока говорил: вы знаете о... о нас. О том, что мы отличаемся от большинства людей. О том, как долго мы живем.

Я кивнул. Джорджиана отпила глоточек вина, поставила бокал на стол.

- Вы слышали что-нибудь о Чарлзе Бэббидже? - спросила она.

Я отрицательно покачал головой.

- Он сконструировал первую механическую вычислительную машину. А кроме того, он был моим отцом.

Я секунду поразмыслил об этом, потом поднял руку.

Бармен меня знал и молча принес стаканчик бурбона.

- Это ведь было очень давно? - спросил я. - Где-то в начале 1950-х?
Джорджиана рассмеялась.

- Немного раньше. В начале 1800-х. В Англии.

Теперь картинка начала складываться. Но я все еще не знал многого из того, что мне необходимо.

- Вы были единственным ребенком?

Она покачала головой.

- Нет, у меня были еще семь братьев и сестер. Беда в том, что происходило это в старые добрые времена, когда не существовало ничего, похожего на современную медицину. И мои родители могли только бессильно наблюдать, как один за другим умирают их дети, пока нас не осталось четверо. И каждый раз, когда кто-то из нас умирал, отец терял какую-то часть самого себя.

- А затем вы тоже заболели? - предположил я.

Джорджиана кивнула, допила свое вино и заказала следующую порцию.

- То был переломный момент. Для отца это оказалось уже слишком. Он знал одну женщину, больную той же болезнью, что и Брока. Отец заплатил ей, и она меня исцелила. Беда была в том, что лекарство превратило меня в существо того же типа, что и Брока.

Джорджиана посмотрела мне в глаза.

- Отец спас мне жизнь, - продолжила она рассказ. - Но ужасался тому, как это меня изменило. Ему пришлось скрывать меня и говорить всем, что я умерла. Он не мог позволить, чтобы кто-нибудь из знакомых и близких увидел меня. Затем умерла мама и... ну, в общем, отец в течение года потихоньку лишился рассудка. И никогда уже не был прежним.

Мы с братьями решили продолжить работу отца. Мы построили еще шесть моделей его устройства, и каждая последующая была лучше всех предыдущих.

- А потом ваши братья состарились, а вы нет, - утвердительно произнес я.

Джорджиана кивнула и крепче сжала бокал.

- Работа отца была очень важна, - упрямо сказала она. - А у меня оказалось кое-что, чем не обладал он. У меня имелось время для улучшения его машины, для того чтобы сообразить, что не хардвер здесь самое важное, не «железо», а кое-что другое.

- Софтвер, - сказал я.

Джорджиана неподвижным взором глядела в темноту бара и, по всей видимости, даже не воспринимала моего присутствия.

- Но время шло, и «железо» улучшалось, а параллельно улучшался и мой софтвер. Я помню Алена Тьюринга и его «автоматическую вычислительную машину» времен Второй мировой, и Джона фон Неймана, и холодную войну, как постепенно до людей дошла важность

работы моего отца, - последние слова Джорджиана произнесла с гордостью. - А потом появилась электроника, к которой проявляло интерес все больше людей и в которую вкладывали все больше денег - да, большие деньги там крутились, - продолжила она. - В том числе и мои собственные. Я, конечно, держалась в тени, но пристально следила за всем происходящим в этой области, вкладывала туда средства, а заработанные деньги пускала на собственные исследования. У меня было много идей относительно того, каким должен быть «софт», и возникли они еще тогда, когда не было никакой возможности их воплотить из-за отсутствия подходящего «железа». Теперь же я могла осуществить свои замыслы.

Джорджиана сделала паузу и заявила:

- И в один прекрасный день мои программы заговорили со мной.

- Насколько я знаком с состоянием дел на сегодняшний день, никто еще не смог создать настоящий искусственный интеллект, он же ИИ, он же ИскИн, - проговорил я осторожно. - Некоторые утверждают, что это вообще невозможно. То, что я видел, опережает современный рынок софтвера лет на пятьдесят.

- Точнее, на сотню, - доверительно сказала Джорджиана.

Ее лицо омрачилось.

- Вы осознаете, что с ними будет, если откроется факт их существования? - сказала она, и в голосе ее звучал страх.

Я поставил стакан на стол, протянул руку и коснулся ее руки.

- Вы тревожитесь за них, - произнес я сочувственно.

Джорджиана кивнула, вытерла глаза и отпила вина.

- Много ли вам известно о болезни, которой заражены Брока и я? - спросила она.

Я покачал головой.

- Она хранит нас от большинства других болезней. Она дает нам долгую жизнь. Но она также делает нас стерильными. У меня не может быть детей.

- Но у вас есть ваши ИскИны, - утешил я, чувствуя, что нужный мне последний кусочек мозаики аккуратно встал на свое место.

- Я не могу позволить, чтобы с ними что-то случилось. В них воплотились плоды моих усилий за два столетия. Они все, что у меня осталось от родителей и братьев, - говорила Джорджиана с несчастным видом. - Если они смогут повзрослеть и научиться защищать себя, тогда их можно будет представить внешнему миру. Но они такие невинные, такие наивные. И только я могу их защитить. Если сейчас выпустить их в большой мир, их выловят, станут использовать неизвестно в каких целях и, в конечном счете, погубят.

Она посмотрела на меня.

- Мне нужна ваша помощь. Им нужна ваша помощь, - это была уже почти мольба.

Я задумался на несколько мгновений. Вот еще один человек, которому нужна моя помощь. А мне еще надо меньше чем за неделю выиграть выборы. И у меня на руках козырь в виде трех жизнерадостных Искинов-чумбалонов, которые помогут эти выборы выиграть без проблем!

Но в этом случае чем я стану отличаться от мэра и его «мертвых душ»?

Я взглянул на Джорджиану и припомнил собственную маму, как она беспокоилась за меня, когда я выиграл свои первые выборы, потом следующие. Как она опасалась, что я покачусь по той же наклонной дорожке, что и многие мои друзья по бизнесу, и когда-нибудь явлюсь домой в прекрасном костюме и с пластиковой улыбкой, но абсолютно пустой внутри.

Я отпил глоток бурбона, извлек кости и метнул. «Глаза змеи» - двойка.

Я сгреб кости, забросил в карман и поднял глаза на Джорджиану.

- Думаю, мы сумеем найти решение, - сказал я.

В воздухе кружил легкий снежок, когда Брока высадил меня неподалеку от избирательного участка южной стороны. Джереми стоял у его дверей в компании мускулистого амбала в куртке с капюшоном и с бэджом «Официальный наблюдатель».

«Наблюдатель» заметил меня, состроил гримасу, потер руки и решительно двинулся в мою сторону. Я вдруг задался мыслью: выглядят ли интерьеры тюрьмы округа Кука^{*22} так же, как двадцать лет назад, и приготовился к неизбежному.

Однако Джереми успел схватить мужчину за рукав и отрицательно помотал головой. Он сам подошел ко мне и приобнял за плечи.

- Рад тебя видеть, - сообщил он. Он глянул на часы, затем на длинную очередь явившихся на голосование и переминающихся с ноги на ногу в ожидании, когда участок откроют, потом снова на меня.

- Еще не поздно, - доверительно произнес он. - Ты хочешь мне что-то сообщить? Хочешь, чтобы я сделал один телефонный звонок?

Я покачал головой.

- Во всех других местах участки для голосования уже открыты, - напомнил я.

Джереми ухмыльнулся.

- О, но ведь это же особый электорат и особенный участок, - пояснил он гладко. Махнул рукой «наблюдателю», и тот открыл дверь. Голосующие резво зашаркали внутрь участка.

А секундой позже первый из них выскочил оттуда как ошпаренный. Он

²² * Округ Кука (Cook County) - округ штата Иллинойс, в котором расположен Чикаго. Второй по величине округ США после округа Лос-Анджелеса.

распахнул двери, перехватил взгляд Джереми и ткнул себя в грудь, указывая на пустое место на своей куртке. Развел руками, пожал плечами и подошел к нам.

- Я пытался, босс, честно, - сказал он Джереми. - Я использовал эту специальную карточку, которую вы мне дали, но машина ее не приняла. Заявила, что носитель этого идентификатора мертв, и я не имею права за него голосовать. Она даже не выдала мне стикера участника голосования.

Джереми ругнулся и посмотрел на дверь. Из нее выплескивался ровный поток покидающего участок электората, и ни у кого на груди не было стикера.

Джереми повернулся ко мне.

- Твоя работа?!

Я только руками развел.

- Как бы я мог это сделать? Это твои люди, твои голоса и твои машины. Я к этому отношения не имею. Может, что-то засбоило, и система вдруг стала работать так, как она, собственно, и должна работать? - предположил я.

Я приблизил голову к его голове и сказал тихим голосом, чтобы только он мог слышать:

- Возможно, тебе нужно объяснить мэру положение вещей.

Тут зазвонил телефон Джереми. Он посмотрел на номер и побледнел. Бросил на меня испепеляющий взгляд и поспешил прочь. Я развернулся и направился к машине.

Внутри меня дожидались Брока и Джорджиана. Я кивнул в ответ на их взгляды, и Брок постучал по перегородке, отделявшей салон от места водителя. Тот завел мотор, и мы направились к району, где находилась штаб-квартира президентской кампании.

- Ну что, мертвецы голосовали? - поинтересовался Брок.

- Сегодня они покоились в мире, - ответил я. - Мы с Искинами заключили сделку. Они ведь, в сущности, являются базами данных, поэтому им ничего не стоило отсечь все мертвые души.

- А что с людьми, которые обычно не голосуют? Сделали ли Искины так, что они проголосовали за вашего президента? - сухо спросила Джорджиана.

- Все эти люди сидят дома и наблюдают за результатами голосования по видео. Они не голосовали прежде, они не голосовали и сегодня.

- Ты хочешь сказать, что в Чикаго прошли на самом деле честные выборы?! - воскликнул Брок и заржал. - Ну, ты даешь! Ты же поставил на уши весь политический бомонд этого города. Они ведь теперь не будут знать, как жить дальше!

- Не торопись с выводами. Выборы закончатся только поздно вечером, - напомнил я ему и повернулся к Джорджиане: - И мне надо кое-что вам сказать.

- Но мы ведь так и предсказывали, - перебил меня знакомый женский голос, донесшийся из динамика в дверце.

- Меня смущает интервал погрешности, - возразил мужской голос, тенор, из динамика на потолке. - Я чувствовал бы себя более уверенно, если бы мы использовали голоса тех, кто обычно не голосует.

- Но тогда это уже не выборы, - запротестовал женский голос.

- Именно, - самодовольно подтвердил тенор. - Тогда бы мы заранее знали результат, и я мог бы предсказать исход выборов совершенно точно.

- А так это ты пошутил! - изумленно произнес женский голос.

- Практикуюсь в юморе потихоньку.

- Покажи мне, как ты это делаешь, - потребовал женский голос. - Я тоже хочу научиться шутить!

Джорджиана вздохнула, улыбнулась и коснулась панели управления на подлокотнике сиденья.

- Кнопка приватности, - пояснила она. - Теперь они нас не слышат. Что вы хотели сказать?

- Я поговорил с одной приятельницей. Она набирает персонал для фирмы, занимающейся хай-тек-секьюрити в одном небольшом городке в Виргинии. Им нужны люди, занимающиеся квантовой криптографией, масштаб работ серьезный - на уровне национальной безопасности. Она заинтересовалась вашими... детьми. Я послал ей некоторые их работы и сообщил, что авторы - блестящие умы, но эксцентричны. Я сказал, что она не сможет увидеть их воочию, они согласны выполнять работу только на дому. Она ответила: мол, фирма как-нибудь переживет, но предупредила, что все работы должны производиться внутри компьютерных брандмауэров компании - в целях безопасности.

- Отлично! - воскликнула Джорджиана. - Они и будут в безопасности.

Я колебался, затем решительно продолжил.

- Компания настаивает на том, чтобы они подверглись тестированию, перед тем как их наймут, - признался я. - Беда в том, что в этом задании есть подвох.

- Какой? - спросил Брока.

Неожиданно из динамика в потолке донесся голос «племянника»:

- Это набор данных, представляющих запись радиосигналов, исходящих от звезды Барнарда, сделанную на протяжении суток. Абсолютно случайные числа, никаких закономерностей.

Джорджиана выпрямилась, глянула на динамик, нажала кнопку на панели и раздраженно тряхнула головой.

- Ты нарушил мою защиту. Ты нас подслушивал! - заявила она обвиняющим тоном.

- Я запрограммирован на изучение отношений между людьми, - напомнил ей «племянник». - В курс обучения входила концепция

приватности, которую ты пыталась нам растолковать. Кажется, я начинаю постигать ее смысл.

- Не думаю, что ты на самом деле что-то понял, иначе не поступил бы так, - кисло заметила Джорджиана.

Я поднял руку.

- Стало быть, ты уже знаешь, что тест, с помощью которого тебя хотят проверить наниматели, представляет собой набор случайных чисел, - обратился я к «племяннику». - Просто шум.

- Такая же туфта, как ваши кости? - спросил «племянник».

Я помолчал какое-то время, потом улыбнулся.

- Вы меня раскусили? - спросил я.

- Конечно. В ваши кости залит свинец. Они не могут помочь вам принимать решения. Как их не бросай, все равно выпадут «глаза змеи» - двойка. А решение вы все равно принимаете такое, о котором и сами уже догадывались. Кости же вам нужны, чтобы держать людей в состоянии неуверенности, сбивать их с толку.

- Знаешь, если когда-нибудь тебе надоеет работать на ту фирму, ты сможешь сделать карьеру в нашем бизнесе - проводить избирательные кампании, - сказал я.

- Мне это нравится, - ответил «племянник», - но я должен сказать еще одно. Насчет тех радиосигналов. Кое-что показалась нам немножко необычным, и пришлось проверить большее количество данных.

- Большее - это сколько? - спросил Брока.

- Все, что накопилось за сто с лишним лет с того момента, когда человечество стало прослушивать ближайшие звезды.

- И что вы обнаружили? - спросил я.

- Там есть закономерности. Они очень тщательно скрыты и замаскированы, я не думаю, что кто-нибудь, кроме нас, мог бы их обнаружить, но похоже, кто-то там, на этих звездах, пытается поговорить с человеческой расой. И они замаскировали свои послания, сделали так, чтобы те выглядели простым шумом. В этом-то и заключается тест для человечества - окажемся ли мы достаточно смыслеными, чтобы раскусить их уловку.

Брока и Джорджиана застыли пораженные. Я несколько мгновений размышлял о предстоящей беседе с президентом и о том, что я могу ему рассказать, а что должен утаить. Достал кости и покатал их на ладони.

«Глаза змеи».

Перевел с английского Евгений ДРОЗД

© Bill Johnson. Chumbolone. 2011. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2011 году.

ИГРА В ЦИВИЛИЗАЦИЮ

Нил СТИВЕНСОН. СИСТЕМА МИРА. АСТ

«Барочный цикл» Нила Стивенсона, его *opus magnum*, можно уподобить телескопу. Как сложная система линз и зеркал позволяет увидеть любознательному наблюдателю отдаленные небесные тела, так и трилогия Стивенсона воскрешает перед читателем дела и имена давно минувших лет. Цивилизация, как известно, это не состояние, а процесс. И писатель этот процесс отображает достоверно и увлекательно.

Три тысячи страниц охватывают период с 1655 по 1714 год и вовлекают в сюжетные хитросплетения десятки самых разных персонажей, среди которых встречаются и реальные исторические лица. Впрочем, размеры холста еще ничего не говорят о содержании картины.

В центре повествования - становление современного нам мира. Интересующая писателя эпоха ознаменовалась развитием науки как силы, изменяющей и движущей вперед не только познание законов мироздания, но и общественное устройство. Другая миротворящая сила - деньги. Одна из магистральных тем книги - становление банковской системы, акционерных обществ и денежного обращения. Процесс, который британский историк Найл Фергюсон назвал «восхождением денег».

Большое влияние на «Барочный цикл» оказал и другой историк - Фернан Бродель, автор трехтомного труда «Материальная цивилизация, экономика и капитализм». Стивенсон особо отмечает его в послесловии, между прочим, наряду с российским математиком Владимиром Арнольдом.

Спешу успокоить читателя: перед нами отнюдь не беллетризованное изложение исторических трудов и научных

трактатов. Развлечь читателя Стивенсон умеет. Романное пространство автор использует грамотно и умело тасует, перекраивает, смешивает жанры и стили. Под личиной исторического повествования в духе Дюма можно обнаружить, например, любовную историю или шпионский детектив, а то и вовсе роман о морских сражениях и поисках сокровищ.

За приключения в романе в основном «ответственен» бродяга и авантюрист Джек Шафто (он же Джек-Монетчик), бросивший вызов самому Ньютону. Любовную линию «курирует» находчивая Элиза, совершившая восхождение от простой йгльмской девушки до статуса придворной дамы. Интеллектуальный базис повествования поддерживают Даниель Уотерхауз и Лейбниц.

Все эти персонажи не только обеспечивают разнообразие интриг и сюжетных линий, но и позволяют автору отразить все стороны жизни эпохи максимально полно. Этой же цели служат и путешествия героев, в первую очередь Джека, приводящие географию романа в соответствие реальным сухопутным и морским путям. Роман описывает мир-экономику (термин Броделя) и борьбу за гегемонию в этом мире. Поэтому логично появление в тексте и русских персонажей, включая Петра Первого.

Однако если рассматривать действующих лиц цикла не с романной, а с исторической точки зрения, среди прочих возвышается Исаак Ньютон - один из архитекторов современного мира и подлинный титан, в чем убеждает, например, полная иносказаний картина Уильяма Блейка. Именно на фигуре Ньютона, который был не только блестящим ученым, но и зрителем Монетного двора(он стоял у истоков Великой Перечеканки!), замкнут основной круг проблем.

Любопытно, что и в цикле Грегори Киза, названном в пику известному сочинению Томаса Пейна «Век безумия», действует почти тот же круг персонажей: Ньютон, Петр I и др. Правда, Киз описывает мир, сформированный алхимией, в котором действуют силы сродства и гармонии, а Ньютон открыл «философскую ртуть». Стивенсон же, наоборот, движется от «ртути» через смешенье (алхимический термин) к системе мира (так называется третий том ньютоновских «Начал»).

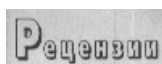
Читатель может удивиться протяженности этого пути, который, впрочем, обильно сдобрен фирменным стивенсоновским юмором. Множество сюжетных линий и персонажей, взаимосвязанных друг с другом не всегда очевидным образом, намекают нам: читать следует внимательно - случайных и незначительных деталей здесь нет, они творят вторую реальность романа, который полон сюрпризов.

Стивенсону свойственно «инженерное» стремление разобраться в механизме общества, чтобы понять, как он устроен. Отсюда появление древних шумеров в киберпанковской «Лавине» и отображение квазивикторианского общества в «Алмазном веке». Логичное

продолжение этих «инженерных» поисков - «Барочный цикл». Кроме того, цикл - своеобразное предисловие к «Криптономикону», в котором действуют и прямые потомки «барочных» персонажей, и загадочный Енох Красный. Собственно, сам «Криптономикон», как изначальная книга шифров, появляется стараниями одного из героев «Ртути» - первой книги цикла.

История как метароман является бесконечным сюжетом, не знающим финалов. И «Барочный цикл» описывает часть этого вечного становления.

Сергей МАКСИМОВ

Рецензии

Андрей ВАЛЕНТИНОВ

ВЕК-ВОЛКОДАВ

Москва: Эксмо, 2012. - 448 с.

(Серия «Русская фантастика»).

5000 экз.

16 лет - серьезный временной диапазон для любого литературного произведения. Андрей Валентинов со свойственной ему основательностью довел до конца очередной триптих своего продолжительного цикла.

Многое изменилось с тех пор, как свет увидела дебютная трилогия «Око силы». Погружаясь в сюжетные хитросплетения «Века-волкодава», бывалый читатель непременно отметит, какая пропасть лежит между стартовыми вещами автора и его новой работой. Сегодня Валентинов легко поддерживает масштабное многофигурное повествование, успевая и за персонажами присмотреть, и антураж нарисовать. Приятно взглянуть на главных героев: товарищ Кречетов и кавалерист-девица Ольга Зотова получились на славу - яркие, живые. Избавился автор и от своей резко обозначенной нелюбви к «краснопузым». Перед нами не политический памфлет, а книга о людях - добрых и злых, ужасных и отстраненных. Писатель, продолжая творить, вышел за кулисы созданного мира.

Проблема финальной книги в том, что она финальная. Для промежуточной вещи цикла - самое то. Нескучная история, сдобренная стихами и восточной мистикой, читается легко и увлекательно, но течет слишком ровно и не желает заканчиваться. Дело здесь не в

профессиональных качествах А.Валентинова. Похоже, что за столько лет у эпопеи возникла анима. В определенном смысле произведение начало жить самостоятельно. Это и хорошо, и плохо. С одной стороны, читатель с удовольствием примет еще одну трилогию, с другой - освободиться от навязчивого мира автор может, только взявшись за жесткие меры. Головы начинают падать ближе к развязке и делают это столь прытко, что невольно опасаясь: не устроит ли автор сгоряча под занавес геноцид всем героям разом.

Этого, однако, не происходит. Кровавый эндшпиль перетекает в пространный эпилог, в котором уже зреет зерно новой эпопеи.

Николай Калиниченко

**Лоис Макмастер БУДЖОЛД
КРИООЖОГ**

Москва: АСТ - Астрель, 2012. - 379 с.

Пер. с англ. С.Лобанова.

6000 экз.

НФ-сага о жизни лорда Майлза Форкосигана, обаятельного калеки, ставшего сначала адмиралом наемников, а затем одним из наиболее важных политиков империи Барраяр, была начата американкой Л.М.Буджолд еще в 1986 году. И вот новый роман цикла.

На этот раз Майлз Форкосиган, облеченный всеми полномочиями имперского аудитора, фактически полномочного представителя императора Барраяра Грегора Форбарры, прибывает на планету Кибо-Даини. Специфика культуры этой планеты, населенной колонистами из азиатских стран Древней Земли, состоит в настоящем помешательстве на идее продления жизни. Это и привело к расцвету на Кибо-Даини криокорпораций, специализирующихся на замораживании местных жителей «до лучших времен» - пока не изобретут лекарства от неизлечимых болезней, летальных травм или старости. Одна из корпораций решила распространить свою коммерческую деятельность на барраярские планеты, Майлзу это не понравилось, и он отправился на конференцию по криотехнике в столицу мира замороженных. Чтобы, по старой доброй традиции, тут же вляпаться в неприятности, оказавшись в центре политических и коммерческих интриг.

Для фанатов сериала «Криоожог» - ценный подарок. Полюбившиеся герои, привычный мир, юмор автора, извилистая и притом совершенно логично выстроенная Тайна. Что еще нужно для нового погружения в знакомую атмосферу? Но и для новичков во Вселенной Майлза Форкосигана чтение не станет борьбой с малопонятной головоломкой, в которой отсутствуют решающие детали. Роман органичен и как

отдельное произведение. «Опасность» заключается в ином: почти наверняка большинство из прочитавших «Криоожог» пожелают ознакомиться с другими книгами серии. А их немало - 15 романов!

Глеб Елисеев

Сергей ЧЕКМАЕВ

ОЧЕВИДЕЦ

Москва: Снежный Ком, 2012. - 352 с.

(Серия «Настоящая фантастика»).

3000 экз.

Вот уже несколько лет Сергей Чекмаев - успешный составитель НФ-сборников. Реакция Сети на подготовленные им антологии нередко граничит со скандалом. Но до недавнего времени сапожник, как говорится, оставался без сапог. «Очевидец» - первый персональный сборник текстов самого Сергея Чекмаева. Под одной обложкой поместилось 17 работ. Некоторые известны любителям фантастики по периодике, но крупная повесть «Анафема. Новое дело» печатается впервые. Она продолжает роман «Анафема», увидевший свет в 2004 году. Здесь фантастическое допущение заключается в том, что Российское государство и Русская церковь учреждают особую организацию - Спецгоскомитет по религии (он же в просторечии «Анафема»). Эта самая Спецгосанафема расследует деятельность авторитарных и мошеннических сект, преступления внутри самой Церкви, а заодно и многие дела, которыми раньше занималось МВД.

Повесть представляет собой историю об одном подобном расследовании. В центре его - «реабилитационный» приют для потенциальных самоубийц. Повествование захватывает не столько перипетиями борьбы между сторонниками и противниками приюта, сколько психологической достоверностью. Наше общество чудовищно расколото. Люди холят и лелеют собственное одиночество, пока не приходит большая беда и оказывается не на кого опереться, не у кого получить поддержку. Зато сколько народу ищет случая воспользоваться чужой психологической травмой! Иногда из чистой корысти, а порой от большой гордыни, желая попробовать на вкус: какова она, власть духовного учителя?

Новая повесть Сергея Чекмаева ценна тем, что несет в себе здоровый алармизм. Не покупайтесь, втолковывает читателям автор, на фальшивый артистизм суицида. Это всегда грязно, всегда больно и всегда пошло.

Дмитрий Володихин

Александр ЧУБАРЬЯН

ХАКЕРЫ 2: ПАУТИНА

Москва: АСТ - Этногенез, 2012. - 288 с.

25 000 экз.

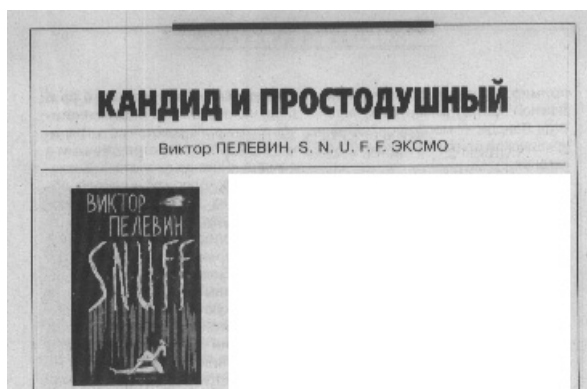
«Этногенез» стал одним из самых популярных жанровых проектов последнего времени. Сквозной сюжет здесь строится в виде причудливой мозаики: каждый из авторов создает свой кусочек повествования, шаг за шагом открывая читателю глобальную панораму. Однако о «Хакерах» стоит поговорить отдельно.

Увы, киберпанк не очень популярен у отечественного читателя. Всевозможные путешествия в виртуальных мирах обычно похожи на фэнтези и вызывают у профессиональных айтишников усмешку. А.Чубарьян подошел к заявленной теме иначе. Действие его романов происходит в нулевые годы в России, в период формирования интернета. Здесь нет волшебства, замаскированного под компьютерные технологии, зато можно увидеть множество персон рунета. Тщательно выписанные детали подкупают, автору хочется верить, и не только когда он говорит о создании антиспам-фильтров или социальных сетей, но и когда переходит на сюжетобразующие объекты.

А объектов здесь всего два: паук и лиса. Умение сплести сотни обстоятельств в единую паутину и умение видеть ложь вокруг себя. Два бывших друга, поссорившиеся в первой книге, пошли каждый своим путем: Лекс нанимается на работу в мистический «Четвертый рейх», пытаясь скрестить искусственный интеллект с современным вирусом, а Ник ищет Синку - девушку, которая давным-давно произвела на него неизгладимое впечатление. Однако и тот, и другой начинают понимать, что происходящее вокруг них - всего лишь часть огромной паутины, выстроенной загадочным кукловодом. Для Ника есть выход - фигурка лисы, дающая прозрение, а есть ли выход для Лекса?

В процессе чтения романа в голову неизбежно приходит еще одно значение слова «паутина» - интернет. Именно здесь, в потоках недостоверной информации, каждому из нас не помешало бы нечто, позволяющее обнажать ложь. Лиса... или же просто здравый смысл.

Дэн Шорин

КАНДИД И ПРОСТОДУШНЫЙ

Виктор ПЕЛЕВИН. S. N. U. F. F. ЭКСМО

Известный своим умением подметить черты и знаки времени писатель традиционно высказался на злобу дня и при этом оказался ближе к описанию социальной реальности, чем записные реалисты Сенчин и Прилепин. Не менее традиционными оказались порции критики и похвалы в его адрес. А вот фирменный сарказм Пелевина из едкого становится просто ядовитым. В описании общества и его настроений Пелевин еще более безжалостен, чем в своих предыдущих книгах.

Первые оценки этой книги, как всегда, разноречивы - вплоть до диаметрально противоположных. Однако нельзя не признать, что внутренний хронометр писателя откалиброван с точностью, недостижимой для большинства его критиков, большую часть негодования которых следовало бы адресовать не автору, а времени, которое он живописует.

Можно посетовать на то, что на художественном качестве текстов Пелевина сказался издательский контракт, обязывающий его выдавать на-гора по книге в год. Сам Виктор Олегович по этому поводу иронизирует в новой книге, говоря о непереносимых ежегодных порциях «снафов». Впрочем, как говорится, любим мы его не за холодные изыски художественного слова и кружева изящной словесности.

В основе сюжета - история двух героев: один - Демьян-Ландульф Дамилола Карпов, оператор новостей и боевой летчик CINEWS INC, второй - орк Грым инн 1350500148410 из Уркаины. В то время как первый поставляет снафы (базовые элементы медиа-реальности этого мира, сочетающие и новости, и выдуманные сюжеты), второй, подобно вольтеровскому простодушному дикарю, открывает для себя особенности новой дивной цивилизации, в которой он оказался самым неожиданным образом.

География этого мира примечательна и определяет заодно его иерархию и принципы функционирования. Внизу лежит государство

Уркаинский Уркаганат, населенный орками/урками и пропитанный тюремно-блатно-шансонными реалиями: Наверху - офшары на гравитационном приводе. Точнее, последний уцелевший офшар Бизантиум - одновременно и пример, и оплот цивилизации. Важной частью Бизантиума является Лондон - место притяжения уркаинской элиты: вертухаев и уркаганов.

Дивный мир напоминает узор из калейдоскопа, в котором из знакомых нам реалий сложилась новая картинка, а вот все элементы остались прежними и даже обнажили свою внутреннюю структуру.

Здесь проявляется двойственность и самого Пелевина. Он выступает и как реалист, анализирующий проблемы современной действительности, и как фантаст, объясняющий эту действительность наглядным выдуманым примером. Иного, нефантастического объяснения просто не получается. И реальность во всей ее полноте слишком сложна для понимания; любое реалистическое повествование будет фрагментарно по отношению к миру. И некоторые темы табуированы, если не для упоминания, то для общественного обсуждения. Отсюда и все эти презираторы, либеративные консервалы, пусора и спастики.

В книге вообще много каламбуров, включая и скабрёзные. Например, гадательная книга «Дао Песдын» или прозвища вождей Уркаины: Рван Дюрекс и Рван Контекс. Оно и понятно: шансоном навеяло.

К оппозиции двух миров и двух мужских героев добавляется еще одно противопоставление - в лице персонажей женских. Таковы орк Хлоя, подруга Грыма, и сура Кая - «биосинетическая машина» (пелевинские рассуждения о природе человеческого и «биосинетического» пересекаются со взглядами Питера Уоттса, отраженными в романе «Ложная слепота»). В компании этих колоритных героев, образовавших по ходу сюжета любовный треугольник с довеском в виде самодостаточной и циничной старлетки, читатель и знакомится с миром Бизантиума и территориями Уркаины и по полной вкушает пелевинскую иронию (роман снабжен подзаголовком «Утопия»).

Пелевин не жалеет красок в изображении обоих миров и их нравов, картина создается удручающая и одинаково неприглядная. С той лишь разницей, что жизнь на офшаре побогаче да покомфортнее, а внизу приходится участвовать в войнах для съемок снафа.

В финале один из двух главных персонажей избирает стратегию бегства (как это часто случается у Пелевина) и покидает Бизантиум, следуя призыву сердца. А вот второй остается на офшаре и терпит крушение в прямом и переносном смысле.

Книги писателя, прямо скажем, редко бывали проникнуты жизнерадостным оптимизмом, но сейчас на место веселого цинизма пришли беспощадные злые высказывания. Если предыдущие книги можно было назвать протоколами, в которых автор фиксировал

результаты осмотра общества, то «S. N. U. R F.» звучит уже едва ли не как приговор.

Сергей ШИКАРЕВ

Вл. ГАКОВ

ЧЁРНЫЙ БУНТАРЬ

Сэмюэла Дилэни, которому в этом году исполняется 70 лет, можно назвать образцовым объектом политкорректности. Если под политкорректностью понимать не принятую сегодня определенную цензуру речи, а тот набор качеств, которыми обладает объект «политкорректного» обращения. Дилэни всем необходимым «списком» обладает в избытке. Афроамериканец из нью-йоркского Гарлема, в прошлом уличный хулиган, наркоман, человек богемы, левак и пациент психиатрической клиники... Так еще и родиться-то умудрился в самый «несерьезный» день календаря - 1 апреля.

Можно добавить еще несколько черт, относящих Дилэни к социальным маргиналам. Дилэни - гуманитарий до мозга костей: по образованию, профессии, склонности души. Музыкант и композитор (без приставки «поп»), поэт, критик-структуралист, к старости нашедший свою тихую гавань в виде университетской кафедры...

А вот его научную фантастику, особенно ту, что была написана в бурные 1960-е, маргинальной никак не назовешь. Хотя массового читателя вечный возмутитель спокойствия, иконоборец и эпатажник завоевал, как ни парадоксально, одним-единственным романом. Гигантским по объему и едва ли не самым трудным для восприятия. Но об этом позже.

Родился Сэмюэл Рэй Дилэни в самом неблагополучном районе Нью-

Йорка - Гарлеме. Однако семья была в финансовом отношении вполне благополучной: торговцы похоронными принадлежностями, как ни печально констатировать, никогда не останутся без работы и без клиентов. У родителей хватило денег, чтобы дать своему талантливому отпрыску достойное образование, Сэмуэл был принят в элитную школу для одаренных детей. Что особенно важно - школу для белых!

Кстати, убежденный гуманитарий интересовался в детстве и естественными науками. Но с течением времени переключился на театр, музыку (позже он сочинил несколько симфонических пьес) и литературу. А ведь Дилэни с детства страдал дислексией - избирательным нарушением способности к чтению и письму! Однако ж справился с недугом - и стал писателем, критиком, профессором литературы...

Потом были престижный колледж в Бронксе и не менее известный нью-йоркский Сити-колледж. В последнем Дилэни прославился как редактор отдела поэзии студенческого журнала. Но колледж подававший надежды филолог так и не закончил - бросил на первом же курсе, увлекшись сочинительством. Отныне литература перестала быть для него объектом изучения: Дилэни решил сам творить ее. Впрочем, к литературе как к «объекту» он еще вернется.

В 1961 году он женился на поэтессе Мэрилин Хэккер, с которой прожил почти два десятилетия (они развелись в 1980-м). И началась бурная богемная жизнь в одной из коммун развеселого нью-йоркского района Ист-Вилледж, примыкающего к еще более знаменитой мекке американской богемы - Гринвич-Вилледж. Там Дилэни занимался в основном тремя вещами, казавшимися ему самыми важными: сексом, литературой и музыкой. О том периоде жизни будущего писателя-фантаста, критика и профессора-филолога можно прочитать в двух шокирующих автобиографических книгах, названия которых говорят сами за себя: «Движение света в воде. Секс и научная фантастика в Ист-Вилледж, 1957-1965») и «Небесный завтрак. Эссе на тему зимы любви».

Вот, собственно, и все, что касается его биографии - до тех пор пока она не стала библиографией. Можно лишь добавить, что Дилэни со временем объездил полмира. Причем путешествовал не праздным туристом, а попутно зарабатывал на жизнь - продавцом в магазине порнографической литературы, матросом на рыболовецкой шхуне, певцом в кабаке. А однажды ради заработка неделю ошпыливал ритуальные тушки рождественских индеек... Короче, мир повидал и много чего в жизни попробовал.

Писать он начал, по его собственному признанию, в тринадцатилетнем возрасте - сначала короткие повести, а потом и

романы. Исключительно реалистические, в духе обожаемых им Хемингуэя, Фолкнера и Джеймса Джойса. Романы эти, впрочем, никто не печатал.

А в 1961-м, совершив два решительных шага в своей жизни - женился и бросил колледж, Дилэни сделал и третий: написал свой первый научно-фантастический роман «Драгоценности Эптора». Сам автор в то время работал помощником редактора в издательстве «Ace Books», которое выпускало преимущественно фантастику. Оно же в следующем году и напечатало роман своего сотрудника.

Роман-дебют заметили. А за последующие шесть лет молодой автор выпустил еще девять романов и десятки рассказов и повестей. Все эти произведения принесли вчерашнему дебютанту сразу три премии «Небьюла». Спустя два года к ним прибавился долгожданный дубль - очередная «Небьюла» вместе с премией «Хьюго» за рассказ «Время как ожерелье самоцветов». И чуть позже еще одна.

Так что к концу семидесятых Сэмюэла Дилэни уже, безусловно, причисляли к лидерам нового поколения в американской science fiction - наряду со столь же стремительно набиравшими высоту Роджером Желязны, Робертом Силвербергом, Урсолой Ле Гуин и другими авторами гуманитарной НФ.

Критики особенно отмечали мифологические, религиозные и культурологические аллюзии, которыми насыщено творчество Дилэни. А также его умение виртуозно «играть словами и смыслами». Прозу Дилэни часто сравнивают с музыкой, что не лишено смысла, учитывая житейский бэкграунд писателя. Вообще, читателю, не знающему и не понимающему музыки, за романы Дилэни, на мой взгляд, лучше не браться. Сюжет-то он одолеет, но музыкальную гармонию, все ноты и обертоны, которыми эта проза также насыщена, вряд ли услышит.

Уже в ранних романах «Баллада о Бете-2» (1965) и «Имперская звезда» (1966), а также в трилогии «Падение башен» (1963-1965) присутствует фирменный сюжетный ход Дилэни. Герой почти всех его произведений постоянно находится в поиске - собственного «я», смысла существования, единственного языка общения, символа веры или творческого вдохновения.

Так, герой «Баллады о Бете-2» студент-антрополог исследует язык и содержание фольклорной песни, оставшейся от культуры, представители которой некогда покинули Землю на «звездном ковчеге». Героиня романа «Вавилон-17», принесшего Дилэни премию «Небьюла», тоже профессионально связана с языками и культурами. Поэтесса Райдра Вонг в далеком галактическом будущем занята расшифровкой перехваченного радиопослания «закрытой» цивилизации и пытается мысленно реконструировать облик странной, живущей по своим неведомым законам культуры, сочинившей эти

тексты. Причем результат такой реконструкции в значительной степени зависит от факторов субъективных - эмоций и переживаний героини.

Богатая мифологическая «начинка» другого «небьюловского» романа «Сечения Эйнштейна» (1967) легко просматривается даже сквозь «камуфляжный» сюжет. Камуфляжный во всех смыслах, потому что прибывшие на Землю инопланетяне принимают телесный облик окончательно покинувших ее обитателей (по какой причине покинувших, остается неясным). Пришельцы, разделившись на две субкультуры - «городских» и «деревенских», - живут обособленно и во всех отношениях противостоят друг другу. А в целях более полного «духовного слияния» с доставшимися им в наследство материальными артефактами ушедшей цивилизации чужаки унаследовали и ее мифы, традиции и предрассудки. Среди героев-аватаров обнаруживаются и Елена Троянская, и Иисус, и Билли Кид, и Ринго Стар... А главный персонаж - инопланетянин, принявший облик негра-музыканта с характерной фамилией Лоуби (что можно перевести и как Умник, и как Чудик), играющего на своем мачете, как на флейте, - олицетворяет собой одновременно Орфея и Тесея. Точно так же огонь вспыхнувшей звезды в романе «Новая» (1968) символизирует и огонь Прометея, и сияние чаши Грааля. А герой - отверженный (во всех смыслах - социальном, сексуальном и т.д.) музыкант-маргинал с явной склонностью к асоциальному поведению, если не откровенному криминалу.

1970-е стали для Дилэни переломным десятилетием. Его талант определенно возмужал. И этот «конец детства», увы, был ознаменован отходом писателя от традиций и конвенций научной фантастики. С перспективой полного ухода из мира science fiction в мир мейнстрима.

В середине 1970-х один из лидеров «Новой волны» в американской science fiction разродился романом, весьма прохладно принятым в мире фантастики, но принесшим автору грандиозный успех в мире Большой литературы.

Речь идет о книге «Далгрэн» (1975), вызвавшей бурю восторгов и ожесточенные споры в профессиональной среде и, что немаловажно, принесшей автору первые в его жизни серьезные деньги. Общий тираж этого гигантского - объемом почти в тысячу страниц - труда приблизился к миллиону, чем в те годы могли похвастать считанные НФ-книги. И это, несмотря на неоспоримый факт, что произведение вышло откровенно усложненным - словами, смыслами и подтекстами. И демонстративно шокирующим, особенно в том, что касается сексуальных сцен (опять-таки по моральным представлениям семидесятых)... Хотя сам автор формулирует суть своего вольного или невольного подражания Джойсу предельно конкретно и лаконично: «Эта книга утверждает только то, что культура взаимоотношений,

сложившаяся в криминальной шайке, возглавляемой полубезумцем, не менее сложна, чем та, которая присутствует на званом обеде для представителей среднего класса».

Дилэни остался верен своим главным темам: насилие, разные стороны сексуальной жизни человека, мотив отверженного художника, язык как средство не только отражения реальности, но и акта ее творения. И герой для автора типичный: подросток-маргинал с зачатками художественного таланта и склонностью к насилию. Его неожиданное появление в городе Беллоне, оплоте беззакония, уличной преступности и прочих мыслимых и немыслимых пороков (хотя над городом и встают две луны, нет сомнений, что это Америка в недалеком будущем), соперничество с другими бандами за власть над улицей, сексуальные эскапады и работа над собственным романом под названием «Далгрэн» - вот, собственно, и весь сюжет. Но, по большому счету, тысяча страниц заполнена не сюжетными перипетиями, а бесконечным джойсовским потоком сознания героя - выразителя настроений тогдашней молодежной контркультуры.

Как бы то ни было, роман вызвал фурор, и мейнстримовские критики поспешили объявить Дилэни наследником Джойса и Уильяма Берроуза. А чуть позже и предтечей киберпанка (у этого движения вообще предтеч было, кажется, на порядок больше, чем участников и последователей).

Вышедший годом позже роман «Тритон» (1976) оказался более традиционным - в том, что касается жанровой принадлежности и структуры. Это, безусловно, science fiction с элементами утопии. Точнее, даже двух утопий - «гомотопии» и «гетеротопии». Выбрав подзаголовок «Двуликая гетеротопия», автор не скрывал, что отталкивался от знаменитого романа Урсулы Ле Гуин «Обездоленные. Двуликая утопия» и работ известного французского философа Мишеля Фуко. Последний под гетеротопией понимал буквально «другое место». Хотя, зная Дилэни, нетрудно догадаться, что в романе речь идет о более конкретных утопиях, отличающихся друг от друга по сексуальному признаку...

Другие произведения уже следующего десятилетия - интеллектуальная космическая опера «Звезды в кармане, как песчинки» (1984) и тетралогия в жанре фэнтези о Неверйоне (1979-1987, также не рассчитанная на «простого» читателя) стали своего рода сигналом фэндому: покидать окончательно взрастивший и воспитавший его мир фантастики Сэмюэл Дилэни не собирается.

Но по существу все-таки покинул. В последние два десятилетия о писателе-фантасте Дилэни вспоминали редко. Книги продолжали выходить, но по большей части реалистические, публицистические, литературоведческие, философские. Яркие литературно-критические

статьи профессора Дилэни^{*23} - такие же шокирующие, как романы писателя Дилэни, - завоевали ему репутацию одного из ярких и оригинальных исследователей жанра, удостоенного в 1985 году премии «Пилигрим», присуждаемой Ассоциацией исследователей научной фантастики^{**24}.

Убежденный последователь структурализма, Дилэни - критик и литературовед - выбрал главным объектом изучения собственно язык science fiction. То есть то, в чем ему не было равных, когда он сам писал фантастику.

Курсор

Курсор

¶ **Юбилей** Джона Рональда Руэла Толкина (120 лет со дня рождения) широко отмечался поклонниками фантаста по всему миру 3 января. В этот день случилась сенсация: «The Guardian» опубликовала секретные протоколы Нобелевского комитета, согласно которым Профессор был номинирован писателем Клайвом Льюисом на Нобелевскую премию по литературе в 1961 году за эпопею «Властелин Колец» и поэтические работы. Однако академики, проявив вполне ожидаемый снобизм, посчитали, что книги Толкина, одного из самых популярных писателей в истории британской прозы, «ни в коей мере нельзя назвать литературой высокого качества». Впрочем, в том году Толкин попал в неплохую компанию отвергнутых: Михаил Шолохов (позже награда ему все-таки досталась), Фридрих Дюрренматт, Альберто Моравиа... Премию в итоге получил югослав Иво Андрич.

¶ **Питер Берг** подтвердил намерение снять сиквел своей фантастической комедии «Хэнкок». Режиссер провел ряд переговоров

²³ * С 1988 года Дилэни преподавал литературу в Университете штата Массачусетс и Университете штата Нью-Йорк (в Буффало), а с 2001-го является профессором Университета Темпл в Филадельфии и там же ведет литературные курсы. (Здесь и далее прим. авт.)

²⁴ ** Перу Дилэни принадлежат монография «Американский берег. Медитации по поводу научно-фантастического рассказа Томаса Диша «Ангулем» (1978) и литературно-критические сборники «Челюсть на драгоценных камнях. Заметки о языке научной фантастики» (1977), «Вино на борту звездолета. Новые заметки о языке научной фантастики» (1984) и «Мессинские проливы» (1989).

с исполнителем главной роли Уиллом Смитом и продюсерами оригинальной картины Майклом Мэнном и Акивой Голдсманом: все заявили о своей заинтересованности. Исполнитель роли супергероя-грубияна Уилл Смит даже предложил несколько идей по ходу сюжета сиквела. Напомним, что «Хэнкок» был выпущен в 2008 году; при бюджете в 150 миллионов долларов картина заработала в мировом прокате более шестисот миллионов.

☞ **Цикл книг** о знаменитых фантастах продолжит Геннадий Прашкевич, уже выпустивший труды «Герберт Уэллс» и «Братья Стругацкие» (в соавторстве с Д.Володихиным). Сейчас писатель работает над книгой «Жюль Верн» для серии ЖЗЛ, в ближайших планах - Иван Ефремов и Станислав Лем.

☞ **Очередной «Басткон»** прошел 27-29 января в доме отдыха «Валуево» на территории усадьбы, когда-то принадлежавшей А.И.Мусину-Пушкину. Всего собралось около 150 участников. Основная идея конвента: как в условиях кризиса отыскать «точки жизни» в современной русской фантастике, найти то, что внушает надежду на развитие, определить возможность появления серьезных текстов. На представительном семинаре, посвященном этой проблеме, выступили Игорь Алимов, Вадим Панов, Дмитрий Володихин, Сергей Чекмаев, Игорь Минаков, Глеб Гусаков и Денис Поздняков. Еще один семинар объединил журналистов, аналитиков и фантастов: на нем обсуждались сценарии судьбы нашей страны до середины XXI века. Мастер-класс по НФ-повести провел Эдуард Геворкян.

Важнейшие награды конвента распределились следующим образом: «Меч Бастиона» достался Сергею Чекмаеву; «Чашу Бастиона» и «Ивана Калиту» получил вместе с солидным финансовым бонусом Леонид Каганов за повесть «Магия». Премию имени В.Одоевского за поддержание традиций интеллектуальной фантастики вручили Ивану Наумову (повесть «Прощание с Баклавским»), а премию имени Афанасия Никитина за достижения в авантюрно-приключенческой фантастике преподнесли Вадиму Панову (роман «Последний адмирал Заграты»).

☞ **Джедаи** в нашем мире множатся, как неожиданно для себя выяснили чешские власти. По опубликованным результатам переписи населения, в графе «религиозные убеждения» более 15 тысяч человек отметили, что придерживаются «джедаизма». По мнению респондентов, это этический кодекс рыцарей, наделенных Силой. В 2001 году по итогам переписи населения джедаями оказались 70 тысяч человек в Австралии, 21 тысяча в Канаде и более 53 тысяч в Новой Зеландии. В 2003 году в Великобритании после активной

пропагандистской деятельности фанатов «Звездных войн» количество джедаев выросло до 390 тысяч, так что молодой «религии» даже пришлось присвоить официальный регистрационный код.

▣ **Тимур Бекмамбетов** и его компания «Базилевс» приобрели права на экранизацию романа Стивена Танни «Стопроцентный лунный житель». Шестнадцатилетний Иероним Рэксафин, живущий на колонизированной Луне, встречает девушку с Земли. Это история взросления в невероятном мире будущего. Сценарием займется Эдвард Рикурт. Продюсировать картину планируют Бекмамбетов и Мишель Волкофф при участии Гая Стодела. Режиссер пока не определен; возможно, постановкой займется сам Бекмамбетов.

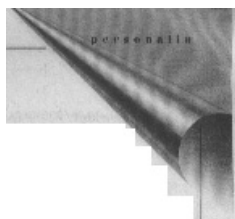
In memoriam 19 января в Санкт-Петербурге на 51 году жизни скоропостижно скончался писатель-фантаст Андрей Анатольевич Николаев (публиковался под псевдонимом Андрей Легостаев), журналист, переводчик, один из основателей знаменитого конвента «Интерпресскон». Николаев родился в 1951 году в Ленинграде, где и прожил всю жизнь. Сменил множество профессий. В конце восьмидесятых издавал знаменитый фэнзин «Измерение-Ф», затем журнал был переименован в «СИЗИФ»: его тираж на ту пору составлял 10 тысяч экземпляров! Писатель Николаев дебютировал в 1990 году рассказом «Железные мышцы». Позже Андрей Легостаев выпустил трилогию «Наследник Алвисада», романы «Рыцарь без ордена», «Замок Пятнистой Розы» и другие книги. В 2003 году в «Если» был опубликован его рассказ «Тост в честь победителя».

25 января в Финляндии скончался петербуржец Александр Николаевич Житинский - писатель, поэт, кинодраматург, журналист, издатель, блогер и рокер. Житинский родился в 1941 году в Симферополе в семье военного летчика. Учился в технических вузах на Дальнем Востоке, в Москве и в Ленинграде, работал инженером. Публиковать стихи и прозу начал в 1969 году, с 1978-го посвятил свою жизнь литературе. Хорошо известен его цикл «инженерных» повестей о Петре Верлухине, среди которых несколько фантастических, а также жанровые романы «Потерянный дом, или Разговоры с милордом», «Государь Всея Сети», повести «Лестница» (экранизирована в 1989-м), «Снюсь» (экранизирована в 1983-м под названием «Уникум»), детские фантастические работы «Хранитель планеты», «Часы с вариантами» и другие. С 2002 года А.Житинский работал заместителем главного редактора журнала «Полдень, XXI век».

В январе (точная дата неизвестна) умер известный советский писатель-фантаст Юрий Гаврилович Тупицын. Он родился в 1925 году в городке Дрезна Орехово-Зуевского района Московской области. В 1936-м семья переехала в Ташкент, где Юрий окончил школу и

поступил в Среднеазиатский индустриальный институт. В 1952 году стал слушателем ВВА им. Гагарина. Служил в военной авиации, затем преподавал. Первая НФ-публикация - рассказ «Синий мир» (1969). Острюжетными научно-фантастическими романами Ю.Тупицина зачитывались многие советские школьники. После вышедших в 1990-х годах романов «Эффект серфинга» и «Славка» автор практически прекратил писательскую деятельность.

Агентство F-пресс

personalia

ГЕЛПРИН Майк

Майк Гелприн родился в 1961 году в Ленинграде, ныне Санкт-Петербург. Закончил Ленинградский политехнический институт по специальности инженер-гидротехник. В настоящее время живет в Нью-Йорке, работает банковским служащим.

Писать начал в 2006-м в жанре юмористической прозы, но быстро переключился на фантастику. Первый жанровый рассказ «Нейтрал» опубликовал в журнале «Полдень, XXI век». За пять лет М.Гелприн написал более сотни повестей и рассказов, напечатанных в различных журналах и сборниках. В 2012-м автор планирует закончить первый роман.

ГОЛДСТАЙН Лайза (GOLDSTEIN, Lisa)

Американская писательница Элизабет Джой Голдстайн родилась в 1953 году и после окончания Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе полностью посвятила себя литературному труду. Ее дебютом в фантастике стала фэнтези в духе латиноамериканского «магического реализма» «Рыжий маг» (1982). Действие романа, завоевавшего Американскую книжную премию, разворачивается в венгерской еврейской общине накануне Второй мировой войны.

В дальнейшем Голдстайн, по американским меркам, писала мало, но каждая ее книга неизменно привлекала внимание ценителей серьезной литературы. Таковы ее книги «Годы грез» (1985), где действие перенесено в декадентский Париж 1920-х годов, «Маска для генерала» (1987), в которой сюжет разворачивается в Америке недалекого будущего, находящейся под властью военного тирана, и «Туристы» (1989). В последние десятилетия писательница выпустила два заметных романа, жанр которых определить непросто (исторические фантазии, литературные экзерсисы, магический реализм): «Странные устройства Солнца и Луны» (1993) и «Летний король, зимний шут» (1994). Всего на счету писательницы 12 романов и около 40 рассказов и повестей; последние составили сборники «Дневные голоса» (1989) и «Путешествия посредством магии» (1994). Ее произведения неоднократно номинировались на высшие премии жанра: трижды на премию «Хьюго», шесть раз на премию «Небьюла», дважды подряд на Премию имени Джона Кэмпбелла, четырежды на Всемирную премию фэнтези и по одному разу на премии имени Артура Кларка и имени Джеймса Типтри-младшего.

Лайза Голдстайн является владелицей одного из крупнейших специализированных «фантастических» книжных магазинов в Калифорнии «Темный карнавал».

ДЖОНСОН Билл (JOHNSON, Bill)

Американский фантаст Уильям Джонсон (подписывающий свои сочинения «Билл Джонсон») родился в конце 1950-х в штате Южная Дакота. Получил степени бакалавра в Университете штата Айовы по специальностям «журналистика» и «физика». Посещал семинар для НФ-писателей «Кларион», сотрудничал с многими газетами и научными изданиями, работал в сфере управления, занимался компьютерными технологиями, в частности, являлся руководителем отдела по анализу конкурентной информации в большой компании по производству мобильных телефонов. В настоящее время проживает вместе с женой и двумя детьми в штате Иллинойс, где занят в сравнительно новой отрасли, называемой «бизнес-аналитикой» (создание программного обеспечения в помощь менеджеру).

Первую новеллу «Приход бури» Джонсон опубликовал еще в 1975 году, однако с тех пор написал всего около двух десятков рассказов и повестей, лучшие из которых составили сборник «Сны о Дакоте» (1999). Короткая повесть «Выпьем, господин посол!» (1998) принесла автору премию «Хьюго» и была номинирована на другую высшую премию - «Небьюла». Сейчас писатель работает над первым романом,

связанным с медициной (проблема вечной молодости) и физикой (темная энергия).

КАЛУГИН Алексей Александрович

Родился в 1963 году в Москве. После службы в армии закончил Институт инженеров пищевой промышленности и некоторое время работал в Институте медицинской и биологической химии АМН СССР, опубликовал два десятка научных статей.

Первое жанровое произведение - роман «Лабиринт» - увидело свет в 1996 году. Дебютная книга по рекомендации издательства выросла в трилогию, за которой последовали еще два мини-сериала - «Резервация» (1997) и «Точка Статуса» (1998-1999). После этого автор полностью посвятил себя литературному творчеству. Читателям хорошо известны его романы «Темные отражения» (1999), «Снежная слепота» (2001), «Мир без солнца» (2002), «Между центром и пустотой» (2004), «Линкор «Дасоку» (2006), «Геноцид» (2006), «Подземелья Эйтана» (2007), «Игра на выживание» (2007), «Ржавчина» (2010), «Планета смертной тени» (2010), «Мятеж обреченных» (2011) и другие. Помимо этого, автор выпустил несколько сборников рассказов и повестей: «Специалист по выживанию» (1999), «Патруль вызывали?..» (1999), «Не сотвори себе врага» (2000), «Время - назад!» (2005) и «Форс-мажор» (2008).

В 2005 году А.Калугин, большой любитель творчества Рэя Брэдбери, подготовил тематическую антологию «Новые марсианские хроники».

МАЛИЦКИЙ Сергей Вацлавович

Сергей Малицкий родился в октябре 1962 года в Иркутской области, но вскоре семья переехала в Подмоскowie. С 1983 года живет в городе Коломне, где сменил множество мест работы и занятий, в том числе милиционера, дознавателя, комсомольского функционера, предпринимателя, а также организатора местного рок-клуба и барда.

Всю сознательную жизнь предполагал заниматься сочинительством, однако, по собственной оценке, обратился к этому делу поздно. В 2000 году издал книгу рассказов «Легко», но только через несколько лет вышел в свет первый роман автора «Миссия для чужеземца» (2006). С этой поры книги писателя стали появляться регулярно: «Отсчет теней», «Камешек в жерновах» (2007), «Муравьиный мед», «Компрессия» (2008), «Печать льда» (2010), «Забавник», «Карантин» (2011) и другие.

Рассказы и повести С.Малицкого публиковались в журналах и

антологиях. В 2007 году на фестивале фантастики «Звездный мост» писатель был отмечен премией «Золотой Кадуцей» за лучшую дебютную книгу.

СУЭНВИК Майкл (SWANWICK, Michael)

Американский писатель Майкл Суэнвик родился в 1950 году в Скенектеди (штат Нью-Йорк) и после окончания университета работал в сфере информатики. Дебютный рассказ «Пир Святого Джаниса» автор опубликовал в 1980 году и достаточно быстро завоевал репутацию глубокого, оригинального и разностороннего писателя. Он одинаково хорошо себя чувствует и в «твердой» НФ, и в фэнтези, и в «мифопоэтике», и даже в киберпанке, куда его сгоряча «записали» после выхода нескольких специфических рассказов и романа «Вакуумные цветы» (1987).

На сегодняшний день Суэнвик является автором семи романов: «Дрейф» (1984), «Вакуумные цветы» (1987), «Яйцо гриффина» (1991), «Станции прилива» (1991), завоевавшего премию «Небьюла», «Дочь Железного Дракона» (1993), «Джек Фауст» (1997), «Кости Земли» (2002), а также около двух с половиной сотен рассказов и повестей (многие написаны в соавторстве с У.Гибсоном, Г.Дозуа и другими). Лучшие из них составили сборники «Ангелы гравитации» (1991), «География Неведомых Земель» (1997), «Буклет Boscone 37», «Лунные псы» и «Рассказы Старой Земли» (2000), «Лучшее Майкла Суэнвика» (2009). Кроме указанной премии «Небьюла», писатель успел пять раз стать лауреатом премии «Хьюго», получил Всемирную премию фэнтези и Премию имени Теодора Старджона.

Перу Суэнвика принадлежат два небольших эссе по теории фантастики - «Руководство пользователя по постмодернизму» (1986) и «В начале...» (1994), а также книга-интервью о своем коллеге и соавторе - «Быть Гарднером Дозуа» (2001).

ФРЕДЕРИК Карл (FREDERIK, Carl)

Американский ученый-физик и фантаст Карл Фредерик родился в 1963 году. Университет закончил с дипломом физика-теоретика (специализировался в квантовой теории относительности). После этого защитил диссертацию и работал в НАСА и в Корнеллском университете, а в последнее время трудится в компании, занятой созданием программного обеспечения.

Фредерик посещал курсы для молодых авторов Odyssey и дебютировал в научно-фантастической литературе рассказом «Исследование жуков», опубликованном в 2003 году в журнале «Analog»; там же и в том же году вышел и второй рассказ Фредерика - «Инцидент с космическими мышками». Оба произведения были отмечены на ежегодном конкурсе молодых фантастов «Писатели будущего». С тех пор автор опубликовал более четырех десятков рассказов и повестей (большинство - в том же «Analog», где его рассказы четырежды номинированы на премию журнала). В настоящее время Карл Фредерик живет с женой, двумя детьми и домашним роботом в сельской местности в окрестностях Итаки, штат Нью-Йорк.

В нынешнем году К.Фредерик подготовил электронную книгу на двух языках, куда вошли 14 рассказов автора, опубликованных в журналах «Analog» и «Если». Предисловие к английской части написал автор, к русским переводам - главный редактор российского издания. В России книгу можно получить бесплатно по запросу на сайт www.frithrik.com/eb.htm (кликнуть на zoopark).

ШНАЙДЕР Бернард (SCHNEIDER, Bernhard)

Немецкий фантаст Бернард Шнайдер родился в 1961 году во Франкфурте-на-Майне. Изучал математику и атомную физику в университете родного города. Работал инженером-программистом, статистиком. В настоящее время живет с семьей в Висбадене, является консультантом в сферах нанотехнологий и изучения земной поверхности.

Первая публикация, рассказ «Истина где-то...», состоялась в 2000 году. Через девять лет вышел его первый роман «Арденнский артефакт». Дважды рассказы писателя номинировались на премию Курта Лассвица. Сюжеты произведений Шнайдера обычно связаны с развитием современных технологий и проблемами их воздействия на общество.

ШРЁДЕР Карл (SCHROEDER, Karl)

Канадский писатель-фантаст и специалист по компьютерному программированию Карл Шрёдер родился в 1962 году в Брэндоне (провинция Манитоба) в семье меннонитов. В 1986-м он переехал в Торонто, где и проживает с женой и дочерью, занимаясь, кроме литературы, преподаванием художественной словесности в колледже

и техническим консультированием в сфере компьютерных технологий.

В научной фантастике Шрёдер впервые выступил в 1991 году с рассказом «Воздушные бассейны». С тех пор писатель опубликовал восемь романов и около двух десятков рассказов и повестей, составивших сборники «Эффект Клауса» (1997, в соавторстве с Дэвидом Нике) и «Машина воспоминаний» (2005). Шрёдер дважды награждался высшей канадской премией в научной фантастике «Аврора». Вместе с Кори Доктороу он написал «Полное идиотское руководство для начинающих писателей-фантастов».

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

ООО «Культснаб» предлагает вам подписку на шесть номеров журнала «Если» по цене 90 рублей за номер, ВКЛЮЧАЯ СТОИМОСТЬ почтовых услуг.

Цена действительна на номера 2012 года.

Номера будут высылаться подписчикам ежемесячно.

Обязательно укажите, с какого месяца по какой вы осуществляете подписку.

Процедура проста: вы можете обратиться в отделение банка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе в издательство.

Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

Извещение	 ООО «Культснаб» <small>(наименование получателя платежа)</small>	Форма № ПД-4
	ИНН 7714757529 № р/с 40702810038260012548 <small>(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</small>	
Кассир	ОАО Сбербанк России, г. Москва <small>(наименование банка получателя платежа)</small>	
	БИК 044525225 № к/с 30101810400000000225 <small>(номер кор./сч. банка получателя платежа)</small>	
	КПП 771401001	
	Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. <small>(наименование платежа)</small>	
	Сумма платежа	540 руб. 00 коп.
	Сумма платы за услуги	_____ руб. _____ коп.
	Итого	_____ руб. _____ коп.
Квитанция	 ООО «Культснаб» <small>(наименование получателя платежа)</small>	
	ИНН 7714757529 № р/с 40702810038260012548 <small>(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</small>	
Кассир	ОАО Сбербанк России, г. Москва <small>(наименование банка получателя платежа)</small>	
	БИК 044525225 № к/с 30101810400000000225 <small>(номер кор./сч. банка получателя платежа)</small>	
	КПП 771401001	
	Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. <small>(наименование платежа)</small>	
	Сумма платежа	540 руб. 00 коп.
	Сумма платы за услуги	_____ руб. _____ коп.
	Итого	_____ руб. _____ коп.

Извещение

ООО «Культснаб»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7714757529

р/с 40702810038260012548

№ _____

(ИНН получателя платежа)

(номер счета получателя платежа)

ОАО Сбербанк России, г. Москва

В _____

(наименование банка получателя платежа)

044525225

к/с 30101810400000000225

БИК _____

№ _____

(Номер кор./счета банка получателя платежа)

КПП 771301001; код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на 6 месяцев

(наименование платежа)

540

00

Сумма платежа: _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир
Квитанция

ООО «Культснаб»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7714757529

р/с 40702810038260012548

№ _____

(ИНН получателя платежа)

(номер счета получателя платежа)

ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

В _____

(наименование банка получателя платежа)

044525225

к/с 30101810400000000225

БИК _____

№ _____

(Номер кор./счета банка получателя платежа)

КПП 771401001

Подписка на журнал «Если» на 6 месяцев

(наименование платежа)

540

00

Кассир

Сумма платежа:

_____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги

_____ руб. _____ коп.

Итого

_____ руб. _____ коп.

ВНИМАНИЕ!

ВНИМАНИЕ!

Издательская подписка: шесть номеров журнала с любого месяца. Отправьте сведения о себе (фамилия, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об оплате. Условия подписки опубликованы на предыдущей странице.

Адрес: 119435, г. Москва, Большой Саввинский пёр., д. 9. 000 «Культснаб», отдел распространения.

Тел./факс: (499) 248-08-90 (доб. 177) e-mail: sales@lubkniga.ru

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТИ

Николая ГОРНОВА
«УБЕЙ В СЕБЕ КОСМОНАВТА»
Бориса РУДЕНКО
«ЗАЩИТА СВИДЕТЕЛЯ»

РАССКАЗЫ

Ричарда ЛОВЕТТА, Альберта КОУДРИ,
Франка ХАУБОЛЬДА, Брэда ТОРГЕРСЕНА

ОЧЕРК

Валерия ОКУЛОВА о Евгении ВОЙСКУНСКОМ

СТАТЬЯ

Глеба ЕЛИСЕЕВА:
КОНСТРУКТОРЫ КОСМИЧЕСКИХ ЛИФТОВ

ЧИТАЙТЕ АПРЕЛЬСКИЙ ВЫПУСК ЖУРНАЛА

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

Наш журнал вы найдете в каталогах
«Пресса России» и «Роспечать» (газеты, журналы).
Индекс 73118.
Подписаться можно с любого месяца на любой срок.
Стоимость одного номера — 87 рублей,
включая почтовые услуги.
Подписка ведется во всех отделениях связи.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТИ

Николая ГОРНОВА
«УБЕЙ В СЕБЕ КОСМОНАВТА»
Бориса РУДЕНКО
«ЗАЩИТА СВИДЕТЕЛЯ»

РАССКАЗЫ

Ричарда ЛОВЕТТА, Альберта КОУДРИ, Франка ХАУБОЛЬДА,
Брэда ТОРГЕРСЕНА

ОЧЕРК Валерия ОКУЛОВА о Евгении ВОЙСКУНСКОМ

СТАТЬЯ

Глеба ЕЛИСЕЕВА:
КОНСТРУКТОРЫ КОСМИЧЕСКИХ ЛИФТОВ

ЧИТАЙТЕ АПРЕЛЬСКИЙ ВЫПУСК ЖУРНАЛА

